

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XVII

ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ

Ответственный составитель тома

Анти Куяла (Хельсинки)

Перевод с финского, шведского,
немецкого, английского

Модест Колеров

Москва 2015

УДК 947 (08)

ББК 63.3(2)

P89

P89 **Русский Сборник: исследования по истории России** \ Ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVII:
Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. 432 с.

Ответственный составитель тома Антти Куяла (Хельсинки). Перевод
с финского, шведского, немецкого, английского.

Электронная версия тома: <http://www.iarex.ru/books>.

ISBN 978-5-905040-14-6

УДК 947 (08)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-14-6

© Авторы статей, 2014

© А. Куяла. Составление тома, 2014

© Модест Колеров, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антти Куяла.</i> К читателю.....	7
<i>Антти Куяла.</i> Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года	9
<i>Ларс Эрикссон Вольке.</i> Ретроспектива российско-шведских военных взаимоотношений с 1771 по 1809 г.	56
<i>Юрки Пааскоски.</i> Жалованные земли на территории Старой Финляндии, 1710–1812	85
<i>Франк Неземанн.</i> От завоевания к автономии: Политические и государственно-правовые причины особого положения Финляндии в Российской империи	113
<i>Роберт Швейцер.</i> Консенсус в период между «нарушениями конституции»: российско-финляндские отношения от царствования Николая I до Февральского манифеста (1826–1899)	144
<i>Антти Куяла.</i> Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916)	198
<i>Елена Дубровская.</i> Российские военные в Финляндии в годы Первой мировой войны	213
<i>Тимо Вихавайнен.</i> Отношения Финляндии и России (Советского Союза), 1917–1944 гг.	231
<i>Ирина Такала.</i> Финны-иммигранты в России XX в.	272

<i>Антти Куяла.</i> Советские военнопленные в Финляндии и финские военнопленные в СССР во время советско-финской войны 1941–1944 гг.	312
<i>Тойво Флинк.</i> Домой в ссылку	320
<i>Антти Куяла.</i> Соседство Финляндии с Советским Союзом в 1944–1991 годах	350
<i>Маркку Куисма.</i> Экономические отношения России и Финляндии (1700–2000 гг.)	389
Сведения об авторах тома	430

К ЧИТАТЕЛЮ

Русский Сборник выпускает в свет том, посвященный историческим взаимоотношениям России (СССР) и Финляндии. Часть разделов формирует единую с точки зрения хронологии историческую линию, раскрытие которой углубляется и дополняется статьями по отдельным темам. Несмотря на то, что экономическое развитие последних 200 лет также включено в издание с присущим ему весом, том, который вы держите в руках, делает, прежде всего, упор на историю политических отношений.

В рамках исторических исследований невозможно избежать рассмотрения даже самых болезненных моментов. Бесполезно пытаться отрицать тот факт, что войны в истории наших стран часто играли центральную роль. Но также было бы совершенно неправильно говорить об общей истории России и Финляндии как о сплошном противостоянии. Финляндия более ста лет была частью Российской империи, и совместное пребывание в единых границах протекало хорошо, если не считать последних 18 лет (1899–1917). Финляндия и Россия имеют богатую общую культурную историю, которая открывает такие широкие темы, что для их полноценного рассмотрения требуется отдельное издание. Возможно, и оно когда-нибудь увидит свет. В финской культуре заложены западные принципы, не лишённые, тем не менее, восточных влияний. Культура отражает позицию Финляндии как страны, которая лежит на пересечении Запада и Востока, противоположность которых не следует преувеличивать, так как

общие европейские ценности относятся в полной мере и к русской культуре.

Уверен, что могу от имени всех авторов статей выразить благодарность редакции «Русского Сборника» за издание тома, посвященного отношениям Финляндии и России.

Антти Куяла

АНТТИ КУЯЛА

ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ КАК СТРАНЫ-СОСЕДИ С РАННИХ ЭПОХ ДО 1772 ГОДА

Ранние эпохи

Распространенная в первой половине XX в. финско-националистическая историография рассматривала историю Финляндии как неотвратимый путь к автономии и государственной независимости. Часто говорят о том, что историографам будто удалось подсмотреть провозглашение независимости 1917 г. и благодаря этому «отредактировать» историю в нужном направлении и предварить сам ход событий. Как многие считали, еще когда Финляндия была частью Швеции, местная аристократия смогла осуществить связанную с «восточным вопросом» национальную политику, как и позже во времена независимости в XX в. Эту национальную политику обычный народ в силу своих недалеконovidных классовых интересов не понимал и, следовательно, восставал против элиты (речь идет о XVI в.). В действительности же до XIX в. не существовало финской национальной идеи в ее современном представлении. Финляндию не противопоставляли Швеции, кроме как в географическом плане. Вера и принадлежность к одному сословию или подчинение одному и тому же королю сплачивали намного сильнее, чем язык.

Противоестественно также на основании более позднего развития считать средневековую Москву символом всей Руси и недооценивать значимость путей развития Новгорода и Литвы. Средневековая Русь состояла из множества земель, которые по-

мимо всего прочего подчинялись Золотой Орде. До конца XV в. не существовало такого территориального государства, как Русь или Россия. Торговые связи Новгорода, самого большого города Балтийского региона, с Западом были оживленными, и городское вече и назначаемые им должностные лица регулировали власть княжества. Три скандинавских державы — Дания, Норвегия и Швеция — в XII в. были еще слабо скрепленными государственными образованиями, созданными на основе сетей знати. Управленческие государственные структуры, а также территориальные государства родились лишь к концу Средневековья.

Первые жители пришли в Финляндию через Карельский перешеек с нынешних прибалтийских, белорусских и украинских земель в конце Ледникового периода. На состав населения влияли также выходцы с Дальнего Востока (которые в течение долгого времени приходили в эти земли через Сибирь) и говорившие на индоевропейских языках жители, которые начали переселяться к западному и южному побережью с конца Каменного — начала Бронзового века (потомки этих переселенцев с запада позднее смешались с местным населением и стали говорить на том языке, из которого впоследствии образовался финский). Речь всегда шла о довольно немногочисленных группах переселенцев. Поначалу в Финляндии говорили на тех языках, память о которых сохранилась впоследствии, пожалуй, главным образом в топонимах. Финно-угорский язык пришел сюда из России либо вместе с переселенцами, либо посредством торгового или культурного влияния. Финно-угорские языки скорее всего были своего рода лингва франка в Северной России и на северо-востоке Балтийского моря. «Колыбель» финно-угорских или уральских языков могла быть расположена по обе стороны от Уральских гор. Западные и восточные финны генетически родственны, но из-за географической изолированности имеют между собой больше различий, чем можно было бы подумать. На протяжении многих сотен и тысяч лет индоевропейские языки влияли не только на грамматический строй финского, но и на его лексику так, что довольно большая часть всего словарного запаса финского языка имеет индоевропейские корни (в первую очередь германские, балтийские и славянские; существует также пласт древних индоевропейских заимствований).

В конце первого тысячелетия н. э. и в начале следующего немногочисленное население Финляндии так же, как и жители Эстонии и Латвии, отставало в плане развития общественной организации от своих восточных и западных соседей и поэтому

подвергалось с их стороны военной и торговой экспансии и религиозному подавлению. Шведский король и римско-католическая церковь получили власть над западными финскими племенами в XIII в. Частично вопрос был решен военными силами, частично — мирным подчинением. Общество по обе стороны Ботнического залива состояло преимущественно из крестьян. Между шведской элитой и финским народом не пролегло, однако, той пропасти, которая существовала позднее между немецкой знатью и эстонским и латышским народом в Прибалтике.

С помощью нескольких военных походов шведы стремились получить контроль над устьем Невы, но Новгороду удавалось сохранить свою власть над торговыми путями, уходящими через Волхов, Неву и Нарву в Балтийское море. Петр I и Сталин впоследствии восславили Александра Невского как своего предшественника и победителя в борьбе с иностранными захватчиками (успех в Невской битве в 1240 г. и победа над немецкими рыцарями в Ледовом побоище в 1242 г.). Однако «всенародный герой» Александр Невский в свое время был вынужден признать превосходящие силы татаро-монголов и найти способы сотрудничать с ними. В 1293 г. шведы основали Выборгскую крепость. Русские отряды в свою очередь осуществили несколько попыток военных походов в финские земли. Так жители Финляндии и Карелии поочередно совершали набеги на своих соседей с целью наживы.

В 1323 г. Новгород и Швеция заключили Ореховецкий мирный договор (русское название острова — Ореховецкий остров и крепость Орешек, фин. Пяхкинъясаари и Пяхкинъялинна, швед. Нотеборг). Четкая южная граница пролегла сквозь Карельский перешеек к озеру Сайма так, что Выборг и западная часть перешейка (Выборгская Карелия) отошли Швеции, а восточные территории перешейка, город Корела (фин. Кякисалми, швед. Кексгольм, ныне Приозерск) и Корельский уезд — Новгороду. Мирный договор, распространивший свое влияние от бассейна Саймы на северо-запад к Ботническому заливу и на север к Белому морю, называл лишь несколько конкретных пограничных пунктов, точное местонахождение которых частично неясно. О расположении границ и намерениях составителей договора нет единого мнения. Ясно только, что у тех, кто составлял мирный договор, было смутное представление о северных областях. Эти земли пустовали и лишь отчасти были заселены саамами, промышленными рыбной ловлей и охотой, и редкими земледельцами, выходцами из Западной Финляндии и Карелии. Согласно наиболее правдоподобной теории, эти земли назначили своего рода

областью общего пользования, так что для Новгорода и его подданных западная граница заканчивалась у Ботнического залива, а восточная граница для Швеции — у Белого моря. Главной целью мирного договора было обеспечить безопасность торговли в восточной части Финского залива.

Представления о вечном и неразрешимом противостоянии восточной и западной культуры и религии лучше полностью отбросить в сторону. Скандинавская наемная дружина и купцы создали на обитаемых восточными славянами и финно-угорскими племенами территориях те центры государственности, из которых и сформировалась средневековая Русь. В финском языке для обозначения Швеции и шведов используется слово *ruotsi*, которое имеет те же этимологические корни, что и слово *Русь*. Правившая Русью знать происходила из скандинавов, хотя затем быстро ассимилировалась к славянской среде. Еще в XI–XII вв. отношения между семействами правящих лиц Скандинавии и Руси были довольно тесными. Влияние греко-православной веры чувствовалось и в Швеции (в городе Сигтуна и на острове Готланд, чьи жители вели торговлю с Русью), и в Финляндии, которая заимствовала у славян наиболее древние слова, относящиеся к христианству, такие как *risti* «крест», *pappi* «священник, поп», *Raamattu* «Библия». Противопоставление Римской и православной церкви возникло лишь в XIII в.; то же самое касается и противостояния Швеции и Новгорода.

Новгород подчинил себе карельские земли в области Корелы в 1278 г., куда православная церковь и начала распространять свое влияние. В 1330-е гг. карелы бунтовали уже не в первый раз, поэтому Швеция и Новгород пришли к решению о том, что ни одна из сторон не предоставит убежища бунтующим. Шведская экспансия в направлении восточных областей Финского залива закончилась лишь в середине XIV в. Характер этого насаждения господства был довольно воинственным, однако имел под собой религиозную и торгово-экономическую подоплеку (шведы стремились заполучить еще больше подданных и, следовательно, увеличить налоговые сборы). Шведский король Магнус Эрикссон захватил в 1348 г. крепость Орешек, но уже в следующем году Новгород отвоевал ее обратно. Магнусу пришлось, в конце концов, отказаться от первоначальных замыслов нового нападения. На рубеже 1350-х гг. в Европу пришла эпидемия чумы, и вызванная ею высокая смертность стала причиной того, что шведская экспансия в восточном направлении начала ослабевать. Помимо этого «черная смерть» остановила переселение шведских кре-

стьян на прибрежные финские территории. И сейчас побережье Финляндии населяют шведоязычные земледельцы, а шведский является вторым государственным языком Финляндии.

В XIII–XV вв. торговлю в Балтийском море контролировала группа немецкоязычных купцов, именовавшаяся Ганза (*Hansa*), которая была крайне озабочена безопасностью перемещения товаров по морским торговым путям. Самая восточная контора Ганзы располагалась в Новгороде, ключевом городе Древней Руси.¹

В XV — начале XVI в. Швеция периодически входила в состав унии трех Скандинавских стран и время от времени пыталась выйти и выходила из-под власти правившего унией датского короля. С середины XIV в. Финляндия была равноценной частью шведского государства. Эта область носила шведское название Эстерланд (фин. Итямаа, лат. *partes orientales*, «Восточная земля»), так как название Финляндия относилось к землям, центром которых был город Турку (Або; до начала XX в., когда речь шла о финских городах, в русском языке было принято употреблять их русифицированные шведские названия). Не позже чем в XVI в. оформились финские границы в их современном виде, хотя область Эстерботнии не всегда считалась частью Финляндии. Согласно традиционным представлениям, население провинции Саво (также Саволакс), располагавшейся к западу от границ Ореховецкого мира, возросло в XV в. и только увеличивалось в следующем столетии. Переселенцы из Саво проникли позже

¹ Большую часть обширных исследований на эту тему здесь не представляется возможным привести. Общее представление об истории отношений между Швецией и Русью, которые затрагивают и Финляндию: Aleksander Kan. Sverige och Ryssland: Ett 1200-årigt förhållande. Stockholm, 1996. S. 21–41, 150–152, 173–175. Также общие сведения: История Швеции. / Ред. колл. Кан А. С. и др. М., 1974. О завоевании Финляндии, шведской экспансии на восток и политических сетях скандинавской знати см. Dick Harrison. Sveriges historia 600–1350. Stockholm, 2009. S. 216–226, 444–452. Ореховецкий мир 1323 г.: John Lind. Om Nødeborgsfreden og dens grænser // Historisk Tidsskrift för Finland. 70, 1985, 3. S. 305–336. Швеция, Новгород и Выборгская и Корельская Карелия: Jukka Korpela. Viipurin linnaläänin synty: Viipurin läänin historia. II. Jyväskylä, 2004. Об истории русской Карелии: Heikki Kirkinen. Karjala idän kulttuuripiirisä: Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963; и книга того же автора: Karjala idän ja lännen välissä. I. Historiallisia tutkimuksia 80. Helsinki, 1970; Очерки истории Карелии. Т. I / Под ред. В. Н. Вернадского и др. Петрозаводск, 1957. Упомянем также и немного устаревший источник: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

и на русские территории, преодолев границы мирного договора. В последнее время бытует мнение, что местные жители уже давно населяли эти территории, но наверняка о них стало известно лишь тогда, когда Швеция начала собирать с них налоги и, следовательно, вносить их имена в окладные книги. Этот факт вполне имеет место, однако едва ли можно отрицать всеобъемлющий характер подсечно-огневой культуры, распространенной среди жителей провинции Саво. По мере продвижения в восточные и северные финские земли все чаще встречалось не посевное земледелие (полеводство), а подсечно-огневое. Так как такой вид земледелия создавал условия урожайности всего на несколько лет, крестьянам приходилось постоянно перемещаться с места на место, пусть и каждому по его собственной земле. Разница между восточной и западной финскими культурами, которую можно наблюдать и по сей день, во многом происходит из-за разных традиций ведения хозяйства. Влияние шведской и русской культур также сыграло свою роль в этих различиях.

В 1470-х гг. шведы построили на месте нынешнего финского города Савонлинна крепость Нейшлот, сначала из дерева, затем из камня. Русские считали, что крепость основали по их сторону границы. Православная церковь в свою очередь основала на рубеже XIV–XV вв. Коневский и Валаамский монастыри на островах в Ладожском озере. К тому времени жители тех областей были или ярмы язычниками, или еще не успели полностью отойти от языческой веры. С усилением значимости земель как политических центров и с ростом плотности населения в приграничных землях связаны те грабительские походы, которые местные жители предпринимали в соседние области. Такой всенародный способ ведения войны бытовал в северных областях Ладоги вплоть до XVIII в.

Московский великий князь Иван III в 1478 г. завоевал Новгород. Все те новгородские органы управления, которые напоминали своей организацией европейскую систему власти, были упразднены. Русские княжества объединились под властью московского правителя. В 1492 г. на противоположном от Нарвы берегу Иван III заложил крепость Ивангород. Закрыв представительство Ганзы в Новгороде, русский князь нажил врага в лице Ливонского рыцарского ордена, а подчинив себе все остальные русские княжества, восстановил против себя и Литву. Москве, тем не менее, хватало сил и энтузиазма, чтобы вести войну еще и против Швеции в 1495–1497 гг. Дания заключила до этого союз с Москвой и всячески подстрекала ее потребовать

от Швеции вернуть в силу границы Ореховецкого мира и тем самым запугать шведского регента. Попытка русских захватить окруженный крепостными стенами город Выборг в конце 1495 г. провалилась. Следующей зимой они предприняли поход далеко на юг Финляндии и в Эстерботнию, а летом того же года шведы опустошили Ивангород. Боевые действия между двумя странами прекратились в 1497 г. Совсем как Магнус Эрикссон в середине XIV в., шведы и в этот раз хотели преподнести войну как крестовый поход. В подтверждение они даже добыли папскую буллу. Очевидно, в то же самое время шведы изготовили подделку Ореховецкого мирного договора, в которой попытались передвинуть настоящие границы чуть восточнее недавно заселенных спорных областей.²

Война против Ивана III в финской историографии иногда преувеличенно именуется как «Большая русская вражда» (фин. *suuri venäläisviha*). Таким именем хотели сопоставить эту войну с оккупацией Финляндии в 1713–1721 гг., *Великим лихолетьем* (фин. *isoviha* «великая вражда»), и подкрепить представление о русских как о заклятом враге. Вплоть до начала XVIII в. Россия не могла вступить в полноценную войну со Швецией, так как постоянно пребывала в конфликте либо с Польшей, либо с Турцией, либо с южными кочевниками.

Начало Нового времени

Выходец из шведских дворян Густав Эрикссон Ваза всколыхнул бунт против господства Дании в начале 1520-х гг. и свергнул власть датского короля в Швеции. В 1523 г. Ваза стал именоваться королем Густавом I. Чтобы рассчитаться с взятым у Любека долгом, новый король передал большую часть имущества и доходов католической церкви в казну и начал Реформацию. Лютеранское учение завоевало господствующее положение в шведском государстве. Лютеранская вера предполагала богослужение на местном языке. Микаэль Агрикола, ставший епископом Турку

² Военные походы Магнуса Эрикссона и Ивана III: Dick Harrison & Bo Eriksson. *Sveriges historia 1350–1600*. Stockholm, 2010. S. 15–21, 190–198; Lars-Olof Larsson. *Kalmarunionens tid: Från Margareta till Kristian II*. Stockholm, 2006. S. 355–362. Обзор истории России: Nicholas V. Riasanovsky. *A History of Russia*. 4th edition. New York & London, 1984. О событиях XIV–XV вв. также: Kan. Op. cit. S. 40–44 и Korpela. Op. cit. passim.

(Або) уже в конце своего жизненного пути, издал в 1543 г. азбуку на финском языке, а в 1548 г. выпустил финский перевод Нового Завета. Агриколу по праву считают основателем финского литературного языка. Предположительно, и во времена католической веры существовала финноязычная духовная литература, однако никаких письменных источников не сохранилось. Как ни странно, наиболее старый текст, написанный на родственном финскому языке, — запечатленное в новгородской берестяной грамоте заклинание, датированное XIII или XIV веком.³

С того момента, как Новгород попал под власть Москвы в 1470–1480-х гг., русская сторона требовала и в конце концов добилась того, чтобы в мирных договорах, заключенных после продолжительных конфликтов, говорилось, что границы в них были определены согласно Ореховецкому мирному договору. В то время уже считалось ясным делом, что в древнем мирном договоре была четко определена линия границ также по ее северной части; шведам, однако, удалось отложить установление границ на неопределенный срок. В 1533 г. правителем Московского государства стал Иван IV, вместо которого из-за его малолетнего возраста пока правил регент. По привычкам того времени мир между правителями нужно было продлевать, когда правитель в одном из государств менялся. Густав Ваза приказал своим подчиненным объявить русским, что мирный договор исчез, так как полагал, что у русских нет своего экземпляра. В этом случае граница пролегла бы согласно тогдашним поселениям, то есть не в пользу русской стороны. Московские власти, тем не менее, отыскали шведоязычную версию договора в Новгородском архиве и предъявили ее шведам на переговорах в 1537 г. Несмотря на это, мирный договор продлили, а прокладку границ перенесли на десять лет и назначили на 1547 г. Разорительные походы крестьян, живущих по разные стороны границы, друг против друга, все же случались в приграничных землях, как и прежде. На Карельском перешейке, например, боролись за небольшой участок земли, который так и назвали Спорной землей (фин. Рийтамаа).

Ни Густав Ваза, ни Москва не хотели войны, но из-за разногласий вокруг Спорной земли, других расхождений во мнении о границах и стычек между населением двух государств, в 1555 г. не удалось избежать новой войны. Королевские отряды и местные крестьяне победили весной того года превосходившего силами противника в небольшой схватке на перешейке

³ Берестяная грамота: Korpela. Op. cit. s. 162.

(на шведской территории). Это прибавило шведам храбрости, и уже летом они осадили Орешек, но попытку захвата русские все же отбили. Москва посчитала этот выпад объявлением войны. Приближающийся к своему 60-летию Густав Ваза прибыл осенью в Выборг для подготовки отражения русских атак, но зимовать отправился в Турку. Он догадывался о том, что военная подготовка шведов находится в скверном положении, а враг представляет большую угрозу. В январе 1556 г. русские выступили большим войском на Карельский перешеек. Русские отряды, однако, удовлетворились разорением сельских поселений, не посягнув на завоевание Выборга. Захват нищих финских территорий вовсе не интересовал Ивана IV. Шведский король обвинял в поражении всех, кроме себя: финскую знать — за ненадлежащую подготовку, крестьян — за самовольные военные вылазки и непослушание. Король настолько опасался русских, что в марте перебрался из Турку на Аландские острова, хотя русские к тому времени уже отозвали свои отряды за пределы вражеских границ.

Густав Ваза пытался завоевать расположение Ивана IV, предложив объединить силы против турок, врагов России и всего христианского мира. Он же ранее подстрекал татар вторгнуться в русские владения. Главным камнем преткновения на пути к заключению мирного договора было то, что, как считал заносчивый Иван Грозный, низкий по происхождению Густав Ваза, вззошедший на престол в результате выборов, должен был провести переговоры о мире с новгородским наместником. В 1557 г. стороны все же заключили договор на 40 лет, а через два года условились провести официальные границы. Договор обсудили и поставили печать в Москве, а новгородского наместника Иван уполномочил поставить подпись — так обеим сторонам удалось сохранить лицо. На обратном пути из Москвы епископ Микаэль Агрикола скончался от болезни.⁴

Установление границ по Ореховецкому мирному договору и раздел незаселенных территорий оказались вытеснены более важными вопросами, так как организационные структуры Ливон-

⁴ Heikki Kirkinen. Karjala taisteluenttänä: Karjala idän ja lännen välissä. II. Hist. Tutk. 99. Helsinki, 1976. S. 44–105; Kimmo Katajala. Viipurin Karjala rajamaakuntana: Viipurin läänin historia 1534–1617 // Suomenlahdelta Laatokalle: Viipurin läänin historia. III. Lappeenranta, 2010. S. 113–138, 160; Harrison & Eriksson. Op. cit. S. 345–349; John Lind. Omkring de svensk-russiske forhandlingar 1537, 1339-traktaten og Nødeborgsfreden // Historisk Tidskrift för Finland. 70, 1985, 1. S. 1–22.

ского ордена постепенно распадались, и страны-соседи, в числе которых была Россия, Речь Посполитая, Швеция и Дания, готовились извлечь из этого максимальную выгоду и хорошо поживиться. Иван Грозный начал войну, захватив в 1558 г. Нарву и Дерпт (нын. Тарту). Поначалу в планы русских отрядов входило обширное разрушение. Кроме обычного денежного вознаграждения воинам разрешали грабить местное население. Целью такого разорения было также не позволить врагу использовать ресурсы завоеванных земель и сами земли для нанесения ответного удара. Таллинские и эстляндские объединения знати попросили убежища у Швеции в 1561 г. и присягнули на верность королю Эрику XIV. Эрик надеялся сохранить хорошие отношения с Россией, хотя его стремление управлять обеими частями Финского залива и контролировать русскую торговлю находилось в противоречии с интересами Москвы. До этого Густав Ваза назначил младшего брата Эрика Юхана герцогом Финляндским, чтобы предоставить Москве подходящего человека для переговоров с навязываемым шведам новгородским наместником — сам король не желал унижаться до переговоров с вассалом. Юхан женился на сестре польского короля Катерине Ягеллонке, к которой тщетно сватался в свое время Иван Грозный. После того как Эрик заключил под тюремную стражу своего младшего брата, Иван IV потребовал отдать ему Катерину. Иван Грозный был к тому времени уже женат, но его целью было отомстить за полученный когда-то отказ и, кроме того, использовать Катерину как заложницу для шантажа против Польши.

Юхан отстранил брата от трона и стал шведским королем в 1569 г. В следующем году Швеция и Россия вступили в новую войну. В 1571–1573 гг. между двумя правителями и соперниками в сватовстве велась яростная словесная полемика. В письме к Юхану III Иван Грозный утверждал, что по отцу Юхан происходил из некой деревни в шведской провинции Смоланд. Он также говорил в письме, что взаимодействовать с королевством, о котором до Густава Вазы в России и не слышали, может лишь находящийся в подчинении у царя Новгород. В своем ответном письме Юхан настаивал на дворянском происхождении рода Вазы и называл Ивана безбожным обманщиком и тираном. К тому же шведский король писал, что если бы не знал наверняка, то подумал бы, что отец Ивана Грозного происходил не из великих князей, а был монахом или скитальцем, так как, судя по стилю письма, Иван вырос в крестьянской или бродяжнической среде.

В 1581 г. Юхан III добавил к своему королевскому титулу звание Великого князя Финляндского. Финляндия, однако, не приобрела

с этим титулом никакого особого положения в составе Швеции. Уже в 1575 г. между уполномоченными двух правителей Юхана и Ивана был заключен промежуточный мир, поэтому Финляндии не было надобности противопоставить Новгороду на переговорах, чтобы шведскому королю не пришлось общаться с новгородским наместником. Главной целью создания Великого княжества Финляндского было повысить статус и значимость Швеции на внешнеполитической арене. Когда в 1809 г. Финляндия присоединилась к России, высшее бывшее среди титулов шведского короля звание, Великий князь Финляндский, определило то, что Финляндия стала Великим княжеством, которое теперь подчинялось России. Стоит отметить, что титул шведского короля был значительно урезан еще в 1720 г., когда из него было, в том числе, изъято звание Великого князя Финляндского.

Сил у русских не хватало ни на бои со Швецией и Польским королевством, ни на борьбу с татарами. Многонаселенная и более зажиточная, чем Швеция, Польша была главным врагом, с которым шла борьба за владение ливонскими и литовскими землями. Война шла с перерывами, но в конце концов в 1580 г. шведы завоевали Корелу (швед. Кексгольм), а в следующем году — Нарву и западную часть Ижорской земли. Во время захвата Нарвы шведы уничтожили 4 тысячи русских солдат и городских жителей. Шведские методы ведения войны были такими же жестокими, как и методы русских. С одной стороны, иная вера, культура и обычаи, а с другой — тактика сжигания поселений дотла, которой, по указке Ивана III и его внука Ивана IV, со всей строгостью придерживалось русское войско в Прибалтике, породили сначала в среде прибалтийских немцев, а затем и среди шведов представление о русских как о надменном, варварском, безнравственном и ненадежном народе. Это мнение о русских, навязанное пропагандой, бытовало в Европе и в более поздние эпохи.

В 1582 г. во время действия временного мирного договора Россия была вынуждена признать Польшу властительницей Лифляндии (современная Южная Эстония и Северная Латвия). В следующем году Москва заключила перемирие со шведами на три года. Нарва, центральная часть Ингерманландии (Ижорской земли) и Кексгольмский лен (Корельский уезд) остались во владении Швеции. Затем перемирие продлили до 1590 г. Война между Швецией и Россией велась не только в Прибалтике и Ингерманландии, но затрагивала и финские и карельские земли, находившиеся по обе стороны от границ Ореховецкого мира. В этой войне в беспощадных разорениях и грабежах наряду

с солдатами участвовали и обычные крестьяне, которые подчас учиняли собственные акты возмездия. Помимо этого, в 1570 г. опричники, члены созданного царем чрезвычайного органа управления, сожгли дома в погосте Кирьяж (фин. Куркийоки) и убили царских верноподданных. Иван Грозный умер в 1584 г., так и не став повелителем Лифляндии. По мнению русско-шведского исследователя Александра Кана, поражение русских было вызвано дипломатической неосведомленностью Ивана Грозного, его стремлением вести войну на нескольких фронтах и его болезненной манией величия. Отметим также, что недугом под названием «мания величия» страдали и многие шведские правители.

Изменились маршруты торговых путей и инициатива в купеческом деле, а также поменялись активные «деятели» торговли. В Балтийское море пришли голландцы, дабы оспорить германское торговое господство, шедшее на спад. В 1550-х гг. англичане открыли прямой торговый маршрут в Россию через Белое море, которому не могли угрожать шведы. Намерения Юхана контролировать торговый путь в Северном Ледовитом океане, за неимением необходимых военных и экономических ресурсов, были утопическими. Русские с большей охотой направляли свои товары в Белое море и в Ригу, находившуюся в руках поляков, а не в принадлежавшие шведам Нарву, Таллин или Выборг. Представления о том, что Эрик и Юхан руководствовались сознательным стремлением закрепить за Швецией статус великой державы и установить господство на Балтийском море (*dominium maris Baltici*), основываются уже на выводах, полученных при анализе более поздних событий.⁵

Сын Юхана III Сигизмунд был избран польским королем в 1587 г. Сын Ивана IV, царь Федор был одним из двух претендентов на польский престол, которые не были избраны. В 1590 г. Россия снова вступила в войну против Швеции, практически завоевав Нарву. Чтобы спасти город, комендант осмелился самовольно объявить перемирие. Город остался в руках шведов,

⁵ Kirkinen. Karjala taistelukenttä. S. 105–149; Katajala. Viipurin Karjala raja-
maakuntana. s. 139–184; Ruslan G. Skrynnikov. Ivan the Terrible. Gulf Breeze,
FL, 1981. Pp. 49–57, 131–133, 177–179, 183–193; Kan. Op. cit. S. 47–53,
153–154; Lars-Olof Larsson. Arvet efter Gustav Vasa: En berättelse om fyra
kungar och ett rike. Stockholm, 2005. S. 61–76, 199–219; Torbjörn Eng. Det
svenska väldet: Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till
Bernadotte. Studia Historica Upsalensia 201. Stockholm, 2001. S. 118–150;
Kari Tarkiainen. Se vanha vainooja: Käsitukset itäisestä naapurista Iivana Jul-
masta Pietari Suureen. Hist. Tutk. 132. Helsinki, 1986.

но крепости Ивангород и Копорье в Западной Ингерманландии отдали русским. Позднее шведы осуществили пару военных походов в окрестности Новгорода. В 1593 г. стороны заключили перемирие и по прошествии двух лет подписали Тязвинский мир, согласно которому Швеция смогла сохранить в своем владении всю Эстонию вплоть до Нарвы. В ответ шведы согласились отдать Кексгольм и прилегающий к нему лен русским. Ингерманландия к тому времени уже принадлежала царю. Договор наложил также некоторые ограничения на торговлю русских через Финский залив. Под давлением шведской стороны границу между принадлежавшей шведам Финляндией и Корельским уездом (у шведов Кексгольмский лен) провели чуть восточнее границ Ореховецкого мира. К северу от Корельского уезда граница по большей части проходила там, где и теперь располагается финско-русская граница. С самого севера новая граница проходила через озеро Инари к Варангер-фьорду, или Варяжскому заливу, в Баренцевом море. Россия не утвердила Тязвинского мира, но, тем не менее, его условия соблюдались.

После смерти Юхана III в конце 1592 г. Сигизмунда короновали на шведский престол. В последующие годы в Швеции шла междоусобная война между католиком Сигизмундом и младшим братом Юхана Карлом. В 1599 г. Сигизмунд потерял шведскую корону, и его дядя вступил на шведский престол в 1603–1604 гг. Финские наместники и знать поддерживали Сигизмунда, пока Карл не подавил местное сопротивление на рубеже веков. Карл был так же беспощаден к своим противникам, как и Иван Грозный, но в отличие от него приказал казнить лишь знатных врагов, отказавшись от создания органа массового террора, каковым являлась опричнина. Наместника короля в Финляндии Акселя Столарма помиловали прямо на месте казни. Позднее он шутил, что его казненные друзья, не встретив его на небесах, должно быть, решили, что он попал в ад.

В финско-националистической историографии первой половины XX в. было принято превозносить уничтоженную Карлом финскую знать и называть ее представителей выразителями национальных интересов и сторонниками дальновидной восточной политики, тогда как речь шла лишь о жертвах династических распрей за право власти. Высокие налоги, размещение солдат в так называемых крепостных лагерях, бывших на содержании крестьян, и подстрекательство самого Карла вызвали крестьянское восстание против наместника и знати, которое было жестоко подавлено. Подавление восстания финских крестьян достигло

масштабов массового террора. Сторонники уже упоминавшегося течения историографии все же рассматривали Дубинную войну 1596–1597 гг. как показатель того, что утомленный войной и «недалновидный» народ не понимал политики финской знати, направленной против России, и не осознавал всей значимости обороны восточных границ. Многосторонняя политическая история конца XVI в., проходя сквозь призму взгляда современника начала XX в., приобретала характер «восточного вопроса». В основе подобного толкования лежали недавно приобретенная Финляндией независимость и связанный с этим обстоятельством страх перед Страной советов.

Сигизмунд, Карл и финляндский наместник сохраняли Кексгольмскую крепость от выдачи русским вплоть до 1597 г. Шведский король Карл IX в период своего правления воевал главным образом с Польшей и Данией, но по большей части неудачно. Из намерения Карла и его соратников завладеть Архангельским торговым путем и расширить влияние вплоть до Северного Ледовитого океана за счет датчан и русских ничего не вышло. Россия попыталась воспользоваться распрей между Сигизмундом и Карлом и настроить Польшу и Швецию друг против друга. Однако в конце XVI — первые годы XVII в. в России началось Смутное время, в результате которого государство стало пешкой в руках Польши и Швеции.

Швеция пообещала в 1609 г. направить войско на помощь Василию Шуйскому, чтобы усмирить других претендентов на престол. Россия признала Тявзинский мирный договор и пообещала отдать шведам Корельский уезд и Корельскую крепость в случае оказания помощи Василию Шуйскому. Вспомогательный отряд, состоявший преимущественно из финских солдат и наемных военных из Европы, дошел до Новгорода и затем уже вместе с русскими солдатами — до Москвы. Поход, тем не менее, не увенчался успехом, так как солдаты взбунтовались из-за задержки выплаты жалования, и в результате поляки победили шведов и их русских союзников. Вмешательство Польши во внутренние дела России было даже более бесцеремонным, чем шведские влияния. Так, сын Сигизмунда Владислав, который приходился правнуком Густаву Вазе, был даже некоторое время русским царем. В 1613 г. сословно-представительский Земский собор все же избрал русским царем Михаила Романова.

Шведы намеревались получить причитающееся им любой ценой. В 1610 г. они захватили большую часть Корельского уезда и осадили Корельскую крепость, которая следующей весной капи-

тулировала. Крепости, находившиеся в ингерманландских землях, также оказались в руках Швеции. В 1611 г. шведские войска завладели Новгородом. Это подтвердило превосходство шведского короля, поэтому было самое время избрать шведского принца Великим князем, однако в 1611 г. король Карл IX скончался. Его старшего сына Густава Адольфа, которому было всего 17 лет, провозгласили новым королем. Мать Густава Адольфа, вдова усопшего короля, не хотела, чтобы ее второго младшего сына, 10-летнего Карла Филиппа, отправляли править беспокойной Россией. Поначалу король Густав II Адольф собирался сам стать русским царем и создать так называемую персональную унию между Швецией и Россией, но затем ослушался мнения матери и подумал о младшем брате как о лучшей кандидатуре на роль русского царя. Швеция так долго оттягивала принятие решения и отъезд Карла Филиппа в Россию, что бывшая у шведов возможность буквально ускользнула из их рук. Но власть над Северной Россией интересовала Швецию больше, чем сам русский престол.

Русско-шведская война 1570–1595 гг. знакома в Финляндии под названием *Долгой вражды* (фин. «*Pitkä viha*»). У этого имени более прочная фактическая основа, чем у названия *Большая русская вражда*, которое было распространено во времена самого Ивана III, если принимать в расчет тот факт, что жертвами войны стали в том числе и жители вражеских русских земель. Шведские военные отряды и финские крестьяне совершали разрушительные грабительские набеги вплоть до Онежского озера, побережья Белого моря и поселений Печенги и Кола. Те же походы продолжились и в 1610-х гг. К тому же во время завоевания Швецией Корельского уезда в тех землях началась опустошительная партизанская война против захватчиков. Партизаны не особенно отличались своим поведением от лесных разбойников. Помимо этого в 1612–1615 гг. с несколькими военными походами в карельский Олонец, земли за Онежским озером и Архангельск выступили польско-литовские татары. Русские и карелы, бывшие подданными России, в свою очередь держали в страхе и опустошали грабительскими набегами принадлежавшую шведам область Карельского перешейка, побережье финской области Нюланд (северное побережье Финского залива до Хельсинки), а также область Саво (Саволакс) и Северную Эстерботнию.⁶

⁶ Kirkinen. Karjala taistelukenttäinä. S. 150–284; Katajala. Viipurin Karjala rajamaakuntana. s. 184–214; Mirkka Lappalainen. Susimessu: 1590-luvun

За период 25-летней войны в Выборгском лене было уничтожено почти 25 процентов всех крестьянских хозяйств, по той же самой причине уменьшилось население области. Размеры потерь были еще более ужасающими в Эстонии, Ингерманландии и Корельском уезде. За 25 лет более трети или даже почти половина всего эстонского населения погибла, 88 процентов населенных территорий Корельского уезда были в 1590 г. опустошены, да и в Ингерманландии положение было не намного лучше. Поляки и шведы уничтожили Россию, а междоусобная война еще глубже погрузила страну в хаос. Причина разорения крестьянских хозяйств крылась еще и в неурожайных годах и высоких военных налогах. Методы ведения войны русскими на вражеских землях почти ничем не отличались от поведения соперников, разве что тем, что русские и состоявшие у них на службе казаки и татары брали в плен мирных жителей (в том числе женщин и детей) и уводили их с собой в Россию, чтобы продать их в рабство или в услужение богатым господам. Рабство было в ту пору типичным явлением в России и еще более распространенным делом в среде татар.

В результате военных действий города, уезды и их население перешли от одного правителя к другому на высшем государственном уровне. Для простого народа война означала лишь выжженные деревни и сгубленные жизни. Восточная Финляндия, русская Карелия, Ингерманландия и Эстония подверглись беспощадному уничтожению в конце XVI — начале XVII в.⁷

Великодержавное время 1617–1700 гг.

По Столбовскому мирному договору (1617) Россия отдала Швеции Ингерманландию и Корельский уезд, который с этих пор

sisällissota Ruotsissa ja Suomessa. Helsinki, 2009; Larsson. Arvet efter Gustav Vasa. S. 279–299, 336–439; Ruslan G. Skrynnikov. The Time of Troubles: Russia in Crisis 1604–1618. Gulf Breeze, FL, 1988; Kan. Op. cit. S. 53–62. Карл Филипп как претендент на царский престол: Sverker Oredsson. Gustav II Adolf. Stockholm, 2007. S. 56–57.

⁷ Anssi Mäkinen. Viipurin läänin asutus sotien jaloissa // Suomenlahdelta Laatokalle: Viipurin läänin historia. III. S. 217–238; Книга того же автора: Linnaleirit ja vainovalkeat: Viipurin läänin asutus kaksikymmentäviisivuotisen sodan (1570–1595) jaloissa. Bibliotheca historica 73. Helsinki, 2002. Рабство на Руси: Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. III. Сочинения в девяти томах. Т. III. М., 1988. С. 153 и след.; Richard Hellie. Slavery in Russia 1450–1725. Chicago & London, 1982.

стал называться Кексгольмским леном. Москва была вынуждена согласиться на это, чтобы в обмен получить ранее захваченный шведами Новгород. Посредником мира выступил представитель английского короля, так как Англии было важно, чтобы в руки шведов не попали торговые пути в Северном Ледовитом океане. Этот мирный договор изолировал Россию от Финского залива, все побережье которого попало во власть шведов. На шведских территориях русские были обязаны вести торговлю со шведскими подданными, которые были их неотъемлемыми посредниками в международной торговле.⁸

Начиная с периода правления Густава II Адольфа (1611–1632), Швеция стала североευропейской великой державой. Ее особый статус во многом основывался на слабости окружающих ее Дании, Польши и России. Запасы меди и железа, эффективное использование ресурсов страны (высокое налогообложение) и прекрасные правители, в особенности Аксель Оксеншерн и молодые энергичные полководцы, постепенно превратили бедную малонаселенную северную страну в господствующее государство балтийского региона. В 1629 г. Польша уступила Швеции Лифляндию. В результате 30-летней войны с 1648 г. шведский монарх управлял некоторыми из северогерманских областей. В 1645 и 1658 гг. Дания была вынуждена отказаться от некоторых своих уездов и областей в пользу Швеции. Таким образом, нынешние южные области Швеции перешли к ней от Дании. Завоеванные территории, различные по своим правам и обязанностям, присоединились к ядру государства, формируемому Швецией и Финляндией. Ни у одной из новых территорий, тем не менее, не было права отправлять своего представителя в шведский риксдаг, и их, в отличие от центральных областей (Швеции и Финляндии), не касался военный призыв (рекрутская повинность). Завоеванные территории также находились за пределами шведско-финской таможенной области. Бывшие датские земли все-таки стали полностью интегрированной частью Швеции.

Швеция была уникальной европейской страной в том отношении, что наряду с дворянством, духовенством и горожанами она давала право выдвигать своих представителей в риксдаг и крестьянам. Правительство использовало риксдаг, чтобы заполучить согласие представителей разных сословий на введение новых

⁸ Sverges traktater med främmande magter. V: 1. Stockholm, 1903. S. 242–269 (Столбовский мирный договор); Katajala. Viipurin Karjala rajamaakuntana. S. 214–216.

налогов и поборов. Крестьяне мало влияли на законодательство и налогообложение, но они извлекали собственную пользу из участия в риксдаге, доводя различные ходатайства до сведения государя. Крепостное право так и не укоренилось ни в Швеции, ни в Финляндии,⁹ в отличие от Эстонии и Лифляндии, куда крепостное право пришло в XVII в.

В бывших русских землях Ингерманландии и Кексгольмского лена соблюдалось шведское законодательство и юридическая практика, в отличие от Эстонии и Лифляндии, где было собственное, контролируемое дворянскими объединениями законодательство. Шведское городское законодательство не соблюдалось ни в эстонских, ни в ливонских крупных городах, подобных Таллину и Риге. Через несколько десятилетий в 1642 г. Ингерманландия и входивший в ее состав Кексгольмский лен образовали единую губернию. Генерал-губернатор был достаточно уважаемым государственным человеком, который мог на равных общаться с новгородским и псковскими воеводами и польскими властями. В Ингерманландии проходили собственные сословные соборы, представителями на которых могли выступать только знатные владельцы дарственных земель (прибывшие из шведских и германских земель, а также русские бояре) или их наместники. Правительство также совещалось о новых налогах и оброках с ингерманландскими городами. Местных крестьян правители считали настолько незначительными и ничтожными, что не было даже устойчивых форм ведения переговоров с представителями из крестьянства. В этом отношении Ингерманландия напоминала Эстонию и Лифляндию. Швеция не позволяла «привязывать» крестьян к земле, и, тем не менее, их положение было хуже, чем положение крестьян в Швеции и Финляндии.¹⁰

В XVI–XVII вв. чрезвычайно важное место занимала религия. Вера, культура и сословная принадлежность, а также подданство определяли идентичность более, чем язык или национальность. Современного понятия о национальности и вовсе не существовало. Новые жители Ингерманландии и Кексгольмского лена, исповедовавшие православие, были для лютеранской Швеции

⁹ См.: Nils Erik Villstrand. Sveriges historia 1600–1721. Stockholm, 2011.

¹⁰ Antti Kujala. Viipurin Karjala, Käkisalmen lääni ja Inkerinmaa Ruotsin suurvaltakaudella 1617–1710 // Suomenlahdelta Laatokalle: Viipurin läänin historia. III. S. 348–350. Помимо этого моя статья: Det svenska riket och dess undersåtar i Ingermanland och i Kexholms län på 1600-talet (1617–1658) // Historisk Tidskrift för Finland. 96, 2011, 2. S. 132–136. Об Эстонии и Лифляндии см.: Seppo Zetterberg. Viron historia. Helsinki, 2007. S. 182–216.

большой проблемой, и их считали «пятой колонной» русских. Столбовский мирный договор не гарантировал православным свободу вероисповедания, но, тем не менее, Швеция полагала, что бывшие русские подданные ее получили. Насильственное крещение не входило в число методов шведской короны. В 1617 г. этнически русским жителям Ивангорода в качестве привилегии пожаловали свободу вероисповедания, которая, несмотря на официальное постановление, соблюдалась в городе хуже, чем в отношении родственных финнам крестьян-ижорцев и племени водь в Ингерманландии и карел в Кексгольмском лене.

Король Густав II Адольф запретил православным приходам Ингерманландии и Кексгольмского лена брать на место скончавшегося или переехавшего в другой приход священника того, кто принял сан в России. Король не имел цели лишить православных в тех областях своих собственных священников, а лишь хотел воспрепятствовать тому, чтобы местное духовенство имело какие-либо связи с русским соседом. Вопрос, таким образом, касался не религии, а политики. В 1625 г. Густав II Адольф пообещал, что православные получат собственного митрополита, который будет вступать сан в Константинополе. Митрополит венчал новых священников. Ни русские жители Ивангорода, ни карелы из Кексгольмского лена не проявили особого энтузиазма к милостивому предложению короля, так как не хотели обрывать всех связей с русской церковью. В то же время и король, и сами православные понимали, что это был первый шаг на пути к лютеранству.

В 1630 г. шведский король посетовал на то, что в Кексгольмском лене все еще оставалось 17 православных священников и 48 церквей (то есть 31 церковь без своего священника) и всего 6 лютеранских пасторов и 8 церквей. Лютеранские приходы следовало основывать в каждом погосте, а православных священников заменять лютеранскими, но без принуждения. Король с помощью основания лютеранских церквей намеревался склонить православное население к господствующей в Швеции религии. В 1635 г. правительство постановило, что православные жители Кексгольмского лена должны участвовать в постройке лютеранских церквей в каждом погосте вместе с финскими переселенцами-лютеранами. По крайней мере, в нескольких областях местные власти пытались принудить православное население к венчанию или к крещению их детей по лютеранским канонам.

В 1637–1640 гг. генерал-губернатор Финляндии и обеих частей Карелии (входящего в состав Финляндии Выборгского лена

и Кексгольмского лена) Пер Браге немного смягчил религиозную политику и назначил православным священникам денежное вознаграждение за проповедничество лютеранского катехизиса, но размер этого вознаграждения был все же меньше, чем у лютеранских пасторов. Пер Браге пытался создать своего рода вторую государственную церковь, которая посредством финского языка и лютеранских молитв могла бы обратить молодое православное поколение в лютеранскую веру. Православные священники, поддерживавшие линию Браге, получали гонорары за проповеди вплоть до конца 1640-х гг. Однако взошедшая на шведский престол в 1644 г. королева Кристина начала щедро раздавать дворянам дарственные земельные наделы, в том числе большие графства и владения баронов, в Кексгольмском лене, с которых они могли удерживать большую часть причитавшихся королевской казне налогов. Поэтому с сокращением дохода от налогов шведская корона прекратила выплачивать православным священникам вознаграждение за чтение молитв.

Кексгольмский лен входил в Выборгскую лютеранскую епархию, но, начиная с 1641 г., в Ингерманландии была введена должность суперинтенданта, соответствовавшая должности епископа. Нетерпимый и властолюбивый суперинтендант Генрих Шталиус активно вмешивался в назначение священников в православные церкви Ивангорода. Русские жители Ивангорода полагали, что он всеми способами стремился искоренить православное вероисповедание, что, несмотря на некоторое преувеличение, было недалеко от истины. В наказание за выраженное недовольство в 1646 г. жителей Ивангорода переправили через реку в город Нарву и подчинили местному городскому управлению, которое подвергло их всеческой дискриминации и унижению. В вероисповедании были также свои ограничения. В 1642–1651 гг. православное население Ингерманландии было вынуждено платить лютеранским пасторам за обряды крещения, венчания и отпевания, хотя осуществляли их не лютеранские, а православные священники. Православные крестьяне из родственных финнам народов не протестовали так сильно, как это делали местные русские горожане. Крестьяне, занимавшиеся подсеčno-огневым земледелием, отреагировали на возникшие трудности, покинув свои земли.

Уровень налогообложения среди крестьян Ингерманландии и Кексгольмского лена до начала 1630-х гг. подняли до размеров налогов Швеции и Финляндии. Густав II Адольф и вовсе увеличил налоги до такого уровня, чтобы крестьянам не оставалось ничего, кроме минимальных средств к существованию. Причиной

повышения налогов послужили шведские войны против Польши в 1620-х гг. и последовавшая затем так называемая 30-летняя война Германии (1618–1648), к которой Швеция присоединилась в 1630 г. Было естественным то, что возвращение к нормальной жизни (возобновленное использование участков для земледелия) в Ингерманландии и Кексгольмском лене отразилось и на уровне налогов. Мысль о том, что жителей завоеванных земель стоило обложить умеренными налогами, была чужда Швеции. В шведском государстве не могло быть других «нахлебников», кроме освобожденной от земельного налога знати. Однако налоги другого рода настигли шведское дворянство уже в XVII столетии.

Низкие температуры и другие аномальные погодные явления маленького Ледникового периода достигли своего максимального значения в XVII в. 1630–1640-х гг. были ознаменованы несколькими неурожайными годами. Религиозное притеснение и жестокие налоги стали причиной переселения православных из Ингерманландии и Кексгольмского лена в Россию в 1620-х гг., а повторявшиеся неурожаи лишь усилили этот процесс. В то время границы охранялись довольно слабо, поэтому у шведов не было средств, чтобы сдерживать поток православных беженцев, не говоря уже о его прекращении. Православные крестьяне, жившие в ингерманландских и кексгольмских областях, практиковали частично подсечно-огневое земледелие, поэтому они были привычны к кочевой жизни и не были привязаны к возделываемым полям. Единственным, что им нужно было взять с собой, была их семья, небогатое движимое имущество и скот.

Русские дворяне и монастыри уговаривали православных из Швеции переехать в русские земли и обещали временно освободить их от выплаты налогов. Ранее переехавшие в Россию также советовали родственникам последовать их примеру. Из-за постоянного переселения туда-обратно информация хорошо распространялась за пределы границы.

Согласно Столбовскому мирному договору, стороны не имели права переманивать в свои земли подданных друг друга. Перебежавших через границу изменников, убийц и воров необходимо было возвращать в то государство, чьими подданными они являлись. Отношения между Швецией и Россией в первые годы после заключения Столбовского мира были относительно неплохими. Россия согласилась в свое время выдать Швеции перебежчиков с семьями, как, например, и произошло в 1636 г. Возвращение перебежчиков было, однако, скорее символическим актом, так как касалось сотен людей, тогда как переселялись из Швеции

в Россию тысячами. В 1649 г. Россия согласилась выплатить Швеции компенсацию за тех перебежчиков, которые переехали в русские земли до 1 сентября 1647 г., чтобы таким образом им не нужно было возвращаться обратно в Швецию. Тех же, кто выехал из шведских земель после этой даты, следовало вернуть под власть соседей. Так, Россия примирила Швецию, которая после завершившего 30-летнюю войну Вестфальского мира (1648 г.) потенциально была готова ввязаться в новую войну хотя бы и против своего восточного соседа.¹¹

На практике Россия задерживала у себя большую часть переселенцев и не прекращала их бессовестную агитацию. С помощью показных выдач перебежчиков шведов хотели просто-напросто задобрить. Из Речи Посполитой, почти 40 процентов населения которой составляли исповедовавшие православие белорусы и украинцы, шло переселение в Россию, целью которого было избежать жестокого крепостничества и религиозного притеснения. Перебежчикам, переселившимся в русские земли до войны 1656–1658 гг., принципиально не разрешалось селиться вблизи границы, чтобы шведы не могли получить от них какие-либо данные и не потребовали вернуться. Большая часть беженцев осела на монастырских землях, а меньшинство православных перебежчиков обосновались на территориях, принадлежавших знати. Крепостное право в России окончательно закрепилось в 1649 г. Крестьяне, пребывавшие под властью царя или частного помещика и взявшие долг у своего хозяина, были, без сомнения, привязанными к земле крепостными, хотя они во многом и сохранили обычаи кочевников.¹²

В последовавшие после заключения Столбовского мирного договора годы Россия считала своим главным врагом Польшу и тщетно пыталась заполучить союзника в лице Швеции. Шведы также надеялись на сотрудничество с Москвой, но, с другой

¹¹ Kujala. Viipurin Karjala, Käkisalmen lääni ja Inkerinmaa Ruotsin suurvaltakaudella 1617–1710. S. 243–262, 267–282, 290–312, 317–322, 328–343, 347–348, 351–354.

¹² Гадзяцкий С. С. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. // Исторические записки. 1941. № 11. С. 243–246; Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 66–71. Переселение из Польши: Ключевский. Указ. соч. С. 96–103. Зарождение крепостного права на Руси: Там же. С. 153–175; Jerome Blum. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ, 1961. Pp. 242–276; David Moon. The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made. London & New York, 1999. Pp. 66–70.

стороны, они имели и серьезные подозрения в отношении своего восточного соседа. Чужая культура и недавние войны только подпитывали эти опасения. В России стали настолько симпатизировать Швеции, что победу Густава II Адольфа в битве при Брейтенфельде осенью 1631 г. даже отмечали в Москве.¹³

В ослабленной Речи Посполитой в 1650-х гг. сложилась ситуация безвластия, привлекавшая коварных соседей. В 1654 г. Россия развязала войну, чтобы защитить мятежных украинских казаков и завоевать территории вплоть до Балтийского моря. Шведский король Карл X Густав развернул военные действия против Польши в 1655 г. и дошел со своими отрядами до центра страны. В июне 1656 г. русские войска вторглись на шведскую территорию. Они снова попытались отбить у шведов Ингерманландию и Кексгольмский лен и привлечь в этом направлении как можно больше вражеских военных сил. Действительной же мишенью для завоевания была Лифляндия. После завоевания Тарту с Польшей было заключено перемирие осенью 1656 г.

Русским не удалось завоевать ни крепость Орешек (Нотеборг), ни форт Кексгольма, и осенью они покинули территории Кексгольмского лена и Ингерманландии ни с чем. В следующем году военные действия в русском Олонце, Кексгольмском лене и на востоке Ингерманландии велись довольно вяло. В конце 1657 г. и начале следующего года русские захватили западную Ингерманландию и восточную Эстонию. Россия и Швеция заключили перемирие в мае 1658 г., а в декабре того же года — временный трехлетний мир. Заключенный между двумя странами в 1661 г. Кардисский мирный договор утвердил довоенные границы, то есть условия Столбовского мира.¹⁴

Значительная часть православных Ингерманландии и Кексгольмского лена перешли во время войны на сторону врага, и когда русским не удалось удержать эти земли под своей властью, то примерно 14 тысяч карел из Кексгольмского лена и 6,5–7,5 ты-

¹³ Kan. Op. cit. S. 63–68; B. F. Porshnev. Muscovy and Sweden in the Thirty Years' War, 1630–1635. Cambridge, 1995; Nils Ahnlund. Gustav Adolf the Great. Princeton, NJ, 1940. Pp. 228–234.

¹⁴ Jussi T. Lappalainen. Kaarle X Kustaan Venäjän-sota v. 1656–1658 Suomen suunnalla. Jyväskylä, 1656; Rainer Fagerlund. Kriget i Östersjöprovinserna 1655–1661 // Kriget på östfronten. Arne Ståde (red.). Carl X Gustaf-studier 7:1. Vaasa, 1979; Гадзяцкий. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 236–279; тот же автор: Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. 1945. № 16. С 14–57.

сяч ингерманландских православных и менее тысячи лютеран последовали за русскими добровольно или в качестве пленников. С 1620-х гг. до начала войны из Кексгольмского лена в Россию переехало почти 15 тысяч православных. Всего за 40-летний период из Кексгольмского лена уехало в общей сложности около 29 тысяч человек. Население лена в 1690 г. составляло около 50 тысяч человек. Около 1630 г. количество местных жителей было не намного меньше этой цифры. На место уехавших прибыли лютеране из восточных областей Финляндии, так что в конце XVII века население Кексгольмского лена, за исключением нескольких самых восточных погостов, было полностью лютеранским. Православные жители племени водь и ижора составляли большинство лишь в западной части Ингерманландии.¹⁵

Часть православных жителей шведских земель последовала за русскими добровольно, часть — по принуждению. Например, карельское купечество удалось переселить из Сортавалы в Олонец лишь насильно. Чтобы прекратить неповиновение, русские арестовали одного из их главарей как шпиона и отправили его под стражей в Москву.¹⁶ В конце войны русские захватили в плен мирных жителей западных ингерманландских земель и увели их за собой в Россию, то есть их переезд было далеко не добровольным.¹⁷ Тем же, кто слишком рьяно принял сторону врага,

¹⁵ Veijo Saloheimo. Inkerinmaan asutus ja väestö 1618–1700 // Inkeri: Historia, kansa kulttuuri. Helsinki, 1992. S. 67–82; Неопубликованные данные Салохеймо о переселении из Кексгольмского лена; Erkki Kuujo. Inkerin vaiheita keskiajasta 1700-luvun loppuun // Inkerinsuomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 63–70; Kimmo Katajala. Nälkäkapina: Veronvuokraus ja talonpoikainen vastarinta Karjalassa 1683–1697. Hist. Tutk. 185. Helsinki, 1994. S. 77. По той или иной причине Гадзяцкий (1945) считал православных Ингерманландии этнически русскими, хотя большая часть сельского населения православных в тех землях были по происхождению ижора или водь. У них действительно были русские имена, но многие из этих «русских» совсем не говорили по-русски или владели лишь азами русского. В отношении веры они все же были русскими. Настоящего русского населения в Ингерманландии было мало, а в Кексгольмском лене русских и вовсе не было.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. оп. 7М. Разрядные столбцы Приказного стола. Стб. 301. 1656 г. Переписка Разряда о военных действиях против шведов с стольным П. М. Пушкиным. Лл. 173–181, 188–190, 194–196, 201–205, 207–209. Стб. 952. 1656 г. л. 153; Гадзяцкий. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 251, 257–60.

¹⁷ Архив Riksarkivet (RA), Stockholm, Livonica II 174, К. Горн Карлу Х Густаву 01.03 и 08.03.1658, II 179, С. Г. Гельмфельт правительству 07.05.1670, приложение: Осуществленные Кноррингом слушания. Православный священ-

было разумнее перебежать на русские территории. А у жителей тех областей, которые сохраняли нейтралитет по отношению к военным действиям, не было серьезных причин покидать родные земли.

В лице угнанных в 1656 г. карел русские рассчитывали заполнить не только новых жителей и, следовательно, налогоплательщиков, но и дополнительные военные ресурсы. Очевидно, еще в начале войны в июне 1656 г. царь Алексей Михайлович приказал, чтобы треть жителей Кексгольмского лена перевезли в Россию, а оставшуюся часть (вместе со всеми членами семьи) должны были определить в солдаты. Большинство из угнанных карел, тем не менее, не хотели вливаться в русскую армию, и, как ранее упоминалось, многие из них не желали оставлять дом и переезжать за границу.¹⁸ Во время войны и уже после нее Россия заселяла переселенцами дворцовые земли, разоренные и опустошенные в ходе военных действий против Польши, что выглядит совершенно продуманной политикой со стороны русских. Именно поэтому русские стремились увести за собой как можно больше подчиненного Швеции населения в собственные земли. Переселенцы заняли весь север России, в особенности область между Тверью и Москвой.¹⁹

Парадоксально то, что русское крепостное право не отпугнуло шведских православных, но в любом случае условия жизни во время маленького Ледникового периода были в Тверском уезде лучше, чем в более северных районах Кексгольмского лена и Ингерманландии. Помимо этого вера была той же, да и русские делали все возможное, чтобы заполнить в свои земли новых жителей и удержать их там любыми способами. Похожий процесс переселения наблюдался немного западнее. Из-за неурожаев, которые повлек за собой маленький Ледниковый период, и высоких налогов и воинской повинности значительные группы восточных финнов из крестьян и безземельных перебрались в Эстонию и Лифляндию. Тамошние приусадебные хозяйства были более

ник Ингерманландии, который принял сторону шведов и сильно пострадал за это, будучи пленником русских: *Livonica II* 175, Гельмфельт правительству 15.10.1661, приложение: Гришка Иванов Гельмфельту.

¹⁸ ПСЗ. Собрание первое. Т. I. С 1649 по 1675. СПб, 1830. С. 398; Карелия в XVII веке: Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 120; Гадзяцкий. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 248–249, 279; Жербин. Указ. соч. С. 71.

¹⁹ Жербин. Указ. соч. С. 70–77.

доходными, чем в Финляндии, хотя переселенцы и попадали под действие местного крепостного права.

Пункт 20 Кардисского мирного договора, заключенного 21 июня 1661 г., постановил, что стороны должны были вернуть друг другу уведенных в собственные земли заключенных, солдат и мирных жителей, кроме тех, что сами изъявляли желание остаться на территории соперника. Русские, однако, добавили к этому пункту договора условие, согласно которому Россия не была обязана возвращать шведам тех переселенцев, которые получили добровольное крещение в православие уже на территории России. В шведоязычном договоре этого дополнения не было, то есть с этой точки зрения соглашение между двумя сторонами было составлено на разных условиях. Шведы подтвердили свое согласие на условия русского варианта мирного договора в Кардиссе и снова в 1662 г., но позднее отменили свою санкцию.

Согласно пункту 21 того же договора, Россия не была обязана возвращать перебежчиков, пришедших в русские земли до заключения мира. Однако обе стороны должны были по первому требованию вернуть тех перебежчиков, которые пересекли границы уже после подписания Кардисского мирного договора.²⁰

Согласно русской версии мирного договора, России было не обязательно отдавать Швеции бывших ее подданных, перешедших из лютеранской веры в православную, даже если сам пленный хотел этого. В России существовала такая практика, что иноверцам из простонародья, переселившимся в страну, приходилось креститься в православие, что автоматически делало из них русских подданных. Зачастую у них не было другого выбора, кроме как принять крещение и сменить вероисповедание, но русские в свою очередь были убеждены, что выбор этот был вполне добровольным.²¹

После войны на основе различных версий пункта 20 Кардисского мира генерал-губернатор Ингерманландии и псковский

²⁰ Кардисский мирный договор, пункт 20 и 21: ПСЗ. Собрание первое. Т. I. С 524; Suomi 1843. Andra häftet. S. 108–109 (<http://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi>). Согласие шведов по вопросу возвращения переселенцев, достигнутое в Кардисе, стало своего рода компенсацией за то, что Россия согласилась вернуть захваченные во время войны города Лифляндии.

²¹ Согласно мнению шведской стороны, те переселенцы-лютеране, которые добровольно приняли православную веру в России, на самом деле были принуждены к этому. Архив RA. Livonica II 170. Эрик Гюлленшерна Кристине 28.05.1644. Также: Газяцкий. Карелия и южное Приволжье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. С. 249.

и новгородский воеводы оспаривали то, каких переселенцев нужно было вернуть на родину. Русские требовали выдачи тех, кто вернулся на территорию Швеции после заключения мира, но, по мнению шведов, эти переселенцы были силой уведены в Россию во время войны и в любом случае должны были иметь право вернуться на родину. После обоюдных угроз, касавшихся вопроса переселенцев, в 1666 г. был достигнут компромисс, но русские умудрились разрушить и это соглашение. В 1660-х гг. число возвращенных переселенцев достигло лишь сотен, хотя во время войны в Россию переселились более 20 тысяч шведских подданных, часть из них принудительно. Россия пыталась удержать на своей стороне новоприбывших крестьян и налогоплательщиков, но в какой-то мере шведские православные все же смогли самостоятельно вернуться в восточные погосты Кексгольмского лена.²²

Незадолго до своей смерти в начале 1660 г. король Карл X Густав выступил против союза государств, куда входили Дания, Польша, Бранденбург и Австрия. Тем не менее в 1659 г. Франция, Англия и поддерживавшая Данию Голландия договорились о возвращении мира между Швецией и Данией, которое осуществилось уже в следующем году. В конце 1670-х гг. Франции удалось внедрить мирный договор между Швецией с одной стороны и Данией и их немецкими союзниками — с другой. Благодаря Франции Швеция смогла сохранить завоеванные двадцатью годами ранее датские области и большую часть немецких земель. Несмотря на это, практикуемая королем Людовиком XIV политика диктата отпугивала Карла XI, который оттягивал принятие решения о заключении союза с Францией. Швеция и Дания в то время сильно зависели от таких европейских держав, как Франция, Голландия и Англия. Интересы двух последних упомянутых морских государств касались, в основном, торговли, и они не были согласны с тем, чтобы какая-либо из прибалтийских стран одна контролировала Балтийское море.²³

В воздухе витало предчувствие опасности. Великодержавный статус Швеции привлекал ее соседей для объединения в союз. Сложившаяся в XVII в. изолированность и военная слабость России, а также войны в области южных границ страны стали

²² Моя статья *Förrådiska ryssar och förrymda finnar*, *Historisk Tidskrift för Finland*, 97, 2012, 4. S. 469–498.

²³ Villstrand. *Op. cit.* S. 134–148, 185–190.

причиной того, что Россия оказалась за пределами этого союза. Но скоро ситуация изменилась.

Население Шведского государства в конце XVII в. составляло по оценкам 3,3 млн человек (1,363 млн человек на территории нынешней Швеции в 1699 г. и 315 тысяч человек на территории Финляндии в 1698 г.). Население России в те же годы составляло 14 млн человек, а Речь Посполитую населяло 9 млн. Из будущих противников Швеции лишь в Датско-норвежском королевстве количество жителей было меньше, чем в Шведском государстве.

Северная война 1700–1721 гг.

В начале 1700 г. саксонские отряды Польского короля Августа II и Дания начали вести агрессивную политику против Швеции. Россия вошла в число противников Швеции в августе—сентябре того же года. Союзники полагали, что Швеция, находившаяся под управлением не достигшего тогда 20-летнего возраста короля Карла XII (род. в 1682) и ослабленная недавним неурожаем, будет для них относительно легкой добычей. В первый 1700 год войны Швеция призвала 24 тысячи финских солдат: 13 тысяч из них в постоянные отряды, большей частью предназначенные для военных действий за границей, и 11 тысяч человек для специальных отрядов, набранных на основе обязательной воинской повинности.

Воинственный король Карл XII продолжал гнуть линию, начатую его дедушкой, королем Карлом X Густавом. Он вел войну за пределами Швеции и смог победить русского, датского и польского противника. В 1708 г. Карл ввел свои войска в Россию и в июне 1709 г. потерпел поражение в битве под Полтавой, после чего был вынужден в течение долгих лет скрываться на территории Османской империи. Полтава стала тем рубежом, который обозначил переход политической гегемонии в Северной Европе к обновленной Петром Первым России.

Король предоставил оборону Прибалтики и Ингерманландии тамошним более слабым по сравнению с русским войском отрядам. В конце 1702 г. Россия завоевала крепость Орешек (Нотеборг), а следующей весной — крепость Ниеншанц и всю Ингерманландию. Царь немедленно начал строительство в устье реки Невы города под названием Санкт-Петербург. Основанная недалеко от города Кронштадтская крепость на острове Котлин закрыла от шведского флота единственный фарватер, веду-

щий к Петербургу. Нарва и Тарту сдались летом 1704 г. Нарва и крепости Ингерманландии не смогли остановить натиск врага в одиночку, так как им требовалась существенная поддержка сильной армии, которой не было. Армия Ингерманландии (после ее падения финская армия короля) под управлением пожилого генерала Абрахама Крониорта (род. в 1634) состояла из дополнительно набранных, плохо обученных и слабо снаряженных отрядов, которые не могли оказать должного сопротивления превосходящей их по численности русской армии. Ко времени завоевания Ингерманландии русскими армия Крониорта была близка к истреблению.

Начиная с зимы 1703 г., русские время от времени совершали военные походы на Карельский перешеек и на территорию Кексгольмского лена. Уже в 1700 г., находясь в северной области Кексгольмского лена, русские напали на восточные приграничные погосты и, как и в 1656 г., получили поддержку от шведских православных карел, за исключением тех, что жили дальше от границы. Во время войны стало ясно, что за 40 лет Швеции удалось перекрыть сознание лютеранского датскоязычного населения бывших датских областей в пользу Швеции, тогда как православные карелы и за 80 лет не сумели научиться отождествлять себя с новыми господами. Это подтверждало то, в какой степени вера и религия формировали национальную идентичность. Война в Кексгольмском лене переросла со временем в грабительские походы, осуществлявшиеся небольшими народными военными отрядами и местными жителями, и стоит отметить, что Швеция чаще проигрывала в этих схватках. Зимой 1705 г. русские сожгли Сортавалу.

В 1702–1704 гг. Стокгольм поддерживал оборону Ингерманландии и Финляндии существенными материальными вложениями. Большая часть средств на расходы для ингерманландской и финской армий формировалась контрибуциями (военными налогами) из Финляндии, а оставшаяся или меньшая часть поступала из Стокгольма. Потеряв Нарву, Стокгольм в течение 1705–1706 гг. сократил поддержку финской армии, и тогда большая часть военных ресурсов начала поступать из самой Финляндии.

После поражения генерала в 1703 г. Крониорта главнокомандующим финской армией был назначен генерал-лейтенант Георг Юхан Майдель. В 1704–1705 гг. он предпринял несколько походов в окрестности Петербурга, но так и не смог подобраться к городу, так как его армия из-за плохих дорог не располагала артиллерией и понтонами для переправки через Неву.

Шведский флот пытался дважды в 1705 г. высадиться на острове Котлине, но попытки не увенчались успехом. У шведов было не принято координировать действия флота и сухопутных войск. Зимой 1705 г. войскам Майделя удалось все же временно захватить сам остров Котлин, но не крепость, которая охраняла ведущий в Петербург фарватер. Петербург и Кронштадт стоило бы осадить зимой, когда заледеневшие реки и море не могли стать дополнительным препятствием для шведов. Но Майдель был слишком осторожным предводителем, чтобы завоевывать Петербург. Чем дальше русские обустроивали город, тем сложнее становилось его одолеть.

В соответствии с тогдашними военными стратегиями, Карл XII вел войну за пределами Швеции, в богатых германских государствах и Польше, на плечи которых возложили большую долю военных расходов шведов. Однако уже во времена короля Карла X Густава было подмечено, что едва ли подобный способ ведения войны приводит к желаемой победе. В то же время Швеция была вынуждена уступить свои восточные земли русским. В поле зрения шведов не было ни одной европейской империи, которая при заключении будущего мира была бы способна помочь Швеции заполучить потерянные земли обратно. Ни Голландия, ни Англия не были заинтересованы в том, чтобы Швеция стала господствующей державой на Балтийском море, а равновесие сил и усиление влияния России устраивали их и с политической, и с экономической точки зрения.

Для Государственного совета Швеции или риксрода, управлявшего страной из Стокгольма, и Комиссии по обороне картина состояния восточных земель, начиная с 1700 г., рисовалась в мрачном свете, и представление это полностью соответствовало действительности. Прибалтика, Ингерманландия и Восточная Финляндия могли вот-вот попасть в руки России, военное превосходство которой полностью производило подавляющее впечатление. По оценкам риксрода, после сдачи крепости Орешек осенью 1702 г. положение для Швеции складывалось крайне плачевное. Как считали члены риксрода, король не осознавал той опасности, которая нависла над балтийскими областями. Но еще больше риксрод опасался нового вторжения Дании в Сконе. Это было вовсе не беспочвенное опасение, но из-за слабости, которую Россия проявляла в XVII в., риксрод не осознавал, насколько сильно эта вражеская страна окрепла за последнее время. В ноябре 1702 г. Комиссия по обороне отклонила просьбу направить военное подкрепление в Финляндию. Лифляндия также не по-

лучила дополнительных военных сил. В апреле 1704 г. Комиссия отклонила и предложение Майделя об отправке шведского подкрепления в Финляндию.

После основания в устье Невы Санкт-Петербурга Россия была практически обязана заслонить город от шведов и отбросить их как можно дальше на запад по обоим побережьям Финского залива. Становление России как господствующей державы в Финском заливе и само существование Санкт-Петербурга повлияли на ситуацию в Финляндии и Карелии на многие века вперед. В международной политике законы сильнейшего определяли то, чьи права на безопасность охранялись, а чьи попирались.

Благодаря тому, что король Карл вел войну в дальних землях, вплоть до немецкой Саксонии, и из-за невозможности отправить вспомогательные войска из Швеции в связи с приближающейся зимой, царь Петр решил на завоевание Выборга осенью 1706 г. В середине октября он подступил к стенам Выборга с двадцатитысячным войском. Попытка завоевания, однако, полностью провалилась. Плохие дороги препятствовали тому, чтобы привезти в Выборг тяжелые осадные орудия.

В 1707–1709 гг. Стокгольм снова снабжал финскую армию значительными суммами, особенно в 1708 г., когда армия Карла XII вторглась в Россию. Финская армия под руководством Георга Либекера осуществила поход в Ингерманландию с той целью, чтобы русские не могли сосредоточить все свои силы против королевской армии. Численность финской армии под командованием Либекера достигала 11 тысяч солдат, из них 3 тысячи были саксонские военнопленные, которых принудили к службе на стороне шведов. Это был единственный раз за всю войну, когда финская армия получила подкрепление из-за пределов Финляндии. Поход Либекера был спланирован намного лучше, чем вялые попытки завоеваний Майделя. С помощью передвижных понтонов армия перебралась через Неву, но артиллерию нельзя было перетащить по плохим грунтовым дорогам, из-за чего Петербург все же не удалось захватить. К концу похода Либекер растерял всю свою предприимчивость: он увел свои войска на мыс Колгомпя в Ингерманландии, откуда солдат перевезли морем в Финляндию. Лошадей, напротив, умертвили, что сильно ударило по мобильности военных сил, к тому же стало большой потерей для их владельцев крестьян.

Русские принудили жителей Ингерманландии к обязательным работам по отстройке Петербурга, который стал для своих строителей братской могилой. Некоторые ингерманландцы (ингерман-

ландские финны) работали, тем не менее, на финскую армию в качестве разведчиков. Они были лучшими солдатами финской армии, и, естественно, в родных краях у них не было никакой другой миссии, помимо секретных операций.

После победы в Полтавской битве в 1709 г. Россия, Дания и отстраненный Карлом от дел польский король Август обновили союз против Швеции. Проникнув в сердце России, положив на карту все и проиграв, Карл потерял все, чего он долгие годы добивался в Польше многочисленными кровопролитиями. Еще более роковым оказалось то, что всего за один день он умудрился разрушить существовавший века великодержавный статус Швеции. Датчане высадились на полуостров Сконе в конце 1709 г., но в феврале следующего года потерпели поражение и были вынуждены уйти из вражеских земель. Петр пообещал датчанам вторгнуться в Выборг. Россия была готова заключить со шведами мир на тех условиях, что она получит Ингерманландию, Кексгольмский лен и Выборг. Шведы могли, возможно, достичь и более выгодных для себя условий, но все же государство, привыкшее побеждать, не было готово к заключению невыгодного для себя мира.

Русская армия, насчитывавшая почти 7,5 тысячи солдат, выступила ранней весной 1710 г. из Кронштадта по льду и окружила Выборг. Гарнизон Выборга в лучшем случае располагал 4 тысячами воинов. Большая часть пехоты из армии Либекера находилась в городе, а также в обороне участвовала гвардия бюргерства и ополченцы. Сам Либекер покинул город, чтобы собрать войска из Финляндии, располагавшейся к западу от Выборга. В его распоряжении было 3 200 кавалеристов и 1 650 или чуть меньше пехотинцев. Таким образом, защитников города, как внутри, так и за его пределами, было больше, чем осаждающих. При решительном выступлении русских вполне можно было прогнать, но Либекер владел преувеличенными данными о численности наступающей стороны, к тому же ему не хватало напористости, которая сейчас пришлась бы как нельзя кстати. Главнокомандующий довольствовался тем, что несколько раз собрал войско и народное ополчение в районе реки Кюмийоки, как будто русских можно было напугать этой мобилизацией. Из-за неурожая армия Либекера страдала от недостатка довольствия, но имеющихся средств могло хватить на короткий поход, если бы совершенно не способных к битве народных ополченцев оставили дома. Теперь же постоянные перемещения войска и ополчения туда-обратно истощали и без того малые ресурсы,

не приводя к каким бы то ни было существенным результатам. Губернаторы финских ленов, а также финские дворяне и народ понимали, что Либекер не создан для руководства армией. Его отставки требовали и в Стокгольме.

Либекер отправил в Стокгольм за подмогой, но Комиссия по обороне категорически отказалась высылать вспомогательные войска для финской армии. Правительство опасалось продолжения наступления, только что предпринятого Данией. Военная коллегия объявила о том, что сначала снабдит оружием шведские войска, а уже то, что останется, переправит в Финляндию. Шведам необходимо было заново организовать и обмундировать полки, разбитые под Полтавой, поэтому финская армия должна была справляться своими силами. Начиная с 1710 г., денежная поддержка финской армии со стороны Стокгольма сильно сократилась по сравнению с предыдущими годами. После поражения под Полтавой риксрод находился под властью пораженческих настроений, и его члены надеялись на некое чудо со стороны короля или иностранных государств. Риксрод самостоятельно ситуацию разрешить не мог. Поэтому риксрод сосредоточился на том, чтобы сохранить в своих руках хотя бы центр Шведского государства. Возможно, риксрод сосредоточил бы больше внимания на защите восточных областей, если бы советники продолжали, как и раньше, владеть дарственными землями в Финляндии, Прибалтике, Ингерманландии и Кексгольмском лене. Но большая часть дворянских земель была отменена редукцией Карла XI в 1680–1690-х гг.

Во время ледохода русские переправили в Выборг военное подкрепление и тяжелую артиллерию на галерах. Шведский морской флот не успел закрыть проход к Выборгу и, таким образом, не смог воспрепятствовать тому, что враг стянул к городу достаточно сил для добровольной сдачи. Теперь армия осаждающей стороны насчитывала более 10 тысяч человек. Выборг пал 13–14 июня. Большую часть из неполных 4 тысяч гарнизона города, несмотря на противоположное соглашение, русские взяли в плен. Лишь около 900 раненых и больных защитников Выборга отпустили домой. Офицеры и солдаты взяли в плен мирных жителей, бежавших некогда в Выборг из города Ниеншанц, и угнали с собой в Россию. Шведские методы ведения войны были такими же жестокими, как и методы русских, но взятие в плен мирных жителей и их продажа в качестве слуг или рабов были особенностью русских военных. Единственными, кого не трогали русские, были выборгские купцы. Русские дали

жителям окрестностей Выборга охранные грамоты, но на деле продолжали грабить мирное население как во время осады города, так и после его сдачи.

Финская армия Либекера была на грани исчезновения. Если бы у русских были в ту пору силы и намерения завоевать всю Финляндию, они бы легко и быстро это осуществили. Они, тем не менее, не намеревались продвигаться дальше на запад от Выборга. Кексгольмскую крепость заставили сдать следующей осенью, и в 1710 г. последние прибалтийские крепости (Рига, Таллин) тоже перешли в руки России. Теперь русские владели всеми теми землями, которые официально перешли в их владение по мирному договору в 1721 г.

Будучи главнокомандующим финской армией в 1710–1712 гг., Карл Нирот привел войну к окрестностям Выборга, но после его смерти его преемник Либекер увел армию из тех земель и вернулся к пассивным военным методам. В 1712 г. русские совершили отвлекающий поход к реке Кюмийоки. Уступавший русским в военной мощи Либекер отозвал пушки из той области, готовясь сдать позиции, но русские отступили обратно к Петербургу. Согласно приказу царя, русским не следовало ввязываться в битву с врагом, равным по силам их собственному войску. Превосходство сил было тем козырем, благодаря которому многонаселенная держава, подобная России, была способна выиграть войну. Швеция обычно не располагала такой возможностью.

Отбить Финляндию у русских оказалось довольно легко в 1713–1714 гг. Шведы были уверены, что враг не сможет содержать большую армию в порядке в бедных финских землях, а плохие дороги и водоемы позволят уступавшим по силам защитникам избежать завоевания страны. Король Карл XII не дал главнокомандующему финской армией полномочий отдавать приказы губернаторам. Это позволило им оградить Либекера от полного доступа к налогам, которые в связи с улучшившимися урожайными 1710-ми годами можно было использовать для нужд армии. После Полтавской битвы Швеция почти не направляла средств в Финляндию. Для военных нужд король назначил в 1713 г. налог на имущество, доход от которого оказался меньше, чем от предыдущего военного налога. Причиной был недостаток данных об уровне дохода подданных короля. Из-за этого обеспечения для финской армии после наступления русских, начавшегося в мае 1713 г., хватило лишь на месяц. Летом положение было настолько плачевным, что армия не могла сдвинуться с места и сидела, будто пригвожденная к месту, в Тавастгусе (фин.

Хямеенлинна), не имея даже возможности воспрепятствовать продвижению русских к Турку (Або).

Русские решили проблему перемещения, переправив необходимые отряды, артиллерию и провиант главным образом шхерным флотом. Таким образом, они заполучили армию, почти в два раза превосходившую по численности финское войско, и обеспечили свои отряды довольствием до следующей весны. Им также помогло то, что шведский морской флот получил приказ из Стокгольма препятствовать передвижению русских галер через Аландское море в Стокгольм. Русские приняли бездействие шведского флота как должное, не понимая его истинной причины. Русский шхерный флот мог быть опасным противником, но шведы больше не пытались мешать перемещению русских кораблей в восточной части Финского залива. Шведский морской флот также не согласовывал своих действий с финской армией, как не делал этого и в предыдущие годы. Шведы начали строительство собственного шхерного флота только за год до этого, поэтому им было нечего противопоставить соответствующему флоту противника.

Между риксродом и королем, скрывавшимся в Османской империи после Полтавской битвы, возникли разногласия о целесообразности продолжения войны. Возможности Швеции продолжать войну и довести ее до желанной победы не были особенно многообещающими. Риксрод считал, что с помощью Голландии и Англии нужно было стремиться к заключению мира, а Карл XII, заботившийся о своей чести и славе командующего, собирался любой ценой выиграть эту войну. Либекер был фаворитом короля, которого тот сохранял на должности главнокомандующего, несмотря на полную его непригодность, находясь вдали от родины и, очевидно, не осознавая действительного положения вещей. Риксрод, напротив, относился к Либекеру неприязненно и в 1713 г. отказался предоставить ему вспомогательные войска из Швеции, хотя необходимость эта была очевидна. Либекер был действительно бесполезным полководцем, который при виде врага не осмеливался ни на что, кроме отступления. Положение Либекера было и без того сложным, но, позволив врагу беспрепятственно проникнуть в глубь страны, он деморализовал собственную армию и настроил против себя губернаторов финских ленов и самих жителей Финляндии. Солдаты начали дезертировать из армии. Летом риксрод все же принял единственно правильное решение и отозвал Либекера из Финляндии.

Швеция собиралась направить в Финляндию вспомогательные отряды, но этот проект осуществлялся настолько вяло, что

приход зимы и обледенение моря помешали его осуществлению. По той причине, что Либекер только и делал, что отступал, его преемнику Карлу Армфельдту оставалось только сражаться. Русские одержали победу над его армией в октябре 1713 г. в битве у реки Пялькане, а в феврале 1714 г. были разбиты в сражении при Сторкюре. В обоих сражениях Армфельдт с уступавшей по силам армией просто оставался на месте. Позволив врагу окружить себя, Армфельдт способствовал поражению собственной армии. После решающего Гангутского сражения было принято решение о том, чтобы переправить пострадавший в битве шведский флот в западную часть Аландского моря и оставить Финляндию русским.

Оккупация финских земель длилась до 1721 г. Нищая Финляндия была для Петра I лишь гарантом, с помощью которого он собирался склонить Швецию к заключению мира, возвращению России Ингерманландии и Кексгольмского лена, а также к передаче Выборга и Эстонии, которые Россия не имела права требовать себе по историческим причинам, в владение русских. Петр мечтал получить, в том числе, и Лифляндию, хотя когда-то пообещал ее правителю Польши Августу. В конце концов царь получил желаемое, когда в 1721 г. стороны заключили Ништадский мир. Швеция оказалась готова подписать разгромный договор лишь тогда, когда Карл XII погиб в 1718 г. во время похода в Норвегию и власть в Швеции перешла от самодержца к высшим сословиям. Россия, как страна-победитель, выплатила проигравшей Швеции значительную компенсацию за полученные земли.

Великое лихолетье — период русской оккупации Финляндии — 1713–1721 гг. разрушило финскую экономику не только из-за высоких налогов, но и по причине кризиса внешней торговли, нехватки рабочей силы и грабежа, осуществлявшегося солдатами либо по приказу начальства, либо по собственной инициативе. Помимо жителей финских территорий грабежам подвергались и те, кого русские тысячами брали в плен и уводили в Россию. Часть из них, как и военные, взятые в плен после битв под Полтавой и Выборгом, все же вернулись в родные земли после заключения мира. В конце войны солдат набирали из народа и увозили далеко в Россию к границе с Персией. Лишь Аландские острова и некоторые части Эстерботнии подвергались разорению систематически. Жертв Великого лихолетья среди гражданского населения было все же не так много, около 10 тысяч человек в общей сложности.

Оккупация Финляндии была для оставшегося на родине населения чрезвычайно тяжелым и болезненным опытом, но все же более повседневным явлением, чем та картина, которую изображали гипертрофированные впечатления современников того времени и миф о Великом лихолетье, который разожгла зародившаяся между мировыми войнами ненависть к русским. Речь шла лишь об обычном для истории Европы периоде оккупации, которое казалось финскому народу настолько нестерпимым потому, что войны великодержавной Швеции постоянно перетасовывали финские границы и местные жители уже не осознавали себя самое.

Хотя в число погибших во время войны финнов вошли 10 тысяч мирных жителей и 43 тысячи не вернувшихся в родные земли солдат (большая часть из призванных солдат, количество которых достигало почти 50 тысяч), а также тысячи умерших в ополчении крестьян, Северная война и период оккупации Финляндии остались позади по численности жертв по сравнению с временем Великого голода 1696–1697 гг., когда 27 (или 22) процентов населения Финляндии (в 1695 г. около 430 тысяч) умерли от голода или болезней в результате неурожая. То же бедствие постигло Кексгольмский лен, Ингерманландию и Прибалтику вместе с Северной Швецией.²⁴

²⁴ Финляндия в Северной войне: Antti Kujala. Miekka ei laske leikkiä: Suomi suuressa pohjan sodassa 1700–1714. Hist. Tutk. 211. Helsinki, 2001 и моя статья: Финляндия в Северной войне 1700–1714 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. М., 2006. С. 113–135 (в которой содержится больше информации о завоевании Финляндии в 1713–1714 гг.). Подробнее о Северной войне: Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. Под ред. С. Оредссона и А. Кана. М., 1999. Оккупация Финляндии русскими: Raimo Ranta. Viipurin komendanttikunta 1710–1721: Valtaus, hallinto ja oikeudenhoito. Hist. Tutk. 141. Helsinki, 1987; Christer Kuvaja. Försörjning av en ockupationsarmé: Den ryska arméns underhållssystem i Finland 1713–1721. Åbo, 1999; Kustaa H. J. Vilkkuna. Viha: Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Hist. Tutk. 229. Helsinki, 2005; Hilding Klingenberg. Repression och legitimering — rysk maktutövning i Åbo generalguvernement 1717–1721. Åbo, 2009. Клингенберг упоминает о том, что между оккупантами и оккупиремыми существовало и вполне нормальное общение. Напротив, Вилкунна дает в некоторой степени преувеличенную картину жестокости русских, что скорее всего происходит из-за того, что отправной точкой для исследователя является фольклор. Идеологически устаревшее и рассматривающее события той войны только с точки зрения русских: Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб, 1896; также источник: Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г. / Сост. Мышлаевский А. З. СПб, 1893. Годы Великого голода 1696–1697: Seppo Muroma. Suurten kuolovuosien (1696–1797) väestönmenetyt Suomessa.

Эпоха свободы 1719–1772

Карл XII умер, так и не женившись. Его уже скончавшаяся к тому времени старшая сестра была замужем за герцогом Гольштейном-Готторпом, в браке с которым был рожден сын Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский. Младшая сестра Карла XII Ульрика Элеонора венчалась с принцем Фридрихом Гессен-Кассельским. Заседание риксдага в 1719 г. избрало правительницей Ульрику Элеонору, благодаря чему ее супруг Фридрих, в качестве короля Фредрик, получил корону. Форма правления 1719 г. и ее усовершенствованная версия 1720 г. урезала почти всю королевскую власть и передала ее сословиям (сословному собранию риксдагу). Высшая исполнительная власть все же принадлежала королю и риксроду. При совершении голосования у правителя было два голоса, у каждого члена риксрода — по одному. Эпоха свободы означала не предоставление современных гражданских свобод, а обеспечивала свободу от абсолютизма. У риксдага было право снять какого-либо члена риксрода с должности. Поначалу эта ответственность риксрода перед парламентом носила правовой характер, но затем, начиная с 1738–1739 гг., обрела юридическую форму, прикрытую политическим парламентаризмом.

Согласно параграфу 7 Ништадтского мирного договора, Россия обещала не вмешиваться в шведские формы правления, но взяла на себя обязательство пресекать противоречащие ей начинания. Так мирный договор дал России право вмешиваться во внутренние дела Швеции. Целью русских было ослабить власть короля, чтобы Швеция продолжала оставаться раздираемой междоусобицами, бессильной страной, наподобие Польши, во главе которой стояло дворянство.

В 1723 г. Россия помимо всего прочего пыталась заставить Швецию признать герцога Карла Фридриха наследным королем Фредриком I, выпустив в качестве предупредительной угрозы свой флот в свободное плавание по Финскому заливу. В 1725 г. Карл Фридрих женился на дочери Петра I Анне Петровне. Член риксрода и президент Канцли-коллегии Арвид Горн вел в отношении России осторожную политику. Горн попросил помощи в борьбе против имперских замашек России у Англии и Франции. Политические взаимоотношения между Швецией и Россией были частью охватывавшей Европу политической системы, цен-

Hist. Tutk. 161. Helsinki, 1991. Mirkka Lappalainen. Jumalan vihan ruoska: Suuri näänhäätä Suomessa 1695–1697. Helsinki, 2012.

тральными фигурами которой являлись Франция, Англия, Пруссия и Австрия, а среди небольших государств — Дания.

Основываясь на опыте Северной войны, шведы создали новый план крепостных сооружений в Финляндии, в который входили две крепости на восточном побережье, крепость Фридрихсгам (фин. Хамина) и форт Хельсинки (Гельсингфорс). Морской флот не мог передвигаться по мелководным областям, поэтому на защиту крепости назначили шхерный флот, который должен был препятствовать тому, чтобы русский галерный флот не мог использовать в своих интересах архипелаг, как это произошло в недавней войне. В предстоящей войне русские больше не смогли бы отрезать финскую армию от моря и, соответственно, от подмоги, идущей из Швеции. Из этих далеко идущих планов осуществилось строительство крепости Фридрихсгам. Вместо Хельсинки главной опорной точкой риксдаг определил находившуюся далеко от моря крепость Тавастгус. Шхерный флот же поместили вместо Финляндии в Стокгольме. Небольшие средства на крепостные укрепления использовались главным образом на территории Швеции. Работу по усовершенствованию крепостных сооружений сдерживал страх перед агрессией, которую могла бы начать Россия, раздраженная фортификационными работами, а также мысль о возможном захвате когда-то потерянных земель, в деле которого дополнительные крепостные сооружения были не нужны.

В 1738–1739 гг. Франция и Россия довольно открыто финансировали предвыборную битву депутатов риксдага, чтобы продвинуть своих сторонников в импонировавшие им партии. Партия «шляп», которую поддерживала Франция, отстранила Горна и прорусскую партию «колпаков» от правления в риксроде. Секретный комитет риксдага признал войну с Россией неизбежной.

Царица Анна Иоанновна умерла в 1740 г., а перед смертью назначила своим наследником младенца Ивана. Было также известно, что на престол имела виды дочь Петра I Елизавета Петровна. Партия «шляп» надеялась на то, что за оказанную помощь получит от Елизаветы Петровны земли, отданные русским в 1721 г., однако на деле эти надежды обернулись лишь пустыми обещаниями будущей царицы. Беря на себя обязательство вернуть шведам потерянные земли, она подвергала опасности собственную жизнь. Франция обещала оказывать Швеции усиленную поддержку, если те начнут войну. Некоторые из партии «колпаков» со своей стороны предлагали русскому послу даже захватить Финляндию, чтобы в шведском правительстве произошел переворот. На голосовании риксрода по вопросу войны

мнения разделились в соотношении 8 к 7 в пользу войны. Два решающих голоса короля на голосовании обеспечили тем, что разрешили вернуть в Стокгольм его возлюбленную, сосланную когда-то из столицы. Помимо возвращения бывших шведских территорий Швеция была нацелена на завоевание земель, располагавшихся между Ладожским озером и Белым морем.

Редко когда страна ввязывается в войну с таким слабым вооружением и несбыточными мечтами, как это сделала Швеция в 1741 г. Вспышка дизентерии полностью вывела из строя шведский флот, и от той же эпидемии погибло пять процентов населения Финляндии. Урожай в тот год также не удался. Шведы потерпели поражение в битве при крепости Вильманstrand (фин. Лаппеенранта) в августе 1741 г. Ни у финской, ни у шведской части армии не осталось и в помине того боевого духа, на котором основывалась вся мощь Шведской великой державы на протяжении столетий. Швеция, тем не менее, отправила дополнительные войска, и главнокомандующий Карл Эмиль Левенгаупт вместе с войском пересек русскую границу. Собранные из крестьян войско захватило Сортавалу. Эта и еще несколько побед защитников родных северокарельских деревень в небольших схватках так и остались единственным успехом шведов в предпринятом походе.

Воспользовавшись смутой, царившей в стране, Елизавета захватила трон. По инициативе царицы французский посол в Петербурге Иоахим Жан Тротти, маркиз де ла Шетарди попросил Левенгаупта остановить наступление. Императрица предложила Левенгаупту неофициальное перемирие, которое тот одобрил, рассчитывая взамен получить желанные земли. Де ла Шетарди напрасно склонял Елизавету к подобному соглашению. Так, из-за легковёрности Левенгаупта и постоянного балансирования де ла Шетарди между интересами Швеции и России, шведы потеряли единственную возможность извлечь хоть какую-то пользу от русских. Посол Франции действовал вразрез с волей своего правительства, которое стремилось всячески ослабить Россию с помощью Швеции.

В феврале 1742 г. Елизавета разорвала перемирие. Русские распространили по Финляндии манифест Елизаветы на финском и шведском языках, в котором она предлагала Великому княжеству Финляндскому независимость. По большей части это была военная пропаганда, нацеленная на подавление врага, хотя с легкой руки русской царицы идея независимого буферного государства теперь витала в воздухе. Шведы, однако, решили, что Елизавета этим манифестом пыталась обеспечить должность

правителя Финляндии для сына своей сестры Анны Петровны и ранее упоминавшегося Карла Фридриха, герцога Карла Петера Ульриха Гольштейн-Готтерпского. Эта идея основывалась на слухах, которые русские, очевидно, распространяли с целью дезорганизации врага. В принципе, герцог мог также стать в свое время наследником бездетного Фредрика I, то есть шведским королем. Все эти размышления шведской стороны, однако, не имели под собой реальной почвы. У самой Елизаветы были в отношении Карла Петера Ульриха другие намерения.

Русская армия пересекла шведскую границу летом 1742 г. Шведы без сопротивления отказались от выгодного положения у крепости Фридрихсгам и сдали саму крепость. Под Хельсинки русские закрыли для Левенгаупта все пути к отступлению. В августе шведское войско сдалось русской армии, которая по численности была равна шведской. Иностранные офицеры, наблюдавшую войну из рядов русской армии, сочли поведение шведов непонятным. После сдачи шведской армии русские захватили Финляндию. Финны получили охранные грамоты после присяги на верность. Целью тех, кто присягал, было сохранить жизнь и имущество и остаться с русскими захватчиками в хороших отношениях. Не считая разорений в приграничных областях, русские отряды вели себя довольно гуманно по отношению к местному населению во время войны 1741–1743 гг.

Чтобы привести в порядок снабжение своей армии и ситуацию в стране, русские дали добро на организацию местных сословных собраний. Тогда и стало ясно, что русская императрица не собиралась сделать Карла Петера Ульриха правителем независимой Финляндии или будущим королем Швеции. Вместо этого он стал наследником русского трона. Настояв на его крещении в православие, Елизавета оградила себя от той опасности, что шведы при поддержке Франции смогут использовать Карла Петера Ульриха (в крещении Петра Федоровича) как орудие против русских, избрав его, например, наследником шведской короны. Тогда, будучи отпрыском дочери Петра Великого, он мог стремиться и к тому, чтобы занять российский трон. Независимая Финляндия была больше не нужна как площадка для военной пропаганды, хотя эту идею и поддерживали некоторые советники Елизаветы. Риксдаг избрал Карла Петера Ульриха наследником шведского престола, чтобы добиться выгодных условий мира с Россией, но Елизавета предложила на эту роль родственника Карла Петера Ульриха, князя-епископа Любека Адольфа Фридриха. Он возглавлял управление Гольштейнов-Готторпов и кро-

ме того был потомком сестры короля Карла X Густава. Риксдаг последовал этому совету в июне 1743 г.

После смерти Елизаветы Петр Федорович стал именоваться царем Петром III и правил в 1761–1762 гг. Но уже в 1762 г. его жена Екатерина сместила своего супруга с трона.

В августе 1743 г. границы по Абоскому миру передвинули от западной части окрестностей Выборга к реке Кюмийоки и озеру Сайма так, что Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот (фин. Савонлинна) отошли русским. Сообщение Восточной Финляндии с побережьем Финского залива стало настолько неудобным, что перегонка дегтя, которой издревле занималось местное население, полностью прекратилась. Несмотря на то, что 7-й пункт Ништадтского мира не был перенесен в Абоский мирный договор, русские апеллировали к нему при всяком удобном случае.

Выбор Адольфа Фредрика Гольштейн-Готторпского на роль наследника шведской короны вызвал угрозу войны со стороны Дании. По этой причине на помощь шведам по морю приплыли 10–12 тысяч русских солдат, которые еще недавно были врагами Швеции, оккупировавшими Финляндию. Русские задержались в Швеции на полгода, сдерживая угрозы агрессии датчан и волнение недовольных шведских подданных. Русский посол И. А. фон Корф вмешался во внутреннюю политику Швеции, щедро финансируя партию «колпаков». Россия сетовала на то, что отдала Финляндию обратно шведам, а также была недовольна Адольфом Фредриком и браком, который он заключил с сестрой прусского короля Фридриха II Ловизой Ульрикой. Россия оказывала на Швецию давление, сосредоточив свои войска вблизи финской границы и отдав приказ своему флоту курсировать в водах Финского залива. Елизавета Петровна потребовала от Адольфа Фредрика в 1746 г. распустить «шляпы» из риксрода. Наследник, однако, объявил на заседании тайной комиссии риксдага, что не хочет становиться марионеткой в руках Елизаветы. В результате «шляпы» смогли заполнить членами своей партии свободные места в риксроде.

В начале 1747 г. Россия стянула свои отряды к границе со Швецией. В ответ Швеция заключила союз с Пруссией и Францией. По просьбе Фредрика I Елизавета отозвала из Стокгольма Корфа, переступившего всякие рамки дозволенного. Новый посол в Швеции Никита Панин выразил мысль о независимой Финляндии. Царица также возлагала надежды на сепаратистские силы Финляндии, которых в действительности

сти не существовало, не считая отдельных авантюристов. «Колпаки» подстрекали Россию оказать военное давление на Швецию. Причиной этого давления со стороны русских правителей была уверенность в том, что шведы так и не отказались от идеи реваншистской войны.

В 1749 г. Адольф Фредрик взял на себя обязательство отказаться от всех притязаний, касавшихся земли Шлезвиг-Гольштейна, двух располагавшихся на западном границе Дании герцогств, владение которыми и запутанные административные отношения между которыми в течение многих веков вызывали плохо поддававшиеся разрешению споры между государствами Северной Европы и их правящими династиями. Поведение Адольфа Фредрика предотвратило нападение со стороны Дании. Россия, тем не менее, грозилась завоевать Финляндию после смерти старого короля Фредрика. Новый правитель был обязан поклясться, что сохранит тогдашнюю форму правления и будет соблюдать 7-ю главу Ништадтского мира. Это был шантаж чистой воды без какой-либо военной угрозы, так как Россия не собиралась нападать в одиночку. Швеция раз за разом отвергала требования России и делала это жестче, чем раньше. По совету Франции в 1751 г. шведское правительство решило отправить свои войска в Финляндию. В то же время скончался король Фредрик I, что позволило Елизавете Петровне решить, что ее цель достигнута и, таким образом, опасность войны миновала.

В действительности давление со стороны русских способствовало тому, что шведское правительство стало уделять больше внимания обороне Финляндии. В конце 1740-х гг. шведы приступили к постройке крепости Свеаборг (фин. Суоменлинна) недалеко от центра города Хельсинки. Финансирование на постройку поступало главным образом из Франции.

Придворная партия, участвовавшая в риксдаге, в середине 1750-х гг. попыталась расширить власть короля, но сословия отклонили план государственного переворота. Придворная партия попросила помощи у царицы Елизаветы. Руководителей тайного заговора казнили. Королю Адольфу и королеве Ловизе Ульрике, которая была осведомлена о готовящемся заговоре даже лучше супруга, удалось отделаться от связей с заговорщиками и справиться с публичным порицанием королевской четы.

В 1757 г. Швеция объединилась с Францией, Австрией, Россией и Германией в войне против Пруссии. Швеция также вступила в эту войну плохо оснащенной. В 1762 г. шведы наряду с русскими заключили с Пруссией мир.

В 1764 г. Россия под управлением Екатерины II и Пруссия во главе с королем Фридрихом II заключили союз, целью которого было сохранить в силе шведскую форму правления. В следующем году Дания заключила такой же союз с Россией. «Колпаки» снова пришли к власти в риксдаге в 1765–1766 гг. При активном содействии российского посла Ивана Остермана была создана система, которая должна была усложнить внесение поправок в конституцию Швеции, благодаря чему Россия надеялась избежать усиления власти шведского монарха и начала войны с целью реванша.

В ходе предвыборной кампании в риксдаг 1769 г. Франция оплачивала расходы партии «шляп», а Россия, Англия и Дания — издержки «колпаков». В результате «шляпы» отстранили «колпаков» от управления страной. Екатерина II планировала сделать Финляндию «свободным», а по сути зависимым от России буферным государством. Россия, Пруссия и Дания продлили союз, целью которого было воспрепятствовать изменению в государственном строе Швеции, который усилил бы впоследствии полномочия короля. Это могло повлечь объявление войны Швеции. Союзники планировали заставить Швецию отдать им земли, если война все же разгорится. Пруссия, Дания и Англия были не особенно заинтересованы в том, чтобы способствовать значительному расширению территорий России в направлении Финляндии. Намерением Екатерины было, тем не менее, в первую очередь утихомирить Швецию и начать раздел Польши при участии Пруссии.

По данным первой переписи населения 1749 г., численность населения Швеции (неполные 1,8 млн) и Финляндии (свыше 400 тысяч) оказалась меньше предполагавшейся. Для той эпохи был характерен интерес к росту сельскохозяйственного производства, в том числе и с целью увеличения численности населения. Было разрешено дробление наделов, и началось осуществление Великого передела земель (фин. *isojako*), способствовавшего объединению десятков небольших крестьянских земельных наделов. Крестьяне получили право сдавать в аренду части своих участков новым возделывателям. Эти реформы значительно простимулировали сельскохозяйственное производство и вызвали значительный прирост населения. Происходило небольшое потепление климата, в стране начали выращивать картофель, и остались в истории многочисленные наборы в рекруты, шедшие рука об руку с великодержавными войнами, — все это также благоприятно повлияло на ситуацию.

За период 1749–1800 гг. население Финляндии, входившей в состав Швеции, удвоилось. В 1789 г. была окончательно утверждена гарантия полной собственности крестьян на их землю. Владельцам коронных наделов возвращалось право выкупать свои земли, чтобы получить право полной собственности на них. После того как «колпаки» пришли к власти в риксдаге в 1765–1766 г., ограничения на международную торговлю, ставившие в приоритетное положение Стокгольм, были упразднены, а права небольших шведских городов на ведение торговли были, наоборот, расширены, благодаря чему многие из них теперь могли торговать в том числе и с другими странами.

В конце шведского правления Финляндия разбогатела, а ее культурная жизнь значительно развилась и упрочила свои позиции. В Академии Або (университете) значительное влияние приобрел специалист по экономике и естествознанию Пер Кальм, исследователь и путешественник по Северной Америке, а в духовном сословии, участвовавшем в риксдаге, важной стала фигура Андерса Чюдениуса, который создал труды о свободе выбора источников существования в духе экономического либерализма и настоял на том, что в 1766 г. была отменена цензура в печати. Ученик Кальма из Академии Або Эрик Лаксман, родившийся в Нейшлоте, совершал экспедиции в Сибирь. Он был одним из членов Петербургской академии наук и царским минерологом в Иркутске. Его сын Адам Лаксман плавал в Японию в 1792 г. и по поручению Екатерины пытался завязать там торговые отношения, однако японское правительство ответило отказом на попытку сближения.

Альгот Скарин, швед по происхождению, был профессором истории Академии Або в 1722–1761 гг. На основе сравнительного анализа языков он подтвердил так называемую норманнскую теорию, согласно которой варяги, основавшие Русь, были по происхождению шведами. Профессор риторики (латинского языка) Хенрик Габриель Портан (на должности 1777–1804 гг.) занимался исследованиями финских народных традиций, истории и языкознания. Портан составил компиляцию истории России, по возможности в форме лекций, которая была издана лишь в 1966 г. Стоит отметить, что финский язык, преимущественно язык народа, все еще находился в Финляндии на вторых ролях. Портан считал шведский язык языком образования. Знание финского языка не требовалось даже от служащих, занимавших в Финляндии должности судей и чиновников. Самые важные законы и указы все же переводились на финский и официально издавались.

Межсословные разногласия усилились в конце эпохи правления Адольфа Фредрика. Толчком послужило принятое дворянством в 1762 г. решение о том, что в рыцарское собрание отныне нельзя было принимать новых членов для полномерного введения их в круг шведского дворянства. Таким образом, на долгое время была предотвращена возможность того, что незнатные государственные деятели поднимутся в ранг общественной элиты. Эту тему горячо обсуждали в риксдаге в 1769–1770 гг.

После смерти Адольфа Фредрика в 1771 г. шведскую корону унаследовал его сын Густав III. Произнося торжественную клятву перед риксдагом весной 1772 г., король утвердил сословные и, таким образом, дворянские привилегии, в том числе касательно высоких должностей. На должность, тем не менее, следовало назначать, основываясь на умениях и заслугах, а не опираясь на сословную принадлежность. Так Густав пытался удовлетворить пожелания как аристократических, так и незнатных сословий. Спор происходил в действительности между сословиями, а не между партиями. Шведский король хотел, чтобы представители обеих партий присутствовали в риксроде, но партия «колпаков» вытеснила из правительства всех «шляп» и членов придворной партии. Они больше не прислушивались к советам посла Остермана, который призывал быть осторожными. Выходом из положения казался данный в личном письме королю совет министра иностранных дел Франции начать организацию государственного переворота. Франция уже предлагала подобное решение вопроса кронпринцу Густаву в 1760-х гг., но тогда дала этой рекомендации обратный ход.

Густав осуществил бескровный государственный переворот летом 1772 г. Представители сословий одобрили новую форму правления в королевском дворце, во двор которого на всякий случай были стянуты заряженные пушки. Согласно новой форме правления 1772 г., управленческая и законодательная власть, как и руководство внешней политикой, переходили к королю, однако монарх не имел права вступать в войну без согласия сословий. У последних, наряду с королем, оставалось право участвовать в принятии законов и введении новых налогов. Созыв сословного собрания теперь зависел от желания правителя, тогда как в Эпоху свободы риксдаг созывался автоматически каждые три года, а иногда и чаще.

Россия, в это время вовлеченная в войну с Турцией, не могла ничего поделать. Дания не была способна в одиночку заставить Швецию вернуться к тому политическому строю, который гос-

подставовал в стране в Эру свободы. Давнее намерение России сохранять шведскую королевскую власть бессильной, а страну — внутренне слабой и внешне беззащитной обернулось полнейшей неудачей.²⁵

Перевод с финского Елены Вешняковой

²⁵ Eino Jutikkala. *Vapauden aika // Suomen historian käsikirja*. I. Porvoo & Helsinki, 1964. S. 499–587; Toivo J. Paloposki. *Vapauden aika // Suomen historia*. 4. Espoo, 1986. S. 9–179; Ilkka Mäntylä. *Vapauden aika // Suomen historian pikkujättiläinen*. Porvoo & Helsinki & Juva, 1987. S. 272–311; Michael Roberts. *Sverige under frihetstiden 1719–1772*. Falun, 1995; Kan. Op. cit. S. 84–97, 178–184; Evgeny V. Anisimov. *Empress Elizabeth: Her Reign and Her Russia 1741–1761*. Gulf Breeze, FL, 1995, в особенности pp. 28–42, 85–90, 105–109, 146–149; Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII в. Л., 1972. Отметим, что Юрки Пааскоски рассматривает в своем разделе попавшие под власть России в 1721 и 1743 гг. области Финляндии, так называемую Старую Финляндию.

ЛАРС ЭРИКСОН ВОЛЬКЕ

РЕТРОСПЕКТИВА РОССИЙСКО-ШВЕДСКИХ ВОЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

с 1771 по 1809 гг.

Оборона Финляндии

Почти на всем протяжении XVIII века и в Швеции, и в России осуществлялись различные маневры, направленные как на подготовку к войне с соседом, так и на то, чтобы этой войны избежать. В то же самое время, при выборе оборонной политики в Стокгольме, так же как и в Санкт-Петербурге, руководствовались опытом, полученным в годы противостояния двух стран с 1700 по 1721 год.

В Швеции, чтобы отразить возможные нападения русских войск, значительно превосходящих по численности шведскую армию, на передовой линии были спроектированы и построены серьезные крепостные сооружения — Свеаборг и Свартхольм. Старые приграничные крепости Нарва, Ниеншанц, Выборг, Кексгольм и Вильманstrand после событий 1721 и 1743 гг. перешли к России, и поэтому нужно было построить новые. Однако не все военачальники в Швеции были убеждены в правильности избранной военной стратегии; многие политики и военные все еще придерживались идеи эпохи Карла XII о том, что война должна носить наступательный характер. Считалось, что в новой войне с Россией — а в *том*, что такая война рано или поздно будет, мало кто сомневался — следует, как и в каролинскую эпоху, занять наступательную позицию. В этом случае получалось, что огромные средства, потраченные на постройку

новых крепостных сооружений, — это просто выброшенные на ветер деньги. Несмотря на новые стратегические задачи и иное распределение сил, в шведских военных кругах все еще господствовали устаревшие убеждения. Помимо этого, шведские политики не хотели, чтобы масштабное фортификационное строительство спровоцировало Россию к ответным мерам. Однако катастрофический для Швеции исход войны 1741–1743 гг. доказал несостоятельность и слабость таких самоуверенных планов, и в 1747 году на въезде в Гельсингфорс было начато строительство свеаборгской крепости.

Не следует забывать, что и в России доминировали идеи, актуальные в период петровских войн против армии Карла XII. Несмотря на сокрушительную победу 1721 года, многие ведущие военачальники хорошо помнили о последствиях шведской угрозы, в частности о катастрофических результатах битвы под Нарвой в 1700 г. и о поражениях в Гродно и Головчине в 1708 г. В случае, к примеру, альянса с Турцией нападение со стороны Швеции могло серьезно угрожать безопасности Санкт-Петербурга. Именно поэтому в петровскую эпоху появляются крепостные сооружения вдоль северо-западной границы, а по приказу Екатерины II фортификационные работы и в 1760-е годы, когда к России в 1743 году перешли Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот. Однако наиболее масштабные мероприятия по строительству фортификационных сооружений в Старой Финляндии (финской территории, перешедшей России по мирным договорам 1721 и 1743 гг.) были начаты только после заключения Верельского мира в 1790 году.

Важность обороны Финляндии многие понимали по-разному. В пользу необходимости мер по защите Финляндии после окончания войны 1743 года высказывался новый король Адольф Фредрик, вступивший на престол в 1751 году, а также многие известные финны. По собственному выражению Адольфа Фредрика, Финляндия была «столь важной частью государства, что без нее Швеция не была бы Швецией». Священник и политик Якоб Серениус, член партии «колпаков» и один из представителей Финляндии в риксдаге, утверждал, что Финляндия «вот уже скоро как семьсот лет служит шведской короне, и при этом не реже, чем раз в 25 лет наш мир нарушали — каждое поколение финнов как минимум трижды переживало период разрушений и грабежей, — но, несмотря на это, финны вновь, как пчелы, чей улей потревожили, обустривали свое новое жилье и продолжали собирать мед во благо Швеции. Все тяготы, через которые

Швеции пришлось пройти в борьбе со своими злейшими врагами, оставили шрамы на сердце Финляндии».

Первые мысли о возможной независимости Финляндии появились во время российской оккупации 1742–1743 годов, но тогда лишь немногие вдохновились этой идеей. Однако во время войны 1788–1790 гг. оказалось, что стремления влиятельных военачальников добиться независимости Финляндии и даже их чисто пророссийские настроения Швеции были крайне невыгодны. Переход Финляндии к России в 1809 году, за исключением нескольких вооруженных крестьянских восстаний во время войны, прошел практически незаметно, и большинство военных и гражданских лиц приняли новый режим. Это стало возможным благодаря психологическим процессам, начавшимся в периоды российского господства в 1713–1721 гг. и в 1742–1743 гг., а также благодаря недостаточно активному участию Швеции в войне 1741–1743 гг. Таким образом, события начала 40-х годов XVIII века имели серьезные последствия для нескольких следующих поколений.

Однако перед этим были проведены серьезные мероприятия по укреплению обороны Финляндии. Уже в 1742–1743 гг. на заседаниях риксдага бургомистр Гельсингфорса Генрих Йохан Форстен выдвигал требования по постройке крепостных сооружений в районе Гельсингфорса и по переводу туда половины галерного или шхерного флота. В мае 1748 года были начаты работы по возведению бастионной системы укреплений Свеаборг на въезде в Гельсингфорс. В последующие десятилетия эти шхеры стали для Швеции главным строительным пунктом, и туда свозили тысячи солдат из всей Швеции и Финляндии. На постройку Свеаборга ушло шестьдесят лет, а одновременно с этим в приграничных районах были построены и другие, менее крупные крепости, Ловиса и Свартхольм. Помимо этого, с 1758 года в Свеаборге располагалась шхерная эскадра — «Армейский флот».

Европейская Семилетняя война

В 1756 году прусский король Фридрих II развязал войну против вражеской коалиции, объединившей целый ряд государств, а именно Австрию, Францию, Россию, Саксонию и несколько других немецких княжеств, а в 1757 году к этой войне присоединилась и Швеция. Таким образом, Швеция и Россия в данном военном конфликте оказались по одну сторону баррикад.

В 1760–1761 гг. шведские и русские военные суда вместе участвовали в бомбардировках прусских позиций у Кольбергской крепости. В ходе военной операции 1759 года между Швецией и Россией была достигнута договоренность о совместной осаде Штеттина, однако из-за глубокого недоверия между странами этим планам не было суждено сбыться. Несмотря на то что шведский военный флот и сухопутные войска завоевали острова в устье Одера, связав таким образом основные силы шведской армии в Померании с русскими войсками, наступающими со стороны Западной Пруссии и Восточной Померании, все это не привело к каким-либо практическим результатам. В 1762 году Россия и Швеция заключили сепаратный мир с Пруссией, в то время как остальные участники конфликта продолжали военные действия до 1763 года.

На пути к новой войне

Лишь однажды Швеция и Россия оказались на одной стороне, но, как оказалось, общие интересы в борьбе с Пруссией не способны были перевесить старой вражды и взаимных притязаний на общие приграничные территории. Швецию беспокоила возможность роста российского влияния на юге Балтийского моря. Правда, в начале войны Швецию и Россию объединяло желание блокировать Балтийское море от западноевропейских морских держав — Голландии и Великобритании. Против этого отчасти выступали датчане, и поэтому в 1758 году шведско-российская эскадра высадилась у города Драгэр. Совсем ненадолго военнополитическая ситуация в балтийском регионе изменилась. Очень скоро российско-датский альянс в борьбе против Швеции был восстановлен.

В 1780-е годы по инициативе нового короля Густава III судостроение в Швеции стало развиваться невиданными темпами. За три года в Карлскроне было построено десять 62-пушечных линейных корабля и десять 40-пушечных фрегатов. Однако, несмотря на это, к 1785 году шведский флот суммарным водоизмещением 66 000 т, был меньше датского (водоизмещением 87 000 т) и, тем более, меньше русского (111 000 т), ибо императрица Екатерина II еще активнее развивала флот и увеличивала его численность. В сухопутных войсках Швеции в 1780-е годы также проходило переоснащение, организовывались военные учения. Катастрофа 1741–1743 гг. канула в Лету, и появилась установка взять реванш

в новой войне, которая позволит отменить мирные договоры 1721 и 1743 годов. Развязывание новой войны в 1788 году только лишь подтвердило, что в оборонной и внешней политике по отношению к России Швеция руководствовалась единственной идеей — восстановить соотношение сил до 1721 года. Тот факт, что реальный баланс сил на Балтике развивался совершенно в противоположном направлении, большинство шведских руководителей предпочли проигнорировать, и только строительство фортификационных сооружений в Финляндии было попыткой трезво оценить ситуацию.

Война с Россией 1788–1790 гг.

Опасаясь новой войны с Россией, Швеция в течение многих лет занималась укреплением своих оборонительных позиций в Финляндии, поэтому в 1747 году было принято решение о строительстве фортификационных сооружений в Свеаборге и Свартхольме. Основной задачей строительства было подготовить линию обороны в Финляндии, однако некоторые военачальники говорили о необходимости построения обороны у самой границы, чтобы не допустить вторжения русских войск в глубь Финляндии, где располагались обе крепости. Вместо этого некоторые из участников дебатов выступали за сооружение приграничной крепости в городе Ловиса. Работы по сооружению были начаты, но прервались в 1775 году. Оценивая все эти усилия, возникал вопрос — как шведы смогут предотвратить или хотя бы задержать противника до полной мобилизации всех сил и организации подкрепления со всей Швеции.

Однако, несмотря на то что для многих относительная слабость Швеции по сравнению с Россией была очевидна, в некоторых кругах зарождались достаточно амбициозные завоевательные планы. Эти идеи, в частности, выдвигал генерал Юхан Кристофер Толь, которому в 1784 году было поручено решить проблему обороны Финляндии. В Главном штабе в Стокгольме опасались нападения со стороны России весной этого года, и в своем докладе в апреле Толь высказал мнение, что лучший способ отразить нападение — это атаковать самим. Значительные силы — назывались цифры в 12 000 человек — должны морским путем быть доставлены в Эстонию и оттуда начать путь в Санкт-Петербург. Это должно было заставить более сильную русскую армию ослабить давление на Финляндию, чтобы защитить свою столицу. Аг-

рессивный план обороны генерала Толя совершенно обесценил роль крепостей в защите границ государства. Толь считал, что эта стратегия устарела. Важной предпосылкой к началу реализации плана Толя стала разразившаяся в 1787 году русско-турецкая война, заставившая Россию перебросить значительную часть своей сильной полумиллионной армии на юг.

Доработанный план, базирующийся на перемещении основных сил из Свеаборга в ингерманладский Ораниенбаум, расположенный на берегу Финского залива прямо напротив Кронштадта — военного форпоста Петербурга, — лег в основу стратегии Швеции по развязыванию войны. От российской столицы шведский десант отделяло не более 40 километров. Также планировалась атака на Кронштадт, причем в то же самое время незначительные военные группы должны были пересечь границу в районе Абборфорса и направиться в сторону Фридрихсгама и Выборга, чтобы таким образом дезориентировать русских и заставить их рассредоточить свои силы.

Но, что важно, план Толя побудил Густава III и некоторых его советников разработать план нападения на Россию. Весной 1788 года на заседании военного совета во дворце Хага в окрестностях Стокгольма было принято окончательное решение, в результате чего Швеция напала на Россию, которая на тот момент находилась в состоянии войны с Турцией. По плану Толя шведы должны были в этом случае отразить нападение могущественной русской армии, которое вряд ли удалось бы остановить при встрече лицом к лицу в южной Финляндии. В реальности диверсионный маневр нападения на Эстонию превратился в чистой воды наступательную операцию 1788 года против России, а не отчаянную попытку предотвратить раскол Финляндии, как это произошло в 1713–1714 и в 1741–1742 годах. Короля привлекала возможность получить преимущество в бывших балтийских провинциях. Согласно плану, южная армия должна была разделиться, и одной ее части следовало направиться в Ригу, а другой в Ревель. Основные силы, сконцентрированные к северу от Финского залива, должны были выйти к Карельскому перешейку и завоевать Санкт-Петербург или же хотя бы, благодаря своему присутствию там, вынудить Россию заключить мирное соглашение, возвращающее Швеции потерянные земли в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии. 22 мая был отдан приказ о мобилизации.

Началом военных действий 29 июня послужили раздавшиеся за день до этого печально известные залпы в г. Пуумала. Полковник Берндт Йохан Хастфер, бригадный начальник провинции

Саво, взяв с собой казацкую форму, инсценировал «русское» нападение на финские войска в Пуумала. Неизвестно, были ли к этой операции привлечены и русские пограничники, но в любом случае все это был «заказ». Данное происшествие послужило основанием немедленного нападения на Россию, состоявшегося на следующий день, 29 июня. То есть это была та же модель, что использовалась в майнильском инциденте, когда в ноябре 1939 года Советский союз инсценировал нападение со стороны Финляндии, положившее начало Финской войне.

С момента инцидента в Пуумала и последующего конфликта 28–29 июня до направления Густавом III ультиматума императрице Екатерине II в Санкт-Петербург прошла целая неделя. Однако ультиматум был отклонен русскими, и российская сторона возложила всю вину за разжигание войны на Швецию. Попытки полковника Хастфера силами своей бригады в Саво завоевать Нейшлотт закончились неудачей. Операция перешла в блокаду, завершившуюся через семь недель. Тем не менее шведам удалось занять проходы у Кэрнэоски и Пуумала, ранее находившихся к югу от границы, в тридцати километрах от русского Вильманстранда. Основные же силы под командованием полковника Густава Маурица Армфельта 11 июля пересекли границу в районе Абборфорса и направились в сторону Фридрихсгама. Нападение, однако, остановилось на полпути, после вылазки русского гарнизона в ночь с 19 на 20 июля у Сумма.

У дер. Аньяла стоял корпус генерал-майора Карла Густава Армфельта. 16 июля инженерные войска построили мост через реку Кюммене (Кюми), и около 2 000 солдат продвинулись в глубь русской Финляндии. Через пару дней к корпусу присоединился Густав III, лично принявший участие в операции в течение суток, прежде чем вернуться в Гельсингфорс после того, как Главный штаб получил сообщение о морском сражении у Гогланда. Войска Армфельта заняли Лииккала и затем продолжили оттуда путь в Хусула к северу от Фридрихсгама. Затем они разбили лагерь и установили контакт с другим армфельтским корпусом к западу от города, которому теперь шведско-финские силы угрожали с двух сторон.

Но в то же самое время на море произошло одно важное событие, и победителя в этом сражении определить не удалось. Днем 17 июля недалеко от Гогланда стокнулись две одинаково мощные флотилии в классическом линейном сражении. Русские вывели 17 линейных кораблей и войско, насчитывающее 12 000 человек, а Швеция противостояла им пятнадцатью линейными судами,

пятью фрегатами и армией в 10 400 человек. За линией фронта обе стороны держали дополнительные силы. В начале боя противники встретились линия к линии, но далее сражение превращалось в дуэль отдельных судов или групп судов. Русские суда в бою пострадали больше, а 74-пушечный корабль «Владислав» был захвачен шведами. Всего в сражении погибло, ранено или было взято в плен 1 800 русских и от 1 000 до 1 200 шведов.

Тактически сражение при Гогланде завершилось вничью, но стратегически русские были успешнее. Шведское внезапное нападение провалилось. Разместить войска в Эстонии не удалось, из-за чего было невозможно воплотить в жизнь план захвата Санкт-Петербурга. Единственное, что осталось, — это сухопутный фронт в Финляндии. Помимо этого, возможности ремонта шведских линейных кораблей в Свеаборге были ограничены, в то время как русские в Кронштадте быстро восстановили большую часть своих судов. К тому же из Архангельска и других городов прибыли новые линейные корабли, и русский флот запер своего противника в Гельсингфорсе, а связь с западной частью Шведского королевства была практически оборвана. Это снижало шансы шведов к успешному ведению войны в Финляндии.

Шведский корпус численностью 11 000 человек, находившийся в районе Гельсингфорса в ожидании транспортировки в Ораниенбаум, теперь разделился: треть направилась сухопутным путем к фронту, чтобы усилить корпуса обоих Армфельтов у Фридрихсгама, а оставшееся войско под управлением генерал-лейтенанта фон Сигрута на судах низкой осадки армейского флота высадились к востоку от Фридрихсгама. В этой крепости осталось всего 2 000—3 000 защитников, а суммарная численность шведского отряда на востоке и севере города составила более 9 000 человек. Одним из корпусов, у Хусула, руководил сам Густав III. Нападение вместе с армейским флотом численностью 6 000—8 000 человек могло бы увенчаться успехом, но из-за неблагоприятного ветра армейский флот не достиг запланированного места высадки у Бракила, в пяти километрах от Фридрихсгама. Однако в сухопутных войсках наблюдалось полное отсутствие координации. Нападение, начатое 3 августа, уже седьмого пришлось прервать, и в Кюмменегорде был созван военный совет.

После провала нападения на юге Финского залива, войска заняли оборонительную позицию. Инициатива перешла к русским, и они относительно малочисленными силами, менее 6 000 человек, выбили противника из Фридрихсгама. Это контрастное явление не было особо активным, поскольку швед-

ские солдаты и так постепенно отходили назад. Около 21 августа шведские войска с восточной стороны границы находились только у Хегфорса и Кюмменегорда, и здесь они противостояли русским отрядам под руководством генерала Михельсона у Сумма и Хусула. На плацдарме Аньяла стоял корпус генерала-майора Армфельта, столкнувшегося здесь с русскими солдатами под командованием генерал-майора Бауэра. Объединенное руководство всеми частями русских войск осуществлял генерал Мусин-Пушкин.

В связи с заметно ухудшившимся в июне—июле снабжением, а также с неудачей при Гогланде, недовольство в рядах шведской армии росло, а отступление в Фридрихсгаме только усилило эти настроения. Антивоенные настроения и недовольство политической ситуацией особенно ярко проявлялись в офицерских кругах. Многие офицеры подали прошение об отставке, а 9 августа майор Юхан Андерс Егерхорн (троюродный брат Георга Хенрика Егерхорна) направляет императрице Екатерине II так называемую Ликальскую ноту с предложением о начале мирных переговоров. По этой причине практически сразу в Аньяла 12 августа состоялось совещание, на котором 113 офицеров подписали декларацию с требованием об окончании войны, восстановления баланса между королевской властью и народом и созыве нового риксдага. В придачу к этому 21 августа Дания объявила Швеции войну, что сводило на нет один из ключевых аргументов к началу военного похода.

Однако здесь мнения разделились. Когда Егерхорн 24 августа вернулся из Санкт-Петербурга, оказалось, что он зашел несколько дальше, чем планировали его единомышленники. Темой переговоров стало не только подписание мирного договора, гарантирующего целостность границ, но и вопрос отделения Финляндии от Швеции. Такое поведение вызвало смуту среди сторонников Аньяльского союза, и Густав III смог вернуться в Стокгольм, а его брат герцог Карл принял командование Финляндией.

Герцог действовал осторожнее, чем того требовал король. Он освободил завоеванные территории на российской стороне границы и поддержал офицеров, требующих созыв риксдага. Но одновременно с этим 20 октября войска были расквартированы на зимней квартире, перед тем как герцог был смещен с поста командующего; на этом посту его сменил сначала Ф. А. Поссе, а затем, 11 декабря, — генерал-лейтенант Й. А. Мейерфельт. В этой ситуации заговорческие настроения в армии утихли, в особенности среди младшего командного состава и рядовых, да

и низшие сословия в риксдаге все больше возмущали заговорщики, которые, как считалось, играли на руку врагу в самый разгар войны.

1 декабря 1788 года было объявлено об аресте ведущих членов Аньялского союза, и в начале 1789 года их задержали и привезли в Стокгольм. Правда, Егерхорн и его ближайшие соратники успели до начала арестов сбежать в Россию. После длительного судебного разбирательства в сентябре 1789 года и апреле 1790 г. около 80 офицеров были приговорены к смертной казни, но все они были помилованы, за исключением полковника Й. Х. Хэстеску, которому 3 сентября 1789 года отрубили голову на площади Ладюгордсландсторг (современное название Эстермальмсторг) в Стокгольме.

В то время как в Финляндии в армии порядок и дисциплина были восстановлены, на западе страны в сентябре 1788 года была развязана короткая война с Данией, которая со стороны Норвегии вторглась в провинцию Бохуслэн и завоевала Уддевалу, Вэнереборг и крепость Бохус у города Кунгэльв, после чего было заключено перемирие. Датская операция завершилась в 1789 году; датчане отступили, и в июле 1789 года Копенгаген заявил о своем нейтралитете.

Таковы итоги 1788 военного года, который принес большое разочарование для оптимистичных шведских военачальников. Но крах и распад в армии удалось в последний момент предотвратить, во многом благодаря тому, что русские были слишком слабы, чтобы воспользоваться моментом и перейти в контрнаступление.

Ко второму году войны Швеция подготовилась лучше благодаря мерам, предусмотренным риксдагом, что позволило обеспечить вооружение и более грамотное снабжение. Для этого, в частности, в Финляндии была создана комиссия по провианту. Произошло это в последний момент, когда офицеры не получали жалование шесть месяцев, а рядовые — пять и когда несколько военных отрядов были практически истощены голодом.

9 июня 1789 года Густав III прибыл на корабле в Финляндию и расположил свой главный штаб в Борго. Через несколько дней были получены сведения о том, что русские совершили нападение на Саво, чтобы разбить расположенную там финскую бригаду или, по крайней мере, отделить ее от основных сил на юге. В битве в проливе Поррассалми 13 июня русское наступление было остановлено, и командир бригады фон Стедингк смог через Йоройнен спокойно вывести свои войска обратно вглубь на север. Бригада провинции Саво не пострадала, но теперь она с юга

была отделена от основной армии на 150 км. Русские войска также проследовали к Йоройнен, но там они остановились, чтобы не ставить под угрозу свой путь назад.

23 июня, когда сражения на севере прекратились, началась операция на южных фронтах. Основные силы, состоящие из двух корпусов, общей численностью 5 000—6 000 человек, должны были начать наступательные действия по направлению к Вильманстранду, во многом для того, чтобы облегчить положение бригады Саво. На юге меньший по численности отряд совместно с армейским флотом должен был напасть на Фридрихсгам.

План был хорош, но к его исполнению приступили слишком поздно. Отступление бригады Саво уже закончилось. Сначала все шло хорошо, и 28 июня русских вынудили оставить свои позиции в Утти, но затем шведская атака была приостановлена. Армия была слишком слаба, чтобы продолжить наступление на Вильманstrand, и план был изменен. Теперь корпус Густава III развернулся к югу по направлению к Фридрихсгаму, чтобы воссоединиться с армейским флотом и сухопутными силами, атаковавшими со стороны Абборфорса.

3 июля русские войска в количестве трех батальонов были вытеснены из Ликала, где в течение трех недель стоял корпус Густава III, прежде чем, почувствовав угрозу за своей спиной, вернуться в Аньяла и Вяряля. Отряд генерал-майора Каульбарса, продвинувшийся от Утти к Вильманстранду, после короткого сражения развернулся и возвратился на исходные позиции. Коувола и Вяряля были сданы при отступлении, и поэтому корпусу Густава III также пришлось вернуться, чтобы не быть отрезанным от основных сил.

То, что происходило сейчас, можно было назвать окопной войной, когда каждая из сторон укрывалась в своих лагерях, периодически совершая незначительные нападения друг на друга или обмениваясь артиллерийскими дуэлями. На севере Стедингк и бригада Саво перешли к контратаке, и 21 июля в сражении у Паркумэки шведы одержали победу, после чего бригада Саво разбила лагерь в Сэминге, к западу от Нейшлотта.

Определенных успехов на юге достиг корпус Мейерфельта, завоевав остров Пюттис, Кюменегорд и Хегфорс на восточном берегу реки. В конце июля Мейерфельта перевели в корпус у Вяряля и Аньяла, где у него в подчинении находились 8 000 человек. Командование на юге перешло к фон Сигруту; его четырехтысячное войско находилось у Кюменегорда, где свой главный штаб развернул Густав III.

В середине августа к Сигруту из Швеции пришло подкрепление, и теперь он мог разместить 6 000 солдат в Кюмменегорде и Хегфорсе. После поражения флота в Роченсальмском сражении 24 августа, береговой корпус был вынужден отойти обратно к Абборфорсу, поскольку русские войска атаквали и с суши, и с моря. Таким образом, военные действия на юге были приостановлены, и пришлось вернуться на исходные позиции. Чтобы противостоять русским, завладевшим полуостровом Порккала, войскам, прибывшим из Швеции в качестве нового подкрепления, пришлось продвинуться к Нюланду. В результате нападения в ночь на 30 сентября удалось выбить русских из их укреплений на острове Эльгшеландет недалеко от Бэрсунда, но военная база в Порккала не пострадала.

К третьему году войны было решено вернуться к первоначальному плану 1788. Теперь предполагалось, что благодаря действиям флота появятся предпосылки для десантной экспедиции на Санкт-Петербург. Несколько армейских подразделений были доставлены на флот, что несколько ослабило основные силы армии, несмотря на то что резервный состав был увеличен благодаря пополнению (так называемому *vargering*). Это были резервисты, готовые вступить в бой, если солдат регулярных войск будет убит, ранен или взят в плен, однако в этот раз их призвали заранее, чтобы увеличить численность армии.

Три группы, находящиеся в Санкт-Михеле, Рантасалми и Карелии, должны были отвлечь внимание русских. Сражения начались 15 апреля, когда русские еще не успели достаточно подготовиться. Взяв Кэрнэоски, отряд Густафа Маурица Армфельта отбил контрнаступление русских. До конца план, однако, не был выполнен, поскольку не все три корпуса начали продвижение одновременно. Карельская бригада на северо-востоке вообще не провела ни одной операции. В основном это произошло из-за отсутствия продовольствия и ломовых лошадей. Вместо этого королевский отряд вышел из Яала, перешел по реке границу и затем свернул на юг. 29 апреля, прежде чем объединиться с корпусом Армфельта, отряд атакует русские позиции у Валкеала. Как и в 1789 году, планировалось совместное наступление на Вильманstrand, но русские успели раньше. Перейдя к контратаке, они вынудили корпус Яала отойти назад и продолжили продвижение по шведской территории. В результате сражения у Келттиских казарм в ночь с 19 на 20 мая русские вынуждены были отступить через реку Кюммене, но они все равно еще удерживали плацдармы Вяряля и Аньяла.

В июне Армфельт предпринял новую попытку отбить у русских завоеванные позиции, в результате чего состоялось кровопролитное сражение у Савитайпале, в ходе которого сам военачальник был ранен и вынесен на руках с поля боя. На юге Мейерфельт возвратился к береговой линии и забаррикадировался в Кюмменегорде и Хегфорсе.

Вопрос главного нападения на Санкт-Петербург оставался открытым, и здесь центральную роль должен был сыграть флот. Высадка у пролива Бьеркезунд на Карельском перешейке, на расстоянии четырехдневного похода от российской столицы, был осуществлен лишь частично. Корпус численностью 3 000 человек высадился в условленном месте 7 июня, но сразу же разделился на три колонны, из которых только одна начала продвижение к Санкт-Петербургу. Получив от русских отпор, 18 июня воинская группа вернулась на корабль. Это означало, что королевский военный план 1790 года был полностью провален.

Операции шведского флота в этом году проводились в самом центре территории, где концентрировались военно-морские силы Российской империи. 13 мая была предпринята неудачная попытка атаки русской эскадры, базирующейся в Ревеле. С другой стороны, благодаря атаке на Фридрихсгам, удалось выбить большую часть базирующейся там русской галерной эскадры; линейный флот защищал высадку на Карельском перешейке от нападения главных сил русских в Кронштадте, а в то же самое время шхерный флот перешел к наступлению на Выборг. Когда высадка окончательно провалилась, Густав III оказался в ловушке, вместе с 30-тысячной армией, 47 судами линейного флота, 174 шхерными судами и еще 54 вспомогательными и транспортными судами. Швеция оказалась перед лицом неслыханной катастрофы. Однако русский адмирал Чичагов не сумел затянуть петлю, и ясной летней ночью со 2 на 3 июля шведскому войску удалось прорвать заградительную линию. Катастрофы удалось избежать с незначительными потерями. Более того, летняя морская война 1790 года закончилась победой после Второго Роченсальмского сражения 9–10 июля, когда была уничтожена значительная часть русского галерного флота и где погибли, по разным источникам, от 7400 до 10 000 русских моряков и солдат. Потери шведской стороны составили около 300 человек убитыми и ранеными.

После победы в Роченсальмском сражении шведы смогли перейти к мирным переговорам, не ощущая себя проигравшими. К тому же изменения в политической ситуации и катастрофиче-

ское поражение флота заставляли русских также искать способы заключения мира. 14 августа 1790 года был подписан Верельский мирный договор, позволивший после трех лет ожесточенной борьбы сохранить неизменность довоенных границ.

Шведские надежды 1788 года не оправдались, но, с другой стороны, самых страшных последствий удалось избежать. Можно долго обсуждать, могла ли обессиленная армия сопротивляться русским четвертый год подряд, даже в ситуации, когда русские в то же время на юге вели войну с Турцией. В течение долгого времени исследователи весьма критически оценивали методы ведения Густавом III данной войны. Плохо подготовленная и развязанная с использованием сомнительных с конституционной точки зрения методов, эта война демонстрировала целый спектр стратегических и тактических ошибок. Только морские успехи, в первую очередь в Роченсальмском сражении, спасли Швецию от полного фиаско. Людские потери в сухопутных войсках и флотах составляют, по оценкам, около 10 000 человек, причем многие умерли от тифа и других заболеваний, зачастую даже не попав к месту сражений в Финляндии.

Наземная война, безусловно, была провальной, особенно если сравнивать результаты с грандиозными планами операций. Слабость и недостаточная скоординированность руководства привели к отсутствию сплоченности между отдельными силами, и из-за этого многие сильные позиции были растрчены впустую. Более сложное руководство помогло бы достичь лучших результатов. Здесь же действия одних военачальников исключали действия других, из-за чего планы приходилось пересматривать в самый разгар операции.

Неоднократно поднимался вопрос о катастрофической ситуации со снабжением, и это правильно. Но вопрос заключается в том — не связано ли это во многом с плохими транспортными условиями и плохо подготовленными тылами в районе границы. Запасов зачастую было достаточно, но до места сражений они не доходили. В таком положении на полях сражений свирепствовали заболевания, и потери в армии росли, несмотря на то что сражений было немного. Более поздние исследования также отчетливо показали, насколько сложно оказалось без достаточной подготовки обеспечить снабжение военных частей в южной Финляндии. Во времена «великого лихолетья» (1713–1721 гг.) русская оккупационная армия в Финляндии в вопросе снабжения полностью зависела от поставок из России. Того, что могла дать оккупированная страна, не хватало.

Однако возникает вопрос, насколько верны были предпосылки, на которых базировались экспертные оценки заслуг Густава III в ведении военных действий против Российской империи. В 1721, 1743 и 1809 годах русско-шведские войны в той или иной степени закончились для Швеции поражением, в то время как мирный договор 1790 года позволил сохранить неизменность границ. Вопрос не в том, почему не был реализован план операций 1788 года (что само по себе интересно), а в том, как Швеции удалось отложить полное поражение на несколько десятилетий вперед до 1809 года.

Частично ответ заключается в том, что из всей полумиллионной русской армии в операции на Северо-западе была задействована лишь десятая часть. Основные силы были брошены на борьбу с Турцией и защиту польской границы. По этой причине у русских не было достаточно сил и возможностей для агрессивного нападения, чтобы всерьез представлять для Швеции угрозу. Тем не менее русская армия была достаточно сильна, чтобы отразить нападения шведов, особенно учитывая тот факт, что эти наступления не были подготовлены в должной мере. На море была одержана серьезная победа у крепости Роченсальм, но ее причина кроется в том, что на момент начала войны шведский флот после ряда мероприятий по реконструкции и строительству, проведенных в предыдущее десятилетие, не уступал русскому. Однако к концу войны русский линейный флот в разы превосходил значительно истощившийся за годы баталий шведский флот. Россия и в морских сражениях подтвердила свою позицию сильнейшей балтийской державы, а что касается сухопутных войск, то этот факт был очевиден и до начала войны. Однако для того, чтобы сделать целостную оценку войны, развязанной Густавом III, необходимы более серьезные исследования, анализирующие значение густавианской армии на море и на суше.

Война 1808–1809 гг.

На фоне таких значимых событий, как наполеоновские войны в целом и, в особенности, на фоне заключения императором Александром Тильзитского мирного договора с Наполеоном, была развязана новая русско-шведская война. Бытует мнение, что Тильзитский мир давал России с согласия Франции право делать со Швецией все что угодно, и в особенности с Финляндией — восточными шведскими территориями. Но на самом деле

эти взаимоотношения были значительно сложнее. Для Наполеона и Франции, все активнее усиливающей свои интересы в восточной части Средиземного моря, было важно по возможности отвлечь Россию от Босфора и Константинополя, и с этой точки зрения Финляндия была хорошей приманкой.

4 февраля 1808 года командующий в Финляндии Карл Натанаэль аф Клеркер подписал приказ о мобилизации шхерных эскадр в Або. Офицерам и матросам надлежало взойти на борт весельных и парусных судов в Або «по причине опасности вторжения со стороны Российской империи» и затем спешно двигаться в сторону Свеаборга. Но к тому моменту война уже началась.

21 февраля 1808 года 24 000 русских солдат перешли границу со Швецией, и война, которой многие ждали и боялись, стала свершившимся фактом. За двадцать лет до этого шведам было бы тяжело бороться с русскими на равных, но все-таки им удалось отразить попытки русских углубиться в Финляндии с юга и со стороны Саво, хотя эти попытки предпринимались русской армией вполсилы, отчасти из-за русско-турецкого конфликта на южных рубежах страны. В комбинации с успехами военно-морского флота, в особенности в Роченсальмском сражении в июле 1790 года, война Густава III могла быть закончена без территориального передела, но те, кто хотел, могли найти основания для волнений. Если бы русские атаковали более целенаправленно, отразить такие атаки было бы сложно. Именно с этой точки зрения необходимо оценивать шведский оборонительный план, вступивший в силу сразу после нарушения границы русской армией.

Полевая армия Финляндии должна была постепенно отступать, а большой гарнизон в Свеаборге, благодаря прочным крепостным стенам и сотням пушечных орудий, должен был отразить атаки противника. Сразу после мобилизации войск в западной части королевства они должны были быть переброшены в Свеаборг и начать контрнаступление против осаждающих; одновременно с этим финская часть армии должна была перестать отступать и начать контратаку на юге и юго-востоке. Оказавшись между двух огней, русская армия вынуждена была бы отступать. Таков был первоначальный план. Реальность, как известно, оказалось совсем иной.

Уже 1 марта 1808 года шведский главнокомандующий Вильгельм Мориц Клингспор отступил перед натиском русской армии под руководством генерала Буксгевдена. При отступлении к северу шведы даже не вступали в какое-либо соприкосновение с наступающими русскими войсками. Однако пока всюю шла

мобилизация и сбор войск в Стокгольме и Карлскроне, 3 мая крепость Свеаборг неожиданно капитулировала перед русскими войсками. Решение о сдаче крепости, принятое без крайней необходимости комендантом Карлом Олафом Кронстедтом, окончательно развалило шведские стратегические планы. Армия оставила южную Финляндию, а западные укрепления потеряли свои предполагаемые порты посадки и операционную базу.

Армия Финляндии также развернула свои орудия к югу и попыталась извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации. 14 июля войска Карла Юхана Адлеркрейца одержали победу в сражении при Лаппо, а Георг Карл фон Дебельн 13 сентября нанес поражение русским в сражении при Йуутасе. Но уже 14 сентября, на следующий день, состоялась роковая битва при Оравайсе. После ряда мелких стычек, в частности, окруженного мифами сражения у моста Вирта 27 октября, в ноябре армия была вынуждена покинуть Финляндию. Последним уходил батальон Ваза, покинувший Финляндию в день Святой Люсии 13 декабря 1808 года и перешедший в шведскую провинцию Вэстерботтен к северо-западу от реки Кеми. Попытки высадки на юге не удались, и русские укрепили свои позиции в Финляндии, а в скором времени расширили их до самых Аландских островов. В апреле—мае 1808 года русские войска на несколько недель заняли Готланд, но оттуда их шведы вытеснили. Однако во многих районах Финляндии русские войска наткнулись на сопротивление крестьянских формирований, которые вели маленькую партизанскую войну за регулярной линией фронта.

Катастрофические военные неудачи вскоре получили отражение в политике. В середине марта 1809 года в результате заговора, поддержанного частью армии, был свергнут король Густав IV Адольф, и на престол взошел его дядя Карл XIII. 29 марта, двумя неделями позже, император Александр I на заседании сейма в городе Борго был провозглашен Великим Князем Финляндским.

Между тем война продолжалась, но теперь она переместилась на другую сторону Ботнического залива. Русские войска продвигались все дальше на юг вдоль береговой линии провинции Норрланд, а другая часть войска двигалась по льду, чтобы занять город Умео. В конце лета 1809 прошли жестокие бои в районе Умео, Сэвара и Ратан. Шведское контрнаступление удалось не полностью, но все-таки русские были оттеснены обратно к северу и даже оставили Умео. 17 сентября 1809 года во Фридрихсгаме Швецией и Россией был заключен мирный договор. Согласно данному договору, Швеция несла серьезные потери. Территория Финляндии

полностью отошла России. Однако последствия могли быть еще страшнее — изначально русские переговорщики требовали присоединения к России всей территории до реки Каликс. В свою очередь, попытки шведских переговорщиков отстоять Аландские острова успеха не возымели. По многолетнему опыту русские военные знали, как эта группа островов могла использоваться в ходе наступательных операций против Финляндии, а теперь Аландские острова превратились в русскую угрозу против центральной Швеции и Стокгольма. Кроме того, теперь русские, завладев Аландским архипелагом, могли блокировать выходы в Ботнический залив. Грисслехамн, некогда находившийся в центре шведско-финского государства, за одну ночь превратился в пограничный пункт с небольшим военным гарнизоном. На севере Швеция потеряла старый город Торнео, и поэтому здесь спешно был заложен новый шведский город Хапаранда.

Различие в отношении к солдатам вражеской армии на восточных и западных территориях шведско-финского государства со стороны русских было очевидно и ранее. Когда Свеаборгская крепость капитулировала 3 мая 1808 года, почти 7000 солдат попали в руки захватчиков, из них те, кто входил в части финской армии, были демобилизованы и отправлены домой. Позднее отказавшиеся присягнуть государю 1 июля были снова захвачены в плен и направлены через российскую границу в район Кюмене. Оттуда они смогли вернуться только после подписания мирного договора.

В крепости Свеаборг находились более 1500 моряков и офицеров армейского флота. Финские моряки с Аландских островов и из южной Финляндии удерживались в крепости и подвергались сильному, но безрезультатному давлению, целью которого была вынудить их обеспечить личный состав своих судов и перейти на службу Российской империи. Последний моряк из Свеаборга был отпущен только в апреле 1809 года.

В плен было взято около 1000 шведских моряков и морских артиллеристов и сотни солдат сухопутных войск. В отличие от их финских товарищей, их незамедлительно вывезли в Россию. Под контролем русских солдат колонны пленных прошли с маршем от Гельсингфорса до Санкт-Петербурга через Фридрихсгам и Выборг, где они получили кров у местного населения. В российской столице было собрано 1500 шведских пленных, которые принуждались к различным видам работ, в частности строительству большого канала, и при этом они постоянно подвергались угрозам и безуспешно принуждались перейти на службу царю.

Небольшие группы пленных оказались в других русских городах, в частности Ростове и Ярославле. Только после заключения мира 2 ноября 1809 года пленные смогли пройти маршем обратно и через Карельский перешеек вернуться домой.

Следующий удар по финским вооруженным силам был нанесен в марте 1809 года, когда русские войска перешли пролив Кваркен и взяли Умео. Эти силы были отрезаны от остальной Швеции в окрестностях Каликса. 25 марта была подписана своего рода капитуляция, «Конвенция в Каликсе». Почти сразу эти события получили широкий резонанс, и два полка, Або и Бернеборга, были на грани мятежа. Они отказывались капитулировать и вместо этого начали движение на юго-запад, чтобы воссоединиться с остальной шведской армией. Однако очень быстро стало ясно, что эти полки сами по себе не способны на решительные меры, и от идеи сопротивления пришлось отказаться. Войска проследовали через Торнео и сложили свое оружие у церкви в г. Кеми, прежде чем офицеры и солдаты смогли вернуться к себе домой. Таким образом, к 10 мая 1809 г. из войны вышел 4 531 финский солдат и офицер.

Теперь бунтующий финский отряд в шведской армии с трудом насчитывал 2 400 человек. Они оставались здесь до заключения мирного договора. 8 октября, через три недели после заключения мира, генерал фон Дебельн собрал оставшееся финское войско на традиционной церемонии на площади в Умео. Войска были построены в четырехугольник перед церковью, причем шведские солдаты были одеты в новую форму, а финские так и были в своих изношенных в войне мундирах. Бюрократические власти в Стокгольме решили, что теперь шведское государство не должно нести ответственность за своих бывших подданных. Единственно, что смог сделать разгневанный фон Дебельн, прежде чем раздать медали и выступить с обращением к финским солдатам с обзова в центре площади, это выдать им двойной паек водки.

Битва при Оравайсе

Если задаться вопросом, что же имело решающее значение для исхода войны 1808–1809 гг., то, разумеется, первое, что приходит в голову, — это капитуляция Свеаборгской крепости. Однако битва при Оравайсе, безусловно, стала переломным моментом, определившим дальнейший ход событий. Помимо этого, битва при Оравайсе позволяет получить наглядное представле-

ние о том, какие методы использовались при ведении сражений в этой войне.

Битва при Оравайсе определила дальнейшую судьбу Швеции и Финляндии, с той точки зрения, что после этого поражения даже немногочисленные оптимисты из числа шведских военачальников понимали, что повернуть ход войны невозможно. Значение битвы при Оравайсе для шведской истории можно в некотором смысле сравнить с другим событием, имевшим обратный эффект, — со сражением при Лунде 1676 года, когда удалось предотвратить возвращение Дании провинций Сконе, Блекинге и Халланд. Теперь, 132 года спустя, сражение при Оравайсе, на многокилометровых лугах и лесах к северу от города Васа, окончательно уничтожило надежду сохранить единое шведско-финское государство.

С этой точки зрения лучшей иллюстрацией стали строки из стихотворения финского поэта Йохана Людвиг Рунеберга, относящегося к его циклу стихов «Рассказы прапорщика Столя» (второе издание, 1860). Слова:

Случилось это в кровавый день для Оравайса,
Когда горю не стало предела,
Когда поражением стала победа,
И надежда навсегда улетела.

стали реальным отражением сложившейся ситуации.

14 сентября около 6 000 русских солдат во главе с генералом Каменским выступили против шведской армии численностью 5 000—5 500 человек под командованием генерала Адлеркрейца. Формально шведы располагали большими силами, но почти каждый четвертый шведский солдат находился в лазарете, поэтому численность эффективных ресурсов была значительно ниже. Части шведской армии, а именно третья бригада, были направлены на помощь войскам Дебельна под Йуутасе, и оттуда шум боя был услышан войсками Аделькрейца. Бригада прибыла только тогда, когда победа при Йуутасе уже была достигнута Дебельном. Впоследствии было много рассуждений о том, как бы развивались события в Оравайсе, если бы эти войска остались. То, что битва была проиграна из-за того, что часть сил не смогла принять в ней участие, воспринималось как само собой разумеющийся факт. Абстрагируясь от бессмысленности подобных рассуждений, можно также утверждать, что, если бы сражение при Йуутасе имело иной исход, третья бригада сыграла бы ключевую роль в предот-

вращении полной катастрофы для шведской армии. Часть солдат из соединений вблизи Йуутаса или Оравайса предпочли скрыться до начала сражений. Только в роте прихода Йокас в Саволакском и Нейшлотском пехотном полку в критический день 13 сентября дезертировало пятеро из 137 регулярных солдат и 136 резервистов. Однако только счастливым из числа дезертиров удалось избежать наказания. О солдате № 105 Фриске из роты второго майора Эстерботнийского полка было написано коротко и ясно: «7 августа приговорен к расстрелу, жалование выплачено до этого периода».

Утром 14 сентября части полка Хельсинге вышли для сражения на передовой, но только позднее вместе со Свейским артиллерийским полком им удалось вырваться из опасного русского окружения. После этого отражать наступление русских должно было основное войско. У начала правого фланга стоял батальон Упландского полка, за ним по батальону из Вэстманландского и Вэстерботнийского полков. С левого фланга располагалась Саволакская бригада, ядром которой являлись два батальона полка Саво (из трех небольших батальонов были собраны два большей численности). На более позднем этапе битвы, когда шведская линия подверглась целой серии взрывов, подключили оба батальона Эстерботнийского полка, что помогло стабилизировать ситуацию. Два батальона полка Хельсинге оставались в резерве и были подключены еще позже, но повернуть ход сражения так и не удалось.

Когда стемнело, русские решительно перешли в наступление, и Адлеркрейц приказал своим войскам оставить позиции и быстрыми темпами следовать в сторону Ньюкарлебу. Отступление было осуществлено так быстро, что на левом фланге забыли две роты Вэстманландского полка, и они так и остались там во мраке ночи. Поняв, что произошло, они, однако, смогли воссоединиться со своей армией. У уставшей русской армии уже не было сил, чтобы догнать отступающих в ночи, и они остались на поле боя. Лейтенант Карл Юхан Юнгрен из Вэстманландского полка красочно описывает смятение и панику, начавшуюся среди солдат и офицеров через 15–17 часов битвы:

«Было так темно, что несмотря на непрерывную толкотню, понять, кто толкает, было невозможно... В ночи возникали сотни звуков; повсюду стонали раненые, каждый на своем языке; артиллеристы и кучеры покрикивали на своих измученных лошадей и изрыгали дюжину проклятий каждый раз, когда их обоз застревал, а происходило это часто; гремели колеса и орудия, кричали

солдаты. Все были без сил от усталости и голода... Вот так войско наконец прибыло в Ньюкарлебу».

Несмотря на то, что у шведов в битве при Оравайсе по разным причинам участвовало лишь около половины имеющейся армии, Швеция понесла значительные потери, 740 шведов против 895 русских. Больше всех пострадали Вэстманландский полк, где был 101 убитый и раненый, полк Хельсинге, где потери составили 241 человек, и Эстерботнийский полк (118 человек). Таким образом, эта битва стала самой кровопролитной в данной войне. Раненых были сотни, и многие из них, несмотря на усилия немногочисленных врачей, умерли от полученных увечий. Лекарь Вэстманландского полка Мубергер в мае 1809 года получил медаль *За отвагу на поле боя* за то, что активно участвовал в сражении при Оравайсе и проявил большое умение, смелость и бесстрашие.

Короткие отметки в документах Вэстманландского полка дают представление о происходящем: «убит при Оравайсе», «ранен и взят в плен при Оравайсе». Раненых размещали не только в лазаретах Якобстада и Умео — многие вэстманландцы после битвы попадали в Брахестада, Пюхьяйоки, Улеоборг и Торнео. Поскольку отступление было слишком стремительным, а медиков было мало, было сложно сохранить целостность оставшегося полка. Во второй егерской роте егерского батальона первой бригады был ранен солдат № 40 Упландского полка по фамилии Стольпе: «ранен в спину, пуля извлечена». Формулировка не обязательно означает, что он был ранен во время отступления, точно так же он мог попасть под шальную пулю своих. В ходе таких сражений солдаты зачастую по ошибке могли стрелять в своих собственных товарищей. Сотни и сотни солдат числились пропавшими без вести, большинство из них наверняка были убиты, но некоторые, возможно, сами покинули поле боя, а кто-то и дезертировал во всей этой суматохе. Вот что зафиксировано в записях о солдатах из Эстерботтена № 82 Фике и № 86 Нойде роты второго майора: «Погиб при Оравайсе 14 сентября, жалование выплачено до авг<уста> месяца». Из роты прихода Хирвенсалми Саволакского пехотного егерского полка сбежал солдат № 22 как раз 14 сентября. В этом не было ничего уникального, и даже зная имя беглеца, невозможно было удержать его на поле боя. В данном случае сбежавшим оказался солдат Михель Стрид (Strid на русский язык переводится как «бой, битва»).

С битвой при Оравайсе так или иначе были связаны многие личные судьбы и жизни. Наиболее известная в этой связи судьба графа Вильгельма фон Шверина. Родившийся в 1792 году граф

фон Шверин вместе с братом Филиппом Богислаусом, который был старше Вильгельма на два года, поступил в 1806 году в кадетское училище в Карлбергском замке в Стокгольме. После сдачи экзаменов 29 июня 1808 года 15-летний Вильгельм получил звание младшего лейтенанта и был направлен в Свейский артиллерийский полк. Летом его подразделение переводят в Финляндию к месту боевых действий. Вильгельм фон Шверин был ранен в битве при Оравайсе, и его имя сохранилось в истории благодаря героическому эпосу Юхана Людвиг Рунеберга.

Молодой артиллерист прибыл в Кристинестад вместе с силами подкрепления всего за десять дней до начала сражения, и в военном деле он со всех точек зрения был новичком. Во время сражения он был ранен и доставлен в военный госпиталь в Нюкарлебю. Отсюда он смог сам написать родителям, пробсту Филиппу фон Шверину и Луизе аф Петерсенс, и рассказать о сражении: «Утром, когда я вышел на разведку, мою шапку прострелила пуля, и я упал навзничь. Я обнаружил злодея за камнем, выхватил ружье у одного из солдат и выстрелил в него. Вечером, когда стемнело, меня снова ранили и оттащили в ближайшую деревню... Генерал Аминофф, благородный человек, помог мне, и сейчас я себя чувствую достаточно хорошо. Прощайте, дорогие и любимые родители и родные! Живите счастливо! Вечно преданный Вам сын, брат и друг Вильгельм».

На самом деле ранения Вильгельма фон Шверина не были столь серьезными, но начавшиеся в связи с этим воспаление и жар не спадали. Положение становилось все хуже, и через две недели, 27 сентября он скончался и был похоронен на кладбище Калайоки. В 1903 году на его могиле была установлена мемориальная надпись.

Для потомков сохранилось возвышенное описание Рунеберга наиболее известной жертвы битвы при Оравайсе:

Шестнадцати лет не прожил,
А попал на носилки,
Ему все же была дарована долгая жизнь,
Если жизнь — подвиг.

В стихотворении также говорится, как раненные в боях ветераны собрались вокруг тела смертельно больного юноши. Столь достойный мотив не мог не привлечь внимания писателя. Молодой мужчина, совсем еще мальчик, умирающий в своем первом бою, к тому же в бою, где де-факто была решена судьба единого

шведско-финского государства. Судьба Вильгельма фон Шверина, безусловно, занимала историков последующих поколений еще и потому, что он успел написать из лазарета письмо родителям, из которого видно, что он надеялся выздороветь, пока не началось воспаление. Подобные мотивы, возможно, чуть видоизмененные, использовались и другими авторами в художественной литературе.

Судьбы многих других участников не столь известны, однако это не делает их менее драматичными. На болотах, на самом форпосте, в начале сражения полк Хельсинге столкнулся с русскими солдатами. Капрал № 33 с говорящей фамилией Цар был окружен, но застрелил трех русских солдат, вырвался, не потеряв оружия, из окружения и вернулся на шведскую линию обстрела. Благодаря фамилии солдата, эта история становится еще более интересной, но на самом деле фамилия солдата никак не была связана с русским царем, а, скорее всего, была образована от прилагательного, означающего «красивый» или «стройный», что вероятнее всего говорило о телосложении солдата.

Несколько раненых были доставлены в Якобстад; лечением больных и раненых офицеров здесь занимался первый лекарь Лундмарк. Он и его пациенты должны были быстро решить, достаточно ли у них сил, чтобы перебраться через Кваркен в Умео, или же они предпочтут остаться в ловких руках русских. В некоторых случаях травмы были такие, что лекарь вынужден был заставлять остаться. К примеру, о прапорщике Форсвалле Лундмарк написал: «ранение в шею — переезд отклонить». Рекомендации врача не всегда исполнялись, как, к примеру, в случае с фельдфебелем Сведбергом: «Ранение в руку — переезд отклонить... но имел дерзость и по словам его майора, отправиться в Умео». Многие начинали сомневаться по мере приближения русских, как, например, майор Седергрэн: «Контузия моя оперирована, сомневался, но уехал в Умео». О раненых офицерах известно, к примеру, следующее: «Барон Мернер, небольшое ранение, видимо, уехал в Умео».

Мернер принимал участие в битве при Оравайсе, однако известность он приобрел позднее — в возрасте 27 лет Карл-Отто Мернер внесет значимый вклад в историю Швеции. В Оравайсе Мернер прибыл в звании бригадного адъютанта и младшего лейтенанта Упландского полка, и, как он сам говорит в своей автобиографии, «я получил несколько штыковых ранений, что помешало мне выполнить мой долг. На госпитальном судне меня доставили в Умео. Окруженный врагами, каждый из которых

пытался лишить меня жизни, после того, как я отказался сдаться в плен, я получил два удара штыком в живот, и был близок к тому, чтобы пасть на землю (*заметки на полях*: полученные до этого удары штыком в ногу мне не сильно мешали и не представляли для меня особой опасности), но, благодаря смелости и мужеству моих солдат, я практически чудом вырвался от врагов». Мернер получил медаль «За отвагу на поле боя», но «из-за ранения был отстранен от дальнейшего прохождения службы».

Известность Карл-Отто Мернер приобрел два года спустя своим вкладом в становление шведской королевской династии, поскольку именно он активно участвовал в переговорах с французским маршалом Жаном-Батистом Бернадоттом с целью убедить Бернадотта занять место на шведском троне, а также в переговорах с риксдагом в Эребру, где удалось уговорить их избрать Бернадотта в качестве престолонаследника и провозгласить его будущим королем Карлом XIV Юханом. Для Мернера полученные штыковые ранения не имели столь серьезных последствий, как для его товарища фон Шверина, и в определенном смысле можно говорить о том, что история Швеции после 1809 года во многом решилась или, вернее, смогла получить продолжение благодаря событиям на полях сражения при Оравайсе.

Шхерный флот

Во всех русско-шведских войнах, начиная с Северной войны и заканчивая войной 1809 года, многие важные сражения велись в прибрежных шхерных районах, и здесь сухопутные силы сталкивались с военным флотом. Шведский шхерный флот, или армейский флот, как его тоже называли, был создан по модели русского галерного флота образца 1710-х годов.

Оснащение шхерного флота и тактика его использования менялись с течением XVIII века, и его возможности были опробованы на практике в ходе войн с Россией 1741–1743 и 1788–1790 годов. Под руководством судостроителя аф Чапмана были построены особые шхерные корветы и фрегаты, дополненные пушечными шлюпками и лодками, позволяющими вести артиллерийские обстрелы в тесном пространстве прибрежных вод. Новые шведские суда привлекли внимание как в России, так и в других странах. К примеру, часть судов, которые император Наполеон построил для участия в так и не состоявшемся вторжении в Англию в 1805 году, были спроектированы по шведским моделям. Шхер-

ные фрегаты класса Удема, оборудованные по центру и по обеим сторонам вращающимися пушками, предвосхитили развитие судостроения на целых сто лет.

Членами экипажа армейского флота стали моряки из северных шведских провинций и Финляндии, а на руководящие посты сначала были приглашены крупные военные начальники, а затем командующие выбирались из состава самого шхерного флота. В военное время экипажи усиливались армейскими солдатами, которые исполняли обязанности гребцов, а также стрелков в тех случаях, когда суда буквально нос к носу сталкивались с русскими галерами. Особенно активное участие в войне 1788–1790 гг. приняли кавалеристы-драгуны Королевской лейб-гвардии, а также драгуны из Сконе и Смоланда. В максимальном варианте флот был представлен 200 единицами, из чего четвертую часть составляли пушечные шлюпки, пушечные лодки и другие судна меньшего размера.

Новые орудия позволили шведам вести военные действия во внутренних прибрежных водах Финского залива, но шхерному флоту не хватало собственной тяжести. Для того, чтобы возможности флота получили должное применение, необходимо было наладить интенсивное и отлаженное сотрудничество с армией, а это в те времена зачастую было невозможно, поскольку для этого отсутствовали средства коммуникации и поскольку различные подразделения армии и флота все время соперничали между собой. Помимо этого требовалось обеспечить дополнительную защиту с флангов как от парусного флота, так и от военных судов, чтобы большие русские корабли не могли маневрировать между скалистыми островками и шхерами и не доставляли проблем недостаточно вооруженным шхерным судам.

Однако тактика, применяемая для армейского флота, становилась все более продуманной, а его действия — более гибкими и стремительными. Так называемая стационарная тактика, когда суда группировались по линиям между различными островами, а артиллерия усиливала линию с берега, сменилась более динамичной тактикой, когда суда пытались предпринимать действия, чтобы обойти атакующие фланги противника. Можно сказать, что тактика ведения маневров появилась значительно раньше, чем это понятие появилось в обиходе. 1790 год и Роченсальмское сражение, где русские потерпели сокрушительное поражение, можно назвать кульминацией в развитии шхерного флота. Во многом эта победа стала возможна благодаря обходному маневру шведских пушечных шлюпок вокруг русского правого фланга.

Участие шхерного флота в ряде десантных операций в войне 1808–1809 гг. было менее удачным. Летом 1808 года флот принимал участие в высадке на остров Кимито недалеко от Або, а годом спустя поддерживал шведскую армию, высадившуюся в Ратане в провинции Вэстерботтен.

Военные последствия мирных соглашений

Фридрихгамский мир был подписан 17 сентября 1809 года, или 5 сентября по старому юлианскому календарю, который до сих пор используется в России. Граница прошла вдоль рек Торнео и Муонио, а также через Ботнический залив и Аландское море, что означало, что вся Финляндия, Аландские острова и некоторые территории провинции Вэстерботтен переходили во владение России (статья V).

Сразу после подписания договора было объявлено перемирие между шведскими и русскими войсками, как морскими, так и сухопутными (статья VII). Помимо этого, в течение четырех недель после ратификации мирного договора русские войска, продвигавшиеся в глубь шведской провинции Вэстерботтен, должны были вернуться к восточному берегу реки Торнео (статья VIII). Договор декларировал обмен военнопленными, и здесь было четко сказано, что освобожденные финские солдаты и офицеры, так же, как и гражданские служащие, при желании могли вернуться в Швецию, однако сделать это следовало в строго определенные сроки, указанные в статье X. До конца 1812 года необходимо было решить, где оставаться — в Швеции или в Финляндии и где следовало иметь земельные владения (статьи IX и X).

В Стокгольме договор был ратифицирован 21 сентября, а в Санкт-Петербурге эта процедура прошла 16 октября. Год спустя, 20 ноября 1810 года, между Швецией и Российской империей был подписан Акт разграничения, регулирующий положения о новых границах. Согласно этому документу, граница должна была проходить по самому глубокому руслу рек Кэнгэмэ, Муонио и Торнео, что фактически означало, что Россия теперь отделила шведскую Лапландию от норвежской провинции Финнмарк.

Мирный договор 1809 года для Швеции означал стратегическую катастрофу. Столица страны, объединяющая все морские пути, всегда была расположена в центре шведско-финского государства. Теперь вдруг неожиданно это стал приграничный город под прицелом русских войск на Аландских островах. В последую-

щие десятилетия, наряду с проблемой рекрутирования солдат, очень остро обсуждался вопрос обороны Стокгольма. Необходимо было решить, как следует действовать в первую очередь — сконцентрироваться на защите столицы и отражении нападения противника у береговой линии или же, поскольку транспортировка основных сил нападающей русской армии всегда осуществлялась морским путем, после кратких оборонных мероприятий нанести удар захватчику в глубине страны, когда удастся уже собрать значительное войско для отпора, а у захватчика уже не останется сил? В 1819 году началось строительство крепости Карлсборг, последнего опорного пункта между Вэнерном и Вэттерном. Вместе с начатыми несколькими годами ранее работами по строительству Гета-канала между двумя озерами это должно было позволить шведской армии быстро проникнуть в глубь страны, а также быстро нанести удар по противнику, находящемуся в самом сердце государства. Но эти стратегические мероприятия были не единственными — некоторые военные деятели говорили о необходимости концентрации сил к северу или западу от озера Мэларен. Эти идеи объединяло то, что, принимая во внимания слабую военную готовность Швеции, отразить вражеские нападения в береговой зоне не представлялось возможным. Поскольку не было точно известно, где произойдет высадка противника, необходимо было распределить те ограниченные ресурсы, которые страна сможет мобилизовать. К тому же, если все силы бросить на оборону Стокгольма, это могло дать захватчику возможность нанести решающий удар по шведской армии прямо у берега.

Однако теперь проблемы обороны столицы интенсивно обсуждались и с другой точки зрения. Многие участвующие в дебатах военные и гражданские лица подчеркивали важность защиты Стокгольма и того, сколь катастрофичными будут последствия, если Стокгольм будет сдан без боя. В результате принципы оборонной политики не имели четко выбранной линии, а базировались на различных стратегиях.

В Стокгольме по результатам изменений 1809 года начали проводиться более активные мероприятия по реконструкции Ваксхольмской крепости, расположенной в Стокгольмском архипелаге. В 1833 году начался снос старых крепостных стен, но часовня Ваза, построенная в XVI веке, была разрушена только в 1850—1851 гг. В 1863 году закончилось строительство новой крепости, оснащенной 150 пушками. Одновременно с этим проводились более интенсивные работы по блокированию пролива Оксьюпет с заграждениями. Эти работы завершились в 1839 году.

Водный путь к Стокгольму стал значительно более сложным по проходимости, но несколько лет спустя начнутся работы по расчистке заграждений, и они продолжатся еще в течение ста лет. Вследствие появления новых более мирных контактов возникла необходимость открытого сообщения для гражданского флота. Стремительные мероприятия оборонного характера в Стокгольм в 1810-е годы лишь подчеркивают, насколько неожиданным и значительным для Швеции стало изменение границ 1809 года. Несмотря на разбойнические рейды русских галер в 1719 году, шведы не могли себе представить, что российская угроза впрямую коснется их столицы, и к тому же, что эта угроза навсегда найдет отражение в Фридрихсгамском мирном договоре.

Перевод с шведского Н. Н. Гуровой

Литература

Gunnar Artéus, red. *Gustav III: s ryska krig*. Stockholm, 1992.

Fred Sandstedt, ed. *Between the Imperial Eagles. Sweden's Armed Forces during the Revolutionary and the Napoleonic Wars 1780–1820*. Stockholm 2000.

Lars Ericson Wolke, Martin Hårdstedt. *Svenska sjöslag*. Stockholm, 2009

Jussi T. Lappalainen, Lars Ericson Wolke, Ali Pykkänen. *Sota Suomesta. Suomen sota 1808–1809*. Helsinki 2007.

J. E. O. Screen. *The Army during the last decades of Swedish rule (1770–1809)* // *Studia Historica* 75. Helsinki, 2007.

ЮРКИ ПААСКОСКИ

ЖАЛОВАННЫЕ ЗЕМЛИ НА ТЕРРИТОРИИ
СТАРОЙ ФИНЛЯНДИИ, 1710–1812

Старая Финляндия, или Выборгская губерния

Выборгская провинция и провинция Кюминкартано, перешедшие по Ништадскому миру (1721 г.) и Абоскому миру (1743 г.) к Российской империи от королевства Швеции, образовали своеобразную с точки зрения истории и географии территорию. Не считая карельской Кексгольмской провинции, Выборгская провинция, начиная со Средних веков, находилась в сфере влияния Швеции. Великая Северная война (1700–1721 гг.) привнесла в ситуацию географические изменения, сдвинув пределы границ между Финляндией и Швецией примерно на ту линию, которая сегодня разделяет границы Финляндии и России. В результате т. н. войны «шляп» (1741–1743 гг.) государственная граница была перенесена западнее к Кюмийоки и Саймаа. К образованной в 1744 году Выборгской губернии кроме Выборга были отнесены небольшие города и крепости Кексгольма, Сердоболь, Вильманstrand, Фридрихсгам и Нейшлот.

Термин «Старая Финляндия» с географической точки зрения является синонимом Выборгской губернии, возникновение же самого понятия относится к войне 1808–1809 гг. между Швецией и Россией. В результате войны Россия присоединила к себе оставшуюся часть «шведской» Финляндии, что привело к необходимости терминологически разделить две финские территории, ставшие частью империи в разное историческое время. Таким

образом, в России земли, присоединенные в 1700-х годах, стали называть «Старой Финляндией», а территории, завоеванные в 1808 году и присоединенные в 1809 по Фридрихсгамскому мирному договору, — «Новой Финляндией». В финских исторических исследованиях термин «Старая Финляндия» используется с 1830 года в описании финских земель, перешедших к России в 1721 и 1743 годах.

Декабрь 1811 года стал одним из ключевых в истории Старой Финляндии: Александр I опубликовал указ, по которому с наступлением 1812 года территория Старой Финляндии становилась частью Великого Княжества Финляндского в составе Выборгской губернии. В 1920 году в Тарту во время подписания мирного договора Советской Россией и Финляндией, объявившей о своей независимости в 1917 году, в качестве границы, разделяющей государства, была зафиксирована линия, установленная указом Александра I на смене 1811 и 1812 годов. Данная линия границы сохранялась между Финляндией и Советским Союзом вплоть до окончания Зимней войны в 1940 году.¹

Старая Финляндия является интересным примером того, как многонациональная Российская империя 1700-годов интегрировала завоеванные, так называемые «нерусские земли».² В российской Выборгской губернии придерживались земельного закона, введенного шведом Кристофером Баварским (1442 г.), и закона о городском управлении Магнуса Эрикссона (1357 г.), а также шведских правовых норм, земельного и подушного налогов. Соответственно, в губернии Кюминкартано следовали последнему общепринятому шведскому закону от 1734 года, который, согласно указу Екатерины II, стал распространяться и на Выборгскую губернию, начиная с 1763 года. Региональное управление было также образовано по шведской модели разделения территорий на губернии (лены). Указов, выпущенных императорами, императрицами, а также Правительствующим Сенатом, естественно, придерживались, но в самих указах не было заложено стремление «обрусить» территории, или раз-

¹ Юрки Пааскоски. Российская Империя и становление Великого Княжества Финляндского 1808–1820 // *Venäjäin keisarikunta ja Suomen suuriruhtinaskunnan synty 1808–1820 / Arkistolaitoksen toimituksia 6. toim.* Pertti Hakala. Helsinki, 2009. S. 91–92, 115–116.

² Andreas Kappeler. *Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall.* München, Beck 1992. S. 57.

рушить систему норм и принципов, унаследованную от шведской власти.³

В начале 1784 года вступила в силу предпринятая Екатериной II губернская реформа, которая стала значительным шагом для всей империи по унификации основных административных и юридических принципов. Для Старой Финляндии это означало отказ от шведских норм налогообложения и переход на российский подушный налог, а также принятие российской административной и судебной системы. При этом шведские законодательные нормативы оставались в силе. Павел I, взойдя на престол в 1796 году, отделил принципы управления землями внутри империи от принципов управления «нерусскими территориями», в число которых вошла и Старая Финляндия, возвратив ей в общих чертах прежнюю административную и юридическую организацию, не отменив лишь подушный налог.

Особенное юридическое положение Старой Финляндии, основанное на шведских административных традициях, подверглось в течение 1700-х годов серьезной проверке из-за дворянства, владевшего дарованными землями и стремившегося создать на них более эффективное усадебное хозяйство. Конфликты между дворянами-землевладельцами и административными и судебными органами стали возникать с конца 1770-х годов в связи с тем, что шведские нормативы, принятые в Старой Финляндии, не определяли крестьян как крепостных. В этой статье рассматривается владение землями российским дворянством и зарождение системы так называемых жалованных земель, а также проводится анализ причин, которые привели к усилению социального напряжения на описываемых землях.

Первые дарованные земли

По указу королевы Швеции Кристины в период с 1649 по 1651 год было даровано от 11 до 12 земельных участков в Выборгской губернии и в губернии Савонлинна аристократам, занимавшим высокие военные и государственные чины, за служебные заслуги. Речь идет о государственном дарении, право собственности на которое было жестко ограничено. Владельцы не имели права передавать земли по наследству, а жалованная грамота описыва-

³ Юрки Пааскоски. Российская Империя и становление Великого Княжества Финляндского 1808–1820. С. 103.

ла право на владение как «временное», «пожизненное». В рамках проведенной в 1680 году редукции земли, жалованные должностным лицам за их заслуги, были возвращены короне.⁴

В России до 1714 года земельные владения дворян были разделены по той же модели на два типа. Существовали вотчины, потомственные земли, переходившие потомкам по наследству, и поместья, владение которыми даровалось на ограниченный период времени или, самое большее, на время жизни вдовы дворянина-землевладельца. Тем не менее на практике поместья продавались, покупались, завещались и наследовались как вотчины. Сложившееся положение было узаконено Петром I указом от 1714 года, по которому поместья прекращали существование, а все земли, находившиеся во владении дворянства, признавались подлежащими наследованию и фактически становились вотчинами. Земли, находившиеся в собственности, наследовал старший в дворянском роду мужчина. Его родственники, оставшиеся без наследства, должны были доказать свою способность служить государству и могли лишь надеяться на благосклонность государя в получении земли и крепостных.⁵

Для Старой Финляндии период русского владения жалованными землями начался после присоединения Выборга, когда Петр I 21 июля 1710 года даровал первому обер-коменданту города, бригадиру Г. П. Чернышеву, 92 надела, облагавшихся налогами, в волости Муолаа. Речь идет о жаловании земли должностному лицу за заслуги. Условием дарения было обязательство обер-коменданта следить за состоянием земель. По окончании срока дарения право владения аннулировалось и территория могла быть передана новому хозяину. В течение 1714 года Петр I жаловал еще три похожих с юридической точки зрения участка, находившихся в районе Кексгольма. Комендант Олонца и руководитель Петрозаводского металлургического и оружейного завода подполковник В. де Геннин получил в 1711 и 1714 годах двор в деревне Асила, волость Хийтола, и 66 крестьянских наделов. Граф И. А. Мусин-Пушкин, президент Штатс-конторы и тайный советник, получил в 1713 году 91 надел в волости Саккола, вице-

⁴ Mauno Jokipii. Suomen kreivi- ja vapaaherrakunnat I. // Historiallisia Tutkimuksia XLVIII: 1. Helsinki 1956. S. 42–48; Eino Jutikkala. Atlas of Finnish History // Suomen tiedettä n: o 2. Porvoo 1959. S. 38–39.

⁵ ПСЗ (V) 2789 (23.3.1714); Jyrki Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom in 'Old Finland' // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth Century Russia, Gargnano, 1994. La Fenice Edizioni 1996. S. 83.

президент Военной коллегии, генерал А. А. Вейде, был жалован двором в деревнях Вехмайнен и Лейниккяля в волости Рауту, а также получил 188 наделов в 1714 году.⁶

Одним из первых признаков особенного административного положения Выборгской губернии можно считать то, что изданного Петром I в 1714 году Указа о единонаследии, объединившего поместья и вотчины, не придерживались на данной территории, где по-прежнему пользовались шведскими судебными и административными нормами, хотя по этому поводу не было заключено никакого специального договора или соглашения. Когда владелец жалованной земли умирал или терял свое высокое должностное положение, его потомки были вынуждены оставить земли, полученные в Выборгской губернии.⁷

Владельцами дарованных поместий часто оказывались президенты коллегий, вице-президенты и другие высшие чины. В 1715 году адмирал, а позднее вице-президент Адмиралтейств-коллегии Корнелиус Крюйс получил по распоряжению Петра I 131 надел в районе деревни Куркийоки. В 1716 году будущий президент Юстиц-коллегии, тайный советник, граф А. А. Матвеев получил 132 надела в Валкеала, также в 1716 году будущий президент Торговой коллегии, граф П. М. Апраксин получил 246 наделов в районе Липери. Значительное место среди приближенных Петра I занимал придворный церемониймейстер К. И. да Коста, в дар которому в 1718 году были переданы внешние острова Финского залива, а именно Гогланд, Мощный, Сескар и оба острова Большой Тютерс. В эту же группу приближенных влиятельных чиновников входил отпрыск рода Нарышкиных гофмаршал К. А. Нарышкин, который получил в 1716 году 102 надела в Вехкалаhti, а также М. М. Самарин, отвечавший в Сенате за распределение жалованных земель, который с 1716 года получал налоговую прибыль со 131 надела в районе Иломанси.⁸

Дарения также распределял А. Д. Меншиков, занимавший должность генерал-губернатора Санкт-Петербурга. В его владении под управлением обер-коменданта Выборга находились земли вдоль реки Кюмийоки, озера Саймаа и вплоть до современной Северной Карелии. Вплоть до 1720 года на территориях

⁶ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. Helsingfors 1864. S. 52–53; Jyrki Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat 1710–1826 (Diss.) / Bibliotheca Historica 24. Helsinki 1997. S. 63–64, 66–67.

⁷ J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom in 'Old Finland'. S. 84.

⁸ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 53–54.

обер-коменданта было совершено 28 donations, из которых 10 были сделаны Меншиковым, при этом 8 из них представляли земли за пределами Выборгской губернии в районе Восточной Финляндии, а 7 были переданы в период с марта по август 1716 года. Самые западные из дарованных Меншиковым участков находились в восточной части Кюмийоки, а также в северной части Кексгольмской провинции.

Указ Петра I от января 1720 года играл важную для Старой Финляндии роль с точки зрения системы дарованных земель. По этому указу с западной стороны от Выборгской дороги и Кексгольма все donations аннулировались, а налоговые доходы отчислялись в государственную казну. Сохранение дарений с восточной стороны говорит о том, что Петр I был полон решимости выровнять северо-западную границу, пролежавшую на линии крепостных укреплений Выборга и Кексгольма. На тот момент еще никто не знал о том, где пройдет граница Финляндии по Ништадтскому мирному договору 1721 года.⁹

Вторая причина указанных действий заключалась в том, что власти стремились получать дополнительные прибыли с налогов. В России шел процесс реформирования принципов регионального и местного управления, для завершения которого были необходимы дополнительные доходы с налогов. Получить их представлялось возможным, лишь отменив систему дарения земель. О стремлении к увеличению налоговых доходов свидетельствует и то, что месяцем позже Камер-коллегия и обер-комендант И. М. Шувалов утвердили новые фиксированные налоги.¹⁰

После указа о возврате земельных дарений, в Выборгской губернии осталось 8 жалованных участков, так как возвраты затрагивали волости на восточной и южной сторонах от дороги. Таким образом на момент подписания Ништадтского мирного договора 1721 года существовало 8 жалованных территорий: donation Чернышева в Муолаа, которая состояла из 34 наделов, donation генерал-майора С. И. Алабардеева, в которую входило лишь 6 наделов в Выборгской волости, а также внешние острова да Косты в Финском заливе. Аннулированная donation Крюйса в Куркийоки была возмещена ему соответствующим по размеру земельным дарением в 133 надела в волостях Уусикиркко, Койвисто и Йоханнес. В группу донатариев вошли также тайный советник, граф

⁹ ПСЗ (VI) 3489 (16.01.1720).

¹⁰ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 55–56; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat 1710–1826. S. 69–70.

И. А. Мусин-Пушкин, тайный советник и член Правительствующего Сената Я. Ф. Долгоруков, генерал-фельдмаршал Я. В. Брюс и комендант крепости Кексгольм полковник Чоголков. Все земельные участки были временными дарениями за служебные заслуги и не являлись наследуемой собственностью.¹¹

Налоговая ревизия 1728 года

О налоговом бремени крестьян, которые работали и жили на жалованных землях, не сохранилось никаких систематически упорядоченных данных до 1728 года. В 1714 году в силу вступило налогообложение, введенное Меншиковым и утвердившее налог, который крестьяне должны были выплачивать казне, а именно — единый годовой земельный налог (1 рубль 40 копеек). В сравнении со «шведской» Финляндией налоговое бремя государственных крестьян российской Старой Финляндии было слабее, даже несмотря на то, что в 1720 году его увеличили (2 рубля за надел). На жалованных дворянству наделах крестьяне дополнительно платили оброк и барщину, которые при общем подсчете составляли 7–9 рублей.¹²

В середине 1720-х годов было реформировано налогообложение нерусских провинций империи. В 1725 году вышел указ о налоговой проверке Эстонии и Ливонии, которая должна была базироваться на принятых в регионах нормах и практиках.¹³ В указе 1726 года о налогообложении Выборгской провинции, составленном императорским Верховным тайным советом, говорилось, что все налоги должны были учитывать шведские нормативы.¹⁴ Указ касался в том числе земель, находившихся во временном владении представителями дворянства или в повторном дарении, которые государство планировало в неопределенном будущем получить обратно в платежеспособном с точки зрения налогов состоянии.

Указ отличает тот факт, что по Ништадскому мирному договору жителям Выборгской провинции была обещана лишь свобо-

¹¹ Matthias Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 57–58.

¹² J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 172–175.

¹³ Astaf von Transehe-Roseneck. Gutsherr und Bauer in Livland im 17. und 18. Jahrhundert // Abhandlungen aus dem staatswissenschaftlichen Seminar zu Strassburg / Heft VII. Strassburg 1890. S. 113–117; Juhan Kahk. Eesti talurahva ajalugu I. Tallinn 119. S. 572; A. Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. S. 60.

¹⁴ ПСЗ (VII) 4873 (20.10.1726), § 7.

да исповедания лютеранства, в то время как для аристократии и жителей городов Эстонии и Ливонии были предусмотрены более широкие привилегии. Российское правительство объединило все завоеванные у Швеции земли в единое целое. На территории этих земель предписывалось придерживаться прежних привилегий и норм. Положение получило поддержку у специально образованной в 1720 году в Петербурге Камер-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел, в область ответственности которой входила также и Выборгская провинция.¹⁵

Налоговая проверка всех крестьянских наделов Выборгской провинции была проведена в 1727–1728 годах. По ее результатам для Старой Финляндии были определены земельные и подушные налоги, основанные на шведских нормах, при этом на территории отменялась российская подушная подать. Крестьян, работавших на жалованных землях, отличало то, что общую сумму налогового бремени определяли не хозяева-дворяне, а представители императорской власти. В результате ревизии вышло постановление, что с нововведенных налогов владелец земли оставлял себе две трети дохода, а одну треть передавал короне.¹⁶

Налоговая система, введенная в Выборгской провинции, значительно отличалась от системы, установленной на русских территориях империи. В России власть ориентировалась на подушный налог с крепостных, который хозяин выплачивал согласно периодическим ревизиям. Государство не вмешивалось в оброк и барщину, которые дворянство самостоятельно устанавливало для своих крепостных. В Выборгской провинции, напротив, власть контролировала налоги с земель, находившихся во владении дворянства, и не давала аристократии самостоятельно устанавливать налоги для крестьянства.

Принципы и правила налогообложения дарованных земель, установленные в 1728 году, сохранялись до начала 1770-х годов. Тем не менее, начиная уже с 1760-х годов, ощущалась необходимость налоговой реформы, так как в Старой Финляндии наблюдались быстрый прирост населения и увеличение возделываемых земель. С точки зрения дворянства проблема заключалась в том, что изменения в налоговой платежеспособности крестьян никаким образом не приносили пользу хозяевам земель. Государство

¹⁵ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 176.

¹⁶ Kansallisarkisto (KA). Viipurin ja Käkisalmen läänien pöytäkirjaosa KA 9818, ja Viipurin ja Käkisalmen läänien maakirja, KA 9822. J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 176–180.

также стремилось к реформам в сфере налогообложения: в августе 1765 года был опубликован указ об образовании новой Ревизионной комиссии по межеванию земель. В задачи комиссии входила подготовка и осуществление новой налоговой ревизии, которая включала бы новое распределение налогов как для государственных, так и для жалованных земель.¹⁷

Проект продвигался медленно, в связи с протестами дворян и крестьянства. Дворянство расширяло свои усадебные хозяйства и ни при каких условиях не хотело, чтобы государство вмешивалось указами во внутренние налоговые взаимоотношения с крестьянами. Крестьяне не поддерживали ревизию, потому что ее принятие означало бы новое повышение налогов. Данная ситуация привела к задержкам в работе Ревизионной комиссии, которая была полностью остановлена в 1788 году из-за войны, разгоревшейся между Россией и Швецией. Комиссия вновь приступила к работе лишь в 1792, но уже в 1802 году ее деятельность вновь была приостановлена, а новые налоговые принципы так и не были осуществлены на практике. Причины неудавшейся деятельности Ревизионной комиссии можно искать в том числе в событиях, происходивших на дворянских землях, в изменявшихся правах собственности и в экономических преобразованиях.¹⁸

Расширение прав собственности на жалованных землях

После смерти Петра I положение дворянства в России укрепилось. Во времена правления императрицы Анны Иоановны с 1730 по 1740 годы дворянство получило раскрепощение в обязательной военной службе, а также возможность наследовать собственность в рамках расширенных правил майората. В феврале 1762 года Петр III специальным Манифестом о вольности дворянства окончательно освободил его от обязательной военной и гражданской службы.¹⁹ Укрепление дворянского положения было также заметно и в Старой Финляндии.

Земельные наделы, находившиеся во владении дворянства, утверждались жалованными грамотами государей и императриц, в которых служивому дворянину или офицеру даровали опреде-

¹⁷ РСЗ (XVII) 12 445 (1.8.1765).

¹⁸ M. Akiander. Om donationerna i Wiborgs län. S. 101–107; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 62–71.

¹⁹ РСЗ (XV) 11 444 (18.2.1762).

ленное количество крестьян или наделов в конкретной волости, провинции или губернии. Решения верховного правителя о дарении Правительствующий Сенат заверял контрольной подписью, а также отправлял в Камер-коллегию и в Ревизионную коллегию официальное заявление о принятии дарения. Чиновники должны были принять документ, а также совершить общий подсчет налоговых доходов с дарованных наделов в той или иной провинции или губернии. Затем коллегии передавали полученные данные местному управлению. В случае с Выборгской провинцией информация передавалась сначала в Камер-коллегию Лифляндских и Эстляндских дел, которая затем переправляла ее дальше обер-коменданту Выборга.²⁰

Для дворянства жалованная грамота была значимым документом, так как в ней указывались территория и условия дарения. Жалованные грамоты служивым чинам, составленные Петром I и А. Д. Меншиковым, не сохранились, но из корреспонденции должностных лиц известно, что они не содержали четкой терминологии по отношению к дарениям. Земли жаловались «временно», «на умеренный период времени» или «до смерти» владельца, статус дарения определялся как «владение». Единственным исключением была донация обер-коменданту Г. П. Чернышеву, которая жаловалась в «вечное владение». Тем не менее данная донация также была возвращена государству в течение 1720-х годов и в течение 1730-х заменена землями в волостях Муолаа и Валкярви.

Усиление позиций дворянства стало отчетливо заметно, начиная с 1730-х годов, в Выборгской провинции — с 1740-х. В 1734 году действительный камергер, граф П. С. Салтыков, получил в волости Пюхьярви 17 деревень в «вечное и потомственное владение». В российском контексте это означало «полное вещное право», то есть право на наземные и подземные ресурсы, на водные территории, на крестьян, а также право продавать, завещать и закладывать земельную собственность, оформленную подобной формулировкой.²¹

Генерал Д. А. Шепелев в январе 1741 года по указу регента Э. И. Бирона и Анны Леопольдовны получил в волости Кивеннапа земли в «вечное и потомственное владение». Елизавета I, воз-

²⁰ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 76–77.

²¹ Неволин К. История российских гражданских законов. Т. 2. 1851. С. 115–120; М. Akiander. Om donationerna I Wiborgs län. S. 69–75; J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 84.

шедшая на престол в декабре 1741 года, отменила донацию, но уже через два месяца, будучи в статусе императрицы, вернула ее Шепелеву на прежних правах, а также, спустя еще какое-то время, присвоила ему звание генерала-аншефа и обер-гофмаршала. Жалованные грамоты Салтыкова и Шепелева с точки зрения словесных формулировок отличались друг от друга, кратко описывая их права по владению данной собственностью.²²

Жалованная грамота с более детальным содержанием была выдана действительному камергеру М. И. Воронцову в июле 1743 года. Грамота была личным дарением Елизаветы I земель в деревнях Куркийоки, Койтсанлахти (Париккала) и Яккима, которые она жаловала Воронцову в «вечное и потомственное владение». В Жалованной грамоте отдельно оговаривались права Воронцова на владение и управление крестьянскими наделами, полями, лугами, лесами и водами. Согласно грамоте крестьяне указанных наделов и их семьи также переходили во владение Воронцова.²³

В качестве примера расширенных форм земельного владения можно привести дарение генерал-прокурору Правительствующего Сената Н. Ю. Трубецкому, которому в декабре 1747 года жаловали 55 крестьянских наделов в районе Пюхярви. В рамках этой же Жалованной грамоты он получил 5 усадеб в Лифляндии. Согласно Жалованной грамоте, земли Лифляндской губернии и Старой Финляндии переданы ему «в вечную и полную собственность», и права владения ими не отличаются по положению друг от друга. На смену понятию «владение» пришел новый термин — «полная собственность». Согласно Жалованной грамоте, донация Трубецкого включала крестьянские «наделы, деревни, поля, луга, леса, озера, реки, места рыбной ловли, мельницы и места их расположения, кабаки и места их расположения». Более того, к владельцу переходили сами крестьяне, как проживавшие на этих землях, так и беглые. В соответствии с новой терминологией и на таких же правах в 1760 году генерал А. Б. Бутурлин получил наделы в Старой Финляндии в Сулкава, Суоярви, Укууниemi, а также на востоке Лифляндии.²⁴

²² J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 77–78.

²³ Индова Е. И. Дворовое хозяйство в России в первой половине XVIII века. М. 1964. С. 292–294; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 78–79.

²⁴ Неволин К. История российских гражданских законов. С. 121–123; Бобович И. М. Землевладение и землепользование в «Старой Финляндии» в конце XVIII — первой половине XIX века // Скандинавский сборник XXVII. Таллин, 1982. С. 42–43; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 79–81.

В июле 1765 года вышел указ Екатерины II, согласно которому Жалованные грамоты о дарениях земель в Выборгской, Лифляндской и Эстляндской губерниях должны были содержать единые формулировки, после чего в Старой Финляндии были установлены три возможных типа дарения: высшую категорию составляли земли, переданные в «вечное и потомственное владение», другие два типа считались «срочными» и «временными» владениями.²⁵

В ситуации со Старой Финляндией проблема словесных формулировок стояла достаточно остро: с их помощью можно было точно установить юридическое положение земли. Унификация терминов, определявших право собственности, указывает на усиление дворянства, в том числе и на территориях Старой Финляндии. При этом возникала проблема, которая заключалась в том, что принципы владения, заложенные во времена шведского правления, входили в конфронтацию с унифицированными терминами земельной собственности.

Крестьяне дарованных земель Старой Финляндии изначально не были крепостными и считались индивидуально свободными, что ставило формулировки Жалованных грамот о собственности в противоречие с принятыми на территориях нормами. К тому же налоговой ревизией 1728 года было однозначно установлено, что корона и в дальнейшем имела право определять налоговые отношения донатариев и крестьян, независимо от содержания Жалованных грамот, указывавших на полное право собственности. Независимо от формулировок Жалованных грамот Салтыкова, Шепелева, Воронцова, Трубецкого или Бутурлина, чиновники местного управления придерживались в их отношении ровно того же порядка, что и в отношении временных донаций. Власть толковала это таким образом, что дворянству были дарованы лишь две трети годового дохода с земельного налога.

Изменения в праве собственности на жалованных землях

Расширение права собственности на землю отразилось на ее наследовании, завещании, закреплении, продаже, покупке и закладывании. Важной формулировкой при передаче прав собственности оставались слова «в вечное и потомственное владение», так как они подразумевали передачу земли с соблюдением «всех возможных прав и прерогатив».

²⁵ ПСЗ (XVII) 12 438 (22.7.1765).

В качестве примера наследования жалованных земель и разрушения правил майората можно привести историю территорий в волости Рауту после смерти графа А. М. Девьера в 1745 году. В 1727 году после высылки Девьера и его шурина А. Д. Меншикова в Сибирь земли Рауту были возвращены короне и в дальнейшем дарованы. В 1743 году императрица Елизавета Петровна возвратила Девьеру собственность и участки в волости Рауту. В 1745 году территории были поделены поровну между тремя сыновьями Девьера. Старинную усадьбу Сумбула и земли, находившиеся вблизи от нее, получил генерал-лейтенант Петр Антонович Девьер. В волости были образованы две новых усадьбы, из которых Лейниккяля досталась лейтенанту Антону Антоновичу, а Вехмайнен — капитану Александру Антоновичу.²⁶

Жалованные земли становились предметом завещаний, как показывает пример волости Салми. Речь идет о дарении 1725 года Карлу Арнандеру, ответственному инспектору Петергофских парков и садов, собственность которого унаследовала его дочь Катарина Штакельберг. После смерти Штакельберг, не имевшей детей, часть собственности была продана на аукционе в 1771 году, а наделы Салми были переданы члену Законодательной комиссии, профессору Е. Е. Урсинусу. Его грандиозные планы по расширению лесопильной промышленности испытали серьезные неудачи. Урсинуса спас граф Г. Г. Орлов, который купил все его наделы в 1777 году. Умерший в 1783 году бездетным, Г. Г. Орлов завещал земли своему брату — адмиралу, графу А. Г. Орлову-Чесменскому, которые затем были унаследованы дочерью последнего Анной Орловой-Чесменской в 1803 году.²⁷

Дворянин мог также заложить полученные в Старой Финляндии земли в счет долгов, как, например, поступил обер-гофмаршал Д. А. Шепелев, заложивший дарения в волости Кивеннапа в счет взятой у сенатора, графа П. И. Шувалова, ссуды. История всплыла после смерти Шепелева в 1759 году. В 1762 году Кивеннапа перешла сыну П. И. Шувалова, сенатору и графу А. П. Шувалову, который, в свою очередь, продал земли своему дяде И. И. Шувалову в тот же год. Данная сделка была первой в истории Старой Финляндии продажей земельного дарения.

Продажа и покупка жалованных земель участились в 1760–1770 годах. Предметом сделок обычно становились средние и мелкие территории, распределенные между наследниками.

²⁶ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 105.

²⁷ Ibid. S. 87–89.

Например, владелец Сумбула в волости Раута генерал-лейтенант П. А. Девьер продал унаследованную землю придворному аптекарю М. Х. фон Брискорну в январе 1767 года. Следующая сделка состоялась годом позже, в 1768 году: владельцы наделов в Петяярви волости Саккола президент Берг-коллегии, действительный государственный советник А. Э. Мусин-Пушкин и граф И. П. Мусин-Пушкин продали их государственному советнику, графу Я. Е. Сиверсу. Он, в свою очередь, продал земли петербургскому придворному банкиру, барону И. Ю. Фридрихсу в 1775 году. Годом ранее Фридрикс купил усадьбу Таубила в волости Пюхяярви у княгини Прасковьи Юрьевны Трубецкой, вдовы действительного камергера, графа П. С. Салтыкова.²⁸

При этом в купчих ничего не говорится о крестьянах, то есть душах, что наводит на размышления, становились ли крестьяне жалованных наделов предметом подобных сделок в принципе. С проприетарной точки зрения вопрос можно изучать на примере случаев, когда владельцы-дворяне стремились заложить крестьян в образованный в 1786 году Санкт-Петербургский государственный заемный банк.

В задачи банка входило содействие модернизации российской экономики, а также организация мануфактур и фабрик по образцу французской физиократии, принципы которой, начиная с 1765 года, продвигало в России Вольное экономическое общество. На выдаваемые банком ссуды строились новые лесопилки, образовывались шахты, закупались первые сельскохозяйственные машины и возводились новые промышленные здания. Часть выдаваемых кредитов шла также на содержание дворянства и на личные расходы — в частности, на строительство дворцов и парков английского типа. В качестве кредитной гарантии дворянин закладывал имеющихся в собственности крепостных: за одну крепостную душу можно было получить 40 рублей кредита. Сама практика свидетельствовала о том, что количество душ было мерилom собственности.²⁹

Для получения займа дворянин должен был доказать, что имеет право собственности на закладываемые крестьянские души. Контролем права собственности занимались Палаты гражданского суда, определявшие на основании формулировок

²⁸ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 103–109.

²⁹ ПСЗ (XXI) 16 407 (28.6.1786), § 1–3, 5, 7; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII в. М. 1957. С. 422; Боровой С. Я. Кредит и банки в России. М., 1958. С. 57–58, 60–61, 65.

Жалованной грамоты или купчей, действительно ли закладываемые крепостные принадлежали дворянину, который запрашивал кредит.

Первые заявления на займы из Старой Финляндии были приняты к рассмотрению осенью 1786 года. Заложить крестьянские души и получить ссуду стремились владелец Кивеннапа генерал, граф И. П. Салтыков, владелец Муолаа и Валкярви, вице-президент Адмиралтейств-коллегии, граф И. Г. Чернышев, владелец усадьбы Таубила волости Пюхярви штабс-капитан Преображенского полка А. И. фон Фридрикс и владелец Рускеала-Пялкярви действительный камергер, граф П. Б. Бутурлин.³⁰ В ноябре 1786 года Выборгская палата городского суда установила невозможность единого подхода к финским крестьянам и русским крепостным, так как финские крестьяне являлись индивидуально свободными в отличие от прикрепленных к земле российских крестьян. Постановление означало, что крестьяне Старой Финляндии не являлись собственностью дворянина — владельца земли, а соответственно, их было невозможно заложить в качестве гарантии в Государственный заемный банк. Палата гражданского суда отправила свое решение по данному вопросу в Правительствующий Сенат, который подтвердил его 15.01.1787 специальным указом. Решение вызывало в среде дворян возмущение. Например, граф И. Г. Чернышев пытался обжаловать его как в Сенате, так и в банке, но безрезультатно.³¹

На решение повлияло принятое в течение 1700-х годов положение Старой Финляндии, в рамках которого на территории продолжали придерживаться шведских административных и земельных законов, а также закона 1734 года. Согласно данным законам, крестьяне дворянских усадеб не являлись крепостными и были индивидуально свободными, а значит, не могли быть заложены в качестве гарантии за займ.

Решение имело несколько последствий. Во-первых, часть высшего дворянства, владевшего землями на территории Старой Финляндии, продали свои наделы нижестоящим чинам и петербургским купцам. Например, Чернышевы, Салтыковы, Шува-

³⁰ KA. Vanhan Suomen tuomiokirjoja käskynhaltijakaudelta n: o 55, Siviiltribunaalin ptk: t 12.10., 18.11., 1.12. ja 16.12.1786. S. 1310–1313, 1513–1515, 1549–1550 ja 1613–1614; J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 121.

³¹ KA. Vanhan Suomen tuomiokirjoja käskynhaltijakaudelta n: o 56, Siviiltribunaalin päätös n: o 9/1787 (26.1.1787). S. 17–18 ob; J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 85–86.

ловы и Голицыны продали свои земли коммерции советникам А. В. Ольхину и М. М. Бландову. Часть высшего дворянства, например Орловы и Воронцовы, решили сохранить земельную собственность в Старой Финляндии. В случае с Орловыми продажа не была актуальной, потому что в Салми уже располагались действующие лесопильные фабрики.

Во-вторых, были внесены изменения в формулировки последних Жалованных грамот, по которым положение крестьян было четко определено. По окончании войн против Османии и Швеции Екатерина II даровала новые участки на территории Старой Финляндии отличившимся в военных действиях офицерам. Формулировки грамот не следовали установленным указом 1765 года. В них лишь было указано, кому принадлежит дарение, какие деревни и какое количество душ относится к дарованной земле.

Грамоты получили, в том числе, майор М. Д. Олсуфьев, принимавший участие в войне против Швеции в 1788–1790 годах и ставший владельцем 250 душ в волости Виролахти, лейтенанты Х. К. Зигель и Г. Улмерн, каждому из которых было даровано по 100 душ в волости Йоутсено в 1790 году. Сражавшийся против Османской империи и отличившийся при взятии крепости в Анапе младший лейтенант Я. Л. Болотников получил 100 душ в волости Пюхтя. Отличившиеся на крупных строительных работах по возведению укреплений на территории Старой Финляндии, которые велись с 1791 года, артиллерийские инженер-офицеры полковник Ж. А. де Лумиан, лейтенант-полковник Ф. Ф. Штейнгель, капитан К. И. Опперман, генерал П. К. ван Сухтелен и несколько других персон получили от 150 до 300 душ. Крестьяне данных дарений также не приравнивались к крепостным, и дворяне не могли заложить их в Государственный заемный банк.³²

Стремление к эффективности усадебного хозяйства и налоговое бремя крестьян

Для Старой Финляндии временной промежуток с середины 1750-х годов до начала 1800-х был периодом роста населения и увеличения возделываемых земель. В 1765 году власть учредила Комиссию о государственном межевании, чтобы подготовить новые принципы налогообложения. Проект не удался из-за противостояния дворянства и крестьян. В рассматриваемый период

³² J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 95–100.

дворянство активно занималось развитием усадебного хозяйства и стремилось увеличить налоги, которые ложились на плечи крестьян. Результатом таких действий стало постепенное усиление социального напряжения на территориях жалованных земель, что стало отчетливо заметно начиная с 1770-х годов.

В Старой Финляндии центром поместья был двор (финск. Но-ви), или усадьба. Финское название происходит от немецкого слова Hof и отсылает к устройству усадеб в Лифляндии и Эстляндии. В первой половине 1700-х годов дворы Старой Финляндии были мелкими, не интересовали высшую аристократию, и владевшие тысячами крепостных Бутурлины, Чернышевы, Голицыны, Салтыковы, Шуваловы, Трубецкие и Воронцовы не ездили осматривать земельные владения в Старой Финляндии. В усадьбах проживали назначенные хозяевами управляющие, которые собирали установленные ревизией 1728 года налоги, удерживали с доходов хозяйские две трети, а остальное переправляли на государственные склады.³³

Оптимизация сельского хозяйства, организация мануфактур и развитие промышленности, начиная с 1760-х годов, стали общей тенденцией, которую направляло в нужное русло основанное в 1765 году Вольное экономическое общество. С точки зрения государства за счет развития можно было иметь дополнительные таможенные доходы и прирост числа населения. С ростом населения государство получало дополнительные доходы с налогов и солдат для службы в армии. Дворяне стремились к увеличению собственных доходов, к возможности вести и поддерживать шикарный образ жизни. В это же время началось расширение усадеб на дарованных землях. Крестьян, проживавших вблизи, либо выселяли с наделов, либо переводили в категорию безземельных крестьян при усадьбе, а сами наделы присоединяли к усадебным землям.³⁴

К данному периоду относятся и торговые сделки, в результате которых владельцами земель становились люди более низкого ранга, как с социальной точки зрения, так и с экономической. В их владении оказывалась одна или две усадьбы, возникала необходимость развития и увеличения дохода. Стремления помещика более низкого статуса к развитию подогревались бли-

³³ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 211–213.

³⁴ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 185, 216–218. В 1754 году население Старой Финляндии составляло 115 600 человек, а в 1802 — около 195 000.

зостью столицы страны — Петербурга. Большой город обладал стабильными рынками для сбыта продукции, а спрос был гарантирован благодаря постоянному росту населения. Дворянами такого рода были, например, фон Брискорны, Девьеры и фон Фридриксы, а также купившие земли в конце 1700-х годов Балезнуа, Гижицкие и Вейраухты, политическое и экономическое положение которых отличалось от положения Чернышевых, Голицыных, Салтыковых, Шуваловых, Трубецких и Воронцовых. Деятельность по экономическому развитию усадеб началась как раз тогда, когда владельцами земель стали именно дворяне более низкого ранга.

Для развития усадебного хозяйства дворянам было необходимо увеличить трудовую повинность крестьян. Подготовка земли к пахоте, посев и сбор урожая требовали большего количества рабочих рук, но нормы, установленные ревизией 1728 года, не позволяли владельцу увеличить трудовую нагрузку крестьян. Владельцы жалованных земель понимали, что шведские правовые стандарты, действовавшие в Старой Финляндии, нельзя было обойти так, как это можно было сделать в русских регионах империи. Возможность увеличить трудовую повинность нужно было искать в шведском юридическом опыте.

Дворяне пытались доказать, что жалованные земли являются шведскими фрельзами, переходящими по наследству. В таком случае крестьяне стали бы арендаторами земли. В шведском земельном законе Кристофера Баварского был пункт, по которому арендаторы должны были раз в шесть лет составлять с собственником земли налоговый контракт. Дворяне видели в контракте возможность обойти нормы ревизии 1728 года, получить резкое увеличение работающих крестьян, а обрабатываемые ими поля привести к налогообложению. В целом, императорская власть не возражала против налоговых контрактов, но требовала их подтверждения в местных судах. В то же время корона признавала, что налоговая ревизия 1728 года устарела.

Первый налоговый контракт был заключен придворным аптекарем М. Х. фон Брискорном при приобретении в августе 1772 года жалованной земли Сумбула в волости Рауту. По нему крестьяне были обложены, кроме установленных ревизией 1728 года налогов, также барщиной. Каждая вторая налоговая единица должна была отправлять одного мужчину-крестьянина в возрасте от 15 до 60 лет вместе с лошадью для работ на землях усадьбы. Крестьяне должны были также в течение двух недель в год либо на лошадях, либо на ногах работать в усадьбе в период

возделывания земли, посева, уборки сена и сбора урожая. Кроме того, крестьяне были обязаны осуществлять перевозку различных грузов. Рисуя на контракте крестик, крестьяне признавали, что налоговая ревизия 1728 года устарела.³⁵

Расширивший усадебное хозяйство фон Брискорн получил за счет заключения контракта дополнительные налоговые доходы с крестьян в форме трудовой повинности и обязательств по перевозкам.

По отношению к одной налоговой единице фон Брискорн получал 156 рабочих дней в год. Если на жалованной земле было около 36 налоговых единиц, которые обрабатывали крестьяне, то трудовая повинность составляла чуть больше 5600 рабочих дней в год. Если на территории налоговой единицы трудились в среднем 6 мужчин, то один мужчина в год выполнял около 26 дней трудовой повинности. В 1811 году налоговая ситуация Сумбула оставалась практически такой же, что и 30 лет назад, произошел лишь небольшой прирост налогового дохода, связанного с ростом населения. Фон Брискорны получали с крестьян около 6300 дней трудовой повинности в год. В сравнении с трудовой повинностью крепостных крестьян на исконно русских территориях, повинность крестьян фон Брискорнов в годовом исчислении была не столь высока.³⁶

На мелких и средних жалованных землях Старой Финляндии переход на контрактную систему произошел в период между 1770 и 1780 годами. Большая часть контрактов делала упор на барщину, но также заключались и денежные контракты, и контракты, связанные с зерновым оброком, как, например, в деревне Вехмайнен Николая Девьера в волости Рауту в 1781 году. Денежный контракт был плох с экономической точки зрения: в конце 1700-х годов Россия испытала инфляцию, связанную с бумажными рублями. В 1790-х годах на наделах Девьера налоговая нагрузка также приобрела форму барщины.

Налоговые контракты должны были проходить утверждение в судах. Другими словами, крестьяне жалованных земель были договоробязанными, и по собственному желанию они могли оспорить контракт или обжаловать вплоть до обращения к Правительствующему Сенату.³⁷ С юридической точки зрения

³⁵ J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 88–89.

³⁶ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 191.

³⁷ KA. Hallitsevan senaatin aktikokoelma n: ot 18 ja 26, Sumbulan lahjoitusmaan veroriidat 1781 ja 1783.

контракты были неудобны для дворян, так как в Старой Финляндии действовали шведские законы и постановления, по которым для заключения контракта было необходимо получить согласие крестьян. В результате владельцы жалованных земель пытались приводить в действие противоречивые контракты без согласия крестьян и судов низших инстанций. Как следствие, контрактная система ослабила авторитет судов и увеличила социальную напряженность на территории жалованных земель.

Контракт с крестьянами усадьбы Таубила и столкновения на жалованных землях

Налоговый контракт, заключенный в волости Пюхьярви на территории Таубила, принадлежавшей генералу А. И. фон Фридриксу, и последовавший за заключением судебный процесс стали поворотной точкой для структуры крестьянского налогообложения. В 1785 году фон Фридрикс составил контракт, налоги по которому значительно превышали обозначенные ревизией 1728 года. Часть крестьян не согласилась подписать контракт. Фон Фридрикс потребовал от крестьян, выступивших против, либо согласиться, либо покинуть наделы. В результате между управляющими усадьбой и крестьянами возникли столкновения, которые в дальнейшем рассматривались в суде.

Суд Старой Финляндии отказал фон Фридриксу в его требованиях, сославшись на налоговую ревизию 1728 года и предшествовавший ему в 1726 году указ Верховного тайного совета, на постановления новой налоговой ревизии 1765 года, а также на принятые в Старой Финляндии шведские законы. По ним дарованные земли не являлись полной собственностью владельца, а формулировки Жалованных грамот необходимо было толковать следующим образом: корона поручила свои владения дворянину, который не имеет права претендовать на большее количество налогов, чем сама корона. Фон Фридрикс пытался обжаловать решение в Правительствующем Сенате, но рассмотрение дела было положено под сукно на долгие годы.³⁸

Задержка решения Правительствующим Сенатом подорвала доверие к судебной системе, и хозяева земель стали оставлять его мнение без учета, составляя и подписывая новые контракты с крестьянами. Фон Фридрикс требовал от крестьян либо согла-

³⁸ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 198–198.

паться на заключение нового контракта, либо покинуть наделы. В результате в усадьбе повторялись жестокие стычки между крестьянами и управляющими, которые затем рассматривались в судах.

В конце концов Сенат вынес свое решение по делу в 1798 году. Согласно решению жалованные земли Старой Финляндии считались собственностью дворянина, а крестьяне не имели права покидать наделы.³⁹ Решение можно было толковать и так, что теперь хозяин имел право повышать налоги крестьян. Для фон Фридрикса подобная ситуация означала возможность перехода от модели налоговой единицы, в центре которой был конкретный надел, к модели русских подушных налогов, по которым трудовая повинность определялась общим количеством мужчин. На земле фон Фридрикса работало около 1 850 крестьян (от 15 до 60 лет), каждый из которых отработывал 26 дней трудовой повинности в году, что в целом составляло 48 100 дней в году. В дальнейшем дело по усадьбе Таубила вновь оказалось в суде, который принял решение вернуться к старой налоговой модели, снизив количество трудовых дней до 3 450 в год, что оказалось значительно меньше, чем при системе фон Фридрикса.⁴⁰

Лагманский суд пришел к компромиссу, в рамках которого были учтены приоритеты обеих сторон. Отмены модели налоговой единицы не произошло, но желаемое фон Фридриксом увеличение налогов было достигнуто поднятием трудовой повинности для каждой единицы до 326 дней. Таким образом, владелец земель получал с 46 налоговых единиц около 15 000 отработанных дней в год. Решение было обосновано неактуальностью налоговой системы 1728 года.⁴¹ Если говорить о населении, то на 1875 мужчин и женщин приходилось лишь по 8 дней трудовой повинности в год.⁴² Несмотря на это, и фон Фридрикс, и крестьяне вновь

³⁹ ПСЗ (XXV) 18 376 (15.2.1798).

⁴⁰ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 199.

⁴¹ KA. Hallitsevan senaatin aktikokoelma n: o 293, Taubilan kontrahti. S. 41–49 об.

⁴² РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 200. Л. 97. Описание Выборгской губернии 1800/1801. Согласно статистическому описанию, на землях Таубила А. И. фон Фредрикса, в Пюхяярви проживало около 1 603 мужчин и 1 407 женщин, то есть всего около 3 010 жителей. Из них 1 875 — в возрасте от 15 до 60 лет. Таубила известна контрактом, увеличившим трудовую повинность крестьян, что привело к увеличению повинности и на других, мелких или средних владениях, как, например, в Саккола П. И. фон Фредрикса (старший брат) и в Пюхяярви В. П. Балясного.

попытались обжаловать решение, но Правительствующий Сенат не стал его пересматривать, а лишь рекомендовал обеим сторонам смириться с ситуацией и довольствоваться принятым решением. Следует еще раз отметить, что у крестьян Старой Финляндии трудовая повинность была значительно слабее, чем у русских крепостных, которые отработывали в среднем 150–160 дней на благо своего хозяина-дворянина.⁴³

В Старой Финляндии в период с 1798 по 1802 год было зарегистрировано около двадцати достаточно крупных крестьянских волнений, часть из которых стала следствием неподчинения приказам и налоговым законам, приведшим к рукоприкладству и стычкам. Самыми тяжелыми были признаны столкновения, которые прошли в 1775 году на землях Е. Урсинуса в Салми, как следствие волнений в среде крестьянства. Для разрешения конфликта потребовалось прибегнуть к военной силе. Подобная ситуация возникла и на потомственных землях рода Воронцовых в Куркийоки, Койтсалаhti (Париккала) и Яккима, где крестьяне организовали открытое восстание против управляющих в 1781 году. В Куркийоки события приняли наиболее тяжелую форму: крестьяне вышли против комиссованных на территории солдат. В дальнейшем произошедшее разбиралось в судебных инстанциях, в результате чего дарованные земли были конфискованы в 1783 году. Граф С. Р. Воронцов вновь получил территории во владение лишь в 1797 году. По сравнению с практически ежегодными восстаниями русских крестьян, самое известное из которых — трехлетний бунт под предводительством Емельяна Пугачева, волнения в Старой Финляндии не считались крупными, но из-за близости к столице, Санкт-Петербургу, воспринимались серьезно.

Обострение ситуации на дарованных землях

Представители высшего российского дворянства, Бутурлины, Чернышевы и Шуваловы, на рубеже XVIII и XIX веков продали свои земли в Старой Финляндии российским предпринимателям. В 1793 году П. А. Бутурлин продал земли в Рускеала и Пялъярви почетному гражданину Д. И. Затрапезнову родом из Ярославля. В марте 1802 года в рамках второй заключенной сделки петербургский торговый советник М. М. Бландов купил жалованную

⁴³ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 200–201.

землю в Валкярви у тайного советника, графа Г. И. Чернышева. В рамках сделки 39 деревень и примерно 2 700 крестьян сменили владельца. Подтвердившее продажу управление Выборгской губернии передало земли Бландову «в вечное и потомственное владение». В мае 1803 года наследники И. М. Шувалова продали, в свою очередь, второй крупный комплекс земель, в который входили части волостей Муолаа и Валкярви, а также деревня Кавантсаари в волости Антреа петербургскому торговому советнику А. В. Ольхину.⁴⁴

Мотивы покупателей, которые привели к заключению этих сделок, можно было найти в расширении лесопильной промышленности, а также в стремлении коммерчески развивать сельское хозяйство, расположенное в непосредственной близости от Санкт-Петербурга. Прецедентом для рождения подобных сделок стал контракт, заключенный в Таубила, который дал Бландову и Ольхину возможность повысить трудовую повинность крестьян, направленную на оптимизацию возделывания земель и перевозок продовольственных товаров на рынки Петербурга, а также на строительство винокурен.

Во времена владения землями высшей аристократией в течение 1780–1790-х годов налоговое обложение не поднималось столь быстро, как это стало происходить после передачи территорий владельцам с более низким положением в обществе. Когда торговый советник Бландов представил крестьянам Вейккола волости Валкярви налоговый контракт с упором на трудовую повинность, то они отказались его подписывать и потребовали соблюдения налоговой ревизии 1728 года. Ситуация на территориях Бландова и Ольхина переросла в жестокие волнения, в результате которых пришлось прибегнуть к военной силе и многолетним судебным разбирательствам. В августе 1809 года суд низшей инстанции приговорил крестьян Валкярви к наказанию плетью и к ссылке в Сибирь.⁴⁵

В июне 1810 года Александр I вмешался в разбирательство дела Бландова в Правительствующем Сенате, приостановив его и передав на рассмотрение двум членам законодательной комиссии. После того как был готов отчет по делу, 10 февраля 1811 года император составил приказное письмо, согласно которому Бландов не имел права поднимать налоги крестьянам. Более того, император приказал выяснить, имел ли торговый советник

⁴⁴ J. Paaskoski. Noble Land-Holding and Serfdom. S. 86.

⁴⁵ J. Paaskoski. Vanhan Suomen lahjoitusmaat. S. 204.

Бландов, не обладавший дворянским титулом, право на владение жалованными землями Валкярви. Также было отдано распоряжение прояснить положение крестьян, прежде чем они опустятся до положения русских крепостных.⁴⁶

Отрицательное отношение Александра I к крепостному праву было широко известно. Вскоре после восхождения на престол в 1801 году, он амнистировал сосланного в Сибирь А. Н. Радищева, который в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) критиковал крепостное право. Также император издал в 1802 и 1804 годах специальные законы, касающиеся крестьян Эстляндской и Лифляндской губерний. Законы возвращали крестьянам наследственное право пользования наделами, а также гарантировали определенную защиту: крестьян нельзя было продавать, как русских крепостных, без земли. Мотивом для законов стало ослабление положения крестьян и волнения, которые происходили как следствие работы Лифляндской, Эстляндской и Финляндской судебных коллегий, Правительствующего Сената и армии, начиная с конца XVIII века. Новые законы, касавшиеся крестьян Эстляндии (1816) и Лифляндии (1819), гарантировали им также личную свободу. В основе законов лежал теоретический, но не практический принцип отказа от крепостной структуры: прибалтийские крестьяне получили возможность свободы передвижения и бракосочетания.⁴⁷

Улучшение положения крестьян жалованных земель поддерживал генерал, граф Г. М. Армфельт, который перешел на русскую военную службу в мае 1811 года. Идея о решении вопроса жалованных земель посредством присоединения территорий Старой Финляндии к образованному в 1809 году Великому Княжеству Финляндскому была высказана именно Армфельтом. Весной 1810 года при посредничестве статс-секретаря М. М. Сперанского он передал императору послание *Appercu de la Situation Actuelle de la Finlande*, в котором разбирал также положение Старой Финляндии. Кроме Армфельта, Давид Алопеус, родившийся в Выборге и сделавший хорошую карьеру в российском управлении иностранных дел, говорил о различных возможно-

⁴⁶ J. R. Danielson-Kalmari. Viipurin läänin palauttaminen muun Suomen yhteyteen. Porvoo, 1911. S. 75–76.

⁴⁷ Juhan Kahk. Baron und Bauer im Baltikum. Versuch einer historisch-phänomenologischen Studie zum Thema «Gutsherrschaft in den Ostseeprovinzen. Tallinn, 1999. S. 117–132. Перевод на русский см.: Eesti talurahva ajalugu 1. Tallinn, 1992. S. 591–614.

стях присоединения Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому.⁴⁸

Присоединение Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому

Во время встречи с Александром I в мае 1811 года Армфельт узнал, что император готов пожаловать Выборгской губернии «ту же конституцию и те же формы свободы», которыми обладало Великое Княжество Финляндское.⁴⁹ За лето и осень 1811 года Армфельт подготовил предварительный план *Réflexions sur la Réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande*, который он представил императору 5 ноября 1811 года. На этой встрече Александр I принял окончательное решение о присоединении Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому с наступлением 1812 года.⁵⁰

Для Александра I и Армфельта одним из мотивов присоединения территории стало стремление улучшить положение крестьян на жалованных землях. Желанием императора было сделать финскую систему со свободными крестьянами примером для Петербурга. В свою очередь Армфельт, стремившийся к свободам, открыто ненавидел тиранию диких русских землевладельцев. Ситуация была лично важна для Армфельта также и потому, что в апреле 1812 года он приобрел жалованную землю Пукинниemi в волости Хийтола у генерал-майора А. Копьева, избавившись таким образом от самого яростного из всех противника объединения.⁵¹

Статс-советник Сперанский сыграл со своей стороны важную роль, так как провел для объединенной комиссии, состоявшей из председателей различных департаментов Государственного совета, выступление в защиту объединения. На выступлении

⁴⁸ J. Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland // HTF (= Historisk Tidskrift för Finland) 3/1997. S. 304; Kari Tarkiainen. Luonnollisten rajojen oppi ja David Alopaeuksen osuus suuriruhtinaskunnan rajojen synnyssä // HAik (= Historiallinen aikakauskirja) 4/2009. S. 397–400.

⁴⁹ Carl von Bonsdorff. Gustaf Mauritz Armfelt, III, Levnadskildring. SLS (=Svenska Litteratursällskapet i Finland) CCXXXI. Helsingfors, 1932. S. 106–111.

⁵⁰ KA. G. M. Armfeltin kok. Mk VAY 1059–1060; J. Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland. S. 304–307.

⁵¹ Matti Klinge. Itä-Suomi 1800-luvun kuviossa // Bernadotten ja Leninin välissä. Juva 1980. S. 78–80.

присутствовал император, который лично следил за тем, чтобы исход выступления был положительным. В центре внимания было стремление унифицировать гражданский кодекс Старой Финляндии, который вызывал неясности в управлении дарованными землями, а также желание возратить на территории шведские налоговые стандарты, которых придерживались до 1784 года. Сперанский был уверен, что благодаря объединению ответственность за решение проблем жалованных земель перейдет на плечи чиновников Великого Княжества Финляндского.⁵²

На основе принятого решения Сперанский составил декларацию об объединении, которую император подписал 11/23 декабря 1811. Информация, приведенная в декларации, носила административный характер, а потому ни русские чиновники, ни чиновники Старой Финляндии, ни владельцы жалованных земель не обратили на нее внимания. В десяти параграфах декларации в общих чертах определялось объединение гражданского, церковного и судебного управления Старой Финляндии с Великим Княжеством, а также говорилось о назначении специального организационного комитета для изучения и внесения предложений в канцелярию Великого Княжества по развитию губернии.⁵³

В свою очередь, подписанное 19./31.12.1811 исполнительное регулирование в рамках декларации привело в ярость Центральное управление Петербурга, а также региональных чиновников Старой Финляндии и хозяев жалованных земель. Регулирование предписывало отказаться от контрактной системы и вернуться к нормам налоговой ревизии 1728 года вплоть до того момента, пока не будет закончена новая налоговая проверка.⁵⁴

До принятия декларации не было ясности, где могла бы пролегать граница между Петербургской губернией и Великим Княжеством Финляндским после присоединения к нему Старой Финляндии. Для Карельского перешейка вопрос о границах был достаточно актуальным из-за жалованных земель. Землевладельцы считали, что юго-восточные области Выборга и Кексгольма должны быть присоединены к Петербургской губернии для решения вопроса о границах. По мнению Армфельта, границу между Петербургской губернией и Старой Финляндией необходимо было сохранить без изменений, и ему удалось заручиться

⁵² РГИА. Ф. 1164. Оп. 16. Д. 15. Л. 1–41 об.

⁵³ ПСЗ (XXXI) 24 907 (11.12.1811); КА. VSV 3/1811. 11./23.12.1811; А. Карпелер. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. S. 88.

⁵⁴ ПСЗ (XXXI) 24 934 (31.12.1811).

поддержкой Александра I в этом вопросе. Этого, тем не менее, было недостаточно для Армфельта, которому удалось добиться одобрения императора по присоединению к Великому Княжеству также и Сестрорецка. Следует отметить, что в 1864 году Сестрорецкий оружейный завод все же вернули обратно в границы Петербургской губернии.

Присоединение Старой Финляндии к Великому Княжеству Финляндскому в качестве Выборгской губернии оказалось значимым политическим решением своего времени. До этого момента не было понятно, следует ли считать Старую Финляндию частью территорий Лифляндии и Эстляндии, или же с исторической точки зрения она ближе Великому Княжеству Финляндскому, в котором также следовали шведской административной и судебной культуре. Образование Комитета Финляндских дел в ноябре 1811 года и присоединение Старой Финляндии означали, что балтийская административная модель больше не считалась примером для подражания в вопросах территориальной организации Великого Княжества.

Присоединение Старой Финляндии дало Александру I возможность решить проблемы дарованных земель без введения специальных законов. Организуя законодательство и принципы управления Старой Финляндии по образцу Великого Княжества Финляндского, император надеялся, что произойдет улучшение положения крестьян, а эре поземельной тяжбы, отягощенной административными и судебными органами, придет конец. Надежды Александра I не осуществились: незадолго до смерти в январе 1825 года он учредил Комитет по вопросам дарованных земель, который прекратил свое существование после вступления на трон Николая I. В 1826 году по дарованным землям был опубликован указ, так называемый Черный манифест, согласно которому крестьяне оставались лично свободными, но лишались права наследственного пользования наделами и становились их арендаторами.

Реализация одного из центральных мотивов присоединения, а именно изменение системы функционирования дарованных земель, остановилась на полпути как из-за противостояния обладавших властью донатариев, так и из-за пассивности чиновников Великого Княжества Финляндского. В 1830-х годах увеличилась напряженность на дарованных землях из-за выселений, и на ситуацию не могли повлиять уже ни ввод солдат, ни смертельные жертвы. Учреждение Надворного суда (Гофгерихт) в Выборге в 1839 году облегчило положение, но только решения парламента

Великого Княжества в 1863 и в 1867 годах о формировании капитала для выкупа дарованных земель, в случае их появления в продаже, открыли путь к уничтожению самой системы жалованных земель как таковой. Процесс начался в 1870-х годах, последние грамоты о праве наследования крестьяне получили лишь в 1920-х годах.

Перевод с финского Елены Вешняковой

ФРАНК НЕЗЕМАНН

ОТ ЗАВОЕВАНИЯ К АВТОНОМИИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ
ПРИЧИНЫ ОСОБОГО ПОЛОЖЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Уже в первые месяцы русско-шведской войны 1808–1809 гг., завершившейся завоеванием Финляндии Россией, правительством Александра I была начата работа по урегулированию статуса этой новой территории как части царской империи. Так, еще во время продвижения русских войск по территории Финляндии — 12 (24) марта 1808 г. и 5 (17) июня 1808 г.¹ — именем царя были провозглашены два манифеста, в которых сообщалось, что старые привилегии, права и свободы Финляндии будут сохранены и при царском правительстве.²

¹ Официальные сообщения на территории Великого Княжества Финляндского публиковались как в русском, так и в шведском варианте. При этом указываемая сначала более ранняя дата соответствовала действовавшему в России до 1918 года юлианскому календарю, а более поздняя — западной, григорианской календарной традиции.

² Мартовский манифест 1808 г. есть в: Kustavi Grotenfelt (Ed.). Suomenkielisiä historiallisia asiakirjoja Ruotsin vallan ajalta (vuosilta 1548–1809). Helsinki, 1912 (Acta Historica Fennica ab anno MDXLVIII ad annum MDCCCIX, Suomen Kirjallisuuden Seuran toimituksia No. 130). S. 292–293. Текст манифеста, провозглашенного в июне 1808 г., напечатан в Samling af Placater, Förordningar, Manifeste och Påbud, samt andre Allmänna Handlingar, hwilka i Stor-Furstendömet Finland sedan 1808 års början ifrån trycket utkommit. Första Delen: 1808–1812, Åbo / Turku 1821. S. 10.

Однако несравненно большее значение, чем эти два заявления, неизвестные широкой общественности в Финляндии, имела торжественная декларация, подписанная царем Александром 15 (27) марта 1809 года, накануне собрания (сейма) финляндских сословий в городе Порвоо (шведское название: Борго), в котором находилась резиденция одного из финляндских епископов.

Как сказано в русскоязычном оригинале манифеста, царь «признал за благо» «вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества», которыми «по Конституциям их» до сих пор пользовались все сословия и жители этой страны, независимо от того, высокого они сословия или низкого; согласно тексту манифеста, вероисповедание, права и свободы Финляндии должны были сохраняться «в ненарушимой и непреложной их силе и действии».³

Свои слова о том, что права Финляндии сохранятся за ней и при российском господстве, Александр I повторил перед собравшимися в Порвоо представителями четырех финляндских сословий — лютеранского духовенства, дворян, горожан и крестьян — несколько раз, используя при этом похожие формулировки.

Так, в двух речах на французском языке, которые он произнес 16 (28) марта и днем позже, он вновь говорил о «фундаментальных законах» (*lois fondamentales*) Финляндии, которые должны остаться в силе при российском господстве.⁴ Похожая отсылка к тексту манифеста 15 (27) марта содержится и в подписанной Александром I в Порвоо декларации от 23 марта (4 апреля) 1809 года.⁵

Последняя отсылка содержится в речи царя, произнесенной им на закрытии сейма в Порвоо. В обращении к собравшимся представителям сословий (также на французском языке) Александр I назвал сохранение собственных законов, личную безопасность новых подданных империи, а также «неприкосновенное уваже-

³ Текст русскоязычного оригинала манифеста цитируется по: Prästeståndets Protokoll vid Borgå Landtdag år 1809 jämte Handlingar rörande Landtdagen / Ed. Elis Lagerblad). Helsingfors / Helsinki, 1899 (Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet i Finland 40). S. 455. Шведская версия текста напечатана в Samling af Placater... S. 19–20. Шведская версия текста легла в основу финского варианта, предназначенного для основных слоев населения страны, не говорящих по-шведски, см. Grotenfelt (Ed.). Suomenkielisiä asiakirjoja. S. 344–345.

⁴ Prästeståndets Protokoll. S. 456, 459–460.

⁵ Samling af Placater... S. 20–21.

ние» их собственности «важнейшими составляющими» «политической жизни» Финляндии. Однако прежние слова о «коренных законах» страны царь в своем заключительном обращении повторять уже не стал.⁶

До недавнего времени считалось, что сделанные в Порвоо заявления царя Александра I имели ключевое значение для установившегося впоследствии особого положения Финляндии в Российской империи.⁷ Однако такая точка зрения недостаточно учитывает политические мотивы и намерения царского правительства: это обстоятельство подчеркивается и в ряде основополагающих работ по истории Финляндии, выпущенных в недавнее время.⁸

На самом деле данные в Порвоо заверения следовали возникшей в XVIII веке традиции торжественных царских заявлений, которые в подозрительно похожей форме делались царем в пользу принимаемых в состав империи западных и северо-западных окраинных областей.

Посредством торжественной грамоты цари заверяли жителей только что завоеванных территорий, т. е. прежде всего аристократические и приближенные к аристократическим высшие слои населения этих областей, в том, что их права и законы останутся в силе. Между тем формулировки в такой грамоте всегда были

⁶ Prästeståndets Protokoll. S. 514.

⁷ Во-первых, такая трактовка имеет место в следующих трудах: Eino Jutikala / Kauko Pirinen. Suomen historia. Asutuksen alusta Ahtisaareen. Porvoo / Helsinki / Juva 1999, а также Matti Klinge, A Brief History of Finland, Helsinki 1984. Во-вторых, ключевое значение данных в Порвоо заверений для возникновения автономии Финляндии в Царской империи подчеркивается также во многих научно-популярных публикациях и школьных учебниках, т. е. в трудах, которые определяющим образом действуют на историческое сознание общества. См. напр.: Seppo Hannula / Esko Heikkonen / Matti Ojakoski / Jaakko Väisänen, Muutosten maailma 4. Suomen historian käännekohtia. Lukion historia, Jyväskylä, 1996. S. 11.

⁸ На эту тему см. прежде всего следующие труды: Osmo Jussila, Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tulkintojen mukaan 1808–1863. Helsinki, 1969 (Historiallisia Tutkimuksia 77); тот же автор, Maakunnasta valtioksi. Suomen valtion synty. Porvoo, 1987; Idem. Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. Helsinki, 2004; Päiviö Tommila. Suomen autonomian synty 1808–1819. Helsinki, 1984. Помимо этого обзор развития исторических трактовок в отношении прозвучавших в Порвоо заверений Александра I дает Timo Soikkanen... lakiensa suojeluksessa? Kahden tulkintamallin loukussa // Timo Soikkanen (Ed.). Taistelu autonomiasta. Perustuslait vai itsevaltius? Helsinki, 2009. S. 13–86.

размытыми и неточными, то есть не содержали никакой содержательной конкретики. Более того, условием получения такой грамоты из рук царя было провозглашение политически значимыми группами населения присоединенных к империи окраинных областей своей неограниченной лояльности по отношению к новой власти.

С формальной точки зрения предоставление такой царской грамоты напоминало старосословные церемонии принесения присяги на верность, распространившиеся в разных государственных образованиях Европы начиная с позднего средневековья. То есть в данном случае речь шла о документальном подтверждении сословных прав и свобод со стороны монарха в обмен на клятву верности со стороны новых подданных.⁹

В соответствии с самодержавным самосознанием российских правителей подобные торжественные грамоты на самом деле всегда были лишь своего рода политической декларацией о намерениях. Они никоим образом не составляли обязательной правовой основы для правовых и политических притязаний новых подданных империи, а их провозглашение никоим образом не означало, что цари считали себя в какой-либо форме связанными положениями одобренного ими местного законодательства той или иной территории. Т. е. в конечном итоге вопрос о том, смогут ли правовые формы и законы новой территории действительно остаться в силе или же их пересмотрят и даже приведут в соответствие с российскими аналогами, решался согласно соображениям политической целесообразности и политическим интересам петербургского правительства.¹⁰

В 1802 году царь Александр I сам облачил эту принципиальную позицию в крайне знаменательные слова. Эти слова

⁹ Jussila, Suomen perustuslait. S. 77–78; Osmo Jussila. How did Finland come under Russian Rule? // Michael Branch / Janet M. Hartley/Antoni Mączak (Ed.). Finland and Poland in the Russian Empire. A Comparative Study. London, 1995 (SSEES Occasional Papers No. 29). P. 61–73, 65–66; Frank Neseemann. Ein Staat, kein Gouvernement. Die Entstehung und Entwicklung der Autonomie Finnlands im russischen Zarenreich, 1808 bis 1826. Frankfurt am Main, 2003. S. 40–42; Robert Schweitzer. Government in Finland. Russia's Borderland Policy and Variants of Autonomy // Michael Branch / Janet M. Hartley/Antoni Mączak (Ed.), Finland and Poland in the Russian Empire. P. 91–109, 93.

¹⁰ Jussila. Maakunnasta valtioksi. S. 25–41; Idem. Suomen perustuslait. S. 77–78; Neseemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 77–85, 92–93; Andreas Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung-Geschichte-Zerfall. München, 2008. S. 94–98.

содержатся в указе от 19 (31) мая 1802 года о создании так называемой «Комиссии для рассмотрения финляндских дел». Задачей этой комиссии было рассмотрение правовых и административных вопросов в «Старой Финляндии»¹¹, т. е. в тех областях Финляндии, которые были в российском подчинении еще со времен российско-шведских мирных договоров 1721 и 1743 годов.

Российский император, которому через неполных семь лет предстояло гарантировать только что завоеванному Великому Княжеству Финляндскому сохранение прав и привилегий, подчеркнул при этом принципиальную возможность отмены действовавшего в «Старой Финляндии» шведского права, составлявшего в политической реальности основу управления страной после 1721 и 1743 гг. Задачей новой комиссии, как говорилось в указе от мая 1802 года, было изучить возможности для исправления имевшихся в «Старой Финляндии» административных нарушений; если в ходе работы ею будут обнаружены проблемы, недостатки или противоречия «единообразию общего в Империи Нашей управления», то в таком случае необходимо из российских законов выбрать то, что соответствует интересам, правам и преимуществам местных жителей.¹²

Кроме того, как станет ясно из приведенных ниже примеров, различные грамоты и тексты договоров, составленные в пользу новоприобретенных окраинных областей, походили друг на друга иногда вплоть до формулировок. В этой связи можно говорить о том, что царские заявления в отдельных пунктах следовали некой «формулярной традиции». Не в последнюю очередь эта традиция прослеживается в отношении областей Финляндии, присоединенных к царской империи с XVIII века.

Пассаж, напоминающий по формулировке текст манифеста от 15 (27) марта 1809 года, встречается уже в тексте шведско-русского мирного договора, заключенного 30 августа (10 сентября) 1721 года в Ништадте (финское название: Усуикаупунки), согласно которому жителям всех сословий в отошедших к России провинциях Эстляндия и Лифляндия давались гарантии того, что их привилегии, обычаи и права сохранятся в неизменной форме; лютеранской церкви на указанных территориях также было

¹¹ По-шведски: *Gamla Finland*, по-фински: *Vanha Suomi*.

¹² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (далее: ПСЗ I): С 1649 по 12 декабря 1825 года Тт. 1–50. СПб., 1830: ПСЗ I. 20275. Т. 27. С. 148 (выделение в тексте: Ф. Н.).

гарантировано сохранение прав в полном объеме.¹³ Территории на юго-востоке Финляндии, отошедшие к России по Ништадтскому мирному договору, — провинции Выборгская (финское название Выборга: Виипури) и Кексгольмская (финское название Кексгольма: Кякисалми) — не были явным образом упомянуты в гарантии привилегий, содержащейся в мирном договоре; однако при решении правительственных и административных вопросов соответствующие положения Ништадтского договора после 1721 года применялись петербургскими имперскими чиновниками и в отношении этих захваченных областей Карелии.¹⁴

Текст русско-шведского мирного договора, заключенного в 1743 году в Або (Турку) и впервые закрепившего завоевание царской империей чисто финляндских территорий, содержал гарантию привилегий 1721 года уже почти в дословной формулировке.¹⁵

Екатерина II, гарантировавшая отошедшему к царской империи в 1795 году герцогству Курляндскому — третьей балтийской губернии в составе Российской империи — сохранение местных прав и сословных привилегий, использовала для этого похожие, такие же размытые и неконкретные выражения.¹⁶ Спустя год, в декабре 1796 года, Павел I, сын и наследник Екатерины, заверил балтийские провинции и тогдашнюю русскую Финляндию, что, несмотря на проведенные в прошлом административные реформы, в будущем они будут вновь управляться «на особых по правам и привилегиям основаниях».¹⁷

На примере данной Павлом гарантии становится отчетливо видна уже упоминаемая относительность царских заверений в от-

¹³ ПСЗ I. 3816. Т. 6. С. 425 (§9, 10).

¹⁴ Ср. Neseemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 299–300.

¹⁵ ПСЗ I. 8766. Т. 11. С. 869 (§8, 9).

¹⁶ ПСЗ I. 17 319. Т. 23. С. 664–685. См. также: Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. S. 75.

¹⁷ ПСЗ I. 17 634. Т. 24. С. 229. Упомянутое обещание Павла I относилось также к большей части тогдашней западной окраины империи, т. е. к отошедшим к России при разделе польской Речи Посполитой литовским территориям и западной части Белоруссии, к расположенным на западном берегу Днепра украинским областям, а также к части прежней казацкой Гетманщины, особое положение которой было почти полностью отменено при Екатерине II. Что же касается восточной части Белоруссии и всей Киевской губернии, то на них данная Павлом I гарантия распространялась лишь в ограниченном объеме. Ср.: Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. S. 76–78. См. также основополагающий труд об отмене автономии Гетманщины во время правления Екатерины II: Zenon Kohut. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s-1830s. Cambridge / Mass., 1988.

ношении прав территорий, находящихся на окраинах империи. Вопреки положениям мирных договоров 1721 и 1743 гг. Екатерина II в 1783 году ввела на указанных территориях институт наместничества, в связи с чем административные структуры центральных областей Российской империи были перенесены на северо-западные окраинные области.¹⁸

Относительность царских заверений, касающихся сохранения правового и административного статуса-кво окраинных областей империи, может быть также проиллюстрирована на примере истории Бессарабии, в 1812 году отошедшей от Османской империи. Сначала жителей Бессарабии «всех сословий» от имени царя заверили в том, что за ними будут сохранены все их прежние права и привилегии. Исползованные при этом выражения напоминали заявления, сделанные в отношении Финляндии.¹⁹ Но поскольку сохранение местных правовых форм и административных структур в Бессарабии не привело к удовлетворительным результатам с точки зрения петербургского правительства, особое положение Бессарабии было отменено уже в 1828 году, что означало включение этой области в административную систему центральных областей Российской империи.²⁰

То, что и в случае данных в Порвоо заверений российское правительство никоим образом не собиралось давать обязательств по безусловному сохранению за Финляндией особых прав, видно также из заметок тех государственных деятелей и военных, которые занимали ответственные посты в правительстве и административном аппарате страны после 1808 года.

Так, например, старший главнокомандующий российскими войсками в Финляндии генерал Буксгевден уже в феврале 1808 года в письме Георгу Магнусу Спренгтпортену, занявшему позднее пост первого генерал-губернатора, высказал следующую точку зрения: подтверждение царем исконных прав и прерогатив

¹⁸ См.: Janet Hartley. *Införandet av ståthållarskapsförfattningen i Gamla Finland // Historisk Tidskrift för Finland* 67 (1982). S. 76–100; Isabel de Madariaga. *Russia in the Age of Catherine the Great*. London, 2003. P. 316–324.

¹⁹ См. ПСЗ I. 27 357. Т. 35. С. 222–281; а также Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе (= ПСЗ II). Т. 1–55. СПб., 1830–1884: 1834. Т. 3. С. 197–204, 198. Ср. в остальном: Kappeler. *Rußland als Vielvölkerreich*. S. 92.

²⁰ Ср.: Kappeler. *Rußland als Vielvölkerreich*. S. 92–93. По истории относительно непродолжительной бессарабской автономии см. также George F. Jewsbury, *The Russian Annexation of Bessarabia 1774–1828. A Study of Imperial Expansion*. New York, 1976.

Финляндии может иметь обязательный характер для российской стороны только в той мере, в которой эти права не противоречат «конституции нашей страны», а также только если обстоятельства это позволяют и если жители страны «своим поведением» показывают стремление заслужить эту особую милость суверена.²¹

Если Буксгевден входил в число тех представителей российской стороны, которые относились к возможности автономии Финляндии в царской империи с значительным скептицизмом,²² то государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский, ближайший советник Александра I до 1812 года, без сомнения, являлся самым влиятельным сторонником особого правового и административного положения Великого Княжества Финляндского.²³ Несмотря на это, излагая свои соображения относительно политического будущего Финляндии, он несколько не сомневался в том, что интересы всей империи всегда должны иметь приоритет перед интересами Великого Княжества Финляндского.²⁴

²¹ Архив внешней политики Российской Федерации, Москва. Ф. 3. Д. 2032 (Sprengrporten Réception). № 226. Л. 30 (копия этого документа имеется также в соответствующем собрании микрофильмов Финского национального архива — Suomen Kansallisarkisto [Национальный архив Финляндии, сокращенно КА] Helsinki, Neuvostoliiton mikrofilmit [сокращенно NL MF] 178).

²² См.: Tommila. Suomen autonomian synty. S. 29–31; Robert Schweitzer. Die «Baltische Parallele»: gemeinsame Konzeption oder zufällige Koinzidenz in der russischen Finnland- und Baltikumpolitik im 19. Jahrhundert? // Zeitschrift für Ostforschung 33 (1984). S. 551–577, 565.

²³ Tommila. Suomen autonomian synty. S. 32; Nesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 112–120. Показательно также то, что финляндский фаворит Александра I — граф Густав Мауриц Армфельт — принимал, очевидно, активное участие в интригах, приведших к политическому «падению» Сперанского в 1812 году: питая глубокое недоверие к государственному секретарю, Армфельт пытался нейтрализовать его определяющее влияние на правительственные и административные дела Финляндии. См.: Stig Ramel. Gustaf Mauritz Armfelt som östpolitisk strateg // Historisk Tidskrift för Finland 82 (1997). S. 289–300, 296; Peter Scheibert. Marginalien auf einer neuen Speranskij-Biographie // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge (=N. F.) 6 (1958). S. 449–467, 464–467; Carl von Bonsdorff. Finska uttalanden om Michael Speranskys fall. Helsingfors/Helsinki, 1911 (Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet i Finland 100). S. 2–3, 22.

²⁴ Ср. с текстом докладной записки Сперанского «О соединении старой Финляндии под одно именование и один образ управления»: Российский государственный исторический архив [сокращенно РГИА]. Санкт-Петербург. Ф. 1164. Оп. 16. Д. 15. Лл. 1–33, 20–33, 29 [копия упомянутого источника имеется также в собрании микрофильмов Финского национального архива —

Соответственно он придавал лишь незначительное политическое значение сейму в Порвоо, организацией которого сам руководил. Основное назначение сейма, как писал Сперанский в апреле 1809 года, состоит в том, чтобы финляндские сословия принесли присягу верности царю — в качестве необходимого условия для заверений царя в отношении прав Финляндии. Он надеялся, что проведенная в Порвоо церемония благоприятно скажется на настрое жителей Финляндии по отношению к их новому правителю.²⁵

В июне 1809 года в письме Михаилу Барклаю-де-Толли, только что назначенному генерал-губернатору Финляндии, Сперанский дал понять, что задача сейма — давать царю советы, и сейм ни в коем случае не должен иметь права принимать решения, имеющие обязательный характер.²⁶

Названные Сперанским цели, достижению которых с российской точки зрения в первую очередь служило проведение сейма в Порвоо, дошли и до внимания финляндской стороны. При этом российские намерения вызвали резонанс прежде всего в рядах относительно небольшой — и до 1808 года пользовавшейся в стране плохой репутацией — группы дружелюбно настроенных к России бывших эмигрантов, образовавшейся вокруг первого генерал-губернатора Георга Магнуса Спренгтпортена. Эта группа еще до русско-шведской войны выступала за политическое существование Финляндии с опорой на царскую империю.

Еще за год до проведения сейма в Порвоо в письме российскому министру иностранных дел Румянцеву от 18 (30) марта 1808 года Спренгтпортен в этой связи говорил о том, что на предстоящем собрании сословий должна быть утверждена «фундаментальная конституция» (*constitution fondamentale*) страны, поскольку

КА Helsinki, NL MF 26]. См. также: Peter Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskijs zur Reform des Russischen Reichs aus dem Jahre 1811 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 7 (1959). S. 26–58, 37.

²⁵ Два письма, адресованные финляндским ассистентам Сперанского: Роберту Хенрику Ребиндеру, позднее занявшему пост статс-секретаря по делам Финляндии, и Якобу Тенгстрёму, епископу (позднее архиепископу) Турку/Або, от 2 апреля 1809 года: Prästeståndets Protokoll. S. 466–467. Мнение, что предстоящий сейм не будет сеймом в собственном смысле слова, а будет организован прежде всего с тем, чтобы жители завоеванной страны принесли присягу на верность царю, разделял кроме того и тогдашний министр иностранных дел России Румянцев. См.: J. R. Danielson. K. H. Kliekin valtiollisia kirjoituksia v. 1808 // Historiallinen arkisto 10 (1889). S. 266–290, 285.

²⁶ Prästeståndets Protokoll. S. 510.

такой шаг необходим в интересах «спокойного поведения жителей»; и что подтверждение прав и привилегий Финляндии является наилучшим способом заручиться поддержкой российских интересов со стороны жителей Финляндии. Спрентгпортен полагал, что после объявления о созыве депутатов на сейм сложится ситуация, при которой жители Финляндии смогут почувствовать себя польщенными тем фактом, что сохранена их гражданская свобода— несмотря на перемену, которая подчиняет их деспотической зависимости.²⁷

Через некоторое время после написания этого письма Спрентгпортен по другому поводу пояснил, что признание Александром I «фундаментальных законов» Финляндии может в его глазах иметь силу лишь постольку, поскольку эти «фундаментальные законы» не идут вразрез со всеимперскими законами.²⁸

То, что многочисленные участники сейма в Порвоо, очевидно, тоже не ждали от собрания сословий ничего иного, кроме принесения присяги на верность новому правителю, становится ясно из высказываний двух депутатов. Согласно лаконичному описанию событий сейма в Порвоо, данному одним из участников, депутаты принесли присягу на верность царю, обсудили несколько практических вопросов и разъехались по домам.²⁹ В речи, произнесенной незадолго до окончания сейма, крупный купец Петтер Юхан Блад, также являвшийся депутатом сейма, подчеркнул, что до начала сейма у участников не могло быть никаких других ожиданий, кроме того, что им придется «присягнуть на верность новому, великому и милостивому монарху и сразу уехать домой»; тем больше, по его словам, оказалась радость от того, что жителям Финляндии в общем и целом вновь подарили их старую «конституцию».³⁰

По таким высказываниям, как высказывание Блада, видно, что заверения Александра I были восприняты финляндскими участниками сейма именно в том смысле, который вкладывался

²⁷ Спрентгпортен Румянцеву, 18 (30).03.1808 / Robert Castrén, Skildringar ur Finlands nyare historia. Första samlingen. Helsingfors / Helsinki, 1882. S. 103–104.

²⁸ Ibid. S. 105.

²⁹ Osmo Jussila. Finland som storfurstendöme // Osmo Jussila / Seppo Hentilä / Jukka Nevakivi (Ed.). Finlands politiska historia 1809–1998. Esbo/Espoo, 1998. S. 11–119, 22.

³⁰ Vällöflige Borgare Ständets Protokoller [*sic*] vid Landtdagen i Borgå år 1809 / Ed. Elis Lagerblad. Helsingfors / Helsinki, 1886 (Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet i Finland 4). S. 186.

в них российской стороной, — как акт милости правителя по отношению к новым подданным империи. Трактовка, появившаяся в последние десятилетия XIX века среди финляндских политиков и специалистов по государственному праву, согласно которой царь и его новые финляндские подданные заключили в Порвоо своего рода договорное соглашение об основаниях принадлежности Финляндии к империи, была еще совсем чужда современникам этого события. Кроме того, в преддверии сейма и во время сейма была весьма отчетливо продемонстрирована истинная расстановка сил: с одной стороны — сопровождаемый большой свитой царь, победивший в войне, а с другой — созванные по его собственному желанию представители сословий побежденной страны.³¹

Ведущие государственные деятели Финляндии на протяжении многих лет после сейма полностью отдавали себе отчет в том, что данные в Порвоо обещания были по сути непредвиденным проявлением царской милости. Однако уже во время сейма и в последующие годы они старались трактовать расплывчатые и неконкретные слова царя в русле и в интересах собственных государственно-правовых воззрений.

Например, упомянутый выше купец Петтер Юхан Блад в своей речи на сейме говорил именно о «конституции 1772 года» и о том, что царь своей милостью вновь подарил ее финнам.³² В похожем ключе высказался и спикер собравшегося в Порвоо сословия горожан, коммерции советник Кристиан Трапп младший, происходивший родом из Турку (Або). По его словам, на сейме он был несколько удивлен, что вместо того, чтобы по праву победителя навязать Финляндии собственную форму правления, царь «столь же благородно, сколь и неожиданно» вернул стране «конституцию» 1772 года.³³

Под этим понималось не что иное, как объявленная в 1772 году форма правления (*Regeringsformen*) Густава III; наряду с «Актом единения и безопасности» (*Förenings- och Säkerhetsakten*) 1789 года эта форма правления положила начало неоабсолютистской власти шведского короля (убитого в 1792 году).

³¹ См.: Osmo Jussila. Kejsaren och lantdagen — maktrelationerna, särskilt ur kejsarens synvinkel // *Historisk Tidskrift för Finland* 64 (1979). S. 105–127, 113–114; см. также: Pentti Renvall. Über die Wurzeln der finnischen Autonomie im 18. Jahrhundert // *Sitzungsberichte der finnischen Akademie der Wissenschaften* 1960. S. 185–204, 185.

³² Borgare Ständets Protokoller. S. 186.

³³ Ibid. S. 43. Кетати, в соответствующем ключе Трапп высказался еще 26 марта 1809 года, во время учреждения сейма, см.: Ibid. S. 4.

Возникшая в обстоятельствах, напоминающих государственный переворот, форма правления 1772 года, подтвержденная и дополненная «Актом единения и безопасности», покончила со сложившимися в «Эпоху свободы» (*frihetstiden*) правами сословий на участие в управлении королевством — и коснулось это в первую очередь дворянства. На смену пришла система, при которой собственно правительственные дела находились только в руках короля.³⁴

Что касается традиционных прав участия сословий в принятии законов, то Закон о форме правления 1772 года формально не ограничил эти права. Согласно Закону о форме правления 1772 года принятие решений по регламентирующим государственную жизнь «фундаментальным законам», гражданским, уголовным и религиозным положениям, а также сословным привилегиям по-прежнему было совместным делом короля и имперского сейма; обе стороны по-прежнему сохраняли за собой право на внесение законодательных инициатив, а также взаимное право налагать вето. Однако в связи с принятием Закона о форме правления 1772 года появилось значительное поле для интерпретаций в вопросе того, что именно считать официальным законом, а что — просто постановлением правительства. Дело в том, что с 1772 года Густав III часто правил посредством постановлений, для которых ему не требовалось заручаться согласием сословий.³⁵

³⁴ Согласно принятой в 1772 году форме правления, имперский совет (лишенный политической власти и в итоге распущенный после принятия «Акта единения и безопасности») и государственные служащие должны были подчиняться только королю. Король получил также право по собственному усмотрению распорядиться финансовыми средствами государства. Кроме того, только он принимал решения в вопросах внешней политики, хотя формально при заключении внешнеполитических договоров он был обязан выслушивать мнение имперского совета. Но в политической практике после 1772 года Густав III пользовался почти полной самостоятельностью во внешнеполитических делах; «Акт единения и безопасности» официально освободил короля от необходимости соблюдать действовавшее до той поры условие, согласно которому король мог начинать войну только с согласия сословий. См.: Ikka Mäntylä. Kustavilainen aika // Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo / Helsinki / Juva, 1997. S. 313–357, 313, 328; Jörg-Peter Findeisen. Schweden. Von den Anfängen bis zur Gegenwart, Regensburg 1997 (Geschichte der Länder Skandinaviens). S. 178; Otfried Czaika/Jörg-Peter Findeisen. Schweden // Peter Brandt / Martin Kirsch / Arthur Schlegelmilch (Hrsg.). Handbuch der europäischen Verfassungsgeschichte im 19. Jahrhundert. Institutionen und Rechtspraxis im gesellschaftlichen Wandel. Bd. 1: Um 1800. Bonn, 2006. S. 978–1023, 990.

³⁵ См.: Mäntylä. Kustavilainen aika. S. 313, 328.

Второй государственный переворот короля, совершенный в 1789 году, в рамках которого он октроировал «Акт единения и безопасности», привел к дальнейшему формальному выхолащиванию законодательных компетенций сословий, поскольку по новому закону о правлении право вносить законопроекты на имперских сеймах оставалось только за королем.³⁶

После 1809 года авторитетные государственные деятели Финляндии хранили верность политическому и государственно-правовому наследию Густава III. А вот бывшие «антигуставианские» оппозиционеры и российские эмигранты, объединившиеся вокруг первого генерал-губернатора Георга Магнуса Спренгтпортена, смещенного со своей должности летом 1809 года, в значительной мере потеряли свое влияние на политическую жизнь великого княжества.³⁷

Согласно представлениям финляндских «густавианцев», за сословиями должны были быть сохранены традиционно имевшиеся у них права на участие в принятии законов и право давать свое согласие на взимание налогов, однако собственно правительственные дела должны были находиться исключительно в руках монарха. Однако учрежденная таким образом исполнительная власть монарха должна была, по мнению «густавианцев», придерживаться права и закона, по возможности исключая любой монархический произвол.³⁸

Поэтому уже во время сейма, а также и в последующие годы ведущие государственные деятели Финляндии выступали с заявлениями и докладными записками, в которых они — иногда обращаясь к самому царю — относили данные Александром I в Порвоо заверения именно к упомянутым законам эпохи правления Густава III.

Так, например, Карл Эрик Маннергейм,³⁹ возглавивший вызванную в Санкт-Петербург осенью 1808 года делегацию представителей финляндских сословий, еще на сейме 1809 года высказал точку зрения, что царь подтвердил действенность как Закона о форме правления Швеции 1772 года, так и «Акта о единении и безопасности».⁴⁰

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ср.: Nesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 149–151.

³⁸ См.: Mäntylä. Kustavilainen aika. S. 313.

³⁹ Карл Эрик Маннергейм был прадедом Карла Густава Эмиля Маннергейма (1867–1951), главнокомандующего финской армией во II Мировой войне, с 1944 по 1946 год занимавшего также пост президента страны.

⁴⁰ Elis Lagerblad (Ed.). Protokoll, förda hos Höglofliga Ridderskapet och Adeln vid Landtdagen i Borgå, år 1809. Helsingfors / Helsinki, 1905 (Skrifter utgifna af

Другой известный густавианец, Юхан Альбрехт Эренстрём, позднее внесший значительный вклад в руководство архитектурным преобразованием Хельсинки как новой столицы Финляндии, в одной из записок 1812 года писал в духе Маннергейма, что «конституция» 1789 года была подтверждена царем в Порвоо.⁴¹ По-видимому, в собирательное понятие «конституция 1789 года» Эренстрём включал как Закон о форме правления Швеции 1772 года, так и подтверждающий и дополняющий его «Акт о единении и безопасности».⁴²

Друг Эренстрёма Густав Мауриц Армфельт, бывший в свое время одним из ближайших соратников Густава III, а в 1811 году перешедший на русскую службу и быстро ставший фаворитом Александра I среди финляндских политиков,⁴³ в своем обращении к царю также недвусмысленно связал законы 1772 и 1789 гг. с данными в Порвоо гарантиями в отношении сохранения «фундаментальных законов» Финляндии.

Армфельт, занявший пост председателя основанного в 1811 году Комитета финляндских дел (Comité för Finska Ärenderne) и вплоть до своей кончины в 1814 году игравший доминирующую роль в управлении Финляндией, в том же 1811 году представил царю докладную записку, с помощью которой хотел добиться объединения великого княжества со «Старой Финляндией».⁴⁴

Svenska Litteratursällskapet i Finland 67). S. 110. Кроме двух вышеназванных законов Густава III о правлении, в качестве составной части подтвержденной царем «конституции» Финляндии Маннергейм упомянул также провозглашенные в 1723 году привилегии аристократии. Еще в сентябре 1808 года, являясь главой приглашенной в Санкт-Петербург финляндской делегации, Маннергейм в разговоре с российским министром Салтыковым назвал Закон о форме правления Швеции 1772 года и «Акт о единении и безопасности» составными частями «конституции Финляндии». См.: Friherre Mannerheims enskilda note till H. Exc. Ministern Grefve Soltykoff // Historiallinen arkisto 9 (1886). S. 314–317, 315.

⁴¹ Докладная записка Эренстрёма об управлении Финляндией (1812) «Reflexioner öfver den allmänt befundne nödige och troligen äfven förestående Förändring i Finlands Civila Styrelse» цит. по: KA Helsinki, Stjernvall-Walleenin suvun koelma. XXIII (VA Y 1237). S. 51

⁴² Такая же оценка дается в: Jussila. Suomen perustuslait. S. 109.

⁴³ О жизни этого политика, задававшего тон политическим дискуссиям в начальной фазе финляндской автономии, см.: Stig Ramel. Gustaf Mauritz Armfelt 1757–1814. Dödsdömd kungagunstling i Sverige, ärad statsgrundare i Finland. Stockholm, 1997.

⁴⁴ Подробнее о планах Армфельта по объединению Финляндии и о его роли в их последующей реализации см.: Jyrki Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland // Historisk Tidskrift för Finland 82 (1997). S. 301–317; а также: Frank Neseemann. «Ein großes Werk und für die Menschheit kein geringer Gewinn».

В качестве одной из целей такого смелого политического требования Армфельт назвал желание предоставить «Старой Финляндии» возможность пользоваться той «конституцией», которую Александр I уже подтвердил в отношении великого княжества. В данном случае под «конституцией» Армфельт недвусмысленно понимал положения, касающиеся прав и привилегий четырех сословий: «в силу распоряжений и декретов, изданных после заключения Ништадтского и Абоского мирных договоров, и прежде всего в силу Конституции / Закона о форме правления от 21 августа 1772 года и «Акта о единении и безопасности» 1789 года».⁴⁵

Юхан Фредрик Аминофф, один из «трех старых густавианцев» (наряду с Армфельтом и Эренстрёмом), которые в свое время входили в ближайшее политическое окружение Густава III,⁴⁶ составил докладную записку царю, датированную 20 января (1 февраля) 1817 года, в которой ознакомил царя с некоторыми основными положениями законов о правлении 1772 и 1789 гг. При этом он без каких-либо оговорок и со всей недвусмысленностью связал данные царем в Порвоо заверения именно с этими законами. Александр I, который в своем понимании монархического правления всегда следил за тем, чтобы на его самодержавную власть не накладывалось ни малейшего формального ограничения, мог теперь прочитать в записке Аминоффа, что в Порвоо им были «недвусмысленно подтверждены» «законы Густава III» и что поэтому в основу представленных в записке сведений Аминофф положил именно Закон о форме правления Швеции 1772 года и «Акт о единении и безопасности».⁴⁷

Как видно уже из вышеприведенных примеров, крупные государственные деятели Финляндии неоднократно — и без каких-либо оговорок — декларировали российской стороне принци-

Politische Motive und ideengeschichtliche Hintergründe für die Vereinigung des Wiborger Gouvernements mit dem Großfürstentum Finnland (1811/1812) // Robert Schweitzer (Hrsg.). Zweihundert Jahre deutsche Finnlandbegeisterung. Zur Entwicklung des deutschen Finnlandbildes seit August Thiemes «Finnland»-Poem von 1808 (Schriftenreihe des Finnland-Instituts in Deutschland 11/Veröffentlichungen der Aue-Stiftung 25). Berlin, 2010. S. 55–70, 60–65.

⁴⁵ KA Helsinki. G. M. Armfeltin arkisto. I 4 (VA Y 1059): «Réflexions sur la Réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande». S. 22.

⁴⁶ Cp.: Tommila. Suomen autonomian synty. S. 84–85; Jussila. Suomen perustuslait. S. 107.

⁴⁷ KA Helsinki. Kenraalikuvernöörin kanslia. Salaisset aktit. Fc 48, № 2 (4). S. 2. Черновик этой докладной записки Аминоффа имеется также в: KA Helsinki. Riilahden kartanon arkisto. 32.

пиальную преемственность учрежденного при Густаве III политического и государственно-правового устройства. Однако между собой они знали: неопределенные заверения Александра ни в коем случае нельзя трактовать как принципиальный и бессрочный отказ от любого потенциального вмешательства в действующее законодательство страны. Поэтому в сложившейся ситуации они сочли уместным создать неразрывную связь между гарантиями, данными царем в Порвоо, и государственно-правовым наследием Густава III — даже если сами финляндские «густавианцы» подчас вынуждены были признавать, что в содержательном плане это государственно-правовое наследие ни в коем случае нельзя было считать полностью неоспоримым.

Так, уже Эренстрём в своей докладной записке 1812 года писал, что «конституция 1789 года» была порождена «насушными обстоятельствами того времени» и составлена в большой спешке и что она, разумеется, не лишена ошибок. Однако, по его мнению, теперь, когда ее действительность была подтверждена на сейме 1809 года в самой торжественной обстановке, нет ни малейшего повода пристально изучать эти ошибки; теперь, по его словам, следует использовать ее преимущества для повышения всеобщего блага в той мере, в какой это только возможно.⁴⁸

Более молодой «густавианец» Роберт Хенрик Ребиндер, в период с 1826 по 1841 год занимавший должность министра-статс-секретаря по делам Великого Княжества Финляндского и игравший таким образом ключевую роль в административных отношениях России и Финляндии, в своем меморандуме от 1816 года также говорит о слабых сторонах популярной в Финляндии «теории преемственности» в отношении густавианского государственного права. В этом документе Ребиндер отмечает, что Закон о форме правления 1772 года нуждается по крайней мере в частичной переработке: так, например, уже в первом его параграфе в качестве обязательного условия для правителя выдвигается принадлежность к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию.⁴⁹ Далее Ребиндер поясняет: пересмотр имеющейся «конституции» целесообразен хотя бы уже потому, что теперь Финляндией пра-

⁴⁸ Докладная записка Эренстрёма об управлении Финляндией (1812) «*Reflexioner öfver den allmänt befundne nödige och troligen äfven förestående Förändring i Finlands Civila Styrelse*»: цит. По: KA Helsinki. Stjernvall-Walleenin svun kokoelma. XXIII (VA Y 1237). S. 51.

⁴⁹ KA Helsinki. Riilahden kartanon arkisto. 43: Докладная записка Ребиндера «*Svar på en Finsk Patriots Reflexioner rörande åtskillige Allmänna angelägenheter*», 29.10.1816 (данная архивная единица не имеет нумерации страниц).

вит другой монарх, а значит, абсолютно необходима адаптация существующей на данный момент конституционной структуры к изменившимся политическим условиям.⁵⁰

Однако и в представлении самих жителей Финляндии сохранение густавианского политического устройства в конечном счете в любой момент зависело исключительно от царского благоволения. Об этом свидетельствует цитата из частной переписки Карла Эрика Маннергейма: «В настоящее время у нас нет ни конституции, ни основных законов, — писал он Эренстрёму в сентябре 1818 года, — всё зависит от одного, и на него мы возлагаем все наши надежды».⁵¹ Несколько месяцев спустя, в январе 1819 года, в письме тому же адресату он дал такую оценку ситуации: в Великом Княжестве Финляндском хоть и есть собственные законы, четко определенные формы управления и временное правительство, но там нет конституции в собственном смысле этого слова, а значит, и нет надежного задела на будущее.⁵²

Осознавая эти обстоятельства, ключевые политики Финляндии в следующее за сеймом десятилетие искали недвусмысленных, обязательных гарантий со стороны царя в отношении «конституции» Финляндии в том виде, в каком они ее понимали, — т. е. в первую очередь в отношении густавианских законов о правлении.⁵³

Таковые устремления реализовывались на фоне постепенного изменения значения понятия «конституция», происходившего в государственно-правовом дискурсе политической и админи-

⁵⁰ Ibid. См. также: Nesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 173.

⁵¹ «Ingen Constitution, inga Grundlagar äga Vi för närvarande, alt [sic] beror af den Ende, och på Honom hvilar alt [sic] Wårt hopp» [*Подчеркивание в оригинале; Ф. Н.:* KA Helsinki, Ehrenströmin kokoelma (Собрание Эренстрёма) III: Маннергейм Эренстрёму, 30.9.1818.

⁵² KA Helsinki. Ehrenströmin kokoelma III: Маннергейм Эренстрёму, 9.1.1819.

⁵³ Frank Nesemann. «Keine Konstitution, keine Grundgesetze haben wir derzeit...». Verfassungsdenken und Verfassungsbestrebungen im Finnland der frühen Autonomiezeit // NORDEUROPAforum 1/2007. S. 45–76, 49–51. Похожие движущие мотивы лежали и в основе инициативы Густава Маурица Армфельта по присоединению «Старой Финляндии» к великому княжеству, которая в конце концов увенчалась успехом. По словам Армфельта, преследуемая им цель заключалась в том, чтобы в ходе политического и административного объединения всех финляндских областей, находящихся под властью царя, добиться повторного, максимально явного и обязательного признания царем принятого в великом княжестве конституционного и правового устройства. См.: KA Helsinki. G. M. Armfeltin arkisto. I 4 (VA Y 1059): «Réflexions sur la Réunion de l’Ancienne et de la Nouvelle Finlande». S. 22–23.

стративной элиты Финляндии после 1808–1809 гг.: наряду с устоявшейся, старосословной традицией толкования этого термина на передний план стали выходить и понятийные категории современного конституционализма с идеей конституции в духе представительской системы или единой конституционной хартии, положения которой фиксировали бы как границы осуществления государственной власти, так и гражданские права.⁵⁴ «Густавианские» государственные деятели великого княжества считали себя также наследниками и распорядителями дореволюционной, несомненно монархической традиции правления, но в то же время признавали преимущества наличия единого конституционного акта, создающего обязательную норму для базовой политической структуры страны.⁵⁵ В их случае, однако, речь шла о том, чтобы при помощи подобной конституционной хартии облачить в современно-конституционное одеяние явно дореволюционные принципы.⁵⁶

Надежды на издание хартии, которой царь по всей форме подтвердил бы «конституцию» Финляндии, казалось, были близки к исполнению в 1819 году. Александр I в свое время рассматривал возможность введения в России письменной конституции по образцу польской конституции 1815 года, и это давало жителям Финляндии повод надеяться на принятие аналогичного акта в отношении великого княжества.⁵⁷ В конце лета того года царь отправился в продолжительную инспекционную поездку по великому княжеству, во время которой он в необязывающей форме

⁵⁴ Dieter Grimm. *Verfassung (II). Konstitution, Grundgesetze* // Otto Brunner / Werner Conze / Reinhart Koselleck (Hrsg.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 863–899, 866–868; Nesemann. «Keine Konstitution». S. 51–55.

⁵⁵ В подобном духе написаны, например, два письма Густава Маурица Армфельта его другу Юхану Альбрехту Эренстрёму: KA Helsinki. Ehrenströmin kokoelma. I: Армфельт Эренстрёму, 21 мая и 19 июля 1814 г.

⁵⁶ Nesemann. «Keine Konstitution». S. 52–56.

⁵⁷ В 1818–1819 гг. Александр I поручил своему советнику и другу юности Николаю Новосильцеву разработать проект общегосударственной конституционной хартии; Marc Raeff (Ed.). *Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730–1905*. Englewood Cliffs (N. J.), 1966. P. 110–120; Günther Stökl. *Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*, Stuttgart, 1990. S. 440–442, 454–456, 467; Janet Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland in the Reign of Alexander I: Blueprints for Reform in Russia?* // Michael Branch / Janet M. Hartley / Antoni Mączak (Ed.). *Finland and Poland in the Russian Empire. A Comparative Study*, London, 1995 (SSEES Occasional Papers No. 29). P. 41–59, 44.

упомянул и о возможности созыва нового сейма.⁵⁸ Ко времени этой поездки относятся три финляндские докладные записки царю, содержащие детальные предложения по содержанию конституционного акта, на принятие которого в великом княжестве надеялись в ожидании предстоящего сейма.⁵⁹

Однако эти надежды не сбылись: Александр I так и не решился на издание конституционного акта для Финляндии.⁶⁰

Но это еще не все: в 1826 году государственные деятели Финляндии, имеющие свою собственную государственно-правовую позицию, потерпели также ощутимое поражение в конституционном конфликте с генерал-губернатором и царем. Речь шла о равноправном участии финляндских подданных православного вероисповедания в общественной жизни страны. Без созыва сейма — что противоречило положениям шведско-финляндского государственного права — царь по предложению генерал-губернатора Арсения Закревского (1823–1831) распорядился разрешить православным подданным Финляндии⁶¹ поступать на государственную службу в великом княжестве.⁶²

⁵⁸ Tommila. Suomen autonomian synty. S. 142–146.

⁵⁹ Авторами этих трех докладных записок являются Карл Юхан Валлен, позднее занявший пост прокурора сената, Комитет финляндских дел и Якоб Тенгстрём, архиепископ Турку. См.: J. R. Danielson-Kalmari (Ed.). C. J. Walleenin memoriali Suomen valtiosääntöön tehtävistä korjauksista // Historiallinen arkisto 24, I: 3 (1914). S. 1–35; Idem. Suomen asiain komitean almainen esitys 21 p: ltä kesäkuuta 1819 maamme valtiosääntöön tehtävistä muutoksista // Historiallinen arkisto XXVII, 1 (1918). S. 1–33; A. R. Cederberg (Ed.). Arkikiipsa Tengströmin ajatukset Suomen uudesta perustuslaista // Historiallinen arkisto XXIV, II, 3 [1914]. S. 1–19. Об истории появления этих докладных записок см.: Nesemann. «Keine Konstitution». S. 58.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Nesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 206–208.

⁶¹ Подданным из остальных областей империи было весьма непросто получить право на постоянное проживание или на сословную принадлежность в Финляндии. Во многом именно поэтому количество постоянно проживающих в стране русских — т. е. представителей «государственного народа» в петербургской империи — даже в начале XX века составляло лишь очень маленькую процентную долю. По вопросу «прав гражданства» в великом княжестве см.: Max Engman. Borgare och skenborgare i Finland och Ryssland under första hälften av 1800-talet // Historisk Tidskrift för Finland 63 (1978). S. 189–207.

⁶² Более точное описание дано в: Frank Nesemann. Autonomian rajat. Vuosien 1825 ja 1826 perustuslakikonflikti ortodoksien oikeuksista Suomen valtiolisessa elämässä // Timo Soikkanen (Ed.). Taistelu autonomiasta. Perustuslait vai itsevaltiuus? Helsinki, 2009. S. 279–298; Idem. Die Grenzen der Autonomie. Der Verfassungskonflikt von 1825/1826 über die Rechte orthodoxer Gläubiger im öffentlichen Leben des Großfürstentums Finland // Bernd Wegner / Oliver

В прошлом государственные деятели Финляндии неоднократно доносили до Александра I идею о том, что суверену также надлежит соблюдать «конституцию» и законы страны.⁶³ Но в текущей политической реальности эта теоретическая конструкция оказалась нежизнеспособной. С российской точки зрения, в случае неразрешимого столкновения финляндских правовых принципов и вышестоящих государственных соображений империи финляндские притязания должны отходить на второй план.⁶⁴

Российская сторона не считала сделанные Александром I в Порвоо заверения обязательными для себя, а рассматривала их как слова, которые, в принципе, могут быть взяты обратно. Однако из этого не следует делать вывод, что заверения носили чисто декларативный характер, т. е. что они не обладали содержательной стороной. Сохранение — по крайней мере временное — особого правового и административного положения Финляндии в империи было вполне в интересах правительства в Петербурге.

Решающее значение здесь имело то обстоятельство, что включение великого княжества в состав Российской империи происходило в период, когда в Петербурге начинались масштабные реформы, касающиеся государственного и административного управления всей империей в целом. Движущей силой планируемых реформ стал государственный секретарь Михаил Сперанский, с 1808 года по поручению царя курировавший среди прочего политические и административные процессы в Финляндии.⁶⁵

v. Wrochem / Dirk Schümmer (Hrsg.). *Finland und Deutschland. Studien zur Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert* (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa 17). Hamburg, 2009. S. 3–17.

⁶³ См. конституционную записку Комитета финляндских дел от июня 1819 года: *Suomen asiain komitean alamaisten esitys*. S. 7–8.

⁶⁴ Jussila, *Suomen perustuslait*, с. 95; Nesemann, *Ein Staat, kein Gouvernement*, с. 140–141.

⁶⁵ С 1809 года под надзором Сперанского находилась также Комиссия финляндских дел, в которую входили почти исключительно административные чиновники из «Старой Финляндии», среди которых первоначально не было уроженцев страны. Ей на смену пришел Комитет финляндских дел, состоящий исключительно из финляндских подданных империи. Комитет консультировал царя при принятии решений в делах управления Финляндией, и до перехода Армфельта на русскую службу эта деятельность была в значительной мере под контролем Сперанского. См.: Jyrki Paaskoski. *G. M. Armfelt och Gamla Finland*. S. 305, 316; Nesemann. *Ein Staat, kein Gouvernement*. S. 246–247, 319–320.

Размышляя о реформе империи, Сперанский ориентировался на идеал такого монархического государственного устройства, при котором монарх хотя и обладает неограниченной государственной властью, однако всякое ее отправление подчинено четко установленным правилам, т. е. принципам законности и справедливости.

Отношения между монархом и подданными, по замыслу Сперанского, должны были определяться «конституцией» государства. Под «конституцией» — в соответствии с выработанными в XVII веке и позже западноевропейскими (в первую очередь английскими) государственно-правовыми и политическими теориями⁶⁶ — Сперанский понимал квинтэссенцию всех правовых и политических традиций государства, т. е. те статуты и привилегии, на которые опирались структуры государственной организации и государственные институты.⁶⁷

Свое видение сущности «конституции» государства Сперанский подробно изложил в написанном в 1801 году трактате. Под «конституцией» или «общим статутом» государства, писал он, следует понимать совокупность всех его «фундаментальных законов»: они служат для того, чтобы регулировать отношения между монархом и подданными в долгосрочной перспективе и предотвращать любое вырождение монархического правления в «самовластие».⁶⁸

Таким образом, политическое мышление Сперанского было явно пронизано идеями просвещенного абсолютизма; при этом ему также были близки представления финляндских «густавианцев», согласно которым монархическое правление не должно было входить в противоречие с правом и законом. Однако здесь

⁶⁶ Heinz Mohnhaupt. *Verfassung (I). Konstitution, Status, Lex fundamentalis* // Otto Brunner / Werner Conze / Reinhart Koselleck (Hrsg.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 831–862, 846–847. См. также: Grimm. *Verfassung*. S. 865–866.

⁶⁷ Соответствующие высказывания Сперанского содержатся в написанной им в 1811 году докладной записке об административной реформе Финляндии. См.: Scheibert (Hrsg.). *Eine Denkschrift Speranskijs*. S. 28–31 (ср. прим. 22). См. также: Marc Raeff. *Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia 1772–1839*. The Hague (Den Haag), 1957. P. 120; В. И. Морозов, *Политические и государственные взгляды М. М. Сперанского / М. М. Сперанский. Жизнь, творчество, государственная деятельность*. Сборник статей. СПб, 2000. С. 67–96, 69; Jussila. *Suomen perustuslait*. S. 37, 43, 71.

⁶⁸ С. Н. Валк. *М. М. Сперанский: Проекты и записки*. М.; JL, 1961. С. 31; Jussila. *Suomen perustuslait*. S. 37.

вставал скользкий политический вопрос о том, насколько выдвинутый Сперанским идеал «законности» монархического правления может сочетаться с самодержавным пониманием власти, присущим российским царям.

Путь разрешения этого вопроса Сперанский обозначил в одной из бесед, которые он как преподаватель государственного права вел со своим учеником, великим князем Александром, будущим царем Александром II, в 30-е годы XIX века.

Сперанский отметил, что суверенитет российского правителя, в принципе, невозможно ограничить — ни внутри империи, ни даже за ее пределами. Однако ограничения, которые монарх сам налагает на свою власть — путем заключения международных договоров или «собственным своим словом» внутри самой империи, — имеют, по Сперанскому, принципиально «неизменное и священное» значение и для самого монарха.⁶⁹

В беседе с будущим императором Александром II, в то время великим князем, Сперанский пояснил, что издаваемые правителем законы соответствуют вышеизложенному принципу самоограничения монархической власти в том случае, если они основываются на праве; но там, где право заканчивается и сменяется бесправием, там, разумеется, заканчивается и закон и начинается «самовластие».⁷⁰

Выдвигая идею создания властных структур, в основе которых в свою очередь стоял бы закон, Сперанский имел в виду и Россию; при этом он, конечно, говорил не об ограничении царской власти, а, скорее, о ее укреплении и усилении. Явным образом опираясь на предложенную Монтескье типологию форм правления,⁷¹ он в 1811 году в подробной докладной записке царю изложил идею о том, что существование «фундаментальных законов» может

⁶⁹ «Беседы графа М. М. Сперанского...» // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 1–148. СПб., 1867–1916. Т. 30. С. 370–371.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Montesquieu. De l'esprit des lois, III 7 (цит. по: Denis A. Canal / Michel Clément (Ed.). Montesquieu. De l'esprit des lois. Choix de textes. Paris, 1995. P. 52): «Le gouvernement monarchique suppose, comme nous avons dit, des prééminences, des rangs, et même une noblesse d'origine. La nature de l'honneur est de demander des préférences et des distinctions; il est donc, par la chose même, placé dans ce gouvernement. (...) Vous diriez qu'il en est comme du système de l'univers, où il y a une force qui éloigne sans cesse du centre tous les corps, et une force de pesanteur qui les y ramène. L'honneur fait mouvoir toutes les parties du corps politique; il les lie par son action même; et il se trouve que chacun va au bien commun, croyant aller à ses intérêts particuliers».

быть практически полностью согласовано с основными принципами монархического правления. Как писал Сперанский, «принцип чести», характеризующий монархическую форму правления, может быть реализован только тогда, когда кодифицированные гражданские и уголовные законы гарантируют покой и безопасность граждан.⁷²

Помимо гарантии личного покоя и безопасности Сперанский признавал за подданными монархического правителя лишь одно собственно политическое право — право жить с соответствующей «конституцией», данной и поддерживаемой монархом.⁷³

Из этих предпосылок, по мысли Сперанского, неизбежно следовало, что политические и общественные структуры, лежащие в основе монархического государственного устройства, по сути своей очень просты и всюду принципиально сходны между собой: от семьи как ячейки общества до всех других социальных уровней.⁷⁴

Именно «конституция» Финляндии была для Сперанского одним из старейших наглядных примеров феодальной системы верноподданничества и принципа корпоративной организации общества; она же, по его мнению, легла в основу системы словного представительства, низшей ступенью которой является местная община.⁷⁵

⁷² Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskijs. S. 28, 6–7: «La science du Gouvernement se partage en deux branches importantes, dont chacune se subdivise en un grand nombre de rameaux tous entre eux dans une étroite liaison; l'une a pour but les principes de sa constitution (les lois civiles et pénales), l'autre les règles de sa conduite. La première en établissant son état légal (la vraie liberté), élève le citoyen au Principe de l'honneur qui est celui du Gouvernement monarchique, de même qu'en affermissant l'ordre en faisant régner la justice, elle garantit sa sûreté et sa tranquillité (...)».

⁷³ Ibid. S. 30, 13: «Le fait est qu'il n'existe [sic] qu'un seul droit politique, c'est celui de vivre dans une constitution légale sanctionnée et maintenue dans son activité par un Monarque».

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskijs. S. 28, 8: «La constitution de la Finlande est un des plus anciens monumens [sic] de la féodalité et du Principe des communautés». См. также: Ibid. S. 29, 10: «La civilisation commença par les corporations: la féodalité n'a point produit l'esclavage, au contraire c'est elle qui le fit disparaître [sic] dans toute l'Europe. Partout où elle fut abolie, le despotisme s'est établi ensuite». Ibid. S. 29, 11: «Il est simple que les propriétaires, les chefs de famille qui composent la commune, s'assemblent pour s'accorder sur les objets qui sont pour eux d'un intérêt commun. Voilà l'origine de la Représentation, qui dans chaque État [sic] bien organisé devient commun à toutes les trois ou quatre classes qui le constituent — chacune dans sa sphère».

По предположению Сперанского, похожая «конституция» — в смысле базовых общественных структур — существовала ранее и в России: по его мнению, это подтверждается наличием «крестьянских миров», «ценнейшего памятника», еще сохранившегося от прежнего порядка вещей.⁷⁶

По мнению Сперанского, в основе политического и общественного устройства России и Финляндии лежали некие общие структурные принципы. Однако только что завоеванная часть империи была, на его взгляд, ближе к тому идеалу «монархического правового государства», на который он ориентировался при разработке идей по реформированию российской государственности. В своей подробной докладной записке 1811 года он подчеркивает, что Финляндии знакомо эффективное представительство сословий, благодаря которому законодатель всегда может располагать надежной информацией об актуальных политических и административных делах, а также обо всех имеющихся нарушениях. Таким образом, как пишет Сперанский, и монарх, и его подданные имеют бесценную возможность наблюдать, как реализуется верховенство закона.⁷⁷ По его мнению, Финляндия и в иных отношениях выгодно отличается от других «провинций» империи: там хорошо организована судебная система, а крестьяне имеют право свободно покидать обрабатываемые ими земли.⁷⁸

Последнее из приведенных выше высказываний Сперанского, явно критическое по отношению к существовавшему в основных областях империи крепостному праву, без сомнения находилось

⁷⁶ Ibid. S. 29, 9: «Une constitution semblable étoit [sic] établie jadis en Russie, elle y existe encore en partie dans le fait. Les communes des paysans (Krest'janskie miry) sont le monument le plus précieux qui nous reste de l'ancien ordre des choses».

⁷⁷ Ibid. S. 30, 14–15: «La Finlande offre l'exemple d'une représentation organisée avec une grande simplicité et qui procure au Souverain les moyens d'avoir les notions les plus exactes sur l'état des choses, Les Diètes, les Etats, composés des députés des différentes classes, concourent à fournir les matériaux à la législation; ils peuvent l'éclairer par leurs lumières sur les localités et sur les lacunes que l'expérience a fait connoître [sic]. Il en est de même relativement aux mesures administratives, et c'est ainsi que l'Empereur et ses sujets (de toutes les classes) jouiront de l'avantage inappréciable de voir régner les lois».

⁷⁸ Ibid. S. 35, 28: «La Finlande a cet avantage sur les autres Provinces de la Russie, que la partie judiciaire y est bien établie et que les paysans sont libres de quitter le terrain qu'ils cultivent». По всем процитированным здесь высказываниям Сперанского об основах государственного устройства и о принципах «конституции» Финляндии см.: Neseemann, Ein Staat, kein Gouvernement. S. 114–115.

уже на грани того, что царская бюрократия еще могла считать допустимой критикой существующих порядков. Несмотря на то, что Александр I часто заявлял о своей принципиальной готовности к масштабным политическим нововведениям, в реальной политической жизни он неизменно заботился о том, чтобы на его полноту власти не накладывалось никаких видимых ограничений, даже если такие ограничения (согласно его самодержавному пониманию власти) в любом случае могли иметь лишь формальный характер.⁷⁹

Таким образом разговорам о реформе были заданы четкие границы. Однако сам Александр I в первые годы своего правления в кругу своих доверенных лиц тоже всерьез размышлял о необходимости общей юридикации царской власти. К числу друзей и доверенных лиц царя, входивших в Негласный комитет⁸⁰ — неофициальный совещательный орган, существовавший с 1801 по 1803 г., — относились польский магнат Адам Ежи Чарторыйский, с 1804 по 1806 г. занимавший пост министра иностранных дел Российской империи,⁸¹ и граф Павел Строганов. Последний как-то дал следующую трактовку понятия «конституция»: это закон, определяющий порядок создания административных положений. По словам Строганова, если в рамках такого закона возникнет необходимость внесения изменений либо дополнений, то они будут вноситься в соответствии с «конституцией» как с принципиально неизменной основой: в качестве фундаментального государственного закона она закрывает дверь всякому произволу и уменьшит зло, происходящее от различия дарований и способностей тех, кто стоит во главе государства.⁸²

Так как это определение было сформулировано Строгановым в самом узком кругу советников Александра I, можно с уверенностью предположить, что оно по существу соответствовало воззрениям царя.

⁷⁹ Johannes Remy. *Läntiset kuvernementit venäläisessä ja puolalaisessa poliittisessa ajattelussa 1772–1863* // Jorma Selovuori (Ed.)... vaikka voissa paistais? *Venäjäin rooli Suomessa. Juhlakirja professori Osmo Jussilalle 14. maaliskuuta 1998.* Porvoo / Helsinki / Juva, 1998. S. 81–107, 90; кроме того: Jussila. *Suomen perustuslait.* S. 85–89, 110.

⁸⁰ Об этом комитете см.: Stökl. *Russische Geschichte.* S. 454–455.

⁸¹ О роли Чарторыйского в успешной реализации инициативы Густава Маурица Армфельта по объединению «Старой Финляндии» с великим княжеством (см. выше, прим. 53) см.: Paaskoski. G. M. *Armfelt och Gamla Finland.* S. 310; Remy. *Läntiset kuvernementit.* S. 86–88; Neseemann. «Ein großes Werk...» S. 67–68.

⁸² См.: Janet Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland.* P. 44–45.

Об этом косвенно свидетельствует и князь Пётр Вяземский в своих мемуарах, описывая беседу с царем в 1820 году. Во время беседы среди прочего обсуждался и тогдашний проект «конституции» для всей империи, разработанный Николаем Новосильцевым по поручению царя.⁸³ Как пишет Вяземский, в свете этого возник вопрос, как перевести на русский язык французские понятия «constitution» и «libéral». Авторство принятых в итоге вариантов «государственное уложение» и «законносвободный» Вяземский приписывает самому царю.⁸⁴

Несмотря на то, что конкретные политические действия Александра I часто были спонтанными и недостаточно последовательными, можно по праву предполагать, что его представление о сути «конституции» в основе своей оставалось неизменным на протяжении всего периода правления.⁸⁵ Когда в 1811 году Сперанский писал о существующих в Финляндии политических, общественных и правовых структурах как о положительном примере для всей Российской империи, он мог с большой вероятностью надеяться на положительный отклик со стороны царя. Такое предположение основывается также на личном мнении царя по этому вопросу, высказанном им в состоявшейся в те годы беседе с Густавом Маурицем Армфельтом.

Во время этой беседы Армфельт спросил Александра I, не мешают ли ему править Финляндией действующие в стране принципы управления и административные структуры. На это царь ответил, что законодательно закрепленные традиции и институты, давно существующие в великом княжестве, ему намного более по нраву, нежели совершенно свободное отправление власти, основывающееся исключительно на собственной воле правителя и требующее от монарха такой степени совершенства, которой, «увы, нельзя ожидать ни от одного человека». В Финляндии, добавил Александр I, царь всегда может располагать всеми сведениями и знаниями, необходимыми ему для управления страной; в России же вокруг него царят лишь

⁸³ Текст проекта Новосильцева см. В: Raeff (Ed.). *Plans for Political Reform*. P. 110–120 (ср. прим. 57). См. также: Stökl, *Russische Geschichte*. S. 467.

⁸⁴ Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland*. P. 44.

⁸⁵ Так, например, Александр I еще в 1822 году рассказал французскому послу Ла-Ферронаэ о своем почтении к «конституционным» институтам, хотя и сделал оговорку, что ему кажется, что по большому счету они годятся лишь для «просвещенных наций». Ср.: Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland*. P. 44.

«неопределенность и почти всегда обычаи, подменившие собой законы».⁸⁶

Для Сперанского великое княжество Финляндское было — по крайней мере, в определенных пределах — примером или образцом для общей реформы империи. Такую точку зрения он сформировал, несомненно, также и на основе знаний, полученных в ходе изучения «Старой Финляндии».

В подробной докладной записке царю, написанной в 1811 году, Сперанский охарактеризовал административные условия, сложившиеся в «Старой Финляндии» в результате временного введения российского Учреждения о губерниях, как в высшей степени неблагоприятную смесь традиционно действующих шведских и добавленных позднее российских правовых форм. По мнению Сперанского, особенно негативное влияние на «старофинляндские» правовые отношения это сложное и противоречивое многообразие законов оказывало в налоговой сфере и в сфере землевладения. При этом Сперанский хвалил образцовую эффективность управления в великом княжестве, а также высокое материальное качество действующего там шведского права — в особенности обширного кодекса законов *Allmän Lag*, вступившего в силу в 1734 году, который он назвал краеугольным камнем «коренного шведского законодательства».⁸⁷

Исходя из этого, Сперанский обозначил своей целью распространение действия данного кодекса на все области Финляндии, находящиеся под российским господством.⁸⁸ Поэтому он выступил в поддержку инициативы Густава Маурица Армфельта по присоединению «Старой Финляндии» к великому княжеству. Он собственноручно составил текст указа от 11 (23) декабря 1811 года, которым было утверждено объединение «обеих Финляндий».⁸⁹ Согласно этому указу, на «Старую Финляндию»

⁸⁶ «Mon cher baron, répondit l'empereur, je vous jure que ces formes me plaisent bien davantage que cet exercice d'un libre arbitre, qui n'a pour base que ma volonté, et qui admet un principe de perfection chez le souverain, qui n'est pas, hélas! [sic], dans l'humanité. Ici [en Finlande; Ф. Н.] je ne peux me tromper, que parce que je le veux bien: toutes les lumières me sont offertes; là [en Russie; Ф. Н.] je ne suis entouré que d'incertitude et presque toujours d'habitudes, qui ont suppléé aux lois». Цит. по: Heikki Ylikangas. Finlands administrativa ställning inom det ryska riket // Historisk Tidskrift för Finland 80 (1995). S. 289–308, 295.

⁸⁷ Докладная записка Сперанского «О соединении старой Финляндии» (ср. прим. 24). Лл. 20–33, 21, 28–31.

⁸⁸ Там же. Лл. 20–33.

⁸⁹ См.: Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland. S. 313.

полностью и без ограничений распространялись действующие в великом княжестве законы, а «старофинляндская» администрация полностью интегрировалась в административные структуры великого княжества.⁹⁰ Еще один манифест, провозглашенный именем императора на рубеже 1811–1812 годов, письменно подтвердил право сословий «Старой Финляндии» быть представленными на финляндских сеймах «в соответствии с конституцией» великого княжества.⁹¹

Объединение «Старой Финляндии» с великим княжеством — один из примеров, подтверждающих, что неопределенно сформулированные заверения Александра I в отношении Финляндии носили не только декларативный характер: им соответствовали конкретные намерения на уровне имперского правительства в Петербурге. Следуя просвещенно-абсолютистскому идеалу функциональности, согласно которому государственная машина должна была работать по возможности бесперебойно, безошибочно и целесообразно, данная политическая линия, сформированная в значительной степени Сперанским, признала полезность права и административных форм на финляндской окраине империи.

Таким образом становление правительственных и административных органов в Великом Княжестве Финляндском было обусловлено явным стремлением петербургского имперского правительства хотя бы временно сохранить конституционные структуры шведских времен. Основополагающую роль здесь сыграло распоряжение Александра I, изданное еще до сейма 1809 года: 19 ноября (1 декабря) 1808 года император приказал вывести финляндские правительственные и административные дела из-под компетенции российских имперских министерств, т. е. создать принципиально разделенные политические и административные сферы для великого княжества и для основных областей империи.⁹²

Во главе правительства и администрации великого княжества в качестве непосредственного представителя царя находился генерал-губернатор. Он председательствовал в учрежденном в 1809 году высшем политическом и административном (а так-

⁹⁰ Samling af Placater. 1. S. 181–182.

⁹¹ Ibid. S. 182–186.

⁹² Yrjö Maunu Sprengtporten'in, Suomen kenraali-kuvernörin (sic!), virallista kirjevaihtoa vv. 1808–1809 // Correspondance officielle de George Magnus Sprengtporten, gouverneur général de la Finlande en 1808–1809 / Ed. Yrjö Koskinen. Helsinki, 1882 (Todistuskappaleita Suomen historiaan 1). S. XVII.

же судебном) органе страны: это был Правительствующий совет, состоявший из хозяйственного и судебного департаментов и в 1816 году переименованный в Сенат.⁹³ С российской точки зрения оба этих органа — генерал-губернатор и назначенный царем Совет/Сенат — были представителями монарха в Финляндии и воплощали его власть.

Дополнением к этому высшему политическому и административному органу служил уже упоминавшийся Комитет финляндских дел, заседавший в Петербурге и состоявший исключительно из финляндских подданных царя.⁹⁴ Согласно уставу Комитета, его цель — в соответствии с вышеупомянутым распоряжением от 19 ноября (1 декабря) 1808 года — заключалась в докладывании царю по всем вопросам, решение которых по действующим на тот момент (шведским) законам находилось непосредственно в сфере компетенции монарха.⁹⁵ Комитет был основан по инициативе Армфельта, он же руководил им до самой смерти. На протяжении без малого десяти лет петербургский Комитет финляндских дел занимал доминирующее положение в правительственных и административных делах Финляндии.⁹⁶

В марте 1826 года по инициативе Арсения Закревского, занимавшего пост генерал-губернатора с 1823 по 1831 гг., Комитет был распущен. Вместо этого была учреждена должность статс-секретаря (с 1834 года — министра-статс-секретаря) по делам Великого Княжества Финляндского. Самая важная функция этого чиновника, которому, как и членам Комитета, надлежало быть финляндского происхождения, заключалась в проверке

⁹³ Председателем Правительствующего совета / Сената и его хозяйственного департамента был генерал-губернатор. Ср. устав Правительствующего совета от 18 августа 1809 г.: *Samling af Placater*. 1. S. 23–35, 24–25.

⁹⁴ Ранее в вопросах, касающихся финляндской политики, царя консультировал другой орган: уже упомянутая Комиссия финляндских дел, состоявшая преимущественно из представителей аристократической управленческой элиты «Старой Финляндии», не являвшихся уроженцами страны (ср. прим. 65). Но поскольку эта комиссия работала крайне неэффективно и к тому же редко собиралась, Александр I с самого начала положительно относился к предложению Армфельта заменить Комиссию финляндских дел комитетом, состоящим только из финляндских подданных. См.: Keijo Korhonen. Suomen asiain komitea. Suomen korkeimman hallinnon järjestytyt ja toteuttaminen vuosina 1811–1826. Helsinki, 1963 (*Historiallisia Tutkimuksia* 65). S. 36–41; а также: Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland. S. 305–306; Tommila. Suomen autonomian synty. S. 90.

⁹⁵ О начале деятельности комитета см.: Korhonen. Suomen asiain komitea. S. 41–87.

⁹⁶ *Ibid.* S. 88–249.

и представлении царю сведений о том, насколько законы Российской империи согласуются с собственной конституционной и правовой структурой Финляндии.⁹⁷ Таким образом, ему отводилась ключевая роль в правительственных и административных отношениях между Российской империей и де-факто автономной Финляндией: пока на исходе XIX века между Россией и Финляндией не началась «правовая борьба», его голос регулярно имел решающее значение при решении вопросов о том, согласуются ли (и если да, то при каких условиях) законопроекты Российской империи с правом автономной Финляндии и насколько тот или иной законодательный акт вообще затрагивает Финляндию.⁹⁸

С российской точки зрения такое особое положение Финляндии было принципиально временным. На это указывал не в последнюю очередь и тот российский государственный деятель, который рассматривал шведское правовое и административное наследие как образец для обширной реформы Российской империи, — Михаил Сперанский. Не случайно в своей подробной докладной записке 1811 года, содержащей анализ конституционных структур Финляндии, он недвусмысленно писал о том, что сохранение действующих в Финляндии «фундаментальных законов» представляет собой исключительно акт доброй воли со стороны царя и может быть в принципе отменено в любой момент.⁹⁹

Кроме того, учрежденная в 1808 году и находившаяся де-факто под управлением Сперанского Комиссия составления законов имела своей целью в перспективе заменить действующие на окраинах империи правовые формы и законы нероссийского происхождения соответствующими правовыми положениями единого для всей империи российского кодекса. Такой кодекс должен был вступить в силу по достижении российским имперским правом адекватного уровня качества. Судя по всему, эти планы распространялись не только на прибалтийские губернии, но и на недавно включенное в состав империи Великое Княжество Финляндское. Однако до временной опалы Сперанского,

⁹⁷ Neesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 284–291.

⁹⁸ См.: Osmo Jussila. Kenraalikuvernööri, ministerivaltionsihteen ja senaatti // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki, 1996. S. 47–293, 97; Idem. Die russische Reichsgesetzgebung in Finnland in den Jahren 1809–1898. Eine Untersuchung über das Verhältnis zwischen allgemeiner und lokaler Gesetzgebung im Russischen Kaiserreich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas N. F. 33 (1985). S. 345–365; Neesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 284–297.

⁹⁹ Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskis. S. 30–31, 14–18.

начавшейся в 1812 году, эти планы так и не вышли за пределы чисто теоретических построений.¹⁰⁰

Вернувшись в столицу империи, Сперанский лишь в 1826 году снова занял руководящую должность по работе над кодификацией законов, возглавив Второе отделение императорской канцелярии. Под его руководством был наконец составлен Свод законов — единый кодекс законов для Российской империи. Попытки подобной кодификации в масштабах всей империи безуспешно предпринимались еще со времен Петра I.¹⁰¹

Вступивший в силу в начале 1835 года Свод законов не содержал, однако, положений, касающихся нероссийских окраинных областей (а также положений, касающихся армии и церкви).¹⁰² Лишь после смерти Сперанского, начиная с 1842 года, Государственный совет Российской империи вновь занялся планами унификации различных правовых положений, существующих в разных частях империи. Дошло дело и до финляндского государственного и конституционного права. Однако осуществлявшаяся при участии представителей Финляндии кодификационная деятельность была вновь прервана примерно в 1848 году.¹⁰³

В этих условиях особое в правовом и административном отношении положение Финляндии в Российской империи на протяжении многих десятилетий оставалось практически нетронутым. Лишь в последние два десятилетия XIX века российская сторона начала принципиально ставить под вопрос автономию великого княжества.¹⁰⁴

Перевод с немецкого Сергея Медведева

¹⁰⁰ Osmo Jussila. Finland in der Gesetzkodifikation zur Zeit Nikolajs I // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* N. F. 20 (1972). S. 24–41, 25.

¹⁰¹ В. И. Морозов. М. М. Сперанский — руководитель и кодификатор законов // М. М. Сперанский. С. 97–112, 103–107; Hans-Joachim Torke. Einführung in die Geschichte Rußlands. München, 1997. S. 152.

¹⁰² Torke. Einführung in die Geschichte Rußlands. S. 152.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1559 (NL MF 283). См. Также: E. G. Palmén. *Kodifioimisaikeista 1830- ja 1840-luvuilla (Esitelmä historian tutkijain ja opettajain kokouksessa 1914)* // *Historiallinen aikakauskirja* 1914. S. 1–10; Jussila. Suomen suuriruhtinaskunta. S. 205–231; Idem. Suomen perustuslait. S. 92, 186–211; Idem. Finland in der Gesetzkodifikation. S. 26.

¹⁰⁴ См. краткое изложение в: Jussila. Finland som storfurstendöme. S. 83–95.

РОБЕРТ ШВЕЙЦЕР

КОНСЕНСУС В ПЕРИОД МЕЖДУ «НАРУШЕНИЯМИ
КОНСТИТУЦИИ»: РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ ОТ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I
ДО ФЕВРАЛЬСКОГО МАНИФЕСТА (1826–1899)

*Посвящается Осмо Юссила
по случаю его 75-летия, а также
памяти Дж. Э. О. Скрина*

Введение

Отношения между странами описываются в первую очередь как действия между участниками внешнеполитической жизни, т. е., например, как реакция правительства и государственного аппарата на действия другой страны за пределами границы. Однако история российско-финляндских отношений «в долгом XIX веке» с российской стороны является историей действий одного-единственного правительства по отношению к определенной части территории государства, которые контрастируют с действиями того же самого правительства по отношению к другим частям той же самой территории. С финляндской стороны это история поведения одного региона, входящего в состав государственного объединения, по отношению к этому государственному объединению, причем поначалу речь идет лишь о поведении региональной правящей элиты по отношению к монарху. Тем не менее мы можем говорить о российско-финляндских отношениях как о внешнеполитических отношениях, поскольку царь с самого начала признавал Финляндию субъектом своего собственного права, а Финляндия относилась к царю как к законному, но чужому суверену. В этом можно быть полностью уверенным даже

в том случае, если никогда не будет разрешен спор о значении Боргоского сейма 1809 года как основы для построения взаимоотношений.¹ Поэтому эти взаимоотношения следует описывать

¹ До середины 60-х годов XX века среди исследователей истории Финляндии царило мнение, сформированное финляндским либерализмом во второй половине XIX века и служившее идеологической базой для сопротивления проводимой Россией с 1899 года политике постепенного упразднения финляндской автономии. Согласно этому мнению, в 1809 году на Боргоском сейме царь Александр I заключил с Финляндией своего рода сепаратный мир, в результате чего она стала не частью России, а отдельной (с государственно-правовой точки зрения) единицей, в которой царь, давший гарантии соблюдения коренных законов страны и сохранения привилегий ее сословий, вступил в права монарха только в том объеме, в котором такие права были бы у шведского короля, если бы его территория ограничивалась только Финляндией. Это учение о конституции (в современном смысле слова *constitution*) Финляндии, якобы созданной в 1809 году и, как следствие, нарушенной после 1899 года, было опровергнуто тремя диссертациями: Keijo Korhonen. Suomen asiain komitea. Suomen korkeimman hallinnon järjestylyt ja toteuttaminen 1811–1826. Helsinki, 1963 (*Historiallisia tutkimuksia*; 65); Osmo Jussila. Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tukintojen mukaan 1808–1863. Helsinki, 1969 (*Historiallisia tutkimuksia*; 77); Robert Schweitzer. Autonomie und Autokratie. Die Stellung des Großfürstentums Finnland im Russischen Reich (1863–1899). Gießen, 1978 (*Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas*; 19). В настоящем тексте я решил не делать сноски в тех местах, в которых излагаемое мной соответствует этим трем трудам и приведенным ниже классическим работам. Исключением являются цитаты и некоторые утверждения, до сих пор остающиеся спорными. Основные положения своего труда, дополненные результатами более поздних исследований, Осмо Юсила относительно недавно опубликовал и на русском языке (Осмо Юсила. Великое княжество финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009). Результаты моей работы изложены на английском языке в: Robert Schweitzer. The Rise and Fall of the Russo-Finnish Consensus. The History of the «Second» Committee on Finnish Affairs in St. Petersburg 1857–1891. Helsinki, 1996 (*Hallintohistoriallisia tutkimuksia*; 23). Реакция на эту смену исследовательской парадигмы лучше всего прослеживается путем сравнения разных изданий классического труда Эйно Ютикалла по истории Финляндии. См., например: Eino Jutikkala / Kauko Pirinen. Geschichte Finnlands. 2. Aufl. Stuttgart, 1976. S. 254–259; Idem. A History of Finland. 5th ed. Porvoo, 1996. P. 287–292 (с его изложением на русском языке можно в сокращенном виде ознакомиться в: Эйно Ютикалла. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 году // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 39–68). Что касается общих трудов по истории XIX века, то здесь смена направления четче всего прослеживается в: Matti Klinge. Keijsartiden. Esboo, 1996 (*Finlands historia*; 3), а также в трудах Макса Энгмана, напр.: Max Engman. Ett långt farväl. Finland mellan Sverige och Ryssland efter 1809. Stockholm, 2009; Max Engman. Leijonet och dubbelörnen.

не как поведение субъектов внешней политики, а как историю развития конституции.

При этом само взаимодействие между двумя народами имеет подчиненное значение. Совместное проживание в областях, которые вошли в состав России еще в 1710 или 1743 году, даже после 1809 года долго шло по традиционной схеме, во многом определяемой той силой притяжения, которая исходила от Санкт-Петербурга. В остальных областях Финляндии Россия по-прежнему имела образ врага, с которым было много войн. Это хоть и приводило постоянно к столкновениям с русскими войсками, но элиты обеих сторон не делали из таких случаев скандала. Дискриминация русских в Финляндии по причине сохранения и строгого исполнения положений шведского права не была вопросом престижа для российского правительства, поскольку на крестьянина, мещанина, простого солдата и — позже — рабочего мало обращали внимание даже в самой России. Ситуация изменилась после «Великих реформ» Александра II и появления в России националистических настроений, что привело, однако, к излишней драматизации проблемы в пропагандистских целях, потому что русские хоть и составляли самую крупную группу эмигрантов и самое крупное меньшинство в Финляндии, в процентном выражении их доля была незначительна. В 1900 году 5 939 русскоговорящих граждан Финляндии (в 1880 году их было 4 195) составляли 0,22 процента (в 1880 году — 0,20 процента) населения. К этому следует прибавить значительное количество русских, не имеющих финляндского гражданства, хотя данные о них собирались только в четырех самых крупных городах: в Хельсинки, Турку, Тампере и Выборге. В 1900 году там проживало 11 533 русских (0,42 процента населения страны). Получается, что к 1900 году общее количество русских жителей не превышало 17 472 человек (0,64 процента), но русский язык в качестве родного указали только 10 587 жителей самых крупных городов.²

Finlands imperiella decennier 1830–1890. Helsingfors, 2000; Макс Энгман. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

² Эти цифры взяты из: Antero Leitzinger. Ulkomaalaiset Suomessa 1812–1972. Helsinki, 2008. S. 68–87; ср. также: Oiva Turpeinen. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // Pauli Kurkinen (Ed.). Venäläiset Suomessa 1809–1917. Helsinki, 1984 (Historiallinen arkisto; 83). S. 27. Количеством русских, проживающих в сельской местности и небольших городах, вполне можно пренебречь, ведь, по идее, надо было бы также вычесть тех, кто родился в прибалтийских губерниях и в Польше. Для сравнения: в 1880 году в четырех самых крупных городах проживало 5717 человек, родившихся в исконно российских

Если рассматривать российско-финляндские отношения с точки зрения истории развития конституции, то основная проблема заключается в том, что эта конституция так и не обрела форму конкретного документа, подтвержденного царем; все ограничилось лишь общими заверениями в сохранении правового порядка и сословных привилегий Финляндии. И следует отметить, что впоследствии цари строго придерживались данного обещания, де-факто допустив возникновение финляндского квазигосударства. Однако де-юре процесс шел не так быстро: Россия определяла себя как унитарное государство, и особые положения для Финляндии не были должным образом закреплены в российском законодательстве. К тому же цари никогда не отказывались от своего права выступать в качестве самодержавного монархического субъекта по отношению ко всей империи. Это было своего рода материальное обеспечение, которое можно было обременять любыми ипотеками в виде уступок, касающихся особого положения Финляндии. Но что было бы, если — используя этот же образ — пришлось бы платить по ипотеке? Всегда ли «принудительная продажа автономии с торгов» рассматривалась в качестве запасного варианта?³

Однако и на финляндской стороне наблюдалось принципиальное отсутствие четкой позиции по отношению к данной конструкции. Несмотря на то что необходимость конкретизировать на практике новые верноподданные отношения наблюдалась изо дня в день, финляндская сторона не видела повода признавать в вытекающих из принадлежности к Российской империи изменениях нечто иное, чем то, что царь вступил в права шведского короля — и согласился с ограничением этих прав в от-

областях (0,27 процента всего населения Финляндии), в 1900 году их число составляло 9 302 (0,34 процента). Здесь есть методологическая проблема, которая заключается в том, что в национальной статистике языков того времени учтены только граждане Финляндии, в то время как в статистику по проживающим в городах иностранцам включены и нерусские граждане Российской империи. По сведениям Антеро Лейтциндер, ни в одной из этих статистик нет данных по количеству солдат российских войск в Финляндии. В некризисные и невоенные времена их было всего около 10 000 человек (Matti Närhi. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana // Kurkinen. Venäläiset. S. 180).

³ Снелльман полагал, что между автономией Финляндии и консолидацией России в долгосрочной перспективе неизбежно возникнет конфликт. Известно его высказывание «Пусть тяжелый день, если он придет, застанет здесь единый народ!»; цит. по: Eino Jutikkala. Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. S. 312 («Möge der schwere Tag, wenn er kommt, hier ein einziges Volk finden!»).

ношении правления Финляндией. Конечно, нужно признать, что права монарха Швеции после переворота Густава III были очень недву­смысленными. К тому же царям их описывали в несколько преувеличенном виде. Однако, несмотря на значительное усиление этих прав в сторону абсолютизма, жители Финляндии были убеждены, что Финляндией можно править только отдельно, как если бы царь получил «остаток Швеции» в качестве секундогенитур­ы.

Возникновение такого положения дел при Александре I по­дробно описывается в статье Франка Неземанна, включенной в настоящий сборник. Однако мне в начале статьи тоже нужно остано­виться на некоторых отдельных моментах той эпохи, что­бы дать краткое представление о том, что лежало в начале тех событий и проблем, о которых пойдет речь в разделах статьи, посвященных дальнейшему укреплению российско-финляндско­го консенсуса и его краху в конце столетия.

г. Иллюзия твердой руки (с 1826 по 1855 год)

Приход Николая I на смену Александру I бесспорно стал поворотным моментом в российско-финляндских отношениях. В последние годы правления творца финляндской автономии его симпатии по отношению к собственному творению уже замет­но поостыли. Но самым важным фактором стало исчезновение надежды на возврат к тем конституционным планам, в которых автономия периферийных областей имела бы легитимность как элемент приемлемой гетерогенности Российской империи. Для Николая I это были «остатки конституции», существование ко­торых хоть и не было сразу поставлено под вопрос, но их даль­нейшее развитие противоречило цели создания российского государства с единообразной системой управления. Таким обра­зом, автономию Финляндии можно было сравнить с построенной раньше срока боковой часовней большого собора: при внесении любого изменения в общую концепцию вставал вопрос о принци­пальной перестройке или даже сносе боковой часовни.

Железный кулак в бархатной перчатке (с 1826 по 1832 год)

Мнение, что максимально допустимое отношение к перифе­рийным областям заключается в уважении существующих осо­

бых прав, было, несомненно, присуще Николаю I и в его качестве короля польского. Говорят, что, узнав, что при внесении своих законопроектов польское правительство вынуждено покупать голоса, он сказал, что понимает самодержавие и республиканское правление, но не понимает конституционных ограничений власти.⁴ Таким образом, шанс, что при проведении реформ, нацеленных на расширение участия граждан в политической жизни России, Финляндия станет образцом или по крайней мере одним из уже готовых элементов новой системы, — шанс, столь благоприятный для автономии Финляндии, — был утерян.

Однако у российской стороны был еще один довод в пользу сохранения особого положения Финляндии. Как известно, Николай I столкнулся с проблемой недоразвитости системы управления огромной империей. Но поскольку он был убежден, что самодержавие должно проводить политику контролируемых реформ сверху, вопрос усиления более низких административных уровней (например, отраслевых министерств) не ставился. Максимум, на который царь готов был пойти в деле передачи полномочий, было создание крупных подразделений во главе с человеком (например, генерал-губернатором), представляющим собой *alter ego* царя, пользующимся непоколебимым доверием монарха и имеющим сравнимые властные полномочия. С этой точки зрения Финляндия была «единственным настоящим генерал-губернаторством России»: это была органично сформированная совокупность провинций, имеющая функционирующую административную систему, во главе которой стоял Сенат Финляндии, предоставлявший генерал-губернатору необходимые средства управления. С идеей наличия сильного и дееспособного генерал-губернатора не сочетался, конечно, тот факт, что в Санкт-Петербурге по-прежнему существовал Комитет по делам Финляндии, осуществляющий верховный надзор над генерал-губернатором. Но с ней не сочеталась и перспектива того, что генерал-губернатору придется бороться с полномочиями министров из отдельных ведомств. Поэтому после упразднения Финляндского комитета

⁴ Бородкин М. М. История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908. С. 157. Ссылаясь на: К. Д. Кавелин. Собрание сочинений. II. СПб., 1904. СПб., С. 959, Бородкин из-за неправильного понимания текста Кавелина ошибочно приписывает это высказывание Александру II. Правильное указание, среди прочего, в: Theodor Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. 3. Berlin, 1913. S. 171, где указывается на опубликованные воспоминания графа П. Д. Киселева.

должность докладывающего дел финляндских была сохранена и осталась за Робертом Хенриком Ребиндером.

Однако этот шаг был следствием того, что еще в 1823 году, при Александре I, на должность генерал-губернатора был назначен Арсений Андреевич Закревский. Это назначение не преследовало никаких программных целей, а было вызвано желанием найти дальнейшее применение способному сотруднику начальника Главного штаба П. М. Волконского, проигравшего А. А. Аракчееву в борьбе за власть.⁵ Однако, когда Закревский назвал этот финляндский пост «своей Сибирью», Александр I указал ему на то, что тот вполне мог бы себя зарекомендовать на этом посту, приблизив Финляндию к России и покончив с укоренившимися злоупотреблениями.⁶ По-видимому, возымели свое действие критика финляндской автономии⁷ со стороны старорусской партии и случаи наподобие истории Тимофея Головачева.⁸ Первой весточкой стало одобренное еще Александром I исключение запрета на усиление самовластия из русского издания Общего свода законов Швеции 1734 года, продолжавшего действовать в Финляндии.

Закревский стал первым русским, занявшим пост генерал-губернатора в мирное время. Он трезво смотрел на ситуацию в Финляндии глазами российского офицера. Если он говорил только по-русски, но должен был исполнять обязанности председателя Сената, то присутствовать на заседаниях для него

⁵ Alexis Lillja. Arsenijj Andrejevits Zakrevski, Finlands generalguvernör 11/IX 1823 — 1/XII 1831. Helsingfors, 1948 (Historiallisia tutkimuksia; 32). S. 56, 65.

⁶ Hans Hirn. Alexander Armfelt. Ungdom och läroår intill 1832. Helsingfors, 1938 (Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland; 267). S. 110.

⁷ Представление об этом дает предназначенная для иностранных читателей пропагандистская брошюра Михаила Михайловича Бородинки «Die finnländische Grenzmark im Bestande des Russischen Reiches» (Berlin, 1911. S. 37–43); один пример описан в: Edgar Hösch. Ein russischer Dichter auf Abwegen. A. D. Кор» ev und die finnischen Bauern // V. Setschkareff u. a. (Hrsg.). Ars philologica slavica. Festschrift für Heinrich Kunstmann. München, 1988 (Sagnergens slavische Sammlung; 15). S. 200–204.

⁸ Головачев, руководитель императорского стекольного завода, за пьянство посадил под стражу финляндского работника, а после того как тот подал жалобу, Головачева тотчас приговорили к тюремному заключению и посадили в тюрьму до вступления приговора в силу. Александр I расценил этот случай как антирусский выпад и упрекнул финляндские ведомства в отсутствии политического чутья; см. подробное описание в: Johan Richard Danielson-Kalmari. Tien varrelta kansalliseen ja valtiolliseen itsenäisyyteen. IV. Porvoo, 1931. S. 36–37, 48–49, 54–55; а также в: Korhonen. Suomen asiain komitea. S. 285, 336–337.

смысла не имело. Однако всё должно было для него переводиться и представляться ему на рассмотрение.⁹ Также он считал само собой разумеющимся иметь, как и другие генерал-губернаторы, право лично докладывать царю о делах в своем регионе.¹⁰ Впервые он начал это практиковать еще при Александре I, но поданную Сенатом на это жалобу Александр I рассмотреть уже не успел. А поскольку Сенат из-за этого стал приостанавливать рассмотрение докладываемых вопросов, Закревский после смены монарха вновь обратился со своими претензиями к царю, к Николаю I. После подавления восстания декабристов наступил благоприятный момент для принятия мер по ужесточению контроля. Решающее значение, однако, имел тот факт, что в первом прямом докладе царю речь шла о предоставлении православным права работать на государственной службе в Финляндии: это был вопрос престижа и принципа, и в таком вопросе царь не мог отказать в поддержке своему «единственному человеку в Финляндии» (по выражению самого Закревского).

Закревский ни в коем случае не был фанатичным «русификатором», и у царя не было привычки слепо ему доверять. Но доводы Закревского сложно было опровергнуть. Тот факт, что глобальная гарантия соблюдения коренных законов могла иметь силу только *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) и что эту линию еще предстояло провести, был к тому времени признан обеими сторонами, но созданный для этого комитет не продвигался в решении этого вопроса. Однако то, что дискриминация православных не могла быть следствием данной в Борого гарантии, было настолько бесспорным, что генерал-губернатор начал действовать. Но царь по представлению статс-секретаря включил в указ преамбулу о том, что вообще-то для этого нужно было бы согласие сословий Финляндии, созывать которые, однако, в сложившихся обстоятельствах не представляется целесообразным.¹¹ Тем самым маскировалось и в то же время косвенно признавалось «нарушение конституции». Ребиндер был даже готов вынудить сословия дать

⁹ Lillja. Zakrevski. S. 77–78, 77, n. 2.

¹⁰ Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторства в России // *Idem*. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 299–338, 306, 312–313, 316.

¹¹ В русскоязычном тексте манифеста от 2 (14) августа 1827 (цит. по: Бородин М. М. История Финляндии. Время Императора Николая I-го. Пг., 1915. С. 548) написано: «обстоятельства и попечения Наши по прочим частям правления не дозволяют Нам ныне созвать Земских Чинов Великого Княжества и... с другой стороны дальнейшее существование вышеизображенных отношений могло бы произвесть важные неудобства...».

согласие,¹² но монарх посчитал, что риск слишком велик. В случае удачи это был бы, конечно, знаменательный успех. Если бы тогда под давлением обстоятельств в реализации принципа *mutatis mutandis* приняли участие и сословия, то непримиримо настаивать на «чистой доктрине» автономии от имени народа было бы уже невозможно. Российская сторона, однако, никогда не использовала свою победу в качестве прецедента, а рассматривала ее с тех пор как красную линию, через которую ей не хотелось бы больше без надобности переходить. Но главное то, что российская сторона никогда не пыталась с помощью этого указа внедрять русских на государственную службу в Финляндии.

Благодаря такой конструктивной готовности Ребиндера идти на уступки у финляндцев сохранилась возможность иметь представительство при царе, когда по предложению Закревского был закрыт Комитет по финляндским делам. За сохранение Комитета никто бороться не стал: ведь статус статс-секретаря и Сената повысился, а у монарха было несомненное право самому распоряжаться судьбой Комитета, который он сам и создал. Николай I посчитал его уже ненужной дублирующей инстанцией. Однако на месте Комитета царь своим новым наказом статс-секретарю создал хорошо продуманную структуру.

Генерал-губернатор служил инициатором, а Сенат формулировал предлагаемые решения. Если предложенные Сенатом решения казались генерал-губернатору убедительными, то они направлялись непосредственно монарху, хотя представление их царю делал статс-секретарь. Тем не менее царь не хотел отказываться от того, чтобы рядом с ним был компетентный финляндец. И даже если Ребиндеру официально разрешалось высказывать свою позицию только по требованию царя, у него было достаточно возможностей для укрепления своего личного авторитета. И Закревский не делал попыток отстранить Ребиндера. Напротив, он всегда говорил о «добром порядке», для соблюдения которого следует привлекать статс-секретаря к решению дел и обо всем его информировать; он даже позаботился о том, чтобы Ребиндер получил постоянного помощника.

Жертву в пользу консолидации позиции Финляндии на этом критическом этапе пришлось принести крестьянам пожалованных монархом (т. н. донационных) земель. Дело в том, что после ряда конфликтов Николай I полностью поддержал право помещиков назначать своим крестьянам повинности. Но теперь

¹² Jussila. Perustuslait. S. 150.

Ребиндер мог, ссылаясь на это положение, отклонять все инициативы по повторному присоединению к России частей Выборгской губернии, отошедших к Великому княжеству с начала 1812 года. С отменой принуждения православных подданных к соблюдению постановлений о лютеранских праздниках и урегулированием порядка уголовного преследования русских и финнов по территориальному принципу были устранены важнейшие источники напряженности в российско-финляндских отношениях. В оставшийся срок своего пребывания на посту генерал-губернатора (а с 1828 года он еще и совмещал этот пост с постом министра внутренних дел) Закревский занимался повышением уровня знания русского языка и сокращением числа столкновений между студентами и российскими войсками, причем Ребиндер и царь не разрешали использовать для этого жесткие меры. Но первостепенное внимание он уделял инициативам, касающимся улучшения инфраструктуры.¹³

Меры по умирению Польши, принятые Николаем I после подавления восстания 1830–1831 годов, привели к тому, что некоторые жители Финляндии стали опасаться и за автономию своей страны. Однако никакого заметного сочувствия к Польше в Финляндии проявлено не было, причиной чему среди прочего стала эффективная работа цензуры. Лейб-гвардии Финский стрелковый батальон отличился в боях с поляками, понеся большие потери. На самом деле выбранный царем курс заключался в том, чтобы убедить другие страны в оборонительном характере его действий в Польше: даже в Органическом уставе 1832 года имелись формальные положения о самоуправлении. Отсюда и стремление не причинить вреда лояльной автономии. Но если в вопросе обеспечения лояльности в периферийных регионах Россия до сих пор всегда делала ставку на элиты,¹⁴ то теперь она сделала первые шаги по вовлечению в этот процесс финноязычного населе-

¹³ Так, например, он занялся прошением о строительстве канала к Балтийскому морю, поданным крестьянами из Северного Саво: эта идея не находила одобрения у финляндских чиновников, считавших, что ее слишком трудно реализовать; ср.: Lillja. Zakrevski. S. 233–234.

¹⁴ Систематическая подборка аргументов и факторов, положительным или отрицательным образом сказавшихся на автономиях, расположенных на западных и южных окраинах Российской империи, дана в: Robert Schweitzer. «... to form an ever more (im) perfect union». Some suggestions for further research on Finland's position in the Russian Empire // Jorma Selovuori (Ed.). *Vaikka voissa paistais? Venäjän rooli Suomessa, juhkakirja Osmo Jussilalle*. Porvoo, 1998. S. 493–519, 497.

ния Финляндии, в том числе с целью дальнейшего ослабления его связей со Швецией. Так, в 1828 году было разрешено открыть при университете курсы финского языка, а в 1831 году — основать Финское литературное общество, которое в 1835 году издало эпос «Калевала», составленный Элиасом Лённротом из народных эпических песен. Это не специализированный филологический труд, а монументальное повествование, показавшее, что существование Финляндии укоренено в многовековых традициях. Разочаровав царя как министр внутренних дел, в 1831 году Закревский потерял и свой пост в Финляндии.

Бархатная перчатка на железном кулаке
(с 1832 по 1853 год)

Решение назначить князя Александра Сергеевича Меншикова генерал-губернатором Николай I вынес свободно и осознанно. Неизвестно, действительно ли ему было важно вручить Финляндию в те же руки, которые управляли его военным флотом, но он совершенно точно искал человека, которому мог бы полностью доверять. Более того, он, скорее всего, искал на этот пост аристократа, который смотрел бы на происходящее в Финляндии не так строго сквозь призму российских интересов. Такой человек не станет сразу атаковать все форпосты финляндской автономии и в ходе неизбежно возникающих из-за этого конфликтов снова и снова требовать поддержки самодержца. Царь сам сказал, что для того, чтобы быть верным подданным, не обязательно говорить по-русски. Когда говорили о сближении новой пограничной области с империей, не имелось в виду, что она должна стать такой же, как Россия. Напротив, в России строго следили за тем, чтобы русские, которые, как известно, в России принадлежали помещикам или были обязаны платить налоги как жители городов, бесконтрольно и тем более массово не уходили в Финляндию.¹⁵

Фигура Меншикова в финской историографии долгое время оценивалась негативно. Его связывали с понятиями «конституционные заморозки» (*constitutionalité gelée*) и «политическая ночь», так как в работах о периоде автономии легитимным органом политической активности в Финляндии считался только сейм. Поскольку свои служебные обязанности в этой должности Меншиков всегда исполнял, находясь в Петербурге, его также

¹⁵ Lillja. Zakrevski. S. 266–267.

упрекали в «заочном управлении» (absentee governing). Новейшие исследования¹⁶ основательно подкорректировали это представление о Меншикове: Меншиков согласовывал с царем политику в отношении Финляндии во время каждой личной аудиенции, имевшей место раз в две недели, и выдвигал важные инициативы во всех сферах управления. При этом по сути он был настоящий наместник (вице-король) — хотя эта должность официально существовала лишь в Польше, где, однако, был упущен шанс поставить на это место по-настоящему авторитетного человека. Он следовал правилу королей «le roi règne, mais il ne gouverne pas» («король царствует, но не управляет»). Тщательно ознакомившись с информацией о финляндских органах власти, включая сейм, он, находясь на посту генерал-губернатора, подчеркивал, что будет относиться к ним с уважением. Заблаговременное информирование монарха о том, что он хотел бы поднять тот или иной вопрос, обеспечивало Меншикову тыл и посылало Сенату в Хельсинки сигнал о том, что данный вопрос нельзя оставить нерешенным. Но этот сигнал шел в Сенат всегда через министра-статс-секретаря, который (почти всегда) еще раз официально докладывал об этом деле царю. При этом, однако, Меншиков ни разу не упустил случая предложить выслушать сначала Сенат. Тем самым генерал-губернатор не только отдавал дань уважения Сенату, но и получал возможность использовать экспертные знания аппарата и оградить себя от имперских учреждений на подготовительном этапе предпринимаемых им шагов.

Этой цели служило и инициированное им в 1834 году повышение ранга статс-секретаря путем присвоения ему звания министра-статс-секретаря. Это придало должности статс-секретаря особый статус, аналогичный статусу министра. Новый статус указывал остальным министерствам на ограничение их зоны влияния: в вопросах, касающихся Финляндии, связываться

¹⁶ В первую очередь: Kristiina Kalleinen. Suomen kenraalikuvernementti. Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä 1823–1861. Helsinki, 1994 (Hallintohistoriallisia tutkimuksia; 12), краткое изложение на англ.: S. 365–371; Osmo Jussila. Kenraalikuvernööri, Ministerivaltiosihteeri ja Senaatti // Suomen keskushallinnon historia. Helsinki, 1996. S. 47–294; Robert Schweitzer. Wie die finnische Autonomie funktionierte, neue Einblicke aufgrund verwaltungsgeschichtlicher Untersuchungen // Eero Kuparinen (Hrsg.). Am Rande der Ostsee. Aufsätze vom IV. Symposium deutscher und finnischer Historiker in Turku 4–7.9.1996. Turku, 1998 (Publikationen des Instituts für Geschichte der Universität Turku; № 14). S. 101–127.

с местными властями им следовало через министра-статс-секретаря. В том же ключе следует рассматривать и предоставление Ребиндеру разрешения не присутствовать на заседаниях Государственного совета — по официальной версии, из-за незнания языка. Ведь если там у кого-то возникали возражения или критика политики, проводимой в отношении Финляндии, то эффективно опровергнуть их мог только русский, доверенное лицо царя, человек вроде Меншикова. Ребиндер, однако, так и не смог по-настоящему поверить в то, что Меншиков относится к нему с уважением. Поэтому генерал-губернатор назначил на созданный Закревским, но вакантный пост помощника статс-секретаря человека, которому предстояло на протяжении более 40 лет умерять политику России в отношении Финляндии. Этим человеком был Александр Армфельт, сын всесильного фаворита Александра I. Будучи адъютантом и переводчиком Закревского, Армфельт имел возможность близко познакомиться со всеми слабыми местами позиции Финляндии. Армфельта и Меншикова могло связывать еще и то, что у них была общая сестра, хотя сами они братьями не являлись. Во всяком случае задача Армфельта при Ребиндере состояла прежде всего в том, чтобы улучшать рабочую атмосферу между своим шефом и генерал-губернатором.

Создается впечатление, что царь поставил перед Меншиковым задачу способствовать сближению Финляндии с Россией, не прибегая напрямую к средствам принуждения, имеющимся в распоряжении империи. Одним из естественных шагов в этом направлении было ослабление все еще существующей связи Финляндии со Швецией, причем средства экономической политики были в этом деле более эффективны, чем информационная цензура. Общности языка уже было достаточно для того, чтобы Швеция оставалась «Западом», целью эмиграции, трибуной для разоблачений и источником новостей, тем более что дружеские отношения России и Швеции, основы которых были заложены в 1812 году, в результате либерализации страны пережили некоторое охлаждение. Но постепенное объединение «Новой Финляндии», до 1809 года принадлежавшей Швеции, и «Старой Финляндии», с 1710 года ориентированной на Санкт-Петербург, в рамках единого экономического пространства свидетельствовало также о консолидации Великого княжества как жизнеспособного государства (*viable state*) и абсолютно соответствовало интересам Финляндии. В лице Ларса Габриэля фон Гартмана Меншикову посчастливилось найти на финляндской стороне партнера, убежденного в правильности этого пути. Обладая большой энергией,

знанием дела и безграничной работоспособностью, он занимался устранением валютной неразберихи в пользу рублевой валюты с серебряным обеспечением. Ее, правда, выпускал Банк Финляндии, и это стало еще одним элементом самостоятельности страны. Точно так же таможенный надзор со стороны финляндских властей не только обеспечивал достаточные сборы в казну, из которой ни единой копейки не уходило в Россию, но и помогал создать контролируемую границу всей страны — в том числе и границу с Россией. Борьба с появлением фиктивных граждан, которые регистрировались в городах Финляндии и занимались торговлей в империи, не платя там налоги, привело к введению особого права гражданства Финляндии, получить которое можно было только с согласия царя. Наличие у человека такого права стало также обязательным условием приобретения земельной собственности и пользования гражданскими правами в Финляндии, хотя ранее человека делало гражданином назначение на финляндскую государственную должность. Стало ясно, что Россия шаг за шагом создает федеративное государство, но в теории придерживается понятия государства унитарного.

В лице фон Гартмана Меншиков обрел настоящего премьер-министра, который не только дисциплинировал Сенат, но и сделал его работу эффективной. Несмотря на это Меншиков продолжал вести искусную кадровую политику, сохранявшую баланс между различными течениями. Таким образом ему почти всегда удавалось представлять свои действия как поддержку одного из предложений финляндской стороны.

В год двухсотлетнего юбилея Хельсинкского университета¹⁷ представился, как казалось, особый шанс для сближения Финляндии и России. Для ведения «наступления сердец» Ребиндер предложил Якова Карловича Грота, человека, владевшего шведским языком, хорошо знавшего литературу северных стран и превосходно зарекомендовавшего себя в ходе торжеств. Его посчитали подходящей кандидатурой для развития интереса молодежи Финляндии к русскому языку, хотя эту миссию осложнял тот факт, что звание профессора ему было присвоено в обход ученых советов. Но усилия Грота в этом направлении — в том числе создание собрания славянской литературы в университетской библиотеке — наталкивались на растущую неприязнь со сторо-

¹⁷ Было получено разрешение отметить именно этот юбилей, хотя Александровскому университету, оснащеному несравнимо лучше, было всего несколько лет.

ны студентов. Армфельт, в силу своей должности исполнявший также обязанности канцлера университета, в 1853 году решил не противиться возвращению Грота в Россию и сократил усилия по содействию распространению русского языка. Ему было ясно, что любые попытки наладить более тесные контакты привели бы лишь к появлению большего числа поводов для разногласий, поэтому в вопросах реализации российской политики в отношении Финляндии он решил опираться на отборную элиту, прошедшую обучение в его петербургском ведомстве или в российской армии. Несмотря на то, что престолонаследнику Александру в его бытность канцлером университета приходилось иметь дело с той частью финляндского общества, которая была настроена по отношению к России наиболее критически, Армфельту за время долгой совместной работы с Александром удалось не только защитить университет, но и завоевать прочное доверие будущего правителя.

Примером этой гибкой политики может служить проведение весеннего праздника в День Флоры 1848 года. Дело в том, что руководство университета разрешило провести этот праздник с целью разрядить обстановку на фоне разразившейся в Европе революции. Со студентами была согласована программа, включавшая в себя патриотическую, но мирную демонстрацию с исполнением песни «Vårt land» («Наш край») Йохана Людвиг Рунеберга. В этой песне, ставшей позднее национальным гимном, со сдержанной гордостью говорится о любви к отечеству. В ней нет образа врага. В том же году песня была напечатана как пролог к циклу стихотворений Рунеберга «Fänrik Ståls sägner». В этом цикле поражение 1808–1809 годов трактовалось как достойный уважения образец финляндской храбрости, в честь которого Россия даровала Финляндии автономию. Т. е. Финляндия уже победила в своей освободительной войне, и ее национальной миссией было не восстание, а лишь защита признанных за ней прав. Финляндия во второй раз сохранила лояльность во время кризиса. Несмотря на то, что принятые Николаем I меры сдерживания, направленные против любого подозрения в подготовке революции, не обошли университет стороной — в 1852 году устав университета был ужесточен, было запрещено печатание книг на финском языке (хотя в 1851 году была учреждена кафедра финского языка), — однако университет избежал грозившего ему закрытия.

Аналогичным образом Меншикову удалось защитить особое положение Финляндии и в двух других важных вопросах. Нере-

шенная проблема продолжающегося действия шведского права *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями), по мнению М. М. Сперанского, должна была быть разрешена путем единой для всей империи кодификации правовых норм, в том числе локальных и региональных. Необходимость унификации была поначалу не слишком острой: даже правовые нормы на польских землях в составе Российской империи были кодифицированы только после восстания 1830–1831 годов. Финляндия была вовлечена в процесс кодификации с 1835 года, и прокурор Сената оказывал конструктивное содействие в этом вопросе. Он надеялся на то, что его страна таким образом получит подтверждение своих коренных прав — хотя бы путем «редактирования» законов. Похожим образом повели себя и остзейские губернии. Но в 1839 году, когда заведовать кодификацией стал Д. Н. Блудов, динамика данного процесса изменилась. Блудов хотел ускорить дело и посчитал возможным привести уголовно-правовые положения Общего свода законов 1734 года в соответствие с проектом нового уголовного уложения Империи и Польши, не выслушав мнения финляндских чиновников, не говоря уже о земских чинах. Меншиков, и без того раздраженный прямой надзорной поездкой Блудова в Финляндию, позволил Армфельту убедить себя в том, что исчезновение закона в его традиционном виде без участия сословий Финляндии в сейме разрушит устоявшееся представление о законопослушности финляндцев. Меншиков призвал «не потрясти недавно укоренившегося доверия и сим не отдавать времена нравственного Финляндии с Империей единства, к которому теперь она уже столь приметно подвинулась».¹⁸ В результате из-за бесконечных экспертиз дело застопорилось и после смены правителя было тихо похоронено. Эта «опосредованная война» была проведена с большим умом: финляндская сторона вряд ли смогла бы сама защититься, когда Блудов в 1842 году оспорил и необходимость в случае Финляндии включить в кодификацию государственно-правовые положения Закона о форме правления 1772 и 1789 годов. А когда Николай I в 1852 году распорядился отменить таможенный суверенитет Финляндии, фон Гартману удалось предоставить генерал-губернатору столь убедительные аргументы, что по совету Меншикова царь отказался от реализации этого плана.

¹⁸ Письмо Меншикова Блудову, 21.12.1841/2.1.1842 (Suomen Kansallisarkisto [Национальный архив Финляндии, сокращенно КА] Helsinki, Kenraalikuvernörien kanslia [сокращенно ККК]. 37 / 1841. S. 57–60).

Осознание того, что защитить особое положение Финляндии мог только генерал-губернатор, привело Армфельта к выводу, что генерал-губернатор должен обязательно остаться на своем посту и что ради этого следовало поддерживать его планы.¹⁹ Тем большее удивление вызывает то, как быстро изменилась ситуация после отправки Меншикова на дипломатический и военный фронт Крымской войны. Вскоре всем стал руководить генерал Платон Иванович Рокасовский, работавший с 1848 года в Хельсинки в качестве помощника Меншикова. Его симпатии по отношению к Финляндии выражались скорее в его сговорчивости, чем в инициативности.

Крымская война (1854–1856 годы) очень быстро оказала самое непосредственное влияние на Финляндию в виде операций британских и французских войск в Балтийском море. Благодаря эффективной работе цензуры и манипулированию прессой российские причины для ведения этой войны воспринимались как справедливые, и в Финляндии так никогда в полном объеме и не узнали, что Россия идет к поражению. Ненависть к врагам России преобладала даже в известной своими антироссийскими настроениями Остроботнии, побережье которой было разорено англичанами еще в самом начале войны. Фон Гартман, по фискальным соображениям высоко ценивший полученное Финляндией в 1809 году освобождение от военных расходов сроком на 50 лет, теперь все же не упустил возможность продемонстрировать лояльность Финляндии, заявив о ее готовности обеспечивать оборону. Это отвечало желанию самих жителей Финляндии защитить свои берега от нападений, и вскоре были созданы финляндские войска по образцу милиции шведского времени. Те, кто считал, что победа западных держав обеспечит Финляндии «естественный» западный курс развития, не дав ей раствориться в восточном соседе, были в меньшинстве и не имели ни организации, ни выхода на общественность. Эту антироссийскую тенденцию ослаблял также тот факт, что Швеция оставила открытым вопрос своего вступления в войну, а ведь в этом случае

¹⁹ Так, например, Армфельт был сразу готов уступить, когда Николай I затронул вопрос объединения финляндской таможни с российской (Российский государственный архив военно-морского флота. СПб [сокращенно РГАВМФ]. Ф. 19 (Князь А. С. Меншиков). Оп. 12. Д. 2 (письма Армфельта). № 9. 18/30 декабря 1850). Предотвратить это удалось финляндскому сенатору фон Гартману.

Финляндию ждала бы простая реинтеграция в состав Швеции в качестве провинции. С тем большей ожесточенностью проявила себя антироссийская тенденция после войны: у людей было ощущение того, что их собственная финляндская бюрократия помешала Финляндии воспользоваться крупной европейской войной как шансом для борьбы за свою независимость.

После ухода Меншикова Армфельт вновь занялся реализацией плана, отклоненного фон Гартманом в 1840 году, — восстановить Финляндский комитет. Его целью было вернуть министру-статс-секретарю регулярную возможность посредством этого комитета высказывать свое собственное мнение. Это произошло только в 1857 году. Но Армфельт укреплял свое положение и другими способами: поскольку Рокасовский, находясь в Хельсинки, не мог регулярно докладывать царю, Армфельт стал служить посредником в передаче дел до того, как царь принимал по ним решения. С приходом нового генерал-губернатора — графа Федора Федоровича Берга²⁰ — ситуация не изменилась, поскольку, выполняя свои обязанности командующего всеми войсками Финляндии, он также проживал в стране. Берг тоже пользовался правом прямого доклада царю, но далеко не так регулярно, как его предшественник. Хотя стоит отметить, что он зарекомендовал себя как деятельный военачальник и пользовался доверием молодого Александра II, сменившего Николая I на престоле еще до конца войны.

2. Иллюзия общегосударственных реформ (с 1855 по 1881 год)

Новый царь получил в наследство империю, которая даже по мнению его отца нуждалась во всеобъемлющих реформах. Можно сказать, что потрясший страну «шок Крымской войны» уничтожил десятилетиями существовавшие предубеждения против перемен. Здесь не место обсуждать перспективы и провал «Великих реформ» Александра II в самой империи. Остановимся на одной особой проблеме, возникшей в отношении пограничных областей вроде Финляндии. Пограничные регионы в плане своей предыстории и общественных условий отличались как от империи, так и друг от друга. Польша была наказана за восстание лишением институтов и прав. В остзейских провинциях сопротивление немецко-балтийского дворянства затормозило второй этап освобождения крестьян. В Финляндии, напротив, крепост-

²⁰ Исправляющий должность с 08.12.1854, генерал-губернатор с 08.03.1855.

ное право отсутствовало, а «спящий» сейм представлял собой потенциального партнера для диалога. Россия была империей, в разных частях которой процессы протекали с разной скоростью, однако правительство стремилось к проведению реформ не только во всех областях общественной жизни, но и во всех географических областях, так как не считало себя вправе оспаривать или признавать несрочной повсеместно наблюдаемую потребность в реформах.²¹ Такая стратегия представлялась правительству необходимой в том числе и для обеспечения лояльности окраин в свете предстоящих глубоких преобразований в центре. В итоге, однако, получилось так, что по причине различия исходных условий эти реформы обрели различную динамику, которая в высоко развитых регионах становилась чуть ли не экспоненциальной. В результате неизбежные объективные различия сложившихся условий приводили к тому, что субъективные различия в самосознании национальных общностей вырастали в радикальный регионализм или даже национализм.

Неделимый пакет реформ «сверху»? (с 1855 по 1861 год)

Еще один фактор был связан с тем, как Александр II понимал самодержавие: император считал себя несущим непосредственную ответственность за каждую подвластную ему территорию и ее индивидуальное благо. Мысль о том, что некие возможные и полезные для определенной пограничной области меры следует отложить на потом, поскольку иначе другая пограничная область или центр империи будут отставать, не была для него чем-то само собой разумеющимся.

²¹ Бисмарк, в то время прусский посланник в Санкт-Петербурге, доложил по этому поводу о следующем заявлении канцлера и министра иностранных дел Горчакова: [es sei] «eines so mächtigen Monarchen, wie des Kaisers, nicht würdig, eine Kategorie seiner Untertanen aus Furcht vor den Ergebnissen einer anderen Regierungsmethode im Zustande des Helotismus zu halten. Russland wolle nicht länger anderen Regierungen als Folie und als unbeteiligt an den Fortschritten der Zivilisation erscheinen» («Недостойно такого всемогущего монарха, как император, держать целую категорию своих подданных в состоянии гелотизма из-за страха перед результатами другого метода правления. Россия больше не хочет казаться другим правительствам безумной и непричастной к прогрессу цивилизации») (Доклад Бисмарка от 11 апреля 1861 г., цит. по: Andreas Renner. *Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875*. Köln u. a., 2000 (Beiträge zur Geschichte Osteuropas; Bd. 31). S. 191).

Поскольку Финляндия доказала свою лояльность в Крымской войне и оказалась единственным периферийным регионом империи, который понес военные потери, — в том числе в сфере внешней торговли, — царь выказал явное намерение содействовать развитию Финляндии. Вскоре после вступления на престол, 23 марта 1856 года, он самолично приехал в Хельсинки и представил в Сенате программу реформ. Над этой программой работал еще фон Хартман, который, однако, теперь резко изменил свое мнение и стал горько сожалеть об изоляции и ущемлении Финляндии во время правления предыдущего царя и ратовать за динамичное развитие. Причиной этого отчасти была также общая убежденность в непрочности Парижского мира и в возможности повторения военной расстановки сил с участием Швеции. Поэтому те, кто вершил российскую политику в отношении Финляндии, должны были и в мирное время демонстрировать лояльность, постоянно доказывая на деле, что этот регион может успешно развиваться и в условиях проводимой в России политики реформ. Для этого нужно было развивать мореходство, торговлю и производительные ремесла, строить народные школы и прокладывать новые дороги (в том числе железные).

Для реализации такой стратегии — как можно быстрее улучшить положение Финляндии «реформами сверху», чтобы не дать развиваться устремлениям к большей независимости или к большему участию в политической жизни, — был, в принципе, нужен именно такой человек, — как новый генерал-губернатор. Берг был энергичным и компетентным руководителем, работал с энтузиазмом и умел быстро входить в курс дела в самых разных областях. Но поскольку он захотел сам руководить работой Сената в качестве председателя, вице-председатель фон Гартман, бывший своего рода «премьером», почувствовал угрозу своему положению. Кроме того, фон Гартман был рупором противников строительства железной дороги. Этот вопрос потому приобрел такое особое значение, что Берг, переоценивая силу скандинавизма и опасность новой войны, явно собирался работать на пользу финноязычного населения, чтобы тем самым противодействовать прошведским симпатиям. Строительство железной дороги из Хельсинки в Хямеенлинну, которая бы соединила земли западного озерного края со столицей, было в интересах финноязычного населения центральной части страны, и Берг настаивал на реализации этого проекта.

Критически по отношению к Бергу были настроены даже те либералы, которые не делали ставку на Швецию и с пониманием

относились к желаниям финноязычной части населения. Ведь они надеялись на участие сейма в принятии политических решений, а любая мера, принятая и реализованная путем отдачи распоряжений, ставила под сомнение необходимость повторного созыва сословного собрания и профанировала финляндские притязания на конституцию. Финансовый кризис 1857 года объединил консервативных и либеральных сенаторов в борьбе против этого проекта: одни вообще возражали против дефицитного бюджетного финансирования (*deficit spending*) строительства железной дороги, другие хотели использовать эту потребность в финансировании как инструмент давления для созыва сейма. При этом Берг считал созыв сейма вполне целесообразным, но Александр II боялся, что подобный прецедент подстегнет проконституционные настроения в России. В данном случае быстрота и прямота генерал-губернатора сослужили ему плохую службу: пробудив сначала надежды на созыв сейма, он теперь разочаровал либералов, из-за чего консерваторы упрекнули его в раздувании недовольства. Причиной недовольства было, однако, и то, что Берг, думая военными категориями безопасности и понуждаемый российской стороной, ужесточил цензуру и установил наблюдение за студентами. Это настроило против него даже те силы, которые вполне могли бы быть согласны с реально проводимой им политикой.

Чтобы дать генерал-губернатору, столь быстро выдвигающему инициативы, возможность избежать обвинений в нарушении конституции, а Сенату — возможность избежать обвинений в obstructии, Армфельт в 1857 году настоял на воссоздании Комитета по финляндским делам. В состав Комитета наряду с министром-статс-секретарем и его помощником входили два делегата, избираемые Сенатом из своих рядов сроком на три года, и еще один человек, назначаемый непосредственно царем. Назначив на эту должность Рокасовского, Александр II дал понять, что в рамках своей финляндской политики он не считает Комитет площадкой для защиты интересов российских министерств, — они привлекались через министра-статс-секретаря только по особому распоряжению царя и только в последней фазе подготовки политических шагов. Несмотря на то что Комитет мог совещаться только по указанию царя, он быстро превратился в инстанцию, улаживающую противоречия между Сенатом и генерал-губернатором и лишаящую последнего возможности без посредников убеждать монарха в правоте своей точки зрения. У Армфельта, бывшего прежде министром без министерства, теперь появился

think tank по вопросам финляндской политики, и в 1858 году он положил конец эпохе фон Хартмана, монополизировавшего в свое время мнение Сената. Армфельт поначалу искал тесного сотрудничества и с самим Бергом, но теперь стал опасаться, что сбитый с толку генерал-губернатор может при беспокойной обстановке негативно настроить царя по отношению к Финляндии. Поэтому с 1860 года он добивался его отставки. А вот Эмиль Шернваль-Валлен — помощник Армфельта с 1857 года, знакомый царю еще со времен армии и в качестве секретаря канцелярии университета, — с самого начала состоял в обостренных отношениях с Бергом. Однако он оценивал финляндские вопросы в первую очередь по тому, чего он лично мог добиться от царя, а не по их долгосрочным последствиям, как Армфельт, которого он часто упрекал в нерешительности.²²

Весной 1861 года проблемы достигли критической массы. В результате освобождения крестьян в империи сложилась напряженная ситуация. Взамен часть дворян требовала права на участие в политике, но царь не считал возможным делать послабления, поскольку существовали опасения, что ограниченный характер этой реформы вызовет крестьянские волнения. Поэтому поначалу даже считалось, что нельзя идти навстречу тем надеждам, которые зародились в Финляндии в результате осторожных послаблений, делавшихся в Польше с 1856 года. Но после демонстраций были сделаны уступки. В Финляндии реформы застопорились, потому что, с точки зрения Сената, все больше важных для модернизации мер требовало участия представителей сословий. Сенат хотя и состоял из отобранных и назначенных лично царем и генерал-губернатором чиновников, но в этом вопросе он все больше следовал общественному мнению, в котором к тому времени укоренилась идея о том, что основные законы Швеции — Regeringsform (RF) (Закон о форме правления), представляющий собой закон 1772 года об управлении страной, и Förenings- och Säkerhetsakt (FSA) (Акт единения и безопасности) 1789 года, уточняющий Закон о форме правления, — продолжают действовать в качестве утвержденной для Финляндии конституции. При этом подчеркивалось право сосло-

²² Это пример распространенной в то время «системы фаворитов», при которой лица, пользующиеся личной благосклонностью монарха, получали широкое влияние. Исследованию этого явления в Финляндии посвящена работа: Raimo Savolainen. Suosikkisenaattorit. Helsinki, 1994 (Hallintohistoriallisia tutkimuksia; 14).

вий на участие в создании и изменении законов, а полученное в ходе государственного переворота 1789 года право короля править в основном посредством распоряжений принижалось. Особо противоречащим конституции представлялось взятие государственных займов (которые были крайне нужны для проведения политики реформ) без согласия сословий.

Права сословий признала и российская сторона, дав поручение составить список тех насущных проектов реформ, для успеха которых требовалось содействие или даже согласие сейма. Этот список пробудил ожидания финляндской общественности в тот момент, когда царь менее всего готов был к созыву сословий. Однако Берг и в первую очередь преемник фон Хартмана Фабиан Лангеншельд хотели продолжать политику «реформ сверху». Лангеншельд добился у царя так называемого апрельского манифеста, на основе которого была организована выборная комиссия. В число стоявших перед ней задач входила, среди прочего, подготовка предложений по законам, которые царь мог бы временно ввести в действие до созыва следующего сейма. Создается впечатление, что Армфельт, один из старейших советников царя, многим ему обязанный, не хотел принуждать царя к созыву сейма. Однако создание комиссии, представлявшее собой попытку все же предоставить сословиям право участия в политике, немедленно подверглось критике в Финляндии как попытка государственного переворота. То ли Армфельт, упрекаемый в Финляндии в излишней осторожности, поддался давлению, то ли он пустил пробный шар — в любом случае не он, а Лангеншельд оказался скомпрометирован, когда Александр II десять дней спустя пояснил, что комиссия выполняет исключительно подготовительную функцию перед созывом сейма. Как бы там ни было, в результате этой неудавшейся процедуры было получено обещание царя о созыве сейма, которое он незамедлительно и выполнил в 1863 году. При этом Финляндии вновь пришлось ктати восстание в Польше: Россия демонстративно показала свою способность с пониманием относиться к разумным партнерам.

Однако даже те меры, которые были приняты для улучшения ситуации в Финляндии без участия сейма, привели к довольно впечатляющим результатам. Наряду с уже упомянутым строительством железной дороги была введена свобода занятия ремеслами, инициирована система народных школ, достигнуто некоторое послабление строгой дисциплины в университете. Собственная таможенная система Финляндии была адаптирована к переходу России на низкие внешние таможенные пошлины

в 1859 году, но наличие у Финляндии собственной таможенной системы под вопрос не ставилось. В 1860 году была введена марка как доля рубля. Принятые в 1858 году правила натурализации окончательно консолидировали особые финляндские права гражданства, которые русские могли приобретать только с разрешения царя.²³ Некогда столь опасный проект кодификации был негласно погребен.

От притязаний на конституцию к модели консенсуса
(с 1861 по 1865 год)

Финляндские либералы, которые не делали ставку на шведскую карту, считали, что в сложившейся ситуации можно значительно более настойчиво требовать создания конституционных отношений; они полагали, что эти их пожелания созвучны настроениям прореформенного движения в российском обществе. И в самом деле, за финляндскими устремлениями к созыву сейма благосклонно следили широкие круги российской прессы. Они видели в этом подтверждение того, что наличие репрезентативных институтов не противоречит идее единства государства, и выводили из этого аналогичные требования по отношению к центральной части империи. Армфельт же, напротив, опасался, что тенденция экстраполировать ситуацию приведет царя в раздражение, а легитимные притязания Финляндии будут дискредитированы ее репутацией нарушителя субординации.²⁴ Об этом предупреждал и Йохан Вильгельм Снелльман, публицист, философ и идеолог фенноманского движения: защитить особые права Финляндии перед Россией способен только сильный монарх — может случиться так, что «свобода» в России будет для Финляндии означать лишь право посылать двух депутатов в собрание в Москву.

В 1863 году, после Январского восстания в Польше, климат в России изменился. Уступки, сделанные автономии, не смогли

²³ В 1832–1917 годах натурализацию прошли 797 русских с семьями, т. е. около 2 000 человек; на русских приходится 22 % всех натурализованных (по сравнению с 46,3 % натурализованных шведских подданных и 18,8 % натурализованных граждан германских государств): Leitzinger. Ulkomaalaiset. S. 84.

²⁴ Однажды Армфельт даже выступил против напечатанной в «Русском Слове» положительной статьи о финляндских конституционных отношениях из-за сделанного в ней вывода о том, что русские тоже могли бы взять пример с этой страны (KA, Valtiosihteerin virasto. 96 / 1860; ср. статью: А. В. Лохвицкий. Политическое, административное и судебное устройство Финляндии // Русское Слово. 1860. № 10. С. 17–21.

предотвратить это восстание, и призрак интервенции западных держав снова ожил. Теперь даже либеральные российские газеты приветствовали сильное правительство как гарант целостности России. Раздающиеся из Финляндии диссонирующие голоса — например, требования нейтралитета страны или отстранения от участия в сейме состоящих на имперской службе финляндских дворян как «служащих иноземного правителя», — внимательно фиксировались. «Московские ведомости» М. Н. Каткова, в свою очередь, поставили принципиальный вопрос: законоположения и органы, отвечающие специфике тех или иных областей, приемлемы — однако сейм создает иную природу высшей власти, и даже если бы существование сейма было разрешено в одной-единственной чисто русской провинции, он вполне мог бы довести ее до сепаратизма.²⁵ В принципе, Катков был совершенно прав: если бы право одного регионального народного представительства на участие в принятии политических решений безоговорочно принималось всерьез, то в империи не удалось бы сохранить однородные политические отношения. Тот факт, что в автономиях сохранялись не достигнутые еще Россией элементы гражданских свобод и участия граждан в принятии политических решений, больше не повышал престиж автономий. Первоначально для мобилизации сил общества с целью преодоления слабости России была сделана ставка на свободу и равенство. Но теперь этот путь оказался дезавуированным. Теперь путем сплочению общества и укреплению России представлялся национализм. Равенство отныне стало приемлемым как равенство в несвободе.

Александр II был крайне озабочен тем, будет ли работа вышеупомянутой подготовительной (т. н. «январской») комиссии и сейма достаточно тихой и мирной для того, чтобы продемонстрировать собой гармонию в отношениях между разумным правителем и лояльным народом. В этом случае политическая практика опровергла бы вердикт Каткова о невозможности такой ситуации. Армфельт пожертвовал Берга, выступавшего за созыв сейма, общественному мнению, и вернул в Финляндию Рокасовского в должности генерал-губернатора. Последний еще более увеличил свою популярность в Финляндии, прибыв с обещанием о созыве сейма. Впрочем, его популярность по большей части

²⁵ Московские Ведомости. 26.9.1863, на которые ссылается Keijo Korhonen: *Autonomous Finland in the political thought of 19th century Russia*. Turku, 1967 (Turun yliopiston julkaisu; 105). P. 58.

была обусловлена его слабо развитыми властными притязаниями, что только поощряло дальнейший рост конституционных и национальных чаяний в стране. Царь больше не подвергал сомнению действие шведских основных законов в Финляндии, и теперь либеральные круги даже апеллировали к периоду до 1772 года, выступая, например, за право вносить предложения и формировать бюджет, а также за регулярный созыв сеймов. Тут Армфельт обратился к рецепту Берга, который заключался в поддержке фенноманского движения с целью формирования в сейме консервативного «противовеса» из представителей духовного и крестьянского сословий. Он начал тесно сотрудничать со Снелльманом, идеологом «фенноманской партии», которого до этого долго подозревали в «демократизме», а Рокасовский велел назначить его преемником Лангеншельда. Непосредственно перед созывом сейма царь согласился с тем, чтобы уравнивать в правах финский и шведский языки и в течение 20 лет ввести финский в официальное делопроизводство.

Армфельт понимал, что основные законы необходимо пересмотреть и изменить в соответствии с принципом *mutatis mutandis* — причем не в виде редакторской кодификации, а в результате совместного решения, принятого монархом и всеми членами сословиями. При этом содержание вносимых изменений следовало предварительно обсудить на самом высоком уровне — уже хотя бы потому, что оба других столпа финляндской автономии (Сенат и министр-статс-секретариат) не имели правового основания в шведских законах и поэтому могли остаться без конституционного статуса. Линия границы между конституционным и монархическим принципом, однако, должна была укрепить и тот мостик, по которому смог пройти Александр I в 1809 году, когда давал свое обещание: право монарха править посредством распоряжений согласно § 1 FSA должно было стать нормой. Необходимость этой нормы была обусловлена уже хотя бы тем, что параграфы о правах России и всей империи на Финляндию и в Финляндии, а также процедура их обеспечения не могли быть изменены в рамках данной «кодификации»: региональный парламент не имел права принимать такие решения. Зато в вопросах о праве вносить предложения, о праве формировать бюджет и о регулярности созыва сейма нужно было пойти навстречу сословиям, и, поскольку царь оставил за собой инициативу в конституционных вопросах, имелась надежда на то, что долгой дискуссии о финляндской конституции будет положен конец. Почти таким и был смысл слов, сказанных Александром II на от-

крытии сейма 6/18 сентября 1863 года. Однако сословия вызвали раздражение Армфельта и царя тем, что составили некоторое количество петиций, все же затрагивающих конституционные вопросы, — вместо того, чтобы быстро приняться за работу над многочисленными законами о реформах, которые в итоге еще и бурно обсуждались — вместо того, чтобы быть принятыми тихо и с благодарностью. Тем не менее успех был необходим, и поэтому царь дважды соглашался на продление срока деятельности сейма и принял целый ряд предложенных поправок. Даже либеральный закон о печати был в итоге утвержден — хотя и в пробном варианте на два года.

Таким образом, застопорившиеся реформы начали вновь приходить в движение, и модернизация Финляндии продолжилась. Первым был решен вопрос об освобождении незамужних женщин от статуса недееспособных. Дворянство, отказавшееся практически от всех привилегий, потеряло право на единоличное владение свободными от податей усадьбами. Было разрешено создание акционерных обществ, унифицировано налоговое право, упорядочено коммунальное самоуправление в сельской местности. Для российско-финляндских отношений все это было важно потому, что каждое такое прогрессивное законоположение укрепляло во всем финляндском обществе ощущение ценности автономии и гарантируемой ею непохожести на Россию. В отличие от остзейских провинций автономия здесь не была делом правящего класса, к которому большинство народа относилось равнодушно. Дело было еще и в том, что всякое деятельное участие сословий в принятии законоположений препятствовало тому, чтобы в будущем монарх мог единолично корректировать эти законоположения — в том числе и в интересах России или всей империи. Однако самый важный шаг к усилению самостоятельности Финляндии в этот период был сделан царем в административном порядке: он дал согласие на отделение обеспеченной серебром финляндской марки от российской бумажной валюты — с согласия российского министра финансов. Заставлять экономику Финляндии страдать от российских валютных проблем считалось просто-напросто плохой политикой. С другой стороны, от Финляндии была отделена часть территории: это было поселение работников Сестрорецкого оружейного завода, частично располагавшееся на финляндских землях; применять там финляндское право было бы нецелесообразно. Обещание компенсировать передел территории путем предоставления саамам Финляндии доступа

к Северному Ледовитому океану «выполнил» только Ленин в рамках Тартуского мирного договора 1920 года.²⁶

Еще во время работы сейма Армфельт занялся формированием двух комитетов, которые должны были «кодифицировать» основные законы и устав для сейма, а также составить новый регламент для Сената. В составе этих комитетов были и умеренные либералы, однако «блокирующее меньшинство» было проправительственным. Для работы этих комитетов были составлены программы, которые царь утвердил к началу 1865 года. Программы для комитетов отличались четкостью и содержательностью, однако, за исключением сеймового устава, результаты их работы так и не были приняты. Армфельт, пусть и неохотно, согласился с предпринятой в этих программах попыткой лишить генерал-губернатора возможности непосредственно влиять на царя. Генерал-губернатору предписывалось высказывать свое мнение о предложениях Сената только на заседании особого комитета Сената. Мнение заносилось в протокол, где Сенат мог еще и зафиксировать свои возражения. Одобрение такого предписания Александром II можно объяснить только тем, что Рокасовский неудовлетворительно выполнял свои должностные обязанности. Но комитеты исключили этот параграф из регламента Сената, в который царь имел право вносить изменения, и включили его в основной закон, для изменения которого потребовалось бы согласие всех четырех сословий. Не все проправительственные члены комиссии распознали в этом «параграфе-наморднике» пренебрежение к представителю интересов России. А вот § 1 FSA, который Армфельт хотел взять за ориентир для всей работы, так и не был переработан в конкретные предписания. Однако Рокасовскому удалось «дернуть стоп-кран»: еще до того, как было принято окончательное решение о его отставке, он составил меморандум, поясняющий, что такой основной закон лишает царя контроля над Финляндией. Проект определял положение Финляндии в империи таким образом, что она должна была управляться в соответствии с собственными законами и собственным основным законом²⁷ — а последний в виде законопроекта не допускал более вмешательства государя, которое, как в 1827 году,

²⁶ Бородкин. Время Александра II. С. 474–479.

²⁷ Эта так называемая «брунерова формула» была придумана членом Комитета по финляндским делам Франсом Олофом аф Брунером, предложившим включить параграф о положении Финляндии в Российской империи в такой закон, который был бы предметом только финляндского законодательного процесса.

было бы последним надежным средством обеспечения общегосударственных и российских интересов.

Рост и эрозия консенсуса (с 1866 по 1881 год)

Насколько сильно Александр II чувствовал себя обязанным выполнять свои обещания и сохранять конституционную форму правления в Финляндии, видно уже по тому, что на следующем сейме — собранном, как и было обещано, через три года — он представил сеймовый устав. Утверждая его, он даже косвенным образом признал шведские основные законы 1772 и 1789 годов в качестве источников своих суверенных прав в Финляндии. Кроме того, несмотря на провал кодификации, император не расстался с Армфельтом и Шернваль-Валленом. Им, однако, пришлось совершить разворот на 180 градусов. Армфельт оставил попытки упразднить существовавшее в российско-финляндской административной системе двоеначалие в пользу должности министра-статс-секретаря и вновь сделал ставку на сотрудничество с генерал-губернатором.

Выбор пал на графа Николая Владимировича Адлерберга, который был доверенным лицом и другом юности Александра II. После членов императорской династии он был самым ценным, что царь мог дать Финляндии, — а ведь там уже опасались назначения «виленского палача» М. Н. Муравьева. Покушение Каракозова в 1866 году привело к окончательному отказу от активного курса на проведение основополагающих реформ в России, и в Финляндии стали еще больше ценить то, чего удалось достичь за время реформ: сейм 1867 года прошел без эксцессов и по большей части в духе сотрудничества. Только в случае закона о печати царь вновь применил свое право распоряжаться, так как сейм (который в данном случае имел только совещательный голос!) отклонил предложения об ужесточении этого закона.

В определенном смысле произошел возврат к системе времен Меншикова: Адлерберг пользовался неограниченным доверием царя, а Армфельт обеспечивал ему те решения, которые ему были нужны. Однако ситуаций, когда договоренности с царем принимали бы неожиданный оборот и Армфельту оставалось бы только соглашаться, не возникало. Напротив, все решения подготавливались в рамках скрупулезной совместной работы: Адлерберг и Армфельт вели частную переписку по служебным вопросам, и практически каждое письмо представлялось царю для ознакомления и высказывания возможных замечаний. Таким

образом Армфельт смог обеспечить соответствие принимаемых мер «конституции» Финляндии, которая к тому времени была выработана и применялась — за исключением, среди прочего, одиозного «параграфа-намордника». Конечно, ни один сенатор больше не достигал того положения, которое когда-то имел фон Гартман. Зато у Комитета по финляндским делам теперь появилась особая функция. Этот орган придавал подходящие формы консенсусу, достигаемому «тремя великими А» по спорным вопросам. Адлерберг часто приезжал в российскую столицу, однако принятия тех или иных решений он добивался не на аудиенциях у царя, а в Комитете в качестве неофициального его участника. Так что извне было невозможно определить, чье решение владело в том или ином случае — Сената, генерал-губернатора или министра-статс-секретаря; в конечном итоге пригодное к одобрению царем решение исходило от Комитета. Однако привлечение имперских учреждений на этой подготовительной стадии по-прежнему не предусматривалось: непосредственно назначенным членом Комитета с 1867 года был Василий Петрович Степанов, «фиктивный русский», «взращенный» и обласканный в ведомстве Армфельта, которого в принципе рассматривали только как эксперта по языковым вопросам.

В этих благоприятных условиях модернизация Финляндии путем реформ шла захватывающими дух темпами. Удалось решить и злосчастный вопрос о донационных землях: сословия одобрили государственный заем для покрытия расходов на их выкуп. Монументальный церковный закон устанавливал свободу вероисповедания, однако его утверждение повисло в воздухе, так как своим решением сословия негласно распространяли его действие и на православие. Утверждение этого закона обеспечила лишь промьюльгационная формулировка, изменяющая решение сословий (!) — т. е. по сути «неконституционная» процедура. Обоюдоострый аспект здесь заключался в том, что, хотя самодержавие и продемонстрировало свою способность к проведению реформ и сотрудничеству с сословиями, принятые меры практически зацементировали собой особый путь Финляндии, пусть даже генерал-губернатор и соблюдал имперское единообразие в таких деталях, как ширина железнодорожной колеи, единицы измерения объема и веса.

Сближению Финляндии и России Адлерберг пытался содействовать с помощью культуры. В Хельсинки он держал представительный «двор», организовал освящение великолепного Успенского собора, основал русскую гимназию и русский театр,

стремясь таким образом сформировать в глазах прозападно ориентированных финляндцев благоприятный имидж космополитичной современной России. При этом он поддерживал бюрократические препоны, чинимые финскому языку, и изгнал финноязычные высшие учебные заведения в провинцию, надеясь на укрепление взаимопонимания со шведоязычной элитой в борьбе с национальной динамикой. Была также предпринята еще одна попытка дисциплинировать университеты. Казимир фон Котен, вдохновитель рестриктивных статуты 1852 года, предложил план, снискавший одобрение Адлерберга: обучать, например, государственных служащих и инженеров в реальных гимназиях, стоящих во главе строго регламентированной школьной системы. В том, чтобы таким образом не допускать финноязычную молодежь в гимназии, видели даже возможность лишить университет возможности влиять на будущих государственных служащих. Армфельт не препятствовал и этому плану, но, когда Котен потерпел неудачу, Армфельт спокойно наблюдал, как идет ко дну очередной конкурент в борьбе за ключевое место в российской политике по отношению к Финляндии.

Адлерберг, однако, настолько отождествлял себя со «своим» Великим княжеством, что в деле защиты финляндских порядков от российской критики Армфельт всегда мог на него рассчитывать. Он добился для него тайного права на цензуру в Финляндии, а Адлерберг содействовал установлению строгих правил освещения финляндских вопросов в российской прессе. Когда на фоне этих попыток регламентации соответствующих российских ведомств потребовали прояснить вопрос о легитимности особого статуса Финляндии, Армфельт и Адлерберг приказали разработать брошюру, в которой было бы указано, какая степень автономии является приемлемой для российской стороны. В этом «Очерке устройства правления Великого Княжества Финляндии» 1872 года, описывающем конституционную практику,²⁸ упоминались шведские основные законы, но говорилось, что сохранение их в силе зависит в первую очередь от волеизъявления соответствующего монарха.

²⁸ В «Очерке» было, среди прочего, приведено содержание семи основных параграфов составленного Норденстамом проекта о правах граждан Финляндии. В качестве основной функции генерал-губернатора было названо обеспечение соблюдения этих прав, что значительно уменьало его полномочия. Однако в отличие от более поздних времен тогда еще не было принято обосновывать особое положение Финляндии только гарантией прав, данной на Боргоском сейме; подробный анализ см. в: Robert Schweitzer. *Autonomie und Autokratie*. S. 80–85.

Пробным камнем для этого консенсуса стало введение всеобщей воинской повинности — эту реформу нельзя было назвать полностью соответствующей интересам Финляндии. Военный министр Д. А. Милютин исходил из того, что армейские вопросы, как и вопросы внешней политики, находились исключительно в компетенции царя; Адлерберг, в том числе из антипатии к Милютину, добился гарантии того, что вопрос о воинской повинности будет решаться обычным для Финляндии законодательным путем. В самом деле, наметилась даже вероятность того, что сейм одобрит всеобщую повинность, ведь с точки зрения либералов таким образом поощрялось равенство, с точки зрения консерваторов — повышалась дисциплина в обществе, а националисты воспринимали воинскую повинность как еще один атрибут государственности. Изменение системы милиции как основы для несения военной службы, без сомнения, требовало участия сословий, однако организационные вопросы и вопросы командования участия сословий не требовали. Но в 1873 году Адлерберг из-за ухудшения здоровья²⁹ сильно ослаб, а Армфельту было уже почти 80 лет,³⁰ поэтому никто не посоветовал царю настоять на такой возможной трактовке. Поэтому в 1878 году — как уже неоднократно случалось ранее — предметом рассмотрения в финляндском сейме стала целая область права. Сейм одобрил создание вооруженных сил в составе всего 5600 человек,³¹ которых нельзя было использовать за пределами страны, и присвоил многим параграфам этого закона статус основного закона. Поскольку последнее обстоятельство было скрыто от военного министра, а через 10 лет была обещана реформа, министр оставил свои сомнения. Перевод Финляндией своей валюты на золотую основу встретил между тем одобрение российского министра финансов, который не видел смысла запрещать развитие по разумному и в случае Финляндии уже реальному пути исключительно ради сохранения имперского единообразия.

²⁹ Бородкин в работе «Время императора Александра II» (С. 497) в качестве причины называет приступ ревматизма.

³⁰ Он занимал эту должность до своей смерти в 1875 г.; его преемником стал Шерваль-Валлен, бывший его помощником с 1857 г.

³¹ Тем самым военная повинность населения Финляндии составляла всего лишь около четверти от российской. См.: Туомо Полвинен. Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 43. Этот труд положен в основу описания периода 1894–1899 годов, данного в настоящей работе.

Беспокойство о будущем автономии возникло в Финляндии только после убийства Александра II в 1881 году. Но на самом деле угрозу для статуса Финляндии содержала в себе уже та попытка реформы, которую предпринял М. Т. Лорис-Меликов с целью парализовать террор оппозиции. Согласно плану Лорис-Меликова, Финляндия должна была как и все другие губернии направлять определенное число депутатов для участия в представительном собрании. Если бы этот план был воплощен в жизнь, сбылось бы опасение Снелльмана: Финляндия оказалась бы вовлечена в вышестоящую имперскую структуру, вместо того чтобы, как раньше, подчиняться непосредственно царю. Однако за отсутствием более точных сведений об этом плане нельзя сказать, означал бы он конец автономии или нет.

Но скрывать реальность особого положения Финляндии удавалось все хуже и хуже. Как бы ни стремилось российско-финляндское руководство сглаживать неровности, прозвучавшие в открытых дискуссиях сейма притязания на независимость попали в печать, и принизить их значение, выдав за отдельные мнения, не получалось. Кроме того, после завершения строительства железной дороги из Выборга в Петербург в 1870 году и увеличения туристического потока в Финляндию стали иметь место массовые контакты, которых такие политики, как Армфельт, всегда стремились избежать. Русские, получившие постоянные права гражданства в Финляндии, влились в жизнь в стране и активно пользовались преимуществами больших гражданских свобод.³² Дачники Карельского перешейка, напротив, воспринимали Финляндию как иностранное государство, при взаимодействии с которым возникают соответствующие трудности — с таможенной, с обменом денег, с врачебной помощью. Многим была чужда мысль, что настоящая автономия предполагает также наличие определенных ограничений для титульной нации. В этой ситуации избежать конфликтов помогло бы некоторое самоограничение с финляндской стороны, но не нашлось никого, кто занялся бы реализацией такой политики.³³ Некоторые деятели,

³² Когда в 1882 году генерал-губернатор Гейден в рамках полицейской облавы на нигилистов в Хельсинки приказал арестовать преподавателя Русской гимназии П. И. Леонтьева, бывшего гражданином Финляндии, поданная прокурором жалоба возымела действие и привела к появлению порицательного рескрипта Александра III (Theodor Cederholm. Politiska minnen. Helsingfors, 1924. S. 120–125).

³³ Письмо Иоханнеса Грипенберга (Johannes Gripenberg) Ирвьё Сакари Ирвьё-Коскинен (Yrjö Sakari Yrjö-Koskinen), 15.4.1889 (КА, Yrjö-Koskisen kokoelma). 18; ср.: Lauri Nuvämäki. Ennen routaa. Helsinki, 1960. S. 103–120.

распознавшие зарождающийся конфликт интересов, вместо того чтобы работать в направлении укрепления взаимоотношений, стремились в оставшееся время достичь максимально возможных результатов.

3. От неконтролируемого консенсуса к контролируемому конфликту (с 1881 по 1894 год)

В 1894 году царю-освободителю на центральной площади Хельсинки был поставлен памятник — перед кафедральным собором между сенатом и университетом. Во времена социализма это был почти единственный сохранившийся памятник царю, и даже сегодня, по крайней мере у туристов, складывается впечатление, что это памятник основателю государства Финляндия и что высеченный на постаменте год (1863) — это год образования государства. В самом деле, благосклонность этого царя открыла Финляндии дорогу к современной форме государственности — и тем самым к отделению от Российской империи. Все пожелания Финляндии Александр II рассматривал с точки зрения «Почему бы, собственно, и нет?», вместо того чтобы подойти к ним с критическим вопросом «Почему, собственно?». Он надеялся, что Финляндия не будет использовать предоставленную ей свободу действий в полной мере и будет по собственной инициативе учитывать также и интересы России. В этом ему приходилось регулярно разочаровываться. Но министрам-статс-секретарям удавалось также регулярно (и отчасти заведомо ложно) убеждать его в безопасности делаемых им уступок. В конце концов, Александр II хотел скрыть от России, что Катков был прав, а он, царь, заблуждался — поэтому он или не хотел, или не мог говорить «нет».

Сдерживание консенсуса (с 1881 по 1889 год)

Покушение на царя и приход к власти нового монарха в 1881 году привели к значительным переменам в российской политике, но на отношениях с Финляндией они поначалу почти не сказались. Угрозу империи и монарху стали искать внутри страны: ведь не сепаратисты бросили ту бомбу, которая разорвала Александра II. И если следствием реформ, разработанных незадолго до его смерти, могло бы стать нивелирование особого положения Финляндии, то в результате отказа Александра III

от проведения каких-либо реформ в прежнем их понимании этой опасности удалось избежать.

В прямых сигналах России, посылаемых в адрес Финляндии, в равной степени присутствовали и стабильность, и перемены. Сразу после вступления на престол Александр III подтвердил привилегии Финляндии. Российская полемическая мысль предпочла снисходительно трактовать это решение как рефлекторную реакцию в первые дни шока.³⁴ Об осознанности этого решения нового монарха говорит, однако, тот факт, что он отказался возобновить привилегии остзейских губерний. Нельзя исключать, что определенную роль в этом сыграла и та симпатия, которую питала императрица Мария Федоровна, датская принцесса Дагмар, по отношению к Финляндии, этой «частичке Скандинавии в границах империи». Кроме того, в тронной речи по поводу созыва сейма 1882 года Александр III объявил себя сторонником политики своего отца. Не остановил он и принятие одобренного его предшественником законопроекта о предоставлении финляндским сословиям права законодательной инициативы.

Не имела программного характера и замена всей верхушки российско-финляндской системы управления в год смены монарха. Александра III в отличие от его отца не связывали с генерал-губернатором Адлербергом узы юношеской дружбы, и поэтому у него не было повода закрывать глаза на несостоятельность Адлерберга, на его любовь к формальностям и громким словам. Тем более что по отношению к брату Адлерберга Александру, придворному министру, он испытывал настоящую неприязнь. Но новый генерал-губернатор Федор Логгинович Гейден вовсе не был тем «русификатором», которого Победоносцев якобы навязывал своему царственному воспитаннику. Он был «гонимым либералом» на испытательном сроке. Он ожидал, что ему придется покинуть пост начальника Генерального штаба вместе с военным министром Милютиным, и поэтому согласился с предложением своей кандидатуры в качестве преемника Адлерберга.

Уход министра-статс-секретаря Шернваль-Валена со своего поста и назначение на эту должность его помощника Теодора Бруна стало завершением перестановки, начатой еще Алексан-

³⁴ Финляндская окраина России / Под ред. Сергея А. Петровского. Т. II. СПб., 1894. С. 207, 209. Это издание является собранием статей газеты «Московские Ведомости» по так называемому «финляндскому вопросу». Статья под заголовком «Что творилось в Финляндии в скорбные дни России» была первоначально напечатана в этой газете 10 ноября 1894 г.

дром II. Он настоял на назначении Бруна на должность помощника министра-статс-секретаря вопреки предложениям Шернваль-Валена и таким образом посмертно согласился с предложением Армфельта. Армфельт видел в этом высокопоставленном чиновнике Кодификационного отдела гаранта того, что конституционные притязания Финляндии не перейдут границу допустимого. Ввиду такой бесцеремонности и перспективы вынужденного сотрудничества с юным наследником трона, не особенно ценящим изысканные придворные манеры, придворному старой школы было не сложно расстаться со своим постом. К резким изменениям это тоже не привело: как и за 40 лет до того, портфель министра-статс-секретаря получил его помощник.

Однако такая перестановка кадров положила начало фазе нестабильности в управлении российско-финляндскими отношениями, поскольку ни у кого из двух главных лиц не было близких, доверительных отношений с монархом. Так вновь началось невыгодное для общего дела соперничество генерал-губернатора и министра-статс-секретаря. Гейден оказался перед трудной задачей: ему нужно было явным образом показать себя защитником российских интересов в Финляндии, но царь не предоставил ему для этого дополнительных властных полномочий. Когда Гейден после личного предостережения царя о происках нигилистов в Финляндии посадил в тюрьму гражданина Финляндии русской национальности (что противоречило финляндским законам), ему пришлось «дать задний ход». Тот факт, что Александр III согласился с критикой по этому поводу со стороны прокурора Сената, показывает, что российская сторона всегда придерживалась сути данных в Борго гарантий — сохранения прав финляндцев на свободу. Во всяком случае, в рескрипте, порицающем действия Гейдена, в качестве оправдывающего обстоятельства называлась двусмысленность финляндских законов.

Идея Бруна предложить в этой связи в третий раз начать кодификацию финляндских законов оказалась опасной. Вероятно, он надеялся, что таким образом в ходе объективного процесса удастся консолидировать финляндские притязания в самой их неоспоримой сути. Но Брун не обладал влиянием Армфельта, которому в 1864 году удалось заранее договориться с царем о приемлемой для обеих сторон политической линии. Поскольку царь не давал понять, что его творения — Сенат и должность министра-статс-секретаря — будут относиться к сфере основных законов Финляндии, финляндским экспертам пришлось придумать хитроумные способы их обоснования с помощью шведских основных законов.

Российские эксперты ввиду той же неопределенности, наоборот заняли максимально негативную позицию, состоявшую в том, что гарантии Боргоского сейма не имеют никакого конституционного значения и предоставляют царю полную свободу действий.³⁵ Принцип не доверять по-настоящему ни одному министру был характерен для всего правления Александра III.

В этой ситуации генерал-губернатор Гейден решил воспользоваться возможностью заключить своего рода союз с финской языковой партией. Он оказал поддержку сформированной им небольшой группе сенаторов-фенноманов, добившейся решающего прогресса в деле введения финского языка в официальное делопроизводство в двадцатилетний срок (отсчет которого пошел еще в 1863 году). В свою очередь он надеялся, что в благодарность за это сенаторы проявят сдержанность в вопросе о дальнейшем расширении автономии Финляндии. Мысль о том, что в этом можно увидеть параллель с поддержкой эстонцев и литовцев в Прибалтике в их борьбе с засильем балтийских немцев, он, однако, отрицал. Действительно, противники фенноманов усомнились в допустимости административного регулирования языкового вопроса и вопреки существовавшему на тот момент мнению потребовали, чтобы этот вопрос решался сословиями. Протест прокурора оказался лишен остроты из-за его собственной оплошности. Несмотря на это Гейден форсировал начало кодификации: она должна была ограничиться «государственным и конституционным правом», чтобы, наконец, претснить, в каких пунктах конституция Финляндии препятствует действиям правительства.

Сам Александр III, напротив, не руководствовался подобными теоретическими соображениями и в случаях, когда интересы России противоречили интересам Финляндии, принимал решение

³⁵ Материалы, относящиеся к проектам Формы Правления и сословных привилегий для Великого Княжества Финляндского, составленным Высочайше учрежденным 9 марта 1885 г. Комитетом, а также Императорским Финляндским Сенатом и Финляндским Генерал-Губернатором графом Гейденом. Отдел 3-ий свода разных материалов, объединенных под заглавием «Материалы относящиеся до проектов основных законов Великого Княжества Финляндского, а также до вопроса о порядке издания и обнародования Законов, общих для всей Империи, со включением Великого Княжества Финляндского». СПб, Государственная типография [1907?]. Отдел В. С. 35–98 (заключение главного управляющего кодификационным отделом Э. В. Фриша), 99–115 (заключение министра юстиции Манасеина): редкость, в Национальной библиотеке Финляндии под шифром Lait 1.

в соответствии со своими представлениями о правомерности того или иного шага. Важным вопросом были таможенные отношения Финляндии — с другими государствами и с Россией. Таможенная граница Финляндии являлась наиболее явным выражением ее притязаний на государственность, но собираемые на ней таможенные пошлины были также самой важной статьёй доходов государственного бюджета. Чтобы решить возникшие после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов денежные проблемы путем поощрения промышленности и экспорта товаров, Россия в 1885 году отказалась от политики низких таможенных сборов. Таким образом, действующие в Финляндии низкие ввозные пошлины, против которых уже в 1884 году разгорелась жаркая полемика в российской прессе, теперь стали для финляндской промышленности ощутимым преимуществом при экспорте товаров в Россию. Поэтому российское правительство отменило беспошлинный режим экспорта товаров из Финляндии в Россию, в результате чего финляндский Сенат в качестве ответного хода решил обложить пошлиной экспорт российских промышленных товаров в Финляндию. На что царь, которого на этот раз не тронули аргументы о бедности финляндцев и о чувствительности финляндской экономики, в 1888 году ответил следующее: «Пусть сенат представит мне проект более возможный и более нормальный». ³⁶

К совершенно удивительным последствиям привел указ Александра III от октября 1885 года о том, что в маневрах российской армии в Красном Селе должны каждый год принимать участие по два батальона финляндских призывников. Согласно финляндскому закону о воинском призыве, это было недопустимо, но Гейден не передал царю соответствующее заключение Сената. Александр III принял к сведению протест прокурора, велел зачитать письмо из Сената — и просто настоял на исполнении своего распоряжения. Разумеется, успешно: никто не посмел всерьез противиться распоряжению верховного главнокомандующего. Когда он годом позже даже предложил проект закона, который прояснил бы этот вопрос, Бруну и Гейдену удалось совместными усилиями отговорить его от этой идеи. Последствия дебатов в сейме, в ходе которых были бы признаны антиконституционными действия царя и, вероятно, даже были бы отклонены меры по исправлению ситуации, представлялись им непредсказуемыми.

³⁶ Г. Д. Корнилов. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX — начале XX в. Л., 1971. С. 63.

Таким образом на уровне повседневной политики этот конституционный конфликт был успешно обезврежен, и к нему не было проявлено интереса со стороны российского общественного мнения. Отнюдь не безопасный результат затребованной Гейденом кодификации основных законов был хоть и представлен на рассмотрение Сенату, но благоразумные силы не видели необходимости спешить с его рассмотрением. Карты лежали на столе рубашками вверх, и игроки не знали, завышены их ожидания или нет. И хотя Гейдену было любопытно, каким будет результат, перевод и экспертизу — как и свою языковую программу — он поручил только своему местному советнику Якубову. Как и все генерал-губернаторы до него, Гейден таким образом пытался защитить свои всеобъемлющие полномочия от имперских учреждений. Но эта хрупкая защита была разрушена публицистическим фальстартом.

Когда в России в 1883 году началась полемика, направленная против отдельной таможенной системы Финляндии, министр-статс-секретарь Брун поручил Сенату составить новую редакцию неофициальной брошюры об автономии Финляндии, написанной в 1872 году. Тогда он еще полагал, что будет проведена полная кодификация, которая займет долгие годы, и хотел получить краткую сводку на русском языке («Очерка», задуманного в качестве справочного документа для российских ответственных лиц, уже не было в наличии, а информация в нем, касающаяся воинской повинности и др., устарела). Результатом стал труд Лео Мехелина, еще в 1878 году подававшего прошение о кодификации основных законов. В самом названии работы — «Краткий очерк государственного устройства и правления Великого Княжества Финляндии» — уже содержится претензия на государственность. Концепция союзных отношений была укреплена и усовершенствована в смысле понятия о «реальной унии»: в Борго клятва верности была принесена царю только как Великому князю Финляндскому; Финляндия входит в Российское государство, но не подчиняется Российской империи и т. п. Особая форма управления Финляндией рассматривалась как выполнение «договора в Борго», являющегося обязательным для царей; подтверждение ими привилегий автономии было представлено как обязательная процедура, выполняемая ими при вступлении в права правителя Финляндии. В отличие от «Очерка», авторы брошюры не старались ни подчеркнуть безвредность финляндской автономии для России, ни скрыть возможные конфликты интересов: генерал-губернатор представлял интересы России,

но право докладывать царю принадлежало финляндскому министру-статс-секретарю.

Но главное то, что возможность первыми ознакомиться с брошюрой получили не Гейден, не Брун и даже не царь, а участники сейма 1885 года, обнаружившие ее на своих сиденьях. Однако жертвам обмана удалось совместными усилиями вытоптать и этот лесной пожар. Гейден велел уничтожить брошюру, а Брун больше не настаивал на выполнении своего поручения. Шанс получить официальную обновленную редакцию консенсуса был потерян. Но Мехелин не успокаивался: Финляндии нужен был письменный текст конституции уже хотя бы ради ее собственной кредитоспособности. И он был готов сам ее написать! В 1886 году он выпустил свой «*Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande*», практически перевод «Краткого очерка», распространенный «по всему миру» как частное издание. Финляндско-российские конституционные отношения, о которых, по сути дела, еще только предстояло договориться, здесь были изложены как ясный научный вопрос. Текст был написан доступным языком, а позицию автора подкреплял авторитет сенатора и профессора права. При этом французская терминология позволяла с легкостью оперировать такими спорными понятиями, как «союз» (*union*) и «конституция» (*constitution*). И, конечно, Мехелин был польщен и дал свое согласие, когда некий камергер императорского двора, *César Ordine* (Кесарь Филиппович Ордин), захотел подготовить русский перевод его труда.

Однако русский текст Ордина оказался в некоторых местах снабжен сносками такой же длины, как и сам комментируемый текст, и эти сноски опрокидывали всю стройную концепцию Мехелина, хотя и были зачастую пропитаны мелочным квасным патриотизмом и невыносимым обожествлением царя. Ордин ссылался на июньский манифест 1808 года, в котором Россия провозгласила присоединение Финляндии, и Фридрихсгамский мирный договор, по которому эта территория была уступлена России — а не царю, как писал Мехелин. Боргоский сейм Ордин охарактеризовал как собрание с совещательной функцией. Сословия Финляндии, собравшиеся во время войны под началом завоевателя, а не законного правителя, никак не могли в полной мере требовать от завоевателя того же, что требовали от прежнего государя. Но главное — не хватало российского закона, который провозгласил бы преобразование единой России в союзное государство. В довершение всего Ордин озаглавил книгу «Конституция Финляндии»: раздражающее слово «конституция»

настроило сторонников самодержавия против Финляндии. Все это привело к прорыву идеологической плотины. В «Московских ведомостях» была опубликована четырехчастная положительная рецензия на труд Ордина — и поднят вопрос о том, как продвигается кодификация: ведь с ее помощью можно было бы проверить законность притязаний Финляндии.

Защитники Финляндии смогли лишь возразить, что автономия Финляндии создавалась совместно с царями и что она никому не мешает. Но Ордин занялся опровержением этого аргумента в «Московских ведомостях», где ему разрешили регулярно публиковать вымышленные письма из Гельсингфорса. В этих письмах, опубликованных в десяти частях, был представлен весь арсенал полемики по финляндскому вопросу на ближайшие 25 лет.³⁷ Представляясь дачником, проживающим на Карельском перешейке, он возмущался дискриминацией русских в Финляндии, которым как «иностранцам» было трудно купить землю, приходилось менять деньги и платить таможенные пошлины.

И действительно, весной 1889 года Александр III вынес на повестку дня объединение финляндской почтовой, таможенной и денежной систем с имперскими. Поэтому в обществе стали думать, что это либо царь позволил прессе убедить себя, либо наоборот — что это он руководил Ордином, чтобы подготовить поле для маневров. Но Ордину, похоже, помогал только министр внутренних дел Д. А. Толстой: Императорская Академия наук, находившаяся в его ведении, отметила исследование Ордина «Покорение Финляндии» премией имени митрополита Макария. Он же защищал «Московские ведомости» от дисциплинарных взысканий. Эти взыскания исходили даже от Гейдена. Недовольство публикуемой в «Московских ведомостях» полемикой по финляндскому вопросу выразил и рупор царя — газета «Гражданин» князя А. В. Мещерского. Ведь на самом деле критика Ордина была направлена в том числе и на русских управляющих в Финляндии, и в конечном счете он хотел вынудить царя обеспечить русским во всей империи положение, сравнимое с положением британцев в Британской империи.³⁸

³⁷ Вновь напечатаны в: Финляндская окраина России. Т. I. СПб., 1891. С. 53–78, 85–89, 115–120. Первоначально они выходили в «Московских Ведомостях» начиная с № 207 (за 1888 г.).

³⁸ *Correspondance de G. Samarine avec la baronne de Rahden*. М., 1894. Р. 29. Лозунг «Россия для русских» был также использован в качестве подзаголовка книги российского военного министра (А. Н. Куропаткин. *Задачи русской армии*. СПб., 1910).

С финляндской стороны в 1888 году скончался осторожный Брун, а его преемник, Казимир Эрнрот, стал первым военным на этом посту. К тому времени в сфере финляндско-русских отношений стали вестись споры о важных для конституции понятиях, и такие люди, как Ордин, взвешивали любое доносившееся из Финляндии слово на ювелирных весах подозрения в сепаратизме. Но новый министр-статс-секретарь считал, что в его ведомстве слишком много сотрудников, а тщательно выверяемые формулировки Комитета по делам Финляндии называл «ненужной литературой».³⁹ Кроме того, он не соблюдал достаточной дистанции по отношению к генерал-губернатору, относясь к нему как к армейскому товарищу и недооценивая его политической хитрости. Комитет по финляндским делам как «мозговой центр» (think tank) и компромиссная инстанция тоже потерял свое значение, когда Сенат проголосовал за отстранение от работы последнего независимо мыслящего члена Комитета — Виктора фон Гартмана — и решил ограничить деятельность своих делегатов своего рода императивным мандатом. В свою очередь русский член Комитета Степанов стал теперь негласно сотрудничать с Ордином. Эрнроту с его самообладанием однажды удалось добиться прагматичного компромиссного решения в вопросе, который не мог бы быть решен на уровне принципов.⁴⁰ Однако его подвело неосторожное обращение со словами — а именно с терминами из сферы конституционного права. В подготовленном в канцелярии министра-статс-секретаря переводе на шведский язык можно было найти конституционные понятия, которых не было в русском

³⁹ Cederholm. Politiska minnen. S. 142.

⁴⁰ В вопросе, касающемся Райвола, он смог путем прямых и неофициальных консультаций с министром внутренних дел Толстым избежать прямой конфронтации финляндской и российской позиций по конституции. В случае такой конфронтации министр внутренних вынужден был бы настоять на своем — уже хотя бы из соображений престижа. В Райвола было поселение русских крестьян, которые до отмены крепостного права были в качестве крепостных приписаны к оружейному заводу в Сестрорецке на российской стороне границы, а после отмены крепостного права в соответствии с российским законодательством были организованы в общину. Они требовали самоуправления в рамках волостной общины, но на финляндской земле это, по мнению финляндской стороны, было бы нарушением конституции. Подробности см. в: Evert Laine. Raivolan venäläisen kylähallinnon syntyminen // Historiallinen arkisto 45 (1939). S. 515–551; а также: Robert Schweitzer. Eine unvermeidliche Katastrophe? // Robert Schweitzer. Finnland, das Zarenreich und die Deutschen. Helsinki/Lübeck, 2008. S. 570–617, 600–602.

оригинале.⁴¹ Но Сенат и без того уже не рассчитывал на Эрнрота и передал его докладные записки, в которых выражались сомнения по поводу инициированных царем мер унификации, генерал-губернатору.

Кризис доверия (с 1889 по 1891 год)

Начали сказываться также последствия того, что цари как законодатели утвердили в Финляндии правовые нормы, фактически превратившие страну в заграницу, тогда как в России поддерживалась теория о единой империи. Одним из немногих, кто указал на конфликтный потенциал такого положения дел, был Йоханнес Грипенберг, чиновник из канцелярии министра-статс-секретаря. Показательно, что обратился он к руководителю финской языковой партии Юрье Закари Юрье-Коскинену. Выяснилось, что Гейден не может рассчитывать на то, что в ответ на поддержку им этой партии ему пойдут навстречу в решении вопросов, делавших теперь его положение критическим — даже в таких мелочах, как льготные железнодорожные билеты для русских офицеров!

После обретения Финляндией независимости в 1917 году даже в исторической литературе стали встречаться теории заговора о существующем с давних пор плане отмены финляндской автономии, существование которого стало очевидным, когда в 1890 году почтовую систему Финляндии подчинили российской. Гейден сам еще делал вид, что атаку царя можно отразить с помощью аргументов финляндской стороны. Даже российские отраслевые министры были удивлены, когда Эрнрот, пребывающий в панике после гневной реакции Александ-

⁴¹ После сейма 1877–1878 годов Сенат Финляндии публиковал принимаемые сословиями законы с формулировкой «с согласия земских чинов Финляндии». Александр III потребовал изменить эту формулировку, потому что был против явного указания на конституционную практику правления в Финляндии. Поэтому по предложению Эрнрота была утверждена новая формулировка «по всеподданнейшему представлению...», но в шведском переводе Эрнрот вновь допустил использование термина «tillstyrkan», который использовался до 1877–1878 годов в промульгационной формулировке для принимаемых сословиями законов и тоже подчеркивал собой право сословий принимать решения. Отдельные факты см. в: Berndt Federley. «Med Finlands ständers bifall och samtycke» // *Historisk tidskrift för Finland* 45 (1960). S. 126–152; дополнительные сведения см. в: Schweitzer. *Autonomie und Autokratie*. S. 200–204. Аналогичная неточность имела место при переводе рескрипта от 28 февраля/12 марта 1891 г. (см. ниже).

ра III, передал им эти планы. В прежние времена министр-статс-секретарь мог бы инициировать рассмотрение всего вопроса в кругу ответственных лиц — генерал-губернатора, Сената и Комитета по делам Финляндии, — а российские инстанции привлекались бы лишь выборочно. Однако под таким грузом проблем российско-финляндская система управления, которая так долго защищала российскую политику в отношении Финляндии, развалилась.

Гейден, который на фоне сдержанного Бруна и беспечного Эрнрота смог стать единоличным проводником политики России в отношении Финляндии, тоже сначала хотел сохранить за собой контроль над процессом. Чтобы наконец-то продвинуться вперед в рассмотрении вопроса с конституцией, заняться которым после произошедшего Сенат не торопился, он хотел создать и возглавить специальную комиссию. Но теперь, когда в вопросе о почтовой, таможенной и денежной системах грянул «гром небесный», он просто старался держаться как можно дальше в стороне. Поскольку финляндская сторона заявила, что конституция Финляндии мешает царю в осуществлении его планов, отныне по приказу царя Гейден должен был во всех этих вопросах получать заключение имперских властей. С этого момента центральную роль в политике России по отношению к Финляндии стали играть смешанные российско-финляндские комиссии.

Однако результаты работы этих комиссий еще раз показывают, что поводом для их создания стало спонтанное решение Александра III лишить нападки прессы содержательной остроты. Вопрос с почтовой системой был решен быстрее всех, потому что в нем всё ограничилось принятием косметических мер. Финляндская почтовая система была полностью подчинена российской, в Финляндии получили хождение российские почтовые марки как повседневный символ суверенитета, а от вновь нанятых почтовых служащих в городах Финляндии и в Выборгской губернии стали требовать знания русского языка. Почтовый манифест был простым указом: тем самым царь подчеркивал свою верховную власть в административных вопросах, хотя Сенат к тому времени предложил законопроект, который мог бы быть одобрен сеймом. Финляндская общественность считала этот шаг нарушением конституции, однако даже Сенат посоветовал не принимать во внимание соответствующую петицию, поданную сословиями сейма 1891 года. Тем самым царь продемонстрировал, что в Финляндии можно проводить имперские интересы, не ставя под вопрос основные законы Финляндии.

Члены остальных двух комиссий продемонстрировали знание дела, быстро поняв, что простое приведение законов Финляндии в соответствие законам России было бы контрпродуктивным. Зачем упразднять в Финляндии валюту, обеспеченную золотом, если к ее введению как раз стремятся в России? А отмена таможенной границы лишила бы российскую экономику защиты от финляндского экспорта, возведенной всего за пять лет до того. Действовавшие вплоть до 1905 года привилегии города Таммерфорса касательно беспошлинного ввоза сырья послужили удобным аргументом для того, чтобы отложить рассмотрение данного вопроса.

Правда, тут возник еще один конфликт. В декабре 1889 года был одобрен царем и обнародован новый финляндский уголовный кодекс: возражения Ордина, поданные в последнюю минуту царю, были опровергнуты Эрнротом и Гейденом. Одновременно генерал-губернатор добился выхода рескрипта о продлении действия установленного в 1826 году территориального принципа применения финляндского и российского уголовного права. Но летом 1890 года сенатор Н. С. Таганцев, работавший в Кодификационном отделе при Государственном совете Российской империи, внес серьезные возражения: он заявил, что кодекс по-прежнему устанавливает принцип личной, а не территориальной подсудности и не защищает Россию и все Российское государство, например, от разглашения сведений, являющихся государственной тайной. Беспокойство данного учреждения было вызвано тем, что ему было поручено ознакомиться с финляндской кодификацией и возражением финляндского прокурора Роберта Монтгомери против Почтового манифеста. В этом случае тоже работала смешанная комиссия, однако право законодательной инициативы сейма было признано, вступление уголовного кодекса в силу было отложено, и комиссия разработала проект поправки. Александр III оказался способным к *constitutional bargaining* («конституционным торгам»): он невозмутимо вносил свои предложения без всяких изменений до тех пор, пока их не принял новый, уже третий сейм в 1894 году. Финляндцы хотели иметь этот кодекс, и поэтому у них не оставалось выбора — но царь не нарушил «конституцию».

Между тем о самой этой конституции — в виде проведенной в 1885 году кодификации основного закона — Кодификационный отдел и Министерство юстиции дали уничтожающие заключения (1 августа и 11 октября 1890 года). Иначе быть не могло, потому что ранее, когда речь шла о почтовой и денежной системах,

министерство уже высказывало свое мнение. Было ясно, что признание требований, выдвинутых в кодификации, значительно ограничит возможность России проводить в Финляндии собственную политику. «Грань приемлемого» мог бы политически задать только царь — но он этого не сделал. Поэтому противопоставить финляндскому максимализму пришлось максимализм российский — с использованием похужей насильственной аргументации. Боргоский сейм не был упомянут вообще. Основные законы Швеции признали — следуя «механическому» понятию кодификации — либо недействительными из-за замены их более поздними определениями почти во всех параграфах, либо устаревшими из-за упразднения шведских институтов. Они никоим образом не имели нормативной силы верховного права. Задача определения мест, которые продолжают действовать в соответствии с принципом *mutatis mutandis*, — задача, решение которой на протяжении почти ста лет признавалось необходимым, — теперь была названа несущественной. В конечном счете от особого положения Финляндии осталась лишь терпимость к лютеранской религии и наличие народного представительства, которому разрешалось самостоятельно определять регламент своей работы и в соответствии с ним разрабатывать законопроекты. Царь, если он собирался одобрить тот или иной законопроект, не мог внести в него изменения.

Запланированная Гейденом конференция в Хельсинки по вопросу основного закона — с участием экспертов из Кодификационного отдела и Министерства юстиции — прошла в совершенно изменившихся теперь политических условиях. Шансов примирить позиции правовыми средствами больше не было. Дело в том, что финляндскую автономию можно было защищать только как замкнутую систему. Но нападкам подверглись самые ее устои. Гейден предложил слабый с технической точки зрения проект организации управления в Финляндии («Проект учреждения управления Великого Княжества Финляндского»): в нем хотя и описывалось ее особое положение, однако, согласно экспертным заключениям российской стороны, это положение ставилось в зависимость от воли царя. Но финляндские участники не захотели подарить Гейдену столь легкую победу и выдвинули встречный проект, в котором состояние вопроса о финляндской конституции описывалось на современный лад. Поэтому Гейдену пришлось сначала добиться у царя разрешения провести в Санкт-Петербурге смешанное Особое совещание на министерском уровне под председательством почтенного старейшины

(elder statesman) Н. Х. Бунге, на котором было бы вынесено решение по поводу обоих проектов.

Но в январе 1891 года, еще до проведения Особого совещания, был созван финляндский сейм — Александр III не собирался медлить с его созывом, хотя его периодичность (раз в три года) была обусловлена лишь традицией. В ответ на тронную речь были поданы петиции, в которых нашла выражение обеспокоенность сословий Финляндии будущим автономии. Царь отреагировал замечанием, по которому заметно его прагматичное отношение к этому вопросу, хотя тогда его посчитали циничным: «Я желал бы знать, что их тревожит и печалит, когда ровно ничего не изменилось и ни один закон не изменен».⁴² На конкретизированные опасения сословий царь ответил так называемым «Рескриптом о примирении» от 28 февраля/12 марта 1891 года.⁴³

В свете катастрофы 1899 года этот документ был оценен как прелюдия к ней, как вербальная попытка успокоения или как простой цинизм. На самом деле документ носил программный характер и имел целью «удовлетворить и Москву, и Гельсингфорс». В качестве советников царь привлекал не только Эрнота и Гейдена, но также и Фриша из Кодификационного отдела, российских министров Н. А. Манасейна (министр юстиции), П. Н. Дурново (министр внутренних дел) и — время от времени — министра иностранных дел Н. К. Гирса. Ни у кого не должно было быть повода сказать, что представителей российских интересов опять обошли. Рескрипт напомнил финляндской стороне о Фридрихсгамском мирном договоре, о важности которого там предпочли бы забыть, но, с другой стороны, утвердил равную значимость гарантий, данных на Боргоском сейме, проигнорированном Кодификационным отделом.

Как говорилось в рескрипте, поводом для беспокойства финляндской общественности стала превратная интерпретация принципов, на которых основаны двусторонние отношения. Далее отмечалось, что Финляндия находится в собственности Российской империи, но благодаря Александру I она получила особый порядок внутреннего управления и гарантию сохранения своих прав, привилегий, религии и коренных законов. Подчеркивалось, что единение с Россией до сих пор не препятствовало свободному внутреннему развитию Финляндии, а принятые те-

⁴² Ремарка Александра III (КА. Valtiollisia asiakirjoja (VA). III. 100).

⁴³ Русский текст см. в: Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1891. № 13. С. 1–2.

перь меры для укрепления этого единения служат целям, общим для всех частей Российской империи, и поэтому должны быть приняты финляндской стороной. «Единение» как политическая формула было противопоставлено российской позиции («присоединение») и финляндской позиции («соединение») и подразумевало принятие Финляндией добровольного обязательства учитывать интересы всего государства.

Правда, в канцелярии министра-статс-секретаря «единение» перевели словом «förening», понятием государственно-правовой сферы, обозначающим «союз» — но эту игру формулировками, прежде работавшую, разоблачил советник Гейдена К. И. Якубов и тотчас предал гласности в газете «Московские ведомости». Профессор Грот, ставший к тому времени уже членом Академии, подтвердил правомерность этой претензии;⁴⁴ Эрнроту пришлось подать в отставку. Конечно, требования назначить на его пост русского раздавались уже давно, но и тут царь не стал выполнять желание прессы, а по традиции назначил преемником Эрнрота его помощника Вольдемара фон Дена — человека, который не раздумывая доложил о почтовом манифесте, так как считал документ соответствующим конституции.

В остальном, однако, Александр III сменил инструментарий политики в отношении Финляндии: еще двусторонние комиссии начали на стадии формулирования решений активно привлекать к работе российские министерства, которые раньше могли высказывать свое мнение по поводу предложений Сената только в конце процесса. Комитет по делам Финляндии был распущен за ненадобностью. Он давно уже не предлагал решений, которые бы предвосхищали и учитывали интересы России, не ставя при этом принципиально под вопрос притязания Финляндии на автономию. В дополнении к наказу для министра-статс-секретаря Александр III сделал нормой привлечение российских учреждений к работе на ранней стадии. Но это касалось только вопросов имперского значения, причем ответственность за выявление таких случаев он переложил на своего «министра по делам Финляндии». Т. е. в проводимой им в отношении Финляндии политике царь не хотел испытывать давление со стороны имперских учреждений. Он хотел и дальше проводить ее через представителя Финляндии при престоле.

⁴⁴ «[Академик Грот] убедился не только в неточности, но даже недобросовестности перевода. Это непростительно» (Ремарки Александра III: КА. Vа III. 101).

Консолидация под постоянным нажимом
(с 1891 по 1894 год)

Отчасти это было обусловлено также тем, что царь стал доверять фон Дену. Еще при подписании почтового манифеста он обратился к нему с вопросом о том, насколько правомерны притязания Финляндии на государственность, — очевидно, царь признавал наличие у этого человека независимого мнения. Фон Дену удалось проявить чудеса косвенного убеждения путем *understatement*, и впоследствии он в свою очередь стал свидетелем того, что царь увидел перед собой грань, которую не хотел бы вновь без необходимости переходить. Ведь в вопросах денежной системы и уголовного кодекса Александр III признал за сеймом право издавать законы, а все возражения финляндской стороны рассматривались им вдумчиво и без вспышек гнева. Фон Дену удалось вновь сместить Гейдена с завоеванной им ключевой позиции при царе, доказав, что при рассмотрении Особым совещанием под председательством Бунге вопроса об основных законах Гейден представил на рассмотрение только свой собственный проект, а предложение Сената — нет.

Годом позже фон Ден представил царю докладную записку, которая произвела на царя впечатление и была направлена Бунге. В ней фон Ден охарактеризовал предложения Гейдена как неприемлемые. По его словам, старинные основные законы Финляндии, существование которых подтверждается еще и тем, что на них часто ссылаются цари, никогда не служили препятствием к осуществлению высочайшей воли на благо России и Финляндии, если высшие чиновники обеих сторон серьезно относились к поставленной перед ними задаче: ежедневным проявлением бдительности гарантировать осуществление высочайшей воли.⁴⁵

⁴⁵ Фон Ден писал: «Эти старинные основные законы никогда... не служили препятствием к осуществлению Высочайшей воли на благо России и Финляндии... затруднения происходили от законов новейших, при выработывании коих не с достаточною бдительностью соблюдались интересы Верховной власти и Империи... Эта задача возложена, главным образом, на двух лиц, Генерал-Губернатора и Министра Статс-Секретаря» (Материалы, относящиеся до проектов основных законов Великого Княжества Финляндского, а также к вопросу о порядке издания и обнародования Законов, общих для всей Империи, со включением Великого Княжества Финляндского; Материалы, относящиеся к проектам Формы Правления. Отдел 4-й свода разных материалов, объединенных под этим же заглавием. Отдел Г (после с. 107). С. 113–120; цитата фон Дена: С. 118–119.

Благодаря этой докладной записке, на Особом совещании под председательством Бунге, начавшемся 25 октября 1892 года, не пришлось опять одновременно рассматривать и кодификацию, и проект Гейдена.

На самом деле Бунге хотел оставить в стороне бесконечный спор об основных законах и вместо этого выработать правила принятия законов, касающихся либо одновременно России и Финляндии, либо общеимперских интересов. Бунге считал, что, получив возможность проводить интересы империи, в остальных вопросах царь мог бы править Финляндией конституционно. Однако российские министры требовали, чтобы их мнение выслушивали при подготовке *каждого* финляндского законопроекта и чтобы при рассмотрении вопросов имперского значения финляндский сейм имел только совещательный голос. Более того, они даже отказались составить исчерпывающий перечень областей законодательства имперского значения, что, в принципе, давало возможность постоянно действовать в обход сейма. По мнению фон Дена, Финляндии следовало бы взять на себя добровольное обязательство учитывать требования, налагаемые на нее принадлежностью к России. Однако такое обязательство было невозможно закрепить юридически. Когда Бунге в процессе переговоров отказал фон Дену в праве выступить с возражением, министр-статс-секретарь пригрозил своей отставкой, после чего царь выразил ему свое доверие и позволил еще раз доложить свою позицию.⁴⁶ Разумеется, царь не мог дезавуировать позицию своих российских министров и приказал внести их предложение, принятое большинством голосов, на рассмотрение в Государственный совет. Однако он до конца своих дней не допускал обсуждения это предложения в Государственном совете.

Поскольку финляндской стороне было известно, что правила, принятые на Особом совещании под председательством Бунге, готовы к утверждению, у Александра III появилось средство давления, позволявшее проводить в финляндском сейме даже такие законы, которые, в отличие от уголовного кодекса, были только в интересах России. Это давало ему возможность

⁴⁶ Фон Ден отметил, что существование основных законов Финляндии никогда не отрицалось и что они всегда соблюдались — за очень редкими исключениями. Его аргументация завершается следующим убедительным сравнением: «Если по дороге движется батальон и при этом несколько людей идут по траве подле дороги, то странно было бы из этого вывести заключение, что дороги совсем не существует» (Материалы, относящиеся к проектам Формы Правления. С. 75).

подходить к решению конфликтных моментов в российско-финляндских отношениях с прагматической, а не с принципиальной точки зрения.⁴⁷ Уже в 1891 году всем россиянам нееврейского происхождения было разрешено покупать в Финляндии землю без особого разрешения царя. Кроме того, знание русского языка стало обязательным для всех чиновников железнодорожного, таможенного и почтового ведомств, для муниципальных служащих в портовых городах и для судей в приграничных городах. В результате принятия нового российско-финляндского таможенного тарифа ввозить вино и табак в Финляндию стало дешевле. С 1897 года решения российских судов можно было приводить в исполнение непосредственно в Финляндии, а иски против граждан Финляндии можно было подавать в российские суды. Этот закон требовал трехэтапного рассмотрения в сейме, и царь не стал сокращать эту процедуру, однако на уступки не пошел. Создание в 1892 году особого православного епископства в Финляндии было скорее инициативой финляндцев, чем русских, и одновременно свидетельствовало о некотором отделении православных верующих Финляндии от России.

⁴⁷ В этой оценке я расхожусь с точкой зрения Юсила (Великое Княжество Финляндское. С. 594–613), которая заключается в том, что с началом проведения российскими властями экспертизы финляндской кодификации 1885 года начался необратимый процесс, неизбежным образом приведший к Февральскому манифесту 1899 года и думским законам 1910 года. Действительно, эти законы открыли в принципе не ограниченные никакими оговорками возможности для постепенного демонтажа финляндской автономии путем принятия законов имперского значения. Но такое неизбежное развитие событий было возможно только в том случае, если самодержцем был отдан приказ продолжать двигаться по данному пути. Однако Александр III этого явно избегал, откладывая в долгий ящик дальнейшую работу с результатами Особого совещания под председательством Бунге. Разумеется, он не мог их «аннулировать»; он, пожалуй, был даже рад тому, что они выполняли роль дамклова меча. Об обратном свидетельствуют, однако, упомянутые многочисленные случаи принятия явно ограниченных мер по успокоению антифинляндской полемики в России, а также продолжающаяся практика *parliamentary bargaining* («парламентских торгов») с сословиями Финляндии при принятии законов, представляющих интерес для России (как, например, в случае компромисса по закону о наказании за разглашение государственной тайны, который был утвержден с третьей попытки в 1897 году). Бросается в глаза и то, что в 1891 году — в разгар кризиса и после «умиротворительного рескрипта» — тон так называемой тронной речи, прочитанной генерал-губернатором на закрытии сейма, был гораздо менее лаконичным, чем на предыдущих сеймах (см.: Edvard Bergh. Finland under det första årtiondet af kejsar Alexander IIIs regering. Helsingfors, 1894. S. 326, ср.: S. 493).

4. Отказ от курса на консолидацию (с 1894 по 1899 год)

Внезапная смерть Александра III поначалу не повлекла за собой никаких перемен. Обвиненный российской прессой в nepочтительности, фон Ден добился того, что Николай II подтвердил привилегии Финляндии. Николай II хотел в своем правлении сохранить преемственность с политикой своего отца, но ему не хватало политического веса. Когда в начале 1895 года ему представили материалы комиссии Бунге, он высказался против необходимости принятия законодательных мер: «Не вижу нужды возбуждать о нем законодательный вопрос. Само собой разумеется, что в случае возбуждения закона общего для всей империи с Великим Княжеством Финляндским или закона финляндского, имеющего отношение ко всей Империи, подлежащие Министры должны входить в предварительное отношение с властями и учреждениями Финляндии или власти финляндские с Министрами Империи. Затем от Меня будет зависеть дальнейшее направление дел».⁴⁸ Однако это заявление о свободе самодержца в принятии решений оказалось пустым: впоследствии царь в своей слабости все чаще следовал за теми, кто требовал принятия самых жестких мер.

В итоге за особое положение Финляндии взялись военные круги. Еще при подготовке назначенного на 1891 год пересмотра финляндского закона о воинской повинности было выдвинуто требование предусмотреть в новой версии закона более тесную интеграцию Финляндии в российскую структуру командования и повышение ее оборонного взноса. Однако в комитете, созданном по этому вопросу в 1893 году, Гейден со всей решительностью объявил эти методы контрпродуктивными — и тем самым защитил свой пост командующего в Финляндии. Однако и этот протокол комитета был положен Александром III под сукно.

Но, как только Гейден в 1897 году по состоянию здоровья ушел в отставку, начали поднимать голову те круги, которые уже на протяжении десятилетия собирали информацию по «финляндскому вопросу» и хотели наконец использовать ее в карьерных целях: автор публицистических статей по финляндским вопросам и секретарь вышеупомянутого комитета полковник М. М. Бородин и начальник штаба Санкт-Петербургского военного округа генерал Николай Иванович Бобриков. Н. И. Бобриков и новый военный министр А. Н. Куропаткин убедили царя в необходимо-

⁴⁸ Цит. по: Полвинен. Держава и окраина. С. 27.

сти реализовать предложения комитета по воинской повинности и разработали новый закон о воинской повинности для Финляндии. Гейден, будучи на пенсии, предпринял попытку это предотвратить, но министр-статс-секретарь фон Ден получил отставку. На оба поста были назначены временно исполняющие обязанности, Бобриков в 1898 году был назначен генерал-губернатором, а весной 1899 года царь решил назначить министром-статс-секретарем русского — секретаря государственного совета Вячеслава Константиновича фон Плеве.

Несмотря на то что сейм 1897 года дал свое согласие на принятие целого ряда законов, решающих вопросы имперского значения, Куропаткин и Бобриков посоветовали с самого начала лишить сословия права участия в принятии этого закона «имперского значения»; для этой цели в 1899 году царь издал Февральский манифест. В Финляндии современники этого события и историки вплоть до 60-х годов XX века трактовали его как нарушение конституции. Однако с учетом всего вышесказанного это было объективно не так. Те или иные законы и их отдельные статьи никогда не признавались Россией в качестве единственного источника монархической власти царя в Финляндии. Своим манифестом царь максимально просто решил задачу, остававшуюся не решенной на протяжении целого столетия: юридически оформить последствия того, что Финляндия вошла в состав другого государственного объединения. Был выбран путь, обозначенный еще Бунге: наличие возможности в любой момент придавать одному статусу закона имперского значения и принимать их в одностороннем порядке позволяло сохранять особое положение Финляндии как таковое, потому что при необходимости его можно было ограничить.

Эпilog

Однако этот шаг не был неизбежен. Куропаткин лишь хотел восстановить в империи единообразие; финляндские солдаты, по его собственным словам, были ему совсем не нужны. Учитывая этот факт, Россия сознательно вела в отношении Финляндии доброжелательную политику и добилась этим того, что ей, по сути, только и нужно было от этой страны — возможности разрядить напряженность в отношениях со Швецией, потому что Финляндия была невосприимчива к попыткам возврата и ирредентизму. После девяти десятилетий такой политики надеяться

росчерком пера вернуть все в исходное состояние было, говоря словами Талейрана, хуже, чем нарушение конституции: это было глупостью.

Ведь в истории финляндско-российских конституционных отношений есть много примеров того, как положения постулируемой Финляндией конституции по обоюдному согласию игнорировались, когда речь шла о пожеланиях Финляндии — как в случае уже упомянутого церковного закона 1869 года. Александром III были разработаны средства давления, с помощью которых можно было от случая к случаю принуждать Финляндию к признанию интересов империи. Эти успешные попытки достижения баланса между тем положением, которое Финляндия занимала в империи, и тем бременем, которое она несла ради империи, были прекращены: началось разрушение российской политики в отношении Финляндии.

Авторизованный перевод с немецкого Сергея Медведева

АНТТИ КУЯЛА

КРИЗИС В РУССКО-ФИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

(1899–1916)

Финская политическая система и структура финского общества сохраняли черты, унаследованные от Швеции (сейм, большое число гражданских свобод, отсутствие крепостного права), что приводило к заметным различиям между Россией и Финляндией. Однако неэффективная политическая система (ее реформе противодействовал в первую очередь царь Николай II) и проблемы, присущие социальной структуре (сохранявшаяся ведущая роль сельского хозяйства, сельская перенаселенность и неразвитость рынка труда), порождали в стране нестабильность, в большей мере сближая Финляндию со странами Восточной Европы, нежели со Скандинавией.

Административная интеграция, 1899–1905 гг.

Своим февральским манифестом от 3 (15) февраля 1899 г. Николай II снизил статус финского сейма, низведя его до роли совещательного органа при принятии общегосударственных законов, распространявшихся и на Финляндию, и на Россию, а также тех финских законов, которые затрагивали интересы империи. Прежде сейм имел право изменять или отвергать те законопроекты, которые признавал неприемлемыми, и определять окончательное содержание законов. Все, на что имел право царь — либо подписывать закон, принятый сеймом, либо отказываться его

ратифицировать. Февральский манифест лишал сейм права голоса в имперских делах. Отныне сейм получал право высказывать свое мнение по общеимперским законопроектам, но это мнение ни в коем случае не было обязательным ни для царя, ни для российского Государственного Совета.

Большинство финнов отнеслось к февральскому манифесту как к вопиющему нарушению основного закона Финляндии, фактически носившему характер переворота. Однако, с имперской точки зрения царь всего лишь устанавливал новую систему законодательства, на что, по его собственному мнению, он имел полное право.

Февральский манифест был нужен русскому правительству в первую очередь для того, чтобы ликвидировать самостоятельную финскую армию и ввести в стране призывную систему русского типа. Своим манифестом царь вынуждал недовольный финский сейм к согласию на эту реформу. Если бы сейм не подчинился, реформа была бы просто проведена через его голову. Это противостояние показало, что ранее действовавшая система согласования взаимных интересов перестала функционировать. Так произошло по причине модернизации российской администрации, а также роста гражданской политической активности и в Финляндии, и в России, не позволявшего должностным лицам находить, как прежде, решения, устраивавшие обе страны.

Принятие февральского манифеста вызвало рост мирной финской оппозиции, с которой повел бесцеремонную борьбу генерал-губернатор Н. И. Бобриков (1898–1904). В то же время он начал интеграцию финского административного аппарата в государственные структуры империи.

С точки зрения русского правительства, Бобриков занимался подавлением опасного финского сепаратизма. Генерал-губернатор не учитывал того, что большинство финнов до того момента сохраняли полную лояльность царю и Российской империи. Как отмечал в своих мемуарах С. Ю. Витте, Бобриков воображал, что его отправили в Финляндию бороться с восстанием финнов, но в реальности он лишь его спровоцировал. Политику русского правительства в Финляндии можно рассматривать как самоисполняющееся пророчество.

Финские конституционалисты (включавшие Шведскую партию и младофиннов) требовали от молодых людей призывного возраста бойкотировать воинский призыв, осуществлявшийся согласно новому закону. Этот бойкот представлял собой самую заметную форму пассивного сопротивления, развернувшегося

в стране в ответ на действия русского правительства. По своим политическим и общественным взглядам большинство конституционалистов были консерваторами.

Весной 1903 г. царь издал специальное постановление, по которому Бобриков получал целый ряд чрезвычайных полномочий, позволявших ему ликвидировать возникшую в стране оппозицию. Вследствие использования этих полномочий значительная часть вождей конституционалистской оппозиции отправилось в зарубежное изгнание.

Бобриков пытался править Финляндией при поддержке примирительно настроенных старофиннов. В отличие от конституционалистов, представители этой партии остались в финском сенате. Шведская партия и две группировки из состава Финской партии выражали позицию верхних слоев общества, образованного класса и среднего класса, а старофинны, помимо того, представляли интересы богатого крестьянства.

Осенью 1904 г. была создана небольшая подпольная организация — Финская партия активного сопротивления. В отличие от конституционалистов, «активисты» были готовы прибегнуть к вооруженной борьбе и террористическим актам против русских властей и к объединению сил с русским революционным движением. Многие представители «активистов» являлись шведоязычными интеллектуалами из верхних слоев общества. Партия активистов была революционной в политическом смысле, но не имела социальной программы. Сами по себе «активисты» обладали более прогрессивными взглядами по сравнению с конституционалистами.

Финская рабочая партия была основана в 1899 г. с целью решения проблем рабочего класса, борьбы за избирательные права и защиты финской политической автономии. В 1903 г. партия перешла на социал-демократическую платформу, изменив название на Финскую социал-демократическую партию. В отличие от России, рабочие организации и газеты функционировали в Финляндии легально.

Несмотря на многие шаги, предпринятые Бобриковым, его интеграционная политика застопорилась, не пройдя и полпути. К тому моменту, как он пал от пули убийцы 16 июня 1904 г. (н. с.), Финляндия своим статусом и внутренней ситуацией по-прежнему сильно отличалась от русских губерний.

Избранная конституционалистами политика пассивного сопротивления имела своим следствием радикализацию финской деревни и населения в целом. Этот процесс вышел из-под

контроля конституционалистов, обернувшись против его инициаторов. Если бы не вопрос об автономии, вставший в начале XX века, и события 1905 года, то финское рабочее движение, вероятно, осталось бы малозаметным социальным явлением вследствие незначительной доли финского промышленного и городского пролетариата. Однако эти вопросы и ход событий вызвали политизацию финского сельского населения и привели к тому, что безземельное население, испытывавшее большие проблемы, стало идентифицировать себя с рабочим движением. Благодаря этому Финская социал-демократическая партия по международным стандартам получала непропорционально большую народную поддержку и долю голосов избирателей, начиная с 1907 г., когда состоялись первые выборы в однопалатный парламент в условиях всеобщего и равного избирательного права (социал-демократам, за которых было отдано 37 % голосов, досталось 40 % мест при явке избирателей в 71 %). В Швеции, где отсутствовали аналогичные политические кризисы, рабочему движению лишь спустя десятилетия удалось завоевать столь же значительную популярность среди сельскохозяйственных рабочих.

Различные мелкие ограничения, налагавшиеся русскими властями на повседневную легальную деятельность рабочего движения, в 1903–1904 гг. восстановили его против правительства. Радикализация настроений в рабочем движении и его политики стала проявляться еще в начале 1904 г., задолго до того, как потери, понесенные в войне на Дальнем Востоке, начали сказываться на расстановке политических сил в России. Радикализм финского рабочего движения первоначально имел чисто отечественное происхождение.

Интеграционная и ограничительная политика русского правительства в 1904–1905 гг. заразила первоначально довольно умеренное рабочее движение вирусом революционного радикализма. Его дальнейшему распространению способствовало участие отдельных социал-демократов в движении «активистов». Финское рабочее движение частично перешло на революционные позиции (окончательно заняв их лишь в 1918 г.) в ходе пассивного и активного сопротивления интеграционной политике русского правительства, а не в результате борьбы за избирательное право или каких-либо иных классовых конфликтов с участием пролетариата и отечественной буржуазии. В долгосрочном плане радикализм, направленный против русских властей, также повлек за собой радикализм и на внутреннем фронте.

Революция 1905 г.

Политические убийства в целом были редкостью в финской истории, однако период 1904–1908 гг. является в этом отношении заметным исключением. В 1904 г. произошли одно политическое убийство (его жертвой пал генерал-губернатор Бобриков) и одна попытка убийства. На следующий год по политическим мотивам было убито уже пять человек (в т. ч. прокурор из числа старофиннов, русский жандармский подполковник и двое офицеров полиции).

Политические убийства 1906–1908 гг. уже не были связаны с деятельностью «активистов» и «рабочих активистов» типа 1904–1905 гг., являясь делом рук социалистическо-анархистских группировок, а также побочным следствием ограблений или смерти участникам движения.

Еще более убедительным доказательством революции служат массовые демонстрации 1905 года. Впоследствии Финляндия видела подобные демонстрации лишь в 1917 и в 1956 г. — в год всеобщей забастовки. Нет сомнений в том, что финские события 1905 г. являлись революцией. В Финляндии революция 1905 г. заслуживает этого названия в большей мере, чем февральская революция 1917 г., когда финское население со стороны наблюдало за восстанием русских солдат и матросов. 1905 год стал подлинно народной революцией. В отличие от 1917 и 1918 гг., в ней участвовало все население страны, а не только рабочие и крестьяне, поддерживавшие социал-демократов.

Великая финская забастовка разразилась лишь 30 октября 1905 г. (н. с.) — в тот самый день, когда закончилась всеобщая забастовка в России. В Финляндии великая забастовка не вышла за рамки массовой мирной демонстрации, в которой — за исключением сенаторов-старофиннов, сотрудничавших с русским правительством, — участвовали почти все слои общества.

Социал-демократы и «активисты» относились к великой ноябрьской забастовке 1905 г. как к революции, аналогичной великой французской революции 1789 г.; для конституционалистов эти события означали не революцию, а восстановление законности.

Великая забастовка вынудила Николая II издать 4 ноября (нового стиля) так называемый ноябрьский манифест, которым прекращалось действие февральского манифеста 1899 г. и отменялось чрезвычайное положение, введенное в Финляндии генерал-губернатором Бобриковым. Кроме того, манифест открыл путь к избранию однопалатного парламента на основе всеобщего и равного избирательного права, а также гарантировал свободу

союзов, собраний, слова и печати; наконец, парламенту было обещано право контролировать законность действий членов правительства, т. е. финского сената. Царь мог согласиться на все эти меры, так как он только что пообещал россиянам Думу, а также полные политические и гражданские права. Забастовка привела конституционалистов к власти, и у них не осталось причин для конфронтации с русским правительством. 6 ноября социал-демократы были вынуждены дать сигнал к прекращению забастовки, так и не добившись выполнения своего главного требования — созыва национального собрания, которое бы осуществило реформу парламента и приняло новую конституцию. Ноябрьский манифест возлагал проведение парламентской реформы на сейм. Тот не пользовался доверием рабочих, однако ответственно подошел к этой задаче, учитывая многие требования социал-демократов. В результате великой забастовки социал-демократы прониклись еще большей неприязнью к конституционалистам, которые, по их мнению, украли у них победу, достигнутую в ходе забастовки. Вопросы внутренней политики все более заметно сказывались на росте политического радикализма. Углублялись социальные конфликты, не достигнув, впрочем, той остроты, которую усматривали последующие наблюдатели, исходя из масштабов финской гражданской войны 1918 г.

Последствия событий 1905 г.

Летом 1906 г. царь одобрил финскую парламентскую реформу (однопалатный парламент, избираемый всеобщим и равным голосованием). Это было бы невозможно без смуты в самой России. Соглашаясь на реформу, Николай пытался сохранить мир хотя бы в одном уголке своей беспокойной империи. Финские женщины тоже получили право голоса — первыми в Европе.

В Финляндии была конституционно закреплена свобода союзов, собраний и печати. В законе конкретизировалась только возможность пользоваться свободой собраний. Из-за того, что в России продолжало действовать чрезвычайное положение, новые гражданские и политические права в значительной степени оставались ограниченными. Тем не менее уровень политической свободы в Финляндии заметно повысился после 1905 г. Принимая меры к тому, чтобы гражданская активность находилась под контролем русских властей, генерал-губернатор Бобриков способствовал сближению Финляндии с Россией в том числе и в смысле

политической культуры. Страна, до 1899 г. не знавшая подпольных революционных организаций и терроризма, чем дальше, тем больше училась на русском примере, т. е. перенимала революционные и террористические методы. Начиная с 1905 г. Финляндия в этом отношении снова начала отдаляться от России.

Вследствие этой благоприятной обстановки финские политические движения стали утрачивать свое сходство с русскими революционными партиями. Несмотря на думскую реформу, политические изменения дали этим партиям куда меньше возможностей для гражданской и легальной деятельности, чем получили их финские партнеры.

Ослабление русского революционного движения после 1905 г. и укрепление позиций правительства постепенно привели к прекращению всякой революционной деятельности в Финляндии. Большинство социал-демократов, возлагавших все свои надежды на однопалатный парламент, впоследствии, т. е. после 1907 г., разочаровались в нем, убедившись в том, что желаемые реформы не могут быть осуществлены парламентскими средствами; если препятствий не создавали буржуазные партии, то это делал царь, во власти которого было ратифицировать или отвергнуть законы, одобренные сеймом. Социал-демократическая партия перешла в радикальную оппозицию, ограничиваясь, однако, лишь легальными методами. Русское правительство вплоть до начала 1917 г. относилось к финским социал-демократам как к союзникам Шведской и Младофинской партий. С русской точки зрения эта идея не казалась такой странной, какой она представлялась финским партиям, считавшим друг друга противниками.

В 1905–1907 гг. в Финляндии произошло что-то вроде частичной революции. Едва ли когда-либо еще политическая активность финских граждан находилась на столь высоком уровне — разве что, может быть, в 1917 г. и в годы после окончания Второй мировой войны. Цели народных масс были осуществлены лишь частично, и результаты совсем не отвечали их ожиданиям. Верхние слои общества разочаровались в простом народе; прежде образованные классы идеализировали его, теперь же его действия считались просто хулиганством. Однако крутые повороты истории сплошь и рядом влекут за собой изменения, сильно отличающиеся от тех, какими они представлялись их сторонникам. События 1905–1907 гг. дали стране политическую систему, т. е. демократический парламентский строй и систему партий, которые — с учетом тех перемен, которые принесли с собой 1917–1918 и 1944 г., — существуют в Финляндии и по сей день.

Ответный ход империи

Решению так называемого финского вопроса русское правительство до Первой мировой войны уделяло в своей политике намного больше внимания, чем можно было бы ожидать, исходя из значения этого относительно небольшого и удаленного приграничного региона империи. У имперского правительства вызвали беспокойство «финский сепаратизм», а также русские революционеры и террористы, сделавшие Финляндию своей базой (однако изгнанные с финской территории к концу 1908 г.). Политика правительства в значительной степени была направлена на то, чтобы предотвратить повторение революционных событий 1905–1906 гг. В то же время финский вопрос и различные подходы к его решению использовались ведущими политическими фигурами в качестве орудия борьбы за власть, чем объясняется тот факт, что Финляндия продолжала занимать заметное место в повестке дня имперского правительства даже после 1908 г., когда на финской территории уже не ощущалась угроза «сепаратизма» и терроризма.

При изучении документальных свидетельств становится ясно, что на протяжении всего срока, когда П. А. Столыпин занимал должность председателя Совета министров (1906–1911), *на практике* он же отвечал и за проведение государственной политики в отношении Финляндии. Он представлял царю практически законченные предложения в отношении тех или иных мер, и тот обычно одобрял их. В своей политике Столыпин искренне преследовал интересы русского национализма, но при этом также сознательно использовал русский национализм и централистскую приграничную политику для укрепления своего правительства и очень важных для него связей с партиями, имевшими большинство в Думе и Госсовете. Поскольку Россия после поражения на Дальнем Востоке не могла найти выход для своего национализма в агрессивной внешней политике, его следовало направить на усиление центрального правительства за счет самоуправления в приграничных регионах империи. В результате финский вопрос переместился из сферы приграничной политики в сферу общероссийской внутренней политики. Национализм стал для Столыпина заменой его неудачных политических и социальных реформ.

По сути, Столыпину приходилось принимать в расчет не только думское большинство, но и мнение царя, от которого в конечном счете зависело его пребывание в должности. Силь-

ные и компетентные премьер-министры (Витте, Столыпин) являлись проблемой для Николая II. Он был не в состоянии править страной без них и передавал в их руки все практические аспекты управления империей, но в то же время интриговал за их спиной, препятствуя материализации многих планов, которым они придавали большое значение, и тем самым лишь ослаблял позиции премьер-министров и их правительств. Николай использовал такой подход с целью не допустить, чтобы кто-либо из премьер-министров стал угрозой для его самодержавной власти над Россией.

Николай II проникся ожесточением в адрес финнов еще в 1899 г., когда они обвинили его в нарушении слова и начали международную кампанию против царского правительства, прибегая к пассивному сопротивлению и к откровенно повстанческим приемам. Николай в начале 1907 г. раскрывал свои антифинские настроения немецкому послу: финны находятся на еще более низком уровне, чем русские, «особенно в смысле нравственности, и от них не приходится ожидать ничего хорошего».

В 1908–1913 гг. русское правительство и военные власти разработали ряд планов по введению военного положения в Финляндии. Планы военных по противодействию всеобщей забастовке и восстанию включали поддержание движения на железных дорогах с помощью персонала, специально доставленного из России, и строительство двух тюрем, предназначавшихся для содержания многих финских политиков в качестве политзаключенных. Кроме того, существовал план по замене полицейских и служащих аналогичных госучреждений в Финляндии русским персоналом. Флот должен был охранять и патрулировать морские границы Финляндии. По требованию царя эти планы также предусматривали конфискацию государственных средств Финляндии и средств Банка Финляндии после объявления военного положения и их передачу в распоряжение имперских властей. За «дисциплинарные меры», направленные против финнов, предстояло платить им самим.

Если мы захотим выделить из исторического континуума того периода конкретную фигуру, в *конечном счете* ответственную за финскую политику российского правительства, то этой фигурой окажется сам царь. Именно он упрямо оставлял сперва Бобрикова, а затем Ф. А. Зейна (1909–1917) на посту финского генерал-губернатора, несмотря на то что принимавшиеся ими непродуманные меры лишь отталкивали финнов от России, не принося ей никакой реальной пользы. Тем не менее было бы несправедливо

считать Николая монстром и проклятием финнов. Более точно было бы называть его человеком, серьезно заблуждавшимся в отношении реалий своей державы (в том числе и в отношении ее многонационального состава, едва ли совместимого с политикой великорусского национализма, проводившейся царским правительством), — о чем слишком хорошо свидетельствуют его постоянные попытки объявить в Финляндии военное положение. В любом случае, у решительного и последовательного правителя имелось бы достаточно времени для того, чтобы привести к повиновению такую маленькую и беззащитную страну, как Финляндия; русское же правительство вместо этого тратило бесценное время на бесконечные дискуссии и совещания по вопросу о введении военного положения в Финляндии.

В 1909 г. Столыпин убедил Николая назначить обрусевших финнов на место последних финских сенаторов, подавших в отставку. Поскольку эти обрусевшие военные оставались финскими гражданами, такое решение — по крайней мере, формально — являлось законным. Царь предпочел бы вообще временно отменить сенат, однако Столыпин полагал, что Финляндией следует управлять законными средствами, так как меры принуждения привели бы к тому же самому тупику, в который ситуация зашла при Бобрिकове. Выяснилось, что суждение Столыпина оказалось верным. Финны больше не прибегали к тому пассивному сопротивлению, которое развернулось в ответ на политику Бобрикова. Хотя в глазах финнов создание «адмиральского сената» представляло собой абсолютно неприемлемую меру принуждения со стороны имперских властей, полная ликвидация сената, за которую выступал царь, стала бы еще более худшей альтернативой. Столыпин рассматривал Думу как некий предохранитель от чрезмерной интеграции и антифинских репрессий. Премьер-министр был опасным врагом финнов, но с русской точки зрения он отнюдь не являлся экстремистом.

Относительно умеренная финская политика Столыпина, в которой Дума исполняла роль тормоза в случае избыточно репрессивных мер, после убийства премьер-министра в 1911 г. сменилась более бескомпромиссным подходом. Царь уже не позволял преемнику Столыпина, В. Н. Коковцову, укреплять позиции Совета министров при помощи думского большинства. Впрочем, имперская политика в отношении Финляндии не стала более агрессивной, так как царь не допускал, чтобы кто-либо получил необходимые для этого полномочия, а использовать собственные полномочия ему мешала нерешительность.

Вследствие все большего несоответствия между спокойной ситуацией в Финляндии и поступавшими от русских жандармов и из Петербургского военного округа тревожными донесениями о подготовке финнов к восстанию при поддержке японского императора (!). Департамент полиций русского Министерства внутренних дел потребовал провести расследование, которое было поручено жандармскому полковнику Н. И. Балабину. В 1912 г. в ходе этого расследования Балабин выяснил, что сведения о подготовке вооруженного восстания в Финляндии были сфабрикованы тайными агентами жандармерии. Эти «беспользные» агенты и «шантажисты», как называл некоторых из них Балабин, неуклюже подделывали секретные приказы, якобы рассылавшиеся подрывными организациями, в реальности уже много лет как бездействовавшими или прекратившими существование (одной из них была Активистская партия). Агенты быстро сообразили, какого рода донесения от них ожидает начальство, и постарались их предоставить — как выразился Балабин, с тем чтобы заработать денег на водку.

Трудно понять, как в великой державе могла существовать столь неэффективная агентурная сеть, но в конечном счете дело не в том, доверял ли кто-нибудь той искаженной картине реальности, которую она приносила. Эти искажения, вне зависимости от их соответствия действительности, более чем отвечали целям русских политиков, стремившихся разыграть финскую карту.

После того, как русское правительство в 1912–1913 гг. осознало, что его прежняя финская политика основывалась на неверном представлении о ситуации, оно теоретически могло сменить курс и попробовать заручиться поддержкой финских несоциалистических партий, в то время составлявших большинство в финском сейме. Финны упорно цеплялись за букву своего основного закона и выказывали сравнительно мало понимания в отношении даже тех инициатив имперского правительства, которые были в большей мере направлены не на подчинение Финляндии, а на модернизацию ее управления. В административной структуре, вступившей в период стремительной модернизации, финская автономия оставалась анахронизмом и пережитком, но при наличии доброй воли с обеих сторон и она могла принести определенную пользу. Новый подход, несомненно, представлял собой трудную, но вполне разрешимую задачу. Однако никаких попыток такого рода так и не было предпринято. Это дает представление о том, как плохо управлялась Россия после смерти Столыпина.

По настоянию Столыпина Николай II 20 мая (2 июня) 1908 г. одобрил инициативу российского Совета министров, предложившего изменить процедуру докладов царю по финским делам. Согласно новой процедуре, финский министр статс-секретарь отчитывался перед Советом министров. Прежде чем обращаться к царю по каким-либо законодательным и административным вопросам, связанным с Финляндией, их следовало подавать на рассмотрение в Совет министров с тем, чтобы он мог решить, затрагивают ли они интересы империи. В тех случаях, когда Совет министров и министр статс-секретарь не могли прийти к согласию по рассматриваемому вопросу, на доклад к царю, помимо министра статс-секретаря, отправлялся также премьер-министр или другой русский министр. Новая процедура была разработана в соответствии с русской законодательной системой и никогда не фигурировала в финском своде законов. Поэтому финны считали ее противоречившей финской конституции и, следовательно, незаконной. Новый порядок докладов царю по финским делам и новый закон об имперской законодательной процедуре, одобренный царем 17 (30) июня 1910 г., весьма существенно ограничивали финскую автономию. Закон от 17 (30) июня 1910 г. своими целями и результатами был аналогичен февральскому манифесту 1899 г. Он устранял возможность того, что финский сейм воспрепятствует проведению реформ, инициированных правительством. Сейм утратил свои законодательные полномочия, которыми он обладал ранее совместно с царем. Старая законодательная процедура сохранялась лишь в отношении тех вопросов, которые признавались имеющими исключительно внутрифинский характер.

Особенно вопиющим примером того преимущества, которое имели русские интересы над финскими, служат рекомендации русского Комитета по финским делам от 13 ноября 1910 г. (ст. с.) и 21 апреля 1914 г. (ст. с.) соответственно об отторжении двух приходов в Выборгской губернии и о передаче всей этой губернии в состав России. Царь, в принципе, благословил эту идею, и по предложению Совета министров от 4 августа 1911 г. (ст. с.) назначил специальную комиссию по разработке соответствующего имперского законопроекта. Работа этой комиссии в итоге и привела в 1914 г. к появлению проекта по отторжению всей губернии. Границы последней определялись по состоянию на 1811 г., когда в состав губернии входил город Савонлинна (Нейшлот) и его окрестности, переданные в 1816 г. в губернию Миккели (Санкт-Михельскую). Царь одобрил рекомендацию Ко-

митета по финским делам от 13 июля 1914 г. (ст. с.) об аннексии Выборгской губернии и аналогичное решение Совета министров от 16 сентября 1914 г. (ст. с.). Впрочем, это решение не было проведено в жизнь, заглохнув на стадии подготовки законопроекта. Мотивацией для авторов данной идеи в первую очередь служило стремление гарантировать безопасность Петербурга. Армия была в равной мере способна защищать империю и на финской, и на русской земле, но это замалчивалось русскими. Финляндия — или, точнее, финские власти — подозревались в измене, и это являлось достаточной причиной для предлагавшейся аннексии. Выборгская губерния, несомненно, рано или поздно была бы присоединена к России, если бы не Первая мировая война, поставившая перед властями более неотложные задачи.

После начала мировой войны летом 1914 г. в Финляндии было объявлено военное положение, но оно не сопровождалось принятием тех драконовских мер, которые предусматривались в планах прежних лет. Более 800 ведущих членов различных партий, подлежащих заключению, за немногими исключениями остались на свободе. Военное положение во время войны оказалось намного более терпимым, чем такая же ситуация в мирное время. Финский генерал-губернатор и администрация страны подчинялись VI армии, а через нее — Северному фронту и Ставке. Кроме того, генерал-губернатор был обязан выполнять распоряжения Санкт-Петербургского военного округа и Балтийского флота. Военное положение дало Зейну те чрезвычайные полномочия, которых он так долго добивался.

19 ноября 1914 г. (ст. с.) российский Совет министров направил генерал-губернатору Зейну письмо, в котором последний уведомлялся о том, что местной администрации следует избегать любых мер, способных усилить шведскую антипатию к России или подтолкнуть Швецию к союзу с Германией. Этим и объяснялась уступчивость политики военного времени по отношению к Финляндии. Высылка бывшего спикера сейма П. Э. Свинхувуда в Сибирь критиковалась в письме как серьезная ошибка. Зейн вызывался на очередное совещание Совета министров с целью обсудить «необходимость смягчения нашей политики в Финляндии».

Изучая финскую политику русского правительства в 1914–1917 гг., можно сделать вывод о том, что указания, полученные Зейном в конце 1914 г., не подвергались пересмотру вплоть до падения самодержавия. Финляндия оставалась единственной частью империи, где не проводился призыв и не применялся принудительный труд. От такого мягкого подхода не отказались

даже в 1915 г., когда выяснилось, что многих молодых финнов отправляют в Германию для прохождения военной подготовки с намерением превратить их в костяк будущей освободительной армии.

Однако в 1916 г. большинство финского народа не разделяло сепаратистских идей. Многие финны не одобряли политику русского правительства, но в стране не наблюдалось национальной ненависти в отношении русских. Большинство финнов желало лишь получить более широкую автономию в рамках империи и не ожидало краха Российской империи, произошедшего уже в следующем году.

Финская социал-демократическая партия и буржуазные партии слишком сильно враждовали друг с другом для того, чтобы договориться о крайне необходимых социальных реформах. Более того, право царя не ратифицировать законы, принятые сеймом, серьезно тормозило социальное законотворчество. На парламентских выборах 1916 г. социал-демократы получили большинство мест — 103 из 200, но эти выборы в целом были бессмысленными, поскольку выборные представители не имели возможностей для проведения сессии. Ситуация резко изменилась после того, как Февральская революция 1917 г. покончила с царским режимом.

На первых выборах в однопалатный сейм в 1907 г. явка избирателей составила 70,7 %. В выборах 1916 г. приняло участие лишь 55,5 % избирателей. Эта цифра отражает тот факт, что многие разочаровались в своей возможности участвовать в осуществлении политической и социальной реформы путем голосования на парламентских выборах.

Перевод с английского Николая Эдельмана

Литература

Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009.

Pertti Luntinen. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. *Studia Historica* 56. Helsinki, 1997.

Finland and Russia 1808–1920, from Autonomy to Independence: A Selection of Documents. D. G. Kirby (Ed.). London, 1975.

Полвинен Т. Держава и окраина: Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904. СПб., 1997.

Osmo Jussila. Nationalismi ja vallankumous venäläis-suomalaisissa suhteissa 1899–1914. *Historiallisia Tutkimuksia* 110. Helsinki, 1979.

Antti Kujala. *March Separately — Strike Together: The Paris and Geneva Conferences Held by the Russian and Minority Nationalities' Revolutionary and Opposition Parties, 1904–1905* // O. Fält and A. Kujala (Ed.). *Akashi Motojiro. Rakka ryusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War* / *Studia Historica* 31. Helsinki, 1988. P. 85–167.

Куяла А. Японский генеральный штаб и вопрос о согласованных антиправительственных действиях в Российской империи, 1904–1905 // *Русский Сборник*. Т. X. М., 2011. С. 113–131.

Antti Kujala. Venäjän hallitus ja Suomen työväenliike 1899–1905. *Historiallisia Tutkimuksia* 194. Helsinki, 1995.

Antti Kujala. Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus // *Historiallisia Tutkimuksia* 152. Helsinki, 1989.

Куяла А. Коллизии российско-финляндских отношений 1904–1917 гг. // *Исторический архив*. 2010. № 4. С. 87–121.

Antti Kujala. L'influence de la Révolution française sur la Grande grève politique de 1905 en Finlande // *Revue d'histoire nordique*. 2006. No 2. Pp. 139–155.

Antti Kujala. Finland in 1905: the political and social history of the revolution // J. D. Smele and A. Heywood (Ed.). *The Russian Revolution of 1905: Centenary perspectives*. London and New York, 2005. Pp. 79–93.

Куяла А. Россия и Финляндия в 1907–1914 годах: Планы введения военного положения // *Отечественная история*. 1998. № 2. С. 65–74.

Куяла А. Финские «реформы» российского правительства и противоречия внутри правящей элиты, 1908–1914 // *Русский Сборник*. Т. II. М., 2006. С. 245–263.

Pertti Luntinen. F. A. Seyn: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. *Studia Historica* 19. Helsinki, 1985.

ЕЛЕНА ДУБРОВСКАЯ

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Армейцы и моряки-балтийцы на страницах источников и научных исследований

В романе «Капитальный ремонт», посвященном судьбе Балтийского флота во время Первой мировой войны, писатель-маринист Леонид Соболев, один из последних выпускников Морского кадетского корпуса, описывает финляндскую столицу Гельсингфорс (Хельсинки), какой увидел ее, прибыв сюда для прохождения службы накануне военных событий. Правда, не в маскулинном воплощении, как обычно представлялась приехавшим главная военно-морская база российского флота на Балтике, а в женском облике, более соответствующем образу Хельсинки — дочери Балтийского моря — в восприятии самих финнов.

«... Гельсингфорс стоял на граните своих набережных у тихой воды рейдов аккуратно и чистенько, как белокурая крепкая фрёкен в крахмальном переднике у кафельной плиты над тазом теплой воды: чистый, неторопливый, хозяйственно-удобный город. Зеленые трамваи катились, как игрушки. Витрины каждого магазинчика миниатюрно-солидны, а на Эспланаде они размахивались во всю стену, и тогда солидность их граничила с роскошью, и в них беспошленные иностранные товары. Бесшумность автомобилей равна молчаливости их шоферов. Полицейские на перекрестках — в черных сюртуках, вежливы, неразговорчивы и подтянуты. Шведские и финские надписи на вывесках, на трамваях, на табличках с названиями улиц, белокурые про-

боры и локоны, розовые щеки молодых людей и девушек, марки и пенни сдачи заставляли чувствовать себя в иностранном городе. Даже часы — и те отличаются на двадцать минут от петербургского времени: здесь время свое, не российское»¹.

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, социально-нравственных норм и представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах) позволяет представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и служивших на северо-западном рубеже воюющей империи².

Учитывая сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», предполагающего аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах³, интересно обратиться к проблеме военного быта, поведения, нравов и морали российских офицеров, солдат и матросов. Представляется интересным рассмотреть эти вопросы не только применительно к взаимоотношениям российских военнослужащих с населением автономного в составе Российской империи Великого княжества Финляндского⁴, но и в той мере, как они возникали внутри самого сообщества людей военных.

О непростых отношениях между служившими в Финляндии армейцами и флотскими офицерами-балтийцами пишет и Леонид Соболев, упомянув на страницах романа о неприязненных чувствах к «флотской элите» некоего штабс-капитана, который «равно не любит офицеров гвардейских полков и офицеров флота». Персонаж, от чьего лица выражены эти чувства, не скрывает своей досады: «Они одинаково блестящи, самоуверенны и обособлены. Гвардия Его Величества, флот Его Величества!.. А армия — не Его Величества? Армия, безмерная серая армия штабс-капитанов занумерованных полков, армия, принимавшая на себя удары войн и восстаний, разве она — не Его Величества?

¹ Соболев Л. С. Капитальный ремонт. Роман: в 2-х ч. М., 1977. С. 12–13.

² Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 434–435; Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война. М., 1998; Россия в Первой мировой войне: материалы международного научного colloquium. СПб., 1999 и др.

³ См. об этом: Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник 2007. С. 35.

⁴ Подробнее см.: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008.

Откуда у них, у флотских, эта самоуверенность, с которой они ходят по улицам финских городов, как по дорожкам собственных имений? Они подлинно владеют этой страной, порядок в которой поддерживают те же штабс-капитаны гарнизонов Або, Торнео, Николайштадта и Свеаборга». Штабс-капитан «побаивается мичманов и боится лейтенантов, хотя они ниже его чином...»⁵.

А вот Финляндия, увиденная не глазами оказавшегося в ней русского обывателя, не «скучной страной», а такой, какой она открывалась взгляду, брошенному с капитанского мостика: «В двенадцати часах езды от столицы Российской империи стоит на голубом граните скал иностранный город, и время в нем — не российское». Но на Гельсингфорс базируется флот, «в Свеаборге — крепость, на Скатуддене — порт, в Мариинском дворце — генерал-губернатор. Поэтому в Гельсингфорсе живут семьи флотских офицеров, портовые чиновники, семьи гарнизона, врачи, чиновники генерал-губернатора, торговцы, финансисты, преподаватели русской гимназии. В слоеном пироге шведско-русско-финского гельсингфорского общества флотские офицеры вкраплены блестящими цукатами в верхний, лучший слой; они — украшение, блеск и вкус, и перед ними меркнут деньги шведских и русских финансистов, тускнеет административное величие генерал-губернаторского двора. Они — хозяйева, и в этом им никто не откажет. Гельсингфорс — столица флота»⁶.

Исследование влияния «военного фактора» на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия в Российском государстве и в заключительный период финляндской автономии в составе Российской империи, и в 1917 году, после падения самодержавия, открывает перспективы для изучения истории повседневной жизни рядовых и офицеров в экстремальных обстоятельствах мировой войны. Настоящее исследование обращено к этой весьма острой проблеме, которую долгое время отечественные историки обходили молчанием.

В отечественной историографии значение Первой мировой войны для судьбы империи традиционно недооценивалось. Преобладали исследования переломного в истории России 1917 года. Лишь в последнее время российскими учеными, равно как и их зарубежными коллегами, были предприняты попытки пересмотреть характер и значение войны в контексте истории Российской империи. В новейшей историографии подчеркива-

⁵ Соболев Л. С. Указ. соч. С. 10.

⁶ Там же. С. 12, 15–16.

ется качественно новый характер войны, которая потребовала «тотальной» мобилизации внутренних ресурсов для ведения внешних военных действий.

Финляндская политика имперских властей и Временного правительства не раз привлекала внимание отечественных и зарубежных историков. Однако тема влияния военной обстановки и использования вооруженных сил в качестве гарантии сохранения общественного порядка и обеспечения лояльности населения Великого княжества центральной власти освещалась мало. Исключением является работа И. М. Соломеща, рассмотревшего наряду с политическим содержанием финляндского вопроса в 1914–1917 гг. и военные аспекты взаимоотношений России и Финляндии⁷.

Наиболее обстоятельное исследование проблем, связанных с историей российской армии и флота в Финляндии за более чем вековой период вхождения Великого княжества в состав Российской империи, принадлежит П. Лунтинену⁸. В монографии его соотечественницы финской исследовательницы О. Каремаа рассматривается, в частности, восприятие финляндским обществом российского административного и военного присутствия в бывшем Великом княжестве в 1917–1918 гг.⁹

Трудно назвать исследование событий российской революции 1917 г. в бывшем Великом княжестве Финляндском, где бы не получили то или иное освещение вопросы о российском административном и военном присутствии в Финляндии и военных аспектах взаимоотношений России и Финляндии в годы Первой мировой войны¹⁰. Сегодня российские исследователи пересматривают стерео-

⁷ Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). Петрозаводск, 1992.

⁸ Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.

⁹ Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä: venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998; Каремаа О. От морального возмущения до национальной программы // Два лика России. СПб., 2007. С. 193–216.

¹⁰ Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 5–17; Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996; Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007; Старцев В. И. Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Россия и Финляндия в XX в. СПб., 1997. С. 6–33; Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции... С. 308–323; Чистиков А. Н. Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Россией // Интервенция на Северо-западе России, 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 159–174; Нор-

типы, связанные с восприятием происходившего в Финляндии лишь «глядя из Петрограда». Весной—летом, а особенно осенью 1917 г. моряки-балтийцы и армейцы, служившие в финляндской столице, становились «законодателями революционной моды» и оказывались более радикализированными по сравнению с Петроградом¹¹.

Материалы, появившиеся в периодической печати весной 1917 — зимой 1918 г., в сборниках документов, в мемуарной литературе, позволяют судить об отношениях российских военных с гражданским населением Финляндии, об изменениях, коснувшихся быта и нравов. Об этом же свидетельствуют их письма в редакции русских газет различных направлений, издававшихся в этот период.

Неопубликованные письма читателей в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих», обнаруженные как в Национальном архиве Финляндии, так и в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ), стали источниковой основой для исследования проблемы соотношения вседозволенности и насилия, пьянства и экстремизма, террора и восприятия смерти российскими военнослужащими в условиях демократизации «революционных» армии и флота¹². Содержание большинства из этих писем в силу

pu T. The Fate of Russian Officers // Tampere. 1918. A Town in the Civil War. Tampere, 2010. P. 152–154; Hoppu T. Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870–2010. Tallinn, 2011. S. 135–148; Longley D. A. Officers and Men: a Study on the Development of Political Attitudes Among the Sailors on the Baltic Fleet in 1917 // Soviet Studies. XXV. 1973; Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics: February 1917 — April 1918. London, 1978; Saul N. Sailors in Revolt. Lawrence, Kansas, 1978; Manninen O. Kapina, kansalaissota, varauslota // Itsenäistymisen vuodet: 1917–1920. 2 osa. Helsinki, 1993; Upton A. Vallankumous Suomessa 1917–1918. Osa 1. Jyväskylä, 1980; Venäläissurmat Suomessa 1914–1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–1922; Osa 2. Sotatapahtumat 1918–1922 Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja / Toim. L. Westerlund. Helsinki. 1/2004, 2/2004 и др.

¹¹ Бажанов Д. А. Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 155–166; Он же. Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007; Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 121–122, 145; Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; Он же. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

¹² См. также: Дубровская Е. Ю. Письма российских военнослужащих в Финляндию периода Первой мировой войны // Скандинавские чтения 2002 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 465–476.

самого факта обращения авторов в газету связано с волновавшими авторов вопросами политического характера.

Материалы, хранящиеся в Архиве фольклора Финского Литературного Общества (SKS), дают возможность увидеть российских военных глазами финляндцев, как правило, их младших современников, правда, почти через полувекую толщу времени. Эти воспоминания, собранные в 1966 г. в рамках правительственного проекта в качестве коллекции документов о событиях Гражданской войны 1918 г. в Финляндии, наиболее подробно изучены финской исследовательницей У.-М. Пелтонен¹³.

Несомненный интерес представляют документы из различных фондов Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto), Архива МИД Финляндии, Военного архива Финляндии (Военный архив — ныне часть Национального архива), Российского государственного Военно-исторического архива (РГВИА), Российского исторического государственного архива (РГИА), а также Национального архива Республики Карелия (НАРК) и Архива Карельского научного центра РАН. Архивные документы и опубликованные материалы, современные исследования по истории российской армии и флота в Финляндии позволяют по-новому взглянуть на круг вопросов, связанных с восприятием рядовыми и офицерами жителей Великого княжества — финнов и шведов, проследить за отношением армейцев и флотских чинов к деталям быта и иным аспектам гражданской жизни.

Российские военные в Великом княжестве Финляндском в XIX — начале XX в.

История российских войск, дислоцированных в Финляндии в заключительный период ее пребывания в составе Российского государства, ведет отсчет событий почти от начала XIX столетия, когда при Александре I Финляндия была завоевана у Швеции и присоединена к Российской империи, получив во многом уникальный статус автономного финляндского княжества.

Первоначально войска располагались в островной крепости Свеаборг, прикрывавшей Гельсингфорс с моря. В первой полови-

¹³ Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunousarkisto. Arkisto. «1918» koelma; Peltonen U. — M. Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki, 2003.

не XIX в. отсюда началось «освоение» пространства новой финляндской столицы, которая должна была, по мысли имперского правительства, заменить прежнюю — г. Турку (Або) с его извечным «шведским духом». Рядом со Свеаборгским портом на острове Скатудден (Катаянокка) появились морские казармы¹⁴. Под влиянием Петербурга Гельсингфорс виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная столица» княжества, и как центр административного управления. Идеал военной столицы, обуславливавший ее претензии на олицетворение имперской власти в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке»¹⁵.

Весь дальнейший период имперской истории Финляндии представляет собой борьбу финляндцев за сохранение и укрепление автономного статуса Великого княжества. Предпринятое в 1909–1917 гг. наступление имперской власти на его автономные привилегии в финляндской историографии принято было характеризовать как второй (последовавший за 1899–1905 гг.) «период угнетения». Затем это явление, вопрос о причинах которого продолжает оставаться дискуссионным, предпочли называть «русификацией», наконец, в современных исследованиях часто употребляется понятие «унификация»¹⁶.

К началу Первой мировой войны у Финляндии были многие атрибуты государственности: свое правительство (Сенат) и однопалатный парламент (Сейм), решавшие вопросы государственного и общественного развития, свои законы, денежная система, почта, система органов управления, которая в основном сложилась еще в первые десятилетия XIX века.

¹⁴ Погребов С. Кому служила крепость Свеаборг? // Воспоминания о Гельсингфорсе. Историко-литературный очерк. Helsinki: LiteraruS, 2011. С. 108–116.

¹⁵ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ю. М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208–220; Науменко В. Г. «Здесь, на конце России исполинской...» Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII — начала XX века. Ярославль, 2010; Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб., 2003. С. 230–231; Hellberg — Hirn E. Символика Петербурга: тема пространства // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XIII. 1996. С. 68–88.

¹⁶ Подробнее см.: Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 133–148; Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриников — генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997.; Куяла А. Россия и Финляндия в 1907–1914 годах: планы введения военного положения // Отечественная история. 1998. № 2. С. 65–74; Он же. Финские «реформы» российского правительства и противоречия внутри правящей элиты, 1908–1914 // *Русский Сборник*. Т. II. 2006. С. 245–263.

Российский император в качестве Великого князя Финляндского выступал с законодательной инициативой, обладал правом созыва Сейма и исключительным правом решения вопросов внешней политики и обороны. Представителем верховной власти в Финляндии был назначавшийся императором генерал-губернатор, который одновременно являлся председателем Финляндского Сената¹⁷.

Оборона российской столицы и всего северо-запада империи традиционно основывалась на использовании укреплений на территории Финляндии. На Россию была ориентирована финляндская экономика. Однако с конца XIX в. отношения между российскими военными и местным населением стали охлаждаться. Отчасти это объясняется возраставшим чувством национального самосознания финнов. Рубеж веков оказался очень важным периодом в финляндской истории, связанным с экономическим подъемом Великого княжества¹⁸, с укреплением его автономии и последовавшим широкомасштабным наступлением имперских властей на политические свободы и автономные привилегии финляндцев.

Другим обстоятельством, повлиявшим на изменение отношений, явилось комплектование национальных вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности, проводившейся в соответствии с военной реформой 1878 г. в Финляндии. Теперь русская армия все больше воспринималась финнами как чужеродное образование. Тем, что окончательно заставило «просвещенный класс» Финляндии порвать отношения с российскими военными, была проводившаяся в разных частях империи политика централизации, которая в Великом княжестве неизменно воспринималась как русификация¹⁹. Конкретной реальностью периода наступления имперской власти на автономные права Финляндии стал роспуск финляндских национальных войск, и задачи защиты территории княжества отныне должны были выполнять исключительно российская армия и флот.

¹⁷ Суни Л. В. Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии. Петрозаводск, 2009; Черняев В. Ю. Петроград и обретение Финляндией государственной независимости // Санкт-Петербург — Хельсинки. Хельсинки — Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 89–95.

¹⁸ Бобович И. М., Киттанна Т. М. Финляндия: создание основ экономической независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 232–238.

¹⁹ Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 96–99; Suomen historian pikkujuttailainen. Porvoo — Helsinki — Juva, 1987. S. 545–583.

После ликвидации национальных вооруженных сил Финляндия в 1905 г. была включена в состав Петербургского военного округа. На ее территории происходило развертывание 22-го армейского корпуса, численность которого первоначально предполагалось довести до 14 тыс. чел. К началу войны она составила 35–40 тыс. чел. Корпус располагался вдоль южного побережья Финляндии²⁰. В 1914 г. его состав был укомплектован полностью и включал в себя 16 Финляндских стрелковых полков, включая вновь образованные и размещенные, в соответствии с распоряжением генерал-губернатора Ф. А. Зейна, во внутренних районах и в северных городах княжества: 13-й Финляндский полк в Ваза (Вааса), 14-й — в Таммерфорсе (Тампере), 15-й в Тавастгусе (Хямеенлинна) и 16-й — в Улеаборге (Оулу)²¹.

С началом мировой войны изменилось военно-стратегическое значение Великого княжества как по отношению к Петрограду, так и ко всей Империи. Финляндия в годы войны стала местом, где первоначально ожидали высадки германского десанта и не была исключена вероятность сепаратистских выступлений внутри самого Великого княжества. Опасность восстания порождалась финляндской политикой имперской власти, военными тяготами, прекращением созыва Сейма и т. п.²² Взгляд финляндцев на Россию как на источник всех бед способствовал росту германофильства и развитию т. н. «активизма» — движения приверженцев активной инициативы финской стороны в установлении взаимоотношений с Германией для объединенных действий против России²³.

Помимо этих факторов, которые могли чрезвычайно осложнить обстановку на северо-западной границе России в условиях военного времени, несомненную угрозу представлял и возмож-

²⁰ Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986. С. 63; Соломещ И. М. Указ. соч. С. 20.

²¹ Luntinen P. Op. cit. P. 254–255; Roudasmaa S. Oulun varuskunnan historia. Scripta historica VII, Acta societatis ouluensis. Kemi, 1981. S. 121–122; Korhama E., Roudasmaa S. Tapparasta tankkeihin: Hämeenlinnan varuskunnan historia. Joensuu, 1988. S. 254.

²² Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 734–739.

²³ Вихавайнен Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009; Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 45–46.

ный отказ Швеции от своей политики нейтралитета в пользу поддержки Германии против коалиции Держав Согласия²⁴. Десант германских войск в Финляндии, как и присоединение Швеции к Германии в качестве ее военного союзника, означал бы не только возникновение непосредственной опасности для Петрограда, но и угрозу захвата железной дороги Петроград — Торнио. Если бы сообщение по ней было прервано, то Россия оказалась бы изолированной от западных держав еще более протяженной тысячеверстной линией фронта.

Весной 1915 после сделанного в местной печати объявления властей о том, что западные границы империи должны находиться под строгой охраной, российские войска вводились во все прибрежные приходы Эстерботнии (Похъянмаа) от Сидебю до Гамлакарлебю (Коккола). К 1918 г. в трех десятках гарнизонов Эстерботнии и Северной Финляндии насчитывалось в общей сложности до 7 700 чел.²⁵

На территории Выборгского крепостного района началось строительство дополнительных укреплений, куда было мобилизовано и местное гражданское население. Со второй половины августа 1914 г. войска, расквартированные в городе, стали отправляться на фронт, прежде других — 5-й, 7-й и 8-й Финляндские стрелковые полки, 2-й Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион, управление 2-й Финляндской стрелковой бригады. Им на смену в течение 1914–1917 гг. прибывали другие воинские части. В этот же период в Выборг и в другие крупные города Финляндии поступали на излечение раненые и больные воины. Расположенный на Выборгском форштадте военный лазарет был «расширен сверх имеющихся» ста мест еще на сто пятьдесят, и открыты 1-й и 2-й временные госпитали²⁶.

В течение 1915 г. внутрь княжества были частично перенесены оборонные работы, здесь началось сооружение валов и укреплений на линии Таммерфорс — Весилахти — Урьяла — Форсса. По подсчетам финского военного историка У. В. Рауанхеймо, в конце 1915 г. вновь сформированный 42-й армейский корпус насчитывал 24 тыс. чел., в войсках, подчиненных коменданту

²⁴ Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 450.

²⁵ Westerlund L. Mannerheim toimi liitossa venäläisten upseerien kanssa // *Carelia*. 2003. № 2. S. 116–122.

²⁶ Новоселова З. А. Выборг на переломе истории // Страницы Выборгской истории: краеведческие записки. Выборг, 2000. С. 257–258.

Свеаборга, было 15 тыс. чел., в Выборге — 10 тыс. чел. и 1 тыс. чел. — в составе войск Або — Оландской укрепленной позиции²⁷. К началу 1917 г. вместе с различными воздушными, автомобильными, велосипедными, этапными и радиоподразделениями общая численность корпуса достигала 40 тыс. чел.²⁸.

В Выборге, Вильманстранде (Лаппеенранта), Лахти, Нейшлоте (Савонлинна) размещались в 1917 г. штаб 42-го армейского корпуса, некоторые его тыловые и технические части и обслуживающие штаб подразделения. Специфика задач, стоявших перед штабом 42-го корпуса, объясняет то особое положение, которое он занимал по сравнению со многими полевыми штабами частей и подразделений.

К весне 1917 г. концентрация войск в финляндской столице значительно увеличилась. Если в марте 1915 г. в Свеаборге насчитывалось 4 тыс. чел. военнослужащих, включая солдат и офицеров крепостного пехотного полка, а в казармах на территории Гельсингфорса, в его окрестностях и на островах, составлявших линию обороны города и крепости, — до 5 тыс. чел., то к 4 марта 1917 г. численность сухопутных войск, размещенных в городе и крепости, выросла до 20 698 чел.²⁹ Они занимали не только военные казармы, но из-за недостатка казарменных помещений также и здания финских народных школ. В школах размещались все батальоны 510-го Волховского и 511-го Сычевского, роты 428-го Лодейнопольского и 509-го Гжатского полков³⁰.

Численность личного состава находившихся в Финляндии армейских частей стала максимальной в конце августа — сентябре 1917 г., когда из-за угрозы германского десанта в крепости вводили дополнительные войска³¹. Так, в Выборгском гарнизоне служили 10–12 тыс. чел., в Свеаборге (Гельсингфорсе) — 25 тыс. чел.,

²⁷ Rauanheimo U. V. Venalaiset joukot Suomessa maailmansodan aikana; niiden yleisruhmitukset ja toimintasuunitelmat // Tiede ja ase. Suomen sotatieteellisen seuran vuosijulkaisu. 1960. № 8. S. 157.

²⁸ РГВИА. Ф. 8260. 92-я бригада государственного ополчения. Пояснительная справка к описям 1 и 2; Rauanheimo. Op. cit. S. 160.

²⁹ Eerola Ja. «Siunattu olkoon turvamme tuoja...»: Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsingin yliopisto: Humanistinen tiedekunta, Historian laitos. *Pro-gradu*.

³⁰ Звонарев Г. Наши пехотные части в Гельсингфорсе (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс, 1917. Eerola. Op. cit. Liite 7.

³¹ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 586; Luntinen. Op. cit. P. 274–275.

на Або — Оландской Укрепленной позиции — 6 500 чел. Если к этому добавить находившиеся в районе Выборга части численностью до 4 тыс. чел., то можно заключить, что общее количество сухопутных войск, размещенных в Финляндии, прежде всего вдоль западного побережья и у железнодорожных магистралей, составляло около 100 тыс. чел. Вместе с личным составом финляндских военно-морских баз Балтийского флота в этот период в бывшем Великом княжестве находилось до 125 тыс. русских солдат и матросов³².

Милитаризация внутренней жизни империи была связана с централизацией внутреннего управления, вызвала конфронтацию между гражданской и военной администрацией, содействовала перенесению образа внешнего врага во внутренние межэтнические отношения подданных империи, что наиболее ярко проявилось в распространении германофобии. Качественно новый характер Первой мировой войны разрушал традиции имперской политики и уклад имперской жизни. Особенно неоднозначно сказалось влияние войны на судьбах западных окраин государства в силу их стратегического положения в зоне противоборства воюющих империй и культурной инаковости, ставшей ведущим фактором в конструировании образа врага в период войны.

«Голоса из прошлого»: армейская и флотская повседневность в экстремальных обстоятельствах

Тщательное минирование акватории Финского залива и подступов к портам, проведенное сразу же после объявления войны, целых три года спасало Петроград от угрозы вторжения германских войск с моря, а территорию финляндского княжества — от неизбежной участи стать полем битв противоборствующих держав. Однако превращение Гельсингфорса в фактический тыл и удаленность от театра военных действий на Балтике подчас удручающе действовали на флотских офицеров, видевших смысл своей профессиональной деятельности в непосредственном уча-

³² Narhi M. Venalaiset joukot Suomessa autonomian aikana // Venalaiset Suomessa: 1809–1917. Helsinki: Historiallinen Arkisto 83, 1984. S. 161–180; Turpeinen O. Venäjänkielisten maara Suomessa vuonna 1900 // Venalaiset Suomessa... S. 21–28; Ketola E. Suomen solitaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1987. S. 44; Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939 // Studia Slavica Finlandensia. T. VII. Helsinki, 1990. С. 100.

стии в сражениях начавшейся войны. Одним из сохранившихся тому свидетельств служит письмо лейтенанта Соболева, отправленное 8 августа 1914 г. капитану 2-го ранга Ф. Ю. Довконту, который исполнял должность помощника флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом³³.

Накануне войны автор письма как слушатель Артиллерийских офицерских классов был списан с находившегося в Кронштадте корабля «Александр II», где проходил обучение, и направлен в Гельсингфорс для вооружения батарей в шхерах. «Вначале было ничего, — рассказывает Соболев своему адресату. — Моя батарея самая западная, и я надеялся принять участие в борьбе. То, что я не сплю ночи, питаюсь с командой и нахожусь здесь без вещей — это ерунда. Гораздо хуже то, что я окончательно убедился, что немцы не придут в Финский залив. Сейчас за что-то меня сослали с боевого флота, где я провел всю службу. Единственная моя вина заключалась в том, что я — слушатель Артиллерийских офицерских классов, которые «по мобилизации» должны быть в шхерах. Но ведь теперь не мобилизация, а война».

Рассчитывая на осведомленность Ф. Ю. Довконта как штабного офицера и надеясь на его помощь, лейтенант просил узнать, не хочет ли кто-нибудь занять его место коменданта острова Миллиланд: «Тут платят много (по-видимому), но это мне не надо. Лучше бы пустили меня на корабли». О своем душевном состоянии Соболев пишет следующее: «Те ночи, которые я не провожу у пушек, я не сплю, т. к. мысль, что я на войне не на флоте, который в моей жизни всё, не дает мне спать. Сейчас-то еще ничего, но что будет, если наш флот перейдет в наступление. Я всю жизнь мечтал о войне, против воли родных пошел во флот, и теперь, когда война настала, списан на берег за то только, что в момент мобилизации оказался одним из младших слушателей класса... Ведь если бы война началась на месяц позже, я был бы на «Павле I» ...За что же меня сослали сюда? Теперешнее мое пребывание — ссылка, а если флот перейдет в наступление, то я прямо не выдержу. Я в совершенном отчаянье — лучше застрелиться, чем быть на батарее в то время, как флот выйдет в море. Или, может быть, нас возьмут тогда с батарей? Тебе это известно?» — спрашивал офицер своего доброго знакомого.

«Если меня нельзя взять артиллеристом, то, может быть, меня возьмут вахтенным начальником?.. Может быть, мне можно и теперь быть на «Павле I»? Я прямо не знаю, что делать... Может

³³ РГА ВМФ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 14. Л. 32–33 об.

быть, нужно кого-нибудь просить?» — писал лейтенант Соболев, которого невозможно упрекнуть в излишней эмоциональности. Из лиц, знавших его и, вероятно, не отказавших бы в рекомендации, он назвал Флагманского артиллерийского офицера Штаба Морских сил Балтийского моря В. А. Свиньина, начальника минной дивизии флота А. В. Колчака, у которого Соболев учился в Морском корпусе, и главного командира Кронштадтского порта Р. Н. Вирена³⁴.

О нежелании оставаться в тылу, даже в штабе командующего, что сулило скорое продвижение во флотской карьере, в октябре 1915 г. писал Ф. Ю. Довконту и старший лейтенант линейного корабля «Гангут» М. А. Петров. Свой отказ от предложения служить в штабе, поступившего от Начальника штаба командующего флотом Л. Ф. Кербера, он объяснил следующим образом: «К кораблям я привык, живем и служим мы здесь дружно, и представь себе, как бы наивно это не прозвучало, искренно мечтаем о том, чтобы Бог привел побывать в бою на корабле, где каждый из нас внес долю своего труда», хотя «перспектива занимать должность с широкой инициативой меня соблазняла и продолжает соблазнять». Так же, как и лейтенанта Соболева, добивавшегося перевода на линейный корабль, М. А. Петрова мучила мысль, что в штабе «можно провести всю войну, даже не слышав выстрела».

Люди, избравшие военную службу профессией, не желали мириться с вероятностью остаться в стороне от живой «работы на войну», от дела, которое на протяжении всего рассматриваемого периода было главным связующим звеном, объединявшим офицерство флота. «Конечно, может быть, дредноуты не сделают ни одного залпа и надежда на это — лишь фантазия дилетанта, но отказавшись от этой фантазии, тем более нельзя было мне, старшему офицеру, постоянно твердить господам и команде, что мы обязаны верить в возможность боя. В глазах моих подчиненных предполагаемое назначение — уход в тыл, и мне, весьма злоупотреблявшему высокими фразами, нельзя с этим не согласиться», — резюмировал М. А. Петров³⁵.

Базировавшиеся на Гельсингфорс линейные корабли, действительно, не сделали в продолжение военных действий ни одного выстрела, за исключением «Славы», которая участвовала в 1915–1917 гг. в операциях в Рижском заливе и погибла во время Моонзундского сражения 4 октября 1917 г. Однако неоспорима

³⁴ Там же. Л. 33 об.

³⁵ Там же. Л. 30.

готовность их офицерского состава выполнить свой профессиональный и человеческий долг, неоспоримо и отличавшее офицеров чувство патриотизма, выраженное поразительно искренне и без высокой патетики, свойственной времени.

Как пишет капитан 2-го ранга Д. О. Дараган, служивший в 1915 г. старшим офицером на линейном корабле «Андрей Первозванный», а затем командиром эсминца «Достойный», каждодневная «работа» миноносцев в Финляндском заливе «заключалась в том, что они “ставили мины”, гонялись за подлодками, обстреливали берега, занятые немцами, конвоировали большие суда и вечно грузили уголь», «...осенью мерзли и мокли на наших открытых мостиках. При всем этом почти ничего не знали об общем ходе военных действий, особенно на сухопутных фронтах»³⁶.

Подробности реальных взаимоотношений между начальниками и подчиненными армейских частей, находившихся в годы войны на северо-западном рубеже империи, перекликаются с деталями, изложенными в одном из матросских писем и говорящими о характере отношений между балтийскими матросами и флотским офицерством в первые годы войны.

Письмо матроса И. Барышникова с миноносца «Деятельный» поступило в редакцию гельсингфорских «Известий» в мае 1917 как ответ на появившуюся статью об издевательствах нижних чинов над арестованным капитаном 2-го ранга Вещицким. Возмутившись протестом офицеров против «публичного глумления и попрания человеческой личности», автор письма призывал их вспомнить о происшедшем в 1915 г. на миноносце инциденте между капитаном 2-го ранга Д. О. Дараганом и матросом В. Алехиным: «Может ли капитан 2-го ранга Дараган протестовать против наказаний капитана 2-го ранга Вещицкого, когда они сами позволили привязать матроса В. Алехина к мачте на 4 часа подобно Иисуса Христа, а за что именно — за то, что он заболел и не стирал белье у унтер-офицера и прямо сказал ему “шкура”»³⁷.

Рассказывая об этом же происшествии в письме к жене, Д. О. Дараган назвал случившееся «неприятным делом» и при-

³⁶ Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto) / Suomen Sota-arkisto (Военный архив Финляндии). Pikku kokoelma. Venajan Keisarillinen laivasto. № 1121, 23.867: otteita Dmitri Daraganin, laivaston torpedoveneen paallikön kirjeistä vaimolleen v. 1915.

³⁷ Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto). «Русские военные бумаги». Д. 11970.

вел заметно отличающуюся от изложенной матросом версию причин инцидента: «Есть один дрянной человек, и я его отстранил от артельщиков, а тут пришла на него жалоба из Гельсингфорса. Я арестовал и говорю: “Ставьте под ружье”. Заявляет, что болит спина. Я это дело знал хорошо, у нас плавал доктор, и характер всей этой истории был ясен. Я приказал становиться, он заявляет, что не может, тогда я приказал привязать к мачте, чтобы не упал... Через 3 минуты доложили, что все сделано. Я очень обрадовался, т. к. мне надо было идти до конца, а с этими дураками ничего не поймешь. Он отстоял свое на сегодня и я отпустил его. Надеюсь на три дня — срок ежедневного стояния... Он мог сегодня изобразить умирающего, но решил, что это не выйдет»³⁸.

Необходимость добиваться поддержания дисциплины подобными экстраординарными мерами явно удручала командира эсминца «Деятельный». Он поделился с женой намерением доложить о происшедшем своему начальнику командиру 9-го дивизиона эсминцев А. В. Развозову, тем более что привязанного к мачте матроса видела команда корабля, проходившего мимо «Деятельного»: «...картина была самая средневековая. Мне было даже смешно — костра не хватало». Узнав из доклада о случившемся на эсминце, капитан 1-го ранга А. В. Развозов вызвал матроса В. Алехина для беседы. «Я не знаю, что из этого вышло, — писал Дараган через несколько дней. — Спрошу при случае, но это очень хорошо с его стороны»³⁹.

Вне зависимости от того, чья версия происхождения на «Деятельном» — матросская или офицерская — достовернее, возможность увидеть отношения субординации на корабле глазами той и другой стороны дает представление о предельно взрывоопасной обстановке, которая задолго до революционных событий 1917 г. складывалась на флоте. Ситуация, заставившая думать над ее разрешением не только командира эсминца, прибегнувшего к недопустимой мере поддержания дисциплины, но и его непосредственного начальника, в сознании рядовых матросов отложилась как чуть ли не повседневное явление и закрепилась недоброй памятью о «зверствах офицеров».

Через несколько лет этот опыт станет своего рода «горючим материалом» матросского возмущения и послужит им самооправданием за жестокие расправы над офицерами в Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле в первые мартовские дни 1917-го.

³⁸ Suomen Sota — arkisto. Там же. Выдержки из писем Д. Дарагана за 1915 г.

³⁹ Там же.

Пришедшее вслед за Февральской революцией время бесконтрольной «свободы» вовсе не стало главным ускорителем разложения в армии. Показательны обращенные к соотечественникам весной 1917 г. призывы читателей гельсингфорских «Известий» и вышедших в Або «Известий совета депутатов армии флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции» к соотечественникам не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу». С таким же призывом позже выступил служивший в Гельсингфорсе в крепостной роте минной обороны моряк А. Новиков, которому в июле на одной из центральных улиц финляндской столицы — Эспланаде — пришлось спасать «русскую барышню» от принуждения к сожительству и неминуемых побоев в случае отказа, которыми ей угрожал матрос с миноносца «Боевой»⁴⁰.

В обстановке «вседозволенности», сопровождавшейся падением дисциплины в войсках, после Февраля многократно увеличились конфликты с населением бывшего Великого княжества из-за преследования жительниц Финляндии со стороны нижних чинов⁴¹.

Во время Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 года у солдат, матросов и офицеров, служивших на северо-западном рубеже Российского государства, формировался образ внутреннего врага и психология гражданской войны, которая, начиная с августа 1914 г., на долгие годы предопределила образ жизни и образ мыслей самых различных слоев российского общества⁴². Поиск врага перемещался извне внутрь страны, а разграничение понятий «свой-чужой» теряло прежнюю определенность, и врагом мог оказаться каждый. Это порождало всеобщую подозрительность, коренившуюся в шпиономании военного времени и отразившуюся в письмах рядовых и офицеров в редакции «революционных» газет.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 28–29.

⁴¹ Там же. Л. 33–34.

⁴² Асташов А. Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. 268–281; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Эти «человеческие документы», сохранившие суждения очевидцев о переживаемом моменте, позволяют увидеть, как последствия войны сказывались на духовной жизни армии и общества, свидетельствуют о разноречивых контактах военных с населением Финляндии. Они демонстрируют и противоречия между людьми в офицерских и солдатских погонах, теми, кому суждено было, не покидая мест расположения своих частей, к концу 1917 г. оказаться на территории нового независимого государства и оставаться в охваченной гражданской войной Финляндии до весны 1918 г., пока по условиям Брестского мирного договора между Германией и советской Россией «старая армия Его Величества» не была выведена из бывшего Великого княжества.

ТИМО ВИХАВАЙНЕН

ОТНОШЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ
(СОВЕТСКОГО СОЮЗА), 1917–1944 гг.

**1917–1918. Становление независимости Финляндии
и ориентация на Германию**

1917-й стал годом большого перелома в истории Финляндии. Еще в январе — феврале мало кто из финнов мог серьезно предположить, что в ближайшем будущем Финляндия станет независимым государством. В декабре независимость уже была свершившимся фактом.

Во время мировой войны Финляндия избежала необходимости посылать мужчин на фронт, так как воинская повинность была в свое время заменена на выплаты России денежного налога. Конечно, такие лоялисты, как Маннергейм, поддерживали добровольное участие в военных действиях, потому что оно могло бы содействовать восстановлению надломленного доверия между метрополией и Великим княжеством. В качестве добровольцев на фронт ушли более 400 финнов,¹ но еще большее количество, практически две тысячи человек, тайно отправились в Германию для прохождения военного обучения. Из их числа был сформирован Королевский Прусский 27-й егерский батальон, который также принимал участие в военных действиях на фронте.²

¹ Tuomas Hoppu. Historian unohtamat. Helsinki, 2005.

² Matti Lauerma. Kuninkallinen preussilainen jääkäripataljoona 27. Porvoo, 1966.

Февральская революция, которая по принятому в Финляндии григорианскому календарю произошла в марте, оказалась для многих жителей страны сюрпризом, но, конечно, не осталась незамеченной. Хельсинки служил базой Балтийского флота Российской империи, в котором располагались его самые тяжелые единицы, дредноуты и линейные корабли. Кроме того, в городе было большое количество судов меньшего размера, а также находились наземные войска. Для защиты Санкт-Петербурга от возможных угроз Хельсинки укреплялся также и на суше: оснащенное сотнями пушек укрепление было предназначено для усовершенствования «Морской крепости Петра Великого», которая закрывала Финский залив вдоль берегов Финляндии и Эстонии с помощью массивной артиллерии и минных полей. В августе 1917 года в Хельсинки находилось около 124 500 российских военнослужащих.³

Новости о революции в Петербурге спровоцировали в Хельсинки волну насилия, поднявшуюся в среде русских военных. Моряки начали убивать офицеров, которых в итоге погибло более 50 человек. Так же развивались события в Таллине и в Кронштадте. Был убит в том числе командующий Балтийским флотом, адмирал Непенин.

Направленные Временным правительством комиссары прекратили беспорядки, но полное восстановление дисциплины среди солдат оказалось невозможным. Приказ № 1 действовал в полную силу и в Хельсинки, а потому никто не мог повлиять на флот, за исключением Советов и близкого ему органа — Центробалта. К осени ситуация с дисциплиной в военных кругах ухудшилась, что вызвало особенно большое беспокойство среди буржуазного финского населения. Вооруженные матросы часто участвовали в митингах финских рабочих, что считалось крайне опасным. Внутриполитическая обстановка в Финляндии в течение 1917 года также обострилась невиданным образом, что мгновенно повлияло на отношения Великого княжества с Россией.

20 марта 1917 года Временное правительство опубликовало так называемый Мартовский манифест, согласно которому были сняты незаконные, по мнению финнов, ограничения, наложенные в период русификации, начиная с принятого в 1890 году Почтового манифеста и заканчивая изданным в 1912 году Законом о равноправии. Основные положения Февральского манифеста 1899 года также были отменены, заключенные за политические

³ Ohto Manninen. Itsenäistymisen vuodet 2. 1917–1920. Helsinki, 1993. S. 46.

преступления получили амнистию. Поступает призыв собрать парламент.⁴

В 1916 году в 200-местный парламент вошли 103 социал-демократа, которые образовали большинство и заняли ключевые позиции. Вероятно, впервые в истории марксистская рабочая партия стала большинством в парламенте. Парадоксально, что это произошло в Финляндии, все еще остававшейся к тому времени аграрной страной, в которой рабочих, занятых в промышленности, было крайне мало. За социал-демократов проголосовали сельские пролетарии, находившиеся за счет большого прироста населения в крайне сложном положении.⁵

Финские социал-демократы переняли революционный дух от немецких отцов-учителей, прежде всего от Карла Каутского. Он, конечно, одобрял парламентскую деятельность, но вопросы участия в управлении буржуазной страной разделили партию на два лагеря. В итоге было решено принять «министерский социализм», и в Финляндии сформировалось коалиционное правительство (Сенат) под председательством Оскари Токоя, в котором половина министров была социал-демократами.

Революционные настроения повлияли и на Финляндию. Социал-демократы захотели в полной мере воспользоваться своим положением большинства в парламенте. На практике же такие радикальные начинания социал-демократов, как сухой закон, всегда заканчивались наложением вето со стороны верховной власти, то есть Великого князя.

Когда Февральская революция свергла в России царскую власть, то и Финляндия осталась без правителя. Если страна была полноценным государством, как предполагала преобладающая среди финнов позиция, то было бы логично полагать, что она была способна самостоятельно решить вопрос, кому теперь принадлежит верховная власть. Но с точки зрения социал-демократов, а также многих буржуазных групп, ориентированных на независимость, принадлежность власти Временному правительству не являлась очевидной. Ситуация должна была разрешиться, когда в Финляндии начали писать новую форму правления. Одно из предложений заключалось в том, чтобы вопросы внутреннего законодательства перешли к Сенату Финляндии, а правительство России продолжило бы заниматься, в частности, внешней и военной политикой.

⁴ Viljo Rasila. Valtiollinen itsenäistyminen // Viljo Rasila, Eino Jutikkala, Keijo K. Kulha. Suomen poliittinen historia 2. Osa. Porvoo, 1977. S. 62–64.

⁵ Rasila. S. 56–57.

Когда летом Временное правительство оказалось в затруднительном положении из-за «Июньских волнений», финский парламент голосами социал-демократов и ориентированных на независимость буржуазных групп (135–55) принял т. н. «Закон о власти», согласно которому высшая власть в Финляндии принадлежала парламенту страны. Это начинание социал-демократов встретило поддержку в кругах российских социалистов.⁶ «Закон о власти» еще не означал полной независимости, а окончательное решение о положении Финляндии должно было принять Учредительное собрание. И все же в центре внимания оказывалась политическая стратегия, направленная на отделение Финляндии от России, а также попытка радикальной передачи власти парламенту.

Временное правительство не одобрило закон, отклонив его, и предписав парламенту распуститься, чтобы провести новые выборы осенью. Социал-демократы, которые считали манифест о роспуске незаконным, попытались продолжить работу, но попытки были прерваны силами военных.⁷

На осенних выборах социал-демократы потеряли преимущество большинства, и новое правительство (Сенат) стало буржуазным. В то же время революционная анархия усилилась как в России, так и в Финляндии. После захвата большевиками власти седьмого ноября, Сенат начал безотлагательную подготовку к освобождению Финляндии от большевиков. Совет народных комиссаров не был признан представителем высшей власти. Вместо этого 15 ноября 1917 года был принят новый «Закон о власти», согласно которому парламент Финляндии забирал право высшей власти себе.

Декларация независимости была сформулирована Сенатом 4 декабря 1917 года и утверждена парламентом 6 декабря. В дальнейшем именно этот день стал отмечаться в Финляндии как День независимости.⁸

На практике процесс отделения продолжился стремлением получить признание других государств, а также удалением из страны российских военных. В январе 1918 года в Финляндии находилось свыше 70 000 русских солдат, при этом собственной армии у страны не было.⁹ Конечно, в течение года в разных ча-

⁶ Ibid. S. 63–68.

⁷ Ibid. S. 69.

⁸ Seppo Hentilä. Suomi itsenäistyy // Osmo Jussila, Seppo Hentilä, Jukka Nevakivi. Suomen poliittinen historia 1809–1995. Porvoo, 1995. S. 94–96. На русском языке: Политическая история Финляндии. М., 1998.

⁹ Manninen. S. 47.

стях страны для решения внутривойсковой ситуации, а также для борьбы с участвовавшими беспорядками формировались вооруженные гвардии. В общей сложности число солдат по обе стороны баррикад, как красногвардейцев, так и шюцкоров (белогвардейцев), доходило до сотен тысяч, при этом все они были неважно обучены и плохо вооружены.¹⁰

Разразившаяся гражданская война оказалась очень кровавой. В боях погибли более 7 000 человек, кроме того казнены и убиты около 10 000. К этим числам следует добавить около 12 000 красных, которые после окончания войны сгинули в лагерях. Таким образом, жертвами конфликта стали примерно 30 000 человек, 25 000 из которых были красными.¹¹

В первую очередь за признанием независимости новое государство обратилось к Германии и Швеции, которые смотрели на ситуацию глобально и не хотели признавать отделение Финляндии от России. Это же касалось и стран Антанты. Все ждали, что большевики рано или поздно будут свергнуты и к власти придет новое правительство, которое может воспринять признание как проявление вражды и стремления оскорбить Россию. Германия, которая принимала участие в мирных переговорах в Брест-Литовске, призвала Финляндию получить сначала признание у Совета народных комиссаров. Финляндия же уклонилась от этих действий, чтобы не запятнать репутацию страны в глазах нового будущего правительства России. Многие также предполагали, что такой поступок вызовет осложнения на послевоенной мирной конференции.¹²

И тем не менее, когда большевики уже в первом своем декрете объявили о праве всех народов на самоопределение, то, следуя пожеланиям Германии, Финляндия обратилась к ним за признанием. Совет народных комиссаров подписал соответствующий декрет 31 декабря 1917 года, а Центральный исполнительный комитет утвердил его 4 января 1918 года. После этого независимость Финляндии сразу же признали Германия, Швеция и Франция.

Признание финской независимости оказалось для большевиков неизбежным, потому что в противном случае они бы потеряли доверие к выпущенному декрету. При этом признание Советом однозначно ускорило процесс признания независимой Финляндии и другими государствами, хотя это и не являлось, конечно, обязательным условием. Независимость страны можно было

¹⁰ Hentilä. S. 102.

¹¹ Rasila. S. 88–89.

¹² Tuomo Polvinen. Venäjän vallankumous ja Suomi I. Porvoo, 1967. S. 170–177.

считать свершившимся фактом уже начиная с 6 декабря. После этого буржуазная Финляндия смогла бы признать верховенство большевистской России только через вооруженный конфликт. Для большевиков целью признания независимости соседей было, в том числе, содействие развитию революции в Финляндии, после которой страна была бы вновь присоединена к России. Большевики пошли на «отделение ради воссоединения», как выразился о ситуации Ленин.¹³

Несмотря на то что Финляндия объявила о стремлении нового независимого государства к нейтралитету, в действительности она начала еще больше ориентироваться на Германию. С практической точки зрения это было понятно, потому что Германия оказалась единственной крупной державой, которая объявила о том, что при необходимости поддержит Финляндию в процессе становления независимости.

Содействие понадобилось довольно скоро, потому что поддерживавшие большевиков и вооруженные ими красногвардейцы провозгласили в Финляндии 28 февраля 1918 года революцию. Хельсинки и другие крупные города Южной Финляндии оказались в руках красных. В тот же день шюцкору, которых парламент называл финской армией, приступили к разоружению и вытеснению русских солдат с севера страны. Русские военные поддерживали революционеров, в том числе вооружая их и самостоятельно принимая участие в боях. Российское командование интерпретировало ситуацию как «войну против финских белогвардейцев». В боях принимало участие несколько тысяч русских, и в общем на разных этапах конфликта их количество достигало 10 000 человек, а само участие было крайне важным, потому что давало возможность доступа к таким ресурсам, как оружие, артиллерия, самолеты и др.¹⁴

Германия поддержала Финляндию в разразившейся гражданской войне как вооружением, так и тем, что отправила в страну обученный в Германии 27-ой егерский батальон, состоявший из финских солдат. Весной в Финляндию также прибыл т. н. дивизион Балтийского моря, который активно участвовал в боях и, в частности, взял Хельсинки. Германия также оказала Финляндии политическую поддержку на Брест-Литовских мирных переговорах, в результате чего Россия заверила, что перестанет вмешиваться в финскую гражданскую войну.¹⁵

¹³ Polvinen. S. 184–193.

¹⁴ Manninen. S. 50–55, 72–73.

¹⁵ Hentilä. S. 108–111.

Таким образом, большевистская Россия отступила от Финляндии, буржуазное правительство которой она признала в 1917 году, немногим позднее признав и красных, захвативших власть. С последними Совет народных комиссаров даже успел заключить в начале марта так называемое «красное государственное соглашение», в котором оговаривались новые границы страны, совпадавшие со старыми времен Великого княжества за небольшими исключениями: России отходил форт Ино, а Финляндии передавалась территория Петсамо, обещанная Россией еще по договору от 1864 года.¹⁶

Когда красные потерпели поражение в гражданской войне, то «красное государственное соглашение» естественным образом потеряло силу, и большевикам пришлось вести переговоры с буржуазной Финляндией, которую только недавно они собирались покорить. Главным вопросом стало определение государственных границ.

Для решения этого вопроса осенью 1918 года в Берлине прошли мирные переговоры между Финляндией и Россией. Следует отметить, что позиции участников были слишком далеки друг от друга: финны требовали, чтобы согласно Декрету областям Восточной Карелии было позволено самостоятельно решить, хотят ли они присоединиться к Финляндии. Большевики, в свою очередь, требовали некоторые территории, находящиеся на Карельском перешейке и принадлежавшие Великому княжеству, а также не соглашались уступить Петсамо, вступая в противоречие с «красным государственным соглашением». Германия не хотела портить отношения с Россией, поддерживая позицию Финляндии, поэтому переговоры завершились безрезультатно.¹⁷

Ориентация Финляндии на Германию продолжалась вплоть до того момента, пока Германия в 1918 году в конечном итоге не проиграла войну. Оружие было сложено 11 ноября 1918 года. До этого события Финляндия успела провозгласить королем страны принца Гессенского Фридриха Карла, который после капитуляции Германии вынужден был отречься от престола, так ни разу и не посетив Финляндию.¹⁸ На практике политическая стратегия Финляндии завела страну в лагерь держав, оказавшихся замешанными в мировой войне, а также сделала ее во многом зависимой от Германии. Данная ситуация стала

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Rasila. S. 98–104.

¹⁸ Ibid.

причиной различных затруднений, которые последовали после ее поражения.

1919–1922. От интервенции к мирному соглашению и установлению границ

После поражения в войне Германия превратилась в международного изгоя. Финляндия, находившаяся под германским патронажем, оказалась с позиций мировой политики в сложном положении. Для того, чтобы привести в порядок отношения со странами-победительницами, бывший на тот момент руководителем государства (регентом) П. Э. Свинхувуд отказался от своих полномочий, а его место занял генерал К. Г. Э. Маннергейм, который в свое время служил в России, руководил белой армией во время гражданской войны 1918 года, но вскоре после окончания военных действий отошел от дел.¹⁹

Германские войска покинули Финляндию в конце 1918 года, а весной 1919 Англия и США признали независимость Финляндии, которая согласно новой форме правления стала республикой.

Тем не менее у Финляндии по-прежнему не был заключен мирный договор с Россией, более того, представитель белой России на мирной конференции в Париже заявил, что односторонняя инициатива Финляндии объявить независимость не является законной и что со стороны России окончательное решение по данному вопросу должно принять Учредительное собрание.²⁰

Представители самых различных политических течений сходились во мнении, что границы Великого княжества Финляндского недостаточны для независимой Финляндии. В центральных, социал-демократических и, в особенности, правых кругах поддерживали идею т. н. Великой Финляндии. Предполагалось, что к Финляндии должна была бы отойти Восточная Карелия, а в некоторых случаях утверждалось, что помимо этого следовало бы присоединить принадлежащие России ингерманландские территории и Кольский полуостров, шведскую Западную Ботнию, а также относящуюся к Норвегии область Финнмарк.²¹

¹⁹ Rasila. S. 104–111.

²⁰ Viljo Rasila. Suomen poliittisen historian vuodet 1905–1919 // Viljo Rasila, Eino Jutikkala, Keijo K. Kulha. Suomen poliittinen historia 1809–1975. 2. Osa. Porvoo, 1976. S. 108–109.

²¹ Mauno Jääskeläinen. Itä-Karjalan kysymys. Porvoo, 1961. S. 41–66; Jorma Kallentautio. Suomi katsoi eteensä. Helsinki, 1985. S. 50–52.

Концепцию Великой Финляндии поддерживала группа восточно-карельских активистов, а благотворной почвой для развития этой идеи стало обещанное Советом право всех народов на самоопределение.

С 1918 по 1922 год в Восточной Карелии активизировалось национальное движение, на многочисленных собраниях звучали заявления о желании отделиться от России. Поощрялось взаимодействие с Финляндией.²² И все же мнения финнов и местных жителей различных районов обширной Восточной Карелии, к которой частично примыкали Олонецкая и Архангельская губернии, по вопросу присоединения к Финляндии не всегда совпадали. Когда финны совершили на эти территории несколько вооруженных нападений, то не получили ожидаемой поддержки со стороны местного населения. В некоторых случаях народ даже сражался против финских налетчиков.²³

Подобные локальные нападения предпринимались силами добровольцев в период с 1918 по 1919 год, и были направлены, в том числе, на территории Петсамо, Беломорской и Олонецкой областей. Последняя из подобных операций, совершенная в течение весны и лета 1919 года, стала самой крупной: в ней приняли участие около 3 000 человек, которые формально считались солдатами-добровольцами, но на самом деле были военной силой, финансируемой финским правительством. Войскам удалось дойти до Свири и до окраин Петрозаводска, но затем они потерпели поражение.²⁴

В результате действий в Восточной Карелии решение присоединиться к Финляндии приняли волости Репола и Пораярви, где было сформировано финляндское управление.

Вплоть до июля пост главы государства, регента, занимал генерал К. Г. Э. Маннергейм, который поддерживал идею получения благодарности России, освободив ее от коммунистов посредством интервенции. Вторжение в Петербург и отстранение большевиков от власти улучшило бы репутацию Финляндии в глазах белых, что могло бы стать хорошей основой для соседских взаимоотношений между Россией и независимой Финляндией. Ввиду того, что данная позиция не вызывала в политических кругах значительной поддержки, Маннергейм решил привнести

²² Jääskeläinen. S. 71–76.

²³ Jouko Vahtola. «Suomi suureksi, Viena vapaaksi». Rovaniemi, 1988. S. 364–378.

²⁴ Jussi Niinistö. Heimosotien historia 1918–1922. Helsinki, 2005. S. 148–183.

в нее национальный элемент, поддержав вторжение в Олонецк, предпринятое летом 1919 года.²⁵

В июле 1919 года состоялись президентские выборы, которые стали для Маннергейма полным провалом. Новый глава государства и первый президент Финляндии К. Й. Стольберг оказался рьяным сторонником соблюдения законов и противником политического авантюризма. Финские политики высказались категорически против интервенции в Петербург. Нейтральной позиции в этом вопросе Финляндия продолжила придерживаться и после 1919 года, что сыграло свою роль в штурме Петербурга с южной стороны Финского залива осенью того же года генералом Николаем Юденичем. На ситуацию сильно повлияла и позиция Англии, которая высказалась против участия Финляндии в интервенции, что могло бы принести дополнительную нестабильность в регион.²⁶

Англия также не поддерживала Финляндию в ее стремлениях расшириться за счет территорий Восточной Карелии. Вместо этого ее флот активно содействовал прибалтийским странам в борьбе за независимость. Следует отметить, что финские добровольческие войска в количестве около 3000 солдат также значительно содействовали успешному исходу в войне за освобождение Эстонии.²⁷

В 1919 году опорная база английского флота находилась в Финляндии, в порту Койвисто, откуда он вел наступательные действия против Кронштадта, атакуя судна.²⁸

Новая форма правления и парламентские выборы, смещение Маннергейма с поста главы государства и избрание Стольберга президентом нормализовали политическую жизнь Финляндии и направили ее в русло парламентской демократии, что было крайне важно после кровавой гражданской войны 1918 года. Самой крупной партией стала социал-демократическая, которая уже в 1919 году получила 80 мест на парламентских выборах. В 1926–1927 годах социал-демократы сформировали правительство меньшинства.²⁹

В России кульминация гражданской войны пришлась на 1919 год, а разгоревшаяся в следующем году война в Польше

²⁵ Kallenautio. 1985. S. 46–47, 58–59.

²⁶ Ibid. S. 58–59, 110.

²⁷ Mirko Harjula. Viro 1914–1922. Helsinki, 2009. S. 175–176.

²⁸ Geoffrey Bennett. Cowan's War. London, 1964.

²⁹ Eino Jutikkala. «Ensimmäinen tasavalta» // Rasila, Jutikkala, Kulha. Suomen poliittinen historia 2. S. 152–155.

пресекла дальнейшие попытки распространения революционных настроений на западные страны. В 1920 году как большевики, так и их западные соседи были готовы заключить мир.

Позиция советской России заключалась в том, что она была готова признать независимость соседних буржуазных стран в обмен на международное признание собственного государства.

С Финляндией Россия заключила мир в Тарту 14 октября 1920 года. На переговорах Финляндия требовала права самоопределения для Восточной Карелии. Исходя из этого требования, большевики основали в Восточной Карелии «Карельскую Трудовую Коммуну» и объявили, что таким образом соблюли право жителей региона на самоопределение и самоуправление.³⁰

В ходе переговоров Финляндия согласилась принять границы Великого княжества Финляндского с присоединением области Петсамо, которая была обещана Финляндии еще в 1864 году во времена царского правления в качестве компенсации за территории Сестрорецка с расположенным на них оружейным заводом. Примкнувшие к Финляндии волости Репола и Пораярви были возвращены России, а также было достигнуто соглашение о нейтрализации островов Финского залива.

Тартуский мирный договор был одобрен в финском парламенте большинством голосов (163 — «за», 27 — «против»). Тем не менее нарушение обязательств, данных жителям Репола и Пораярви, а также отказ от народного голосования в Восточной Карелии, вызвали негодование в кругах активистов, и особенно в среде студенческой молодежи, которая по примеру других стран назвала мирный договор, заключенный в Тарту, «позорным миром».³¹

Несмотря на заключение в 1920 году тартуского мира, решение карельского вопроса на этом не завершилось. В Восточной Карелии возникло заметное недовольство правлением большевиков, причинами которому были террор, голод, а также нарушенное обещание амнистии, данное жителям Репола и Пораярви. В конце 1921 года в Беломорской Карелии разразилось вооруженное восстание, в котором приняли участие около 3 000 карелов. Им на помощь прибыло около 500 финских добровольцев, получивших, в том числе, поддержку шюцкоров, но не государства, которое, напротив, стремилось воспрепятствовать действиям добровольцев. Финское правительство обратилось к Лиге Наций

³⁰ Markku Kangaspuro. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Helsinki, 2000. S. 76–86.

³¹ Jutikkala. S. 122–126.

с просьбой оказать посредничество в разрешении конфликта между карелами и Россией.³²

Советская Россия, в свою очередь, обвинила Финляндию в разжигании вооруженного конфликта и предостерегла от обращения к Лиге Наций, угрожая начать военные действия.

Значительных военных действий со стороны России все же не последовало, не считая подавления так называемого «Жирного восстания» — потасовки, организованной в Салла, Лапландия, на восточной границе.³³

Угроза вооруженного конфликта со стороны России казалась вполне реальной, и Финляндия начала готовиться к мобилизации. Внешнеполитической защиты искали у Польши. В марте 1922 года министр иностранных дел Финляндии Рудольф Холсти подписал в Варшаве соглашение, которое связало страну на пять лет с польским проектом по сотрудничеству прибалтийских стран.

Договор, тем не менее, не был ратифицирован парламентом, потому что политически слишком сильно связывал Финляндию с Польшей, у которой были проблемы в отношениях как с Россией, так и с Германией. Таким образом, парламент блокировал договор, что привело к уходу министра иностранных дел и потом всего правительства.³⁴

Это была большая неудача для «политики сотрудничества прибалтийских стран», которая вплоть до эстонской освободительной войны не испытывала недостатка в поддержке. После сложившейся ситуации она приняла форму взаимного обмена информацией. Балтийские страны являлись гетерогенной группой, в рамках которой у Польши и Литвы даже был региональный конфликт в районе Вильнюса. С военной точки зрения все эти страны, не считая Польши, были достаточно слабыми.

Советская Россия в 1920-х годах оказалась в таком же затруднительном положении, как и Германия, которая по Версальскому договору была практически лишена полноценных вооруженных сил. В кругу стран Балтийского моря силой, противостоящей России, могла бы стать Швеция, но ее взаимоотношения с Финляндией были омрачены ситуацией с Аландскими островами. В 1918 году Швеция направила свои войска на Аландские острова и потребовала передачи территорий, но по решению Лиги Наций, принятому в 1921 году, Аланды остались во владениях Финляндии.³⁵

³² Jääskeläinen. S. 319–325.

³³ Kangaspuro. S. 112–125.

³⁴ Jutikkala. S. 126–129.

³⁵ Kallenautio. S. 91–97.

Финско-российские отношения удалось нормализовать летом 1922 года после заключения пограничного соглашения, согласно которому были установлены пограничные зоны двух стран и которое включало, в том числе, положения о демилитаризации приграничной зоны и урегулировании пограничных конфликтов.³⁶ Договор стал вновь актуален в конце 1939 года, но Советский Союз отказался соблюдать его.

1922–1935. От сотрудничества прибалтийских государств к ориентации на Скандинавию

Страны-победительницы мировой войны, Франция и Англия, снабжали вооружением белых, поддерживали интервенцию в Россию, а также содействовали отделившимся от империи балтийским странам, Польше и Финляндии. В 1922 году на конференции в Генуе была проведена попытка уладить разногласия между советской Россией и западными государствами. Особенно остро стоял вопрос российских долгов. Советское руководство отказалось их признавать и, в свою очередь, призвало обратить внимание на ущерб, причиненный интервенцией.

Конгресс завершился без достижения каких-либо результатов, оставив советскую Россию, ставшую к концу 1922 года Союзом Советских Социалистических Республик, международным изгоем. Тем не менее СССР нашел себе товарища в лице Германии, с которой подписал двусторонний договор недалеко от Генуи, в городе Рапалло.

Данный договор 1922 года между Советским Союзом и Германией в первую очередь определял глобальную политическую ситуацию в регионе Балтийского моря на весь период 1920-х годов.³⁷

Советский Союз и Германия были международными изгоями и поначалу не входили в Лигу Наций, к которой Германия все-таки присоединилась в 1926 году. По Рапалльскому договору о сотрудничестве страны, находившиеся в то время в слабом экономическом и военном положении, могли рассчитывать на поддержку друг друга. Германия получила возможность испытывать и разрабатывать на территории Советского Союза вооружение, на которое был наложен запрет Версальским договором. В частности это касалось подводных лодок и воздушного оружия. Со-

³⁶ Keijo Korhonen. Naapurit vastoin tahtaan. Helsinki, 1966. S. 66–74.

³⁷ Jaakko Ilvessalo. Suomi ja Weimarin Saksa. Helsinki, 1959.

ветский Союз, в свою очередь, получил от немцев техническую информацию по разработкам подводных лодок. В то же время по вопросам строительства подлодок немцы также находились в сотрудничестве с Финляндией. Сотрудничество между СССР и Германией продолжалось определенное время и после прихода к власти Гитлера, завершившись лишь в 1934 году.³⁸

После блокировки Варшавского договора в 1922 году отношения Финляндии с Польшей и другими балтийскими государствами приняли еще больший информационный характер, не предполагавший заключения политических соглашений.

Тем не менее Финляндия вступила в тайное военное сотрудничество как с Эстонией, так и со Швецией. В начале 1930-х годов для финского флота было построено пять подводных лодок и два береговых броненосца (монитор) с мощными пушками.³⁹

Цепь укреплений «Морская крепость Петра Великого», созданная русскими, также была оснащена мощной артиллерией как со стороны Финляндии, так и со стороны Эстонии. Если бы эта артиллерия была дополнена минными полями, то при совместных действиях у Финляндии и Эстонии возникала возможность эффективно закрыть Финский залив с запада от Хельсинки и Таллина. Военная оснащенность стала еще более мощной, когда Эстония получила в свое распоряжение в конце 1930-х годов две изготовленные в Англии подлодки. Советский Союз узнал о сотрудничестве Финляндии и Эстонии посредством шпионажа.⁴⁰

Финляндия также заключила военное партнерство со Швецией. Политические отношения двух стран в конце 1920-х годов были достаточно прохладными из-за конфликта на Аландских островах и из-за разногласий в самой Финляндии касательно статуса шведского языка. Тем не менее у стран был взаимный интерес к сотрудничеству в военной области ввиду возможной угрозы, исходившей от Советского Союза. В Швеции ситуацию обосновали тем, что защиту страны лучше начинать с Раяйоки (река Сестра), чем с реки Турне-Эльв.⁴¹

Вместо развития отношений с прибалтийскими государствами в 1920-х годах Финляндия сосредоточилась на Лиге Наций,

³⁸ Olli Vehviläinen. Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933–1934. Helsinki, 1966.

³⁹ Jari Leskinen. Vaieettu Suomen silta. Helsinki, 1997. S. 343–375.

⁴⁰ Ibid. S. 391–436.

⁴¹ Martti Turtola. Tornionjoelta Rajajoelle. Porvoo, 1984. S. 148–151, 227–233.

членом которой она стала в 1920 году. В то время возможности Лиги по сохранению мира еще не вызывали сомнений. С 1927 по 1930 год представитель Финляндии также состоял в Совете Лиги Наций.⁴²

Советский Союз, в свою очередь, называл организацию оружием стран-победительниц и не считал возможным подчиняться ее решениям.

Экономические отношения Великого княжества Финляндского с метрополией были в свое время очень сильны, несмотря на то что финский экспорт перед мировой войной начинал ориентироваться скорее на Центральную Европу, особенно на Германию. Во время мировой войны это движение было, конечно, прервано, но в 1920-х годах Финляндия смогла неожиданно быстро восполнить потерянный российский рынок европейским, особенно за счет Англии и Германии. Сотрудничество с Союзом в данной области оставалось крайне скромным весь межвоенный период.⁴³

Культурные взаимоотношения и общее взаимодействие Финляндии и России осложнились двумя факторами: поддержкой Советским Союзом и Коминтерном коммунистической деятельности, а также наследием гражданской войны 1918 года, которое в Финляндии благодаря белым приобрело форму русофобии.

Потерпевшие в 1918 году поражение красновардейцы бежали в Россию в количестве около 10 000 человек. Многие осели в образованной в 1920 году Карельской Трудовой Коммуне, переименованной в 1923 в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.⁴⁴

В дальнейшем в республику переехали финны как из самой Финляндии, так и из Северной Америки. В начале 1930 года в советскую Карелию из США и Канады переехало примерно 6 000 человек, а из Финляндии в Советский Союз прибыло, по предварительным подсчетам, более 10 000 человек. Карельская АССР получила финское управление, а финский стал ее вторым официальным языком, или же «национальным» языком.⁴⁵ Поначалу проживающие в республике финны даже открыто говорили о том, что территорию необходимо присоединить к советской Финляндии, в которой, конечно, для начала должна произойти революция.

⁴² Kallenautio. S. 106–113.

⁴³ Erkki Pihkala. *Suomalaiset maailmantaloudessa*. Helsinki, 2001. S. 157–172.

⁴⁴ Kangaspuro. S. 66–86.

⁴⁵ Финны в России. Петрозаводск, 1998.

Поддержка революционной деятельности Советским Союзом и подготовка государственных революций стали для Финляндии причиной серьезных опасений, доказательством которых оказалась попытка коммунистического захвата власти в Таллине в 1924 году. Финская полиция получила обширные сведения о работавшей в стране подпольной коммунистической партии, обучавшей в Советском Союзе кадры для организации революции. Также в начале 1920-х годов прошли подготовку полторы тысячи человек так называемых красных офицеров, что в численном количестве соответствовало офицерам, обучавшимся в то время в финской кадетской школе для дальнейшей службы в армии Финляндии.⁴⁶

Когда в Финляндии была окончательно выявлена провоцируемая коммунистами разнообразная незаконная деятельность, вплоть до военного шпионажа и тайного перемещения вооружения, то оказалось, что данные действия, как и забастовки рабочих, финансировались СССР, то Союз стал казаться двуличной силой, вербующей в ряды своих агентов коммунистов и стремящейся к разрушению независимости Финляндии. Легальные коммунистические организации, главный штаб которых находился в Советском Союзе и которые работали даже в парламенте, получив более десятка процентов от мест, были запрещены в Финляндии в 1923 году, а затем вновь в 1929 году.⁴⁷

Крайние антикоммунистические настроения представляли в Финляндии с 1918 года белые солдаты, побывавшие на фронте, а также студенты-националисты. В обоих кругах не принимали Тартуский договор, считая, что он нарушает данные карелам обязательства. В студенческих кругах развивалась по примеру европейских стран (Венгрия, Италия) ирредентистская концепция Великой Финляндии, согласно которой Финляндия могла считаться полноценной единой страной только после объединения с Восточной Карелией. Данный вопрос в 1918–1920 годах безрезультатно поднимался на переговорах.⁴⁸

Идея Великой Финляндии получила в определенной мере поддержку со стороны правых партий, которые представляли в парламенте меньшинство. В официальной программе Финляндии данная концепция не рассматривалась с того момента, как Лига Наций приняла в 1923 году решение о невозможности

⁴⁶ Markku Salomaa. *Punauopseerit*. Helsinki, 1992. S. 117.

⁴⁷ Ilkka Hakalehto. *SKP*. Porvoo, 1966. S. 70–112.

⁴⁸ Toivo Nygård. *Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen?* Helsinki, 1978. S. 187–202.

вмешаться в русско-карельский конфликт, о чем Финляндия просила в 1922 году, ссылаясь на народное восстание 1921–1922 годов. Начиная с того момента Великая Финляндия больше никогда вплоть до второй мировой войны не была целью внешнеполитической стратегии Финляндии.⁴⁹

Идея Великой Финляндии была в основном частью романтической идеологии, господствовавшей в студенческих кругах и исчерпавшей себя уже в 1930-х годах. Негативное отношение Советского Союза к данной концепции, а также укрепление его военной мощи сделали реализацию идеи невозможной. На самом деле никто из серьезных финских политиков никогда серьезно не стремился к расширению границ до Урала или Енисея. Эти «цели», которые иногда можно встретить в исторических материалах, скорее носят юмористический характер.⁵⁰

К националистическим настроениям можно отнести и «ненависть к русским», русофобию, которую фактически систематически возбуждали в студенческих кругах в 1920-х годах в рамках специальной пропаганды, стремившейся найти внешнего врага для сплочения нации после гражданской войны 1918 года, врага, которого можно было бы, собственно, обвинить и в самой гражданской войне.⁵¹

Связь с русской культурой, которая традиционно была в Финляндии довольно слабой, оставалась крайне ограниченной и в межвоенный период, несмотря на то что русскоязычное меньшинство продолжало быть ее носителем, сохраняя, в частности, собственные школы и общины.⁵² В те годы русскоязычное население частично состояло из русских старожилов, которых в стране уже в 1700-х годах было несколько тысяч, и частично из эмигрантов, которых в годы революции и гражданской войны пришло в Финляндию более 40 000 человек. Большинство из них затем продолжило свой путь дальше на Запад.⁵³

Несколько тысяч русских, проживавших в Финляндии во времена автономии, в 1918 году вернулись на Родину, но из России в Финляндию все же переместилось гораздо большее количество людей. Особенно значительной группой среди новоприбывших

49 Jääskeläinen. S. 321–323; Kallenautio. S. 73–82.

50 Nygård. S. 187–202.

51 Matti Klinge. *Vihan veljistä valtiososialismiin*. Porvoo, 1972. S. 57–131.

52 Natalia Baschmakoff — Marja Leinonen. *Russian Life in Finland 1917–1939*. Helsinki, 2001.

53 Pekka Nevalainen. *Viskoi kuin luojja kerjäläistä*. Hämeenlinna, 1999. S. 34–35.

русских оказались вынужденные переселенцы (около 8 000), бежавшие в 1921 году после поражения Кронштадтского восстания, а также 16 500 человек, вытесненные в 1922 году из Восточной Карелии в ходе народного восстания, большинство из них было карелоговорящим.⁵⁴

Новый момент напряжения возник в отношениях между Финляндией и Советским Союзом на рубеже 1920–1930-х годов. В 1928 году в СССР началась первая пятилетка, а в следующем году — сплошная коллективизация.

Время первой пятилетки было также временем политического экстремизма. Коллективизация, антирелигиозная кампания и ликвидация кулаков породили неоднозначные настроения. Советская пресса возбудила истерию интервенции, а показательные судебные разбирательства по делам «Промышленной партии», «Трудовой крестьянской партии» и «Тайного союза II Интернационала» получили большую огласку.

В связи с этими делами Финляндия фигурировала в прессе как сила, готовящая интервенцию. В кругах Коминтерна левое крыло социал-демократов было объявлено самым опасным противником, и коммунисты были мобилизованы атаковать социал-демократов, клейменных как «социал-фашисты».⁵⁵

В 1929 году в Финляндии начал ощущаться мировой кризис, который совпал с активизацией коммунистической деятельности и политическими забастовками.

В финских правых кругах было организовано т. н. Лапуасское движение, которое сразу приступило к активным действиям против коммунистов. Коммунистические места собраний были закрыты, а известные коммунистические деятели и другие представители левых кругов были принудительно отправлены на восточную границу и вынуждены перейти в Советский Союз, где многие из них и кончили свою жизнь в чистках 1937 года.⁵⁶

В Финляндии прошли антисоветские манифестации против жестокостей, происходящих в Ингерманландии в связи с коллективизацией, звучали призывы бойкотировать советские товары, произведенные силами заключенных.⁵⁷ Эти события привели к обмену Финляндией и Советским Союзом нотами, но по-настоящему опасного конфликта между двумя странами не возникло, хотя

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Korhonen. S. 198–218.

⁵⁶ Tapio Huttula. *Nauloilla laadittu laki*. Helsinki, 2000.

⁵⁷ Nygård. S. 170–180.

его уже начали опасаться. Шумевшая в то время в советских газетах истерия по поводу интервенции предполагала участие в ней Франции, а Финляндию в этой связи представляли как французскую пособницу.⁵⁸

Возникавшие то тут, то там недоразумения в отношениях между Финляндией и Россией в итоге оставили незначительный след, а в 1932 году без особой драматичности между странами был заключен договор о ненападении. В соглашении говорилось, что страны должны воздерживаться как от инициирования агрессии по отношению друг к другу, так и от участия в ней, а также должны избегать союзов, открыто выражающих негативную позицию по отношению к той или другой стороне. Разногласия сторон подлежат решению мирным путем. В 1934 году договор был продлен еще на десять лет и, таким образом, действовал вплоть до 1945 года. Ни у одной из сторон не было права отказаться от соглашения.⁵⁹

1935-1939. Ориентация на Скандинавию в тени Гитлера и Сталина

Приход к власти Гитлера полностью изменил мировую политическую ситуацию. Заключенный Советским Союзом и Германией Рапалльский договор потерял свою силу в 1934 году по инициативе последней. Союз начал создавать фронт против Германии и искал в этом поддержки Франции и Англии, которые в период первой пятилетки были объявлены злейшими врагами и организаторами интервенции.

В Коминтерне произошел аналогичный поворот: нападки на социал-демократов прекратились, и начались поиски поддержки в борьбе с фашизмом у всех возможных сил в рамках т. н. Народного фронта. Во внешней политике Советский Союз взял курс на «коллективную безопасность», стремясь заключить региональные соглашения с целью избежать агрессии и обезопасить себя непосредственно от Германии.

В 1934 году СССР вступил в Лигу Наций. За год до этого ее покинула Германия. В том же, 1933, году США одними из последних признали Советский Союз.

⁵⁸ Timo Vihavainen. Sovjetpressens syn på officerarkretsarna i Finland omkring år 1930 // Historisk tidskrift för Finland 1980:2. S. 150–164.

⁵⁹ Kallenautio. S. 131–132.

Финляндия, которая в 1932 году заключила с Союзом договор о ненападении, не примкнула в 1930-х годах к иницилируемым Советским Союзом соглашениям о региональной коллективной безопасности. Вместо этого она стремилась укрепить связи со Скандинавскими странами. В 1934 году Финляндия приняла участие в Собрании министров иностранных дел Северных стран.⁶⁰

В 1935 году премьер-министр Кивимяки официально объявил об ориентации внешнеполитической линии Финляндии на Северные страны «для совместной защиты своего нейтралитета». Проведенное в том же году в Осло Собрание министров Северных стран опубликовало общее коммюнике по поводу конфликта между Италией и Абиссинией.

а. После того, как Лига Наций оказалась неспособной обеспечить мир в кризисной ситуации с Абиссинией, она перестала представлять для Финляндии ориентир во внешней политике. Похожей позиции придерживались и другие Северные страны. В июле 1936 года Норвегия, Швеция, Финляндия, Голландия, Швейцария и Испания опубликовали заявление, в котором они объявили о том, что оставляют за собой право в каждом отдельном случае самостоятельно принимать решение об участии в санкциях Лиги Наций, то есть придерживаться статьи № 16 устава.⁶¹

Факторы, омрачавшие взаимодействие Финляндии и Швеции в 1920-х годах, были забыты, потеряв свое значение уже в 1930-х. Им на смену пришли старинные, традиционно объединяющие Финляндию со Скандинавскими странами аспекты. В частности, важную роль играл шведский язык, на котором в то время говорило около 10 % населения, и при этом шведским владели все образованные финны. Многовековая совместная история Финляндии и Швеции до 1809 года также считалась важным объединяющим фактором.

Дополнительную политическую активность скандинавское направление получило благодаря сильным позициям социал-демократов в Швеции и в Норвегии. В Финляндии социал-демократы также представляли самую крупную партию парламента, а количество занимаемых ими в 1930 году мест увеличилось к 1939-му с 66 до 85 (200). В правительстве, начиная с 1937 года, социал-демократическая партия Финляндии была представлена совместно с аграрной и либеральной партиями.

⁶⁰ Kallenautio. S. 139–143.

⁶¹ Ibid. S. 143.

Сотрудничество Северных стран активно поддерживал маршал Маннергейм, который с 1931 года занимал пост председателя Совета безопасности. Таким образом, можно утверждать, что ориентация на Северные страны поддерживалась в равной степени как правым, так и левым крылом.⁶²

В радикальных правых кругах наблюдалась также поддержка германской политики, но радикальные правые с политической точки зрения представляли в Финляндии маргинальную группу. Когда отдельные радикальные правые группировки начали в 1932 году бунтовать против правительства и ставить ему условия, то относящаяся к правопоцентристским «Национальная коалиционная партия» отказалась от радикалов и, возникшая таким образом, новая партия «Патриотическое народное движение» оказалась слабой с политической точки зрения. На выборах 1933 года она провела 14 своих представителей в 200-местный парламент, но в 1939 году представителей было уже лишь 8 человек, или же 4 % от общего числа.⁶³

Финляндия успешно преодолела кризис демократии 1930-х годов. Ни коммунисты, ни радикальные правые круги не смогли сформировать авторитетных группировок в финском парламенте. К тому же коммунистические партии были запрещены в 1920-х годах. Правительство страны состояло из центристских и левых сил, представляя собой умеренную реформистскую линию, стремящуюся к нейтралитету Скандинавских стран.⁶⁴

Отношения Финляндии с Германией стали вновь оживать сначала в экономической и культурной сферах, а после 1918 года они потерпели крах в военной и в политической области. Взаимодействие Финляндии с Веймарской республикой не было столь близким, как у Советского Союза, с которым они развивали политическое, экономическое и военное сотрудничество, но все же — корректным в условиях этого периода, чего нельзя сказать о странах-победительницах Первой мировой войны.⁶⁵

С приходом к власти Гитлера Германия ужесточила свою экономическую политику, в том числе ограничив импорт из Финляндии, что привело к торговой войне между двумя странами в середине 1930-х годов. Отношения нарушились также из-за то-

⁶² Kari Selén. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. Helsinki, 1980. S. 206–212.

⁶³ Jutikkala. S. 244.

⁶⁴ Kallenautio. S. 167–169.

⁶⁵ Ivessalo. 1959.

го, что финские газеты негативно комментировали агрессивную внешнюю политику Гитлера. Подобные материалы часто опротестовывались Посольством Германии в Финляндии.⁶⁶

Среди офицеров финской армии было немало таких, которые во время Первой мировой войны прошли обучение в Германии, в т. н. егерском батальоне. Отношения этих офицеров с немецкими коллегами поощрялись уже в 1930-х годах различными неофициальными способами. Несмотря на это, между Финляндией и Германией не произошло военного сближения на государственном уровне. Военно-воздушные силы Финляндии не закупали новые самолеты в Германии, а делали это в Голландии и в Англии.

У Финляндии уже давно были хорошие отношения с Англией, которые играли особенно важную роль в торговой сфере. С военной позиции Англия больше не была столь сильно заинтересована во влиянии на регион Балтийского моря. Ситуация вылилась в англо-германское соглашение о флоте, заключенное в 1935 году, суть которого сводилась к тому, что Балтийское море становится сферой влияния Германии.⁶⁷

В Советском Союзе внимательно следили за развитием отношений Финляндии и Германии, осуждали финские газеты за негативную критику СССР. В них зачастую критиковалась также и политика Германии. Для укрепления доверия и, в особенности, для улучшения имиджа Финляндии в Скандинавии, министр иностранных дел страны Рудольф Холсти совершил в 1937 году визит в Москву. Это случилось совсем незадолго до того, как в полную силу начался Большой террор.⁶⁸

В целом во отношениях Финляндии и СССР во второй половине 1930-х годов не было острых проблем, за исключением событий в советской Карелии в 1918–1922 гг. Во второй половине 1930-х годов ни на государственном уровне, ни в каких бы то ни было значимых политических кругах требования по созданию Великой Финляндии не выдвигались. Но зато серьезные проблемы возникали у тех финнов, которые в 1920-е и 1930-е годы переехали в СССР.

В Карельской АССР, как и на территории Ингерманландии, использование финского языка было полностью запрещено в конце 1937 года. В Ингерманландии финноязычные сельские советы и районы были ликвидированы наряду с финскими школами,

⁶⁶ Michael Jonas. Kolmannen valtakunnan lähettiläs. Juva, 2010. S. 62–72.

⁶⁷ Kallenautio. S. 158–160.

⁶⁸ Ibid. S. 152–158.

театрами, газетами и книгами, которые уничтожались в большом количестве.⁶⁹

В Карелии на смену запрещенному финскому языку пришел карельский язык с кириллическим написанием, создав для всех большие трудности.

Как в Карелии, так и в Ингрии в 1937–1938 годах Большой террор подразумевал и так называемые «национальные» операции. В Карелии проживало всего 3 % финского населения, но среди жертв террора их количество достигает более 40 %.⁷⁰ В этом случае можно и нужно говорить о чистках на национальной почве, то есть о геноциде.

В период Большого террора многие дела были публичными и показательные судебные процессы широко освещались.⁷¹ Несмотря на это, вся широта террора осталась в тени. Сегодня известно, что финнов погибло более 8 000 человек, возможно около 9000. Большинство из них по профессии были рабочими.⁷² Погибших финских ингерманландцев насчитывается около 15 000 человек.⁷³

Представители финской дипломатической службы задавали СССР вопросы о пропавших финнах, но все попытки вмешаться в вопрос пресекались, к тому же никто не стремился сделать из ситуации настоящий предмет для разногласий. К тому же, с точки зрения самой Финляндии многие жертвы террора вполне могли быть потенциально опасными революционерами. Представитель НКВД Ярцев так прямо и сказал финнам, что «лишение свободы» финских предводителей было дружественным поступком по отношению к Финляндии.⁷⁴

В любом случае, исчезновения финнов и ликвидация их национальных прав пошатнули авторитет Советского Союза в финских рабочих кругах. Благодаря рассказам беженцев и бежавшим из тюремных лагерей эта сторона реального положения дел была известна в Финляндии исключительно хорошо.⁷⁵

Большой террор, и в частности связанная с ним массовая чистка офицерских рядов Красной армии в 1937 году, отрица-

69 Mikko Ylikangas. Rivit suoriksi! Helsinki, 2004. S. 405–445.

70 Ирина Такала. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Петрозаводск. 1998. С. 199.

71 Hannu Rautkallio. Suuri Viha. Porvoo, 1995. S. 206–217.

72 <http://www.migrationinstitute.fi/pdf/vainouhrit.pdf>

73 Книга памяти финнов. Т. 1. СПб., 2010. С. 654.

74 Suomen ulkoministeriön arkisto. UM 12L, Fb: 12:25. Inkilän muistio 14.6.1938.

75 Kari Immonen. Ryssästä saa puhua. Helsinki, 1987. S. 126–208.

тельно сказались на международном положении Советского Союза. После этого характер Советского Союза как государства стал все чаще оцениваться как террористический, а военные возможности страны перестали вызывать опасение. Заключенное в 1938 году Мюнхенское соглашение — хорошее тому доказательство. Подписанное в конце сентября Германией, Францией, Англией и Италией соглашение отодвигало Советский Союз на второй план и касалось передачи Чехословакией Судетской области Германии.

Уже в апреле 1938 года Советский Союз попытался нащупать возможный путь для усиления влияния в Финляндии. Представленный под фамилией «Ярцев» агент НКВД передал финскому правительству предложение об обмене территориями, а также о возможности заключения соглашения о взаимопомощи. СССР был особенно заинтересован в островах в Финском заливе, но переговоры ни к чему не привели. Идентичная судьба ожидала и второго агента, посла Бориса Штейна, который передал предложения в марте 1939 года.⁷⁶

Финляндия не хотела вести переговоры о территориях своего государства. Передача земель поставила бы под удар доверие к политике нейтралитета, а тысячам финнов пришлось бы покинуть свои дома. Решение данного вопроса осложнялось политикой, которой Советский Союз придерживался в Восточной Карелии и в Ингрии. Осенью 1939 года были проведены выборы в парламент. Отступление от собственной территории в интересах СССР было бы политически очень непопулярным шагом. Вероятнее всего, решение вопроса невозможно было бы реализовать технически, так как необходимо было придерживаться основного закона о порядке принятия распоряжений об изменении государственной территории, то есть получить *s* (три четверти — *Red.*) большинства. Для решения вопроса в промежутке между выборами закон предусматривал ⁵/₆ большинства.

Согласно стратегии нейтралитета Северных стран Финляндия отказалась и от гарантий, которые ей весной 1939 года предложил Советский Союз.⁷⁷ Совместно со Швецией и Норвегией Финляндия также отклонила предложение Германии подписать соглашение о ненападении. Гарантии дали бы Советскому Союзу право вмешаться в дела Финляндии, а соглашение о ненападе-

⁷⁶ Juhani Suomi. Talvisodan tausta. Helsinki, 1973. S. 307–318. Kallenautio. S. 177–178.

⁷⁷ Martti Häikiö. Maaliskuusta maaliskuuhun. Porvoo, 1976. S. 43–49.

нии связало бы нейтральные государства по рукам в случае возможной германской агрессии на соседних с ними территориях.⁷⁸

Поскольку к 1939 году угроза войны в Европе сильно возросла, то в январе 1939 года Финляндия и Швеция начали готовить военное сотрудничество и договорились о совместном укреплении Аландских островов, а также о создании на них совместной оборонительной стратегии. Тем не менее проект провалился: Швеция была вынуждена от него отказаться после негативной реакции Советского Союза.⁷⁹

Расстановка политических сил в Европе поменялась коренным образом 23 августа 1939 года, когда Германия и Советский Союз заключили договор о ненападении. В его секретном приложении Финляндии была причислена к сфере интересов Советского Союза.

1939–1940. Зимняя война

Осенью 1939 года посол Финляндии в Москве А. Юрьё-Коскинен составил обращение, в котором сообщалось, что он надеется на то, что Советский Союз прекратит высказывать свои подозрения о вымышленной ориентации Финляндии на Германию, когда он сам ориентирован на последнюю.⁸⁰

Смысл соглашения Молотова—Риббентропа стал понятен, когда Советский Союз начал озвучивать претензии на военные базы в Балтийском море. В октябре Финляндия получила приглашение на соответствующие переговоры.

На переговорах у Финляндии потребовали передачи территорий. В центре внимания оказались острова в Финском заливе, область Карельского перешейка недалеко от Ленинграда, морские военные базы в Финском заливе, Ханко и определенная часть Петсамо. В качестве компенсации были обещаны малонаселенные периферийные территории Восточной Карелии, Репола и Пораярви. Также пришлось бы покинуть линию укреплений на Карельском перешейке.⁸¹

Выдвинутых требований было гораздо больше, чем тех, которые прозвучали весной. Но, в отличие от весенней ситуации,

⁷⁸ Osmo Hyttiä. Suomi ja Hitlerin Saksa. Helsinki, 2012. S. 224–231.

⁷⁹ Kallenautio, 160–164.

⁸⁰ Suomen ulkoministeriön arkisto. UM 5 C 18. Yrjö-Koskinen Moskovasta UM: lle 30.8.1939.

⁸¹ Kallenautio. S. 179–188.

финское правительство было готово начать обсуждение касаясь островов в Финском заливе. Финляндия была также готова передать побережье залива на Карельском перешейке, но не Ханко или ближайшие к нему территории. Передачу военных баз в Ханко, так же как и соглашение о взаимопомощи, Финляндия считала невозможной из-за позиции нейтралитета. Ко всему прочему, это было, конечно, небезопасно с военной точки зрения, так же как и передача Койвисто на Карельском перешейке, которая разорвала бы построенную там весной линию укреплений.⁸²

Специалисты в военной области, особенно Маннергейм, были готовы идти на большие уступки, чем гражданские деятели, потому что они не были уверены в военных возможностях Финляндии. На политическом уровне министр внешних дел Эркко заявил, что СССР зависил свои требования и в действительности будет, вероятно, согласен на меньшее. Требования Советского Союза были озвучены в парламенте, но не были вынесены ни на обсуждение, ни на голосование, потому что правительство стремилось всеми силами сохранить единство Народного фронта.⁸³

Советский Союз, который везде публично подчеркивал свои мирные намерения, не выдвигал угроз и, таким образом, не подтолкнул страну-соседку к резолюции. Завершение переговоров 13 ноября 1939 года в Финляндии не считали особенно опасным, несмотря на то что дата следующих переговоров не была назначена.⁸⁴

Тем не менее военная угроза как таковая ощущалась с самого начала, и финской армии уже в октябре приказали начать подготовку и проведение учений, что на самом деле значило мобилизацию. Также были эвакуированы жители приграничных районов и крупных городов, но вскоре финская разведка доложила, что реальной военной опасности нет, и в конце ноября эвакуированное население стало возвращаться в свои дома.⁸⁵ Советский Союз не выдвигал никаких угроз или ультиматумов, и договор о ненападении, заключенный в 1932 году, оставался в силе.

Но вскоре оказалось, что Москва вознамерилась разрешить региональный вопрос с «народом Финляндии», независимо от его правительства, как заявил незадолго до начала войны Молотов. Принцип действий был уникален.

⁸² Ibid. S. 181.

⁸³ Ibid. S. 182–186.

⁸⁴ Seppo Hentilä. Itsenäistymisestä jatkosodan päättymiseen // Hentilä, Jussila, Nevakivi. S. 165.

⁸⁵ Raimo Heiskanen. Saadun tiedon mukaan. Helsinki, 1989.

26 ноября 1939 года СССР обвинил Финляндию в незаконном нападении на свои границы: деревня Майнила якобы подверглась артиллерийскому обстрелу с финской стороны, в результате чего несколько красноармейцев погибло, а еще несколько было ранено.

Выразив недовольство предложениями со стороны Финляндии расследовать инцидент согласно договору от 1932 г., СССР объявил, что считает заключенное в 1932 году соглашение о ненападении расторгнутым, а утром 30 ноября советские военные силы атаковали Финляндию с суши, с моря и с воздуха.⁸⁶

Уже на следующий день стало ясно, какого сценария придерживается Советский Союз в отношении Финляндии. В новостях от первого декабря сообщалось, что недовольный народ и взбунтовавшиеся солдаты финской армии образовали в Терийоки новое «народное правительство» Финляндии, во главе которого встал протеже СССР — финский коммунист Отто Вилле Куусинен. У «правительства» была собственная армия, сформированная из якобы восставших финских солдат, а на самом деле — из проживавших в Советском Союзе финнов, карелов и русских.⁸⁷

Новое финское «правительство» обратилось к советскому за помощью, и в ней, конечно, не было отказано. Союз сразу же признал «новое правительство», которое на самом деле сам же и создал. Второго декабря 1939 года СССР подписал с «Народным правительством Финляндии» государственный договор о передаче Советскому Союзу тех территорий, которые он требовал на осенних переговорах. По поводу ответной передачи территорий со стороны СССР в договоре речь шла уже не только о Репола и Пораярви, а о гораздо более обширных территориях, которые определялись соглашением как исторически карельские области Восточной Карелии, охватывающие в целом 70 000 км².

Петрозаводск и Мурманская железная дорога оставались за рамками этих территорий, но по большому счету именно на предложенные соглашением земли распространялась концепция финско-карельской «Великой Финляндии», которая была так популярна среди финнов в 1918–1920 годах. Подобное «воссоединение» территорий согласно договору должно было исполнить давнюю мечту финского и карельского народа. Договор вступал в силу немедленно, и ратифицирующие документы должны были быть подписаны в Хельсинки «как можно скорее».⁸⁸

⁸⁶ Kallenautio. S. 185–189.

⁸⁷ Ibid. S. 189–190.

⁸⁸ Правда. 2. XII. 1939.

С точки зрения финского правительства, ситуация была крайне ненадежной, так как СССР отказался вести переговоры именно с ним. Финляндия попыталась обратиться к Союзу по радиосвязи, а также попросила содействия у стран-участниц Лиги Наций.

В Лиге Наций СССР утверждал, что не развивал по отношению к Финляндии агрессии, а, напротив, находился в дружественных отношениях с ее народным правительством, подтверждением чему должна была служить уникальная в истории передача земель. По договору, заключенному второго декабря, площадь финских территорий значительно увеличилась. Несмотря на это, Лига Наций признала СССР агрессором и исключила его из состава участников.⁸⁹

Судя по всему, военные действия в рамках Зимней войны рассматривались Москвой как быстрая операция, в которой решающую роль должна была сыграть стремительная военная сила Красной армии.

Наперекор ожиданиям, финны развили отчаянную оборону, которая оказалась вполне удачной, в связи с чем командование Красной армии какое-то время пребывало в растерянности. Необходимо все же признать, что решимость финнов в оборонительной войне была для всех сюрпризом и международной сенсацией. Причин для подобного единения было несколько, но к основным можно отнести недоверие к соглашению о передаче территорий, крушение авторитета СССР в глазах финских рабочих после начала его сотрудничества с Германией, а также бомбежки финских городов. На ситуацию оказали влияние и другие события 1930-х годов, которые в дальнейшем активно использовались финской пропагандой.

Несмотря на то, что Финляндия получила поддержку в виде вооружения от других стран, а также символическое количество добровольцев, отправившихся на ее защиту, страна не смогла бы долго вести оборонительную войну против Красной армии.⁹⁰ Застывший в обороне фронт разрушил убедительность правительства Куусинена, но, что самое важное, промедление в разрешении ситуации рождало опасность военного вмешательства со стороны Англии и Франции.

Англия и Франция действительно готовились отправить в Финляндию свои мобильные армии, которые должны были попасть через Норвегию на шведские территории, взяв заодно под

⁸⁹ Kallenautio. S. 197–200.

⁹⁰ Тимо Вихавайнен. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. М., 1999. С. 192–200.

контроль шведские месторождения руд, которые были крайне важны с военной точки зрения для Германии.⁹¹

Благодаря опасности объединенной интервенции, которая могла втянуть СССР в более масштабные военные действия против союзников вместе с Германией, Москва отреагировала на попытки финского правительства организовать переговоры и дала свое тайное согласие в конце января. Тем самым она de facto опять же признала финское правительство.

Первые переговоры прошли в Стокгольме, а затем в Москве, где 13 марта 1940 года был подписан мирный договор.

Условия договора оказались гораздо более жесткими, чем те, которые выдвигались на осенних переговорах. Помимо передачи островов в Финском заливе, полуостров Ханко вместе с городом подлежал сдаче в аренду в качестве военной базы, а вся полоса Карельского перешейка отходила Советскому Союзу. Более того, передаче подлежали также северные территории Салла и часть Петсамо. Более 400 000 человек лишились дома и были вынуждены перебраться в Финляндию. На оккупированной территории осталось лишь около 200 тысяч человек, часть из них против собственной воли. Утраченные промышленные и сельскохозяйственные ресурсы составляли около 15 % благосостояния Финляндии. Подобное положение дел означало, в том числе, опасность продовольственного кризиса.⁹²

В своей речи Молотов объяснил расширение территорий по мирному соглашению тем, что много крови было пролито не по вине советского правительства, а ненависть Финляндии к Советскому Союзу обнажилась в полной мере, поэтому вопрос защиты путей железнодорожного сообщения Ленинграда и Мурманска должен был быть решен основательно.⁹³

Тем не менее, новые территории, за исключением некоторых частей Карельского перешейка, не присоединили к Российской Федеративной Советской Республике. Было найдено специальное решение, согласно которому родилась новая советская республика — Карело-Финская. В ее состав вошли переданные территории, в том числе Выборг, Сортавала и Кякисалми.

Необходимость в новой республике была обоснована тем, что территории являлись «исторически финскими», хотя их настоя-

⁹¹ Jukka Nevakivi. *Apu, jota ei pyydetty*. Helsinki, 1971. S. 280–286.

⁹² Тимо Вихавайнен. *Экономика и общество Финляндии военного времени // Зимняя война*. С. 211–212.

⁹³ Правда. 30. III. 1940.

щие исторические жители были оттуда эвакуированы. Звучали также слова об экономической общности с Восточной Карелией, что не соответствовало действительности.⁹⁴

В 1936 году Сталин в своей речи о конституции определил три критерия союзных республик: республика должна находиться на границе, чтобы у нее была при желании реальная возможность отделиться от Советского Союза, титульная национальность на ее территориях должна составлять большинство, а количество проживающих людей должно превышать миллион. Новая Карело-Финская ССР отвечала только первому критерию — она была расположена на границе.⁹⁵

Когда таким образом было основано новое «финское государство», то СССР присоединил завоеванные у Финляндии территории именно к нему, а не к России. В новой республике нашлось место и для стыдливо покинувшего политическую сцену Куусинена, который занял пост главы.

Новая ситуация предусматривала возвращение в обиход финского языка, который был исключен из списка разрешенных к употреблению языков в конце 1937 года. Карельский язык с его кириллическим написанием, введенный в обращение в начале 1938 года, полностью исчез уже весной 1940. Школы, газеты, издательства и театры получили право и задачу использовать в новой республике финский язык.⁹⁶

Всех лиц, занявших руководящие посты в Карело-финской ССР, принуждали к изучению еще недавно запрещенного финского языка. В Финляндии наблюдали, как на восточной границе создавалась советская Финляндия, которая, вероятно, при удобной возможности захочет присоединить к себе всю оставшуюся Финляндию. Концентрация военных сил Красной армии у границы, поддерживаемая Советским Союзом коммунистическая активность, военные транзиты через финские территории к укреплениям Ханко, претензии на месторождения никеля в Петсамо и вмешательство во внутренние дела Финляндии вызывали в стране беспокойство. Вследствие чего внушительная часть финской армии располагалась в полной боевой готовности на новой границе, снабженной теперь новыми укреплениями. Старые же остались за новой границей.⁹⁷

⁹⁴ Правда. 1. IV. 1940.

⁹⁵ И. В. Сталин. Сочинения. Т. 1 (XIV). Stanford, 1967. С. 173–174.

⁹⁶ Osmo Huutia. Karjalais-suomalainen neuvostotasavalta. Helsinki, 1999.

⁹⁷ Kallenautio. S. 214–219.

Финляндия осталась без внешней поддержки, потому что Германия была главным союзником Советского Союза во время Зимней войны, оставаясь им и после завершения военных действий. Со стороны Германии было объявлено, что положение является результатом финской политики 1930-х гг., направленной против Германии. Когда весной 1940 года Германия оккупировала Данию и Норвегию, то связи западных государств с регионом Балтийского моря были утеряны и возможностей установить влияние практически не было.

Финляндия сразу после Зимней войны взяла в качестве ориентира Швецию. Министр иностранных дел Молотов немедленно после огласки ситуации объявил, что СССР считает ее вражеским действием, противоречащим мирному соглашению.⁹⁸

Таким образом, Финляндия оказалась в ситуации политической обособленности, а ввиду продовольственного кризиса над ней нависла угроза голода. Присоединение к СССР летом 1940 года стран Балтийского региона произвело на Финляндию пугающее впечатление.

Абсолютно новые возможности в эту ситуацию привнесло то, что осенью 1940 года Гитлер начал подготовку операции Барбаросса по нападению на Советский Союз. Финляндия в этом случае оказывалась полезной для Германии, и в августе она выразила согласие продать Финляндии оружие. В сентябре была достигнута договоренность о том, что германские военнослужащие имеют право отбывать в увольнение из Норвегии в Германию через Финляндию. Похожие транзиты через финскую границу в Ханко совершала Красная армия.

Когда Молотов посетил Берлин 11–13 ноября 1940 для переговоров с Гитлером и прояснил позицию СССР, заключавшуюся в стремлении поступить с Финляндией так же, как с Балтийскими странами (они были летом присоединены к Советскому Союзу), то Гитлер выступил против, ссылаясь на экономические приоритеты Германии. На самом деле это означало изменения в договоренностях, зафиксированных соглашением от 23.08.1939, и включение Финляндии в сферу интересов Германии.⁹⁹

Военная и экономическая поддержка, оказанная Германией, была в данном положении необходима Финляндии, а возобновление ориентации на Швецию уже не казалось подходящим вариантом.

⁹⁸ Kallenautio. S. 214.

⁹⁹ Ibid. S. 219–226.

Весной 1941 года финские офицеры присоединились к подготовке операции «Барбаросса», хотя им, так же как и политическому руководству Финляндии, не было предоставлено точной информации о том, действительно ли начнется нападение. С целью скрыть планы, немцы говорили лишь о требованиях, которые они собирались предъявить Советскому Союзу, альтернативой им была бы война. Финляндии было предложено составить собственный список претензий к Советскому Союзу.¹⁰⁰

Зимняя война достаточно сильно перевернула как внутреннюю, так и внешнюю политику Финляндии. Во внутренней политике вторжение СССР и его сотрудничество с Германией парализовали коммунистов, многие из которых стали поддерживать оборонительную войну.¹⁰¹ Во внешней политике ориентация на Северные страны показала свои слабые стороны. Они не смогли предотвратить войну и не смогли оказать существенной военной и экономической поддержки. Это же касалось и западных союзников. В 1930-х годах Финляндия оставалась на задворках агрессивной политики Германии, но в 1940–1941 годах Германия оказалась единственной реальной силой, способной противостоять угрозам Советского Союза.

В Финляндии Советский Союз, начиная с 1918, впрочем, как и до этого года, обладал плохой репутацией агрессора, нарушившего подписанное соглашение о ненападении, организующего и спонсирующего пятую коммунистическую колонну. Преследования финнов в Восточной Карелии в конце 1930-х годов, сотрудничество с Германией, начавшееся осенью 1939 года, вызвали к СССР недоверие во всех кругах, то есть не только в социал-демократических, которые представляли самую сильную политическую группировку Финляндии, но и среди самих коммунистов, которые стали демонстрировать свое недоверие советской власти.¹⁰²

Условия мирного соглашения, подписанного в Москве в 1940 году, вызвали в Финляндии крайнее недовольство и горечь. В представлении большинства финского населения любые формы сотрудничества с Советским Союзом можно было теперь представить только после возвращения захваченных территорий, что было невозможно для СССР, заплатившего за эти земли очень высокую цену, как погибшими и ранеными, так и потерей авторитета на международной сцене.

¹⁰⁰ Ibid. S. 226–232.

¹⁰¹ Kimmo Rentola. *Kenen joukoissa seisot? Porvoo*, 1994. S. 178–180.

¹⁰² Rentola. S. 112–116.

Осенью 1940 года Финляндия добровольно вошла в сферу интересов Германии, несмотря на то, что реальных сторонников нацизма в стране было крайне мало и совсем не наблюдалось в руководстве внешнеполитическими делами. Но само присутствие в стране немцев, пусть даже небольших вооруженных групп, обеспечивало хотя бы какую-то защиту от СССР, угроза которого казалась вполне реальной. Немецких военных через территорию Финляндии только с сентября 1940 года по май 1941 года переправилось всего 14 500 человек, но это имело большое символическое значение.

Во время Зимней войны Германия, которая считалась союзником СССР, была крайне непопулярна в Финляндии.¹⁰³ Но как только она начала поддерживать страну, ситуация изменилась: доверие к немцам проявлялось в определенной степени в кругу офицеров армии, но еще большую роль играла ненависть к русским, значительно укрепившаяся во времена Зимней войны. В истории Финляндии 1800-х годов русофобии не было, как, например, в Польше или во многих других частях российской империи. Она появилась и укрепилась в основном в 1918 году в период гражданской войны, а во время Зимней войны она возшла на новой почве.¹⁰⁴

Мы можем лишь предполагать, могло бы тесное сотрудничество со Швецией стать альтернативой финско-германским отношениям.

Осенью 1940 Финляндия и Швеция даже планировали государственное объединение стран. Но СССР и Германия разрушили эти планы уже в конце 1940 года.¹⁰⁵

На следующий год СССР, в котором сотрудничество Финляндии и Германии вызвало озабоченность, смягчил свои позиции, но перемещение Финляндии в кильватер Германии уже стало свершившимся фактом.

1941–1944. От союзника Германии к ее противнику

Когда Германия напала на Советский Союз, 22 июня 1941 года Гитлер в своей речи объявил, что финны вместе с немцами (*gemeinsam mit*) защищают финскую территорию.

¹⁰³ Risto O. Peltovuori. *Saksa ja Suomen talvisota*. Helsinki, 1975.

¹⁰⁴ Outi Karemaa. *Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä*. Helsinki, 1998.

¹⁰⁵ Kallenautio. S. 224–226.

Сами финны никогда не использовали слово «союз», а называли себя «военными товарищами» немцев или «братьями по оружию». Речь об «отдельной войне» не была просто риторикой, потому что Финляндия преследовала собственные цели, отличные от стремлений Германии. США также признавали финскую концепцию отдельной войны и поэтому не объявили в свое время войну Финляндии, как, например, это сделала Англия в декабре 1941 под давлением Сталина.¹⁰⁶

На случай войны финны и немцы успели заранее скоординировать свои действия против СССР, за день до нападения они закончили совместное минирование морских территорий. Уже тогда финские суда подверглись атаке советских самолетов. Несмотря на то, что финская армия была сгруппирована для обороны и не совершала агрессивных действий против Советского Союза, совместная с Германией военная подготовка прошла достаточно широко. Германия сообщила Финляндии о начале нападения только 21 июня — за день до назначенной даты.¹⁰⁷

Полноценные военные действия развернулись между Финляндией и Россией 25-го июня 1941 года, когда воздушные силы Советского Союза в количестве нескольких сотен самолетов атаковали финские города. В результате этих событий парламент Финляндии констатировал состояние войны с СССР. Три дня спустя главнокомандующий армией Маннергейм принял решение о подготовке финской армии к наступлению, которое началось 10 июля 1941.¹⁰⁸

В Лапландии немецкие войска вели наступление с целью захвата Мурманска и Мурманской железной дороги, но их продвижение вскоре остановилось и не возобновлялось в течение всей войны. Финны, в свою очередь, уже осенью 1941 года вошли в Свирь и Петрозаводск.

На занятых финнами территориях оставалось около 85 000 человек гражданского населения, было взято в плен около 65 000 советских солдат. Смертность как военнопленных, так и интернированного гражданского населения необычайно возросла уже в первую военную зиму, и особенно весной 1942 года, что было результатом, в том числе, скудного питания.¹⁰⁹ Вопрос об ответственности в данной области рассматривался после войны

¹⁰⁶ Kallenautio. S. 232–243.

¹⁰⁷ Мауно Йокипин. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999. С. 277–300.

¹⁰⁸ Kallenautio. S. 234–235.

¹⁰⁹ Antti Laine. Suur-Suomen kahdet kasvot. Helsinki, 1982. S. 115–156.

в различных судах, а позже в 2000-х годах стал предметом академических исследовательских проектов. Согласно исследованиям самой значительной причиной смертности стала заболеваемость. Продовольственные порции были составлены таким образом, что в среднем их было достаточно для пропитания, но во многих случаях они распределялись в неравной степени, что повышало смертность. Ответственность за смерти можно считать результатом деятельности высшего руководства, но нельзя утверждать, что это была сознательно проводимая политика.¹¹⁰

Узники военных лагерей иногда становились как жертвами незаконных казней, так и жестокого обращения. Совершенные против них действия также впоследствии рассматривались в судах по правам человека, где были вынесены десятки приговоров.¹¹¹

Финляндия, где на территории Лапландии с 1940-го года по транзитному соглашению пребывали немецкие военные, вряд ли могла бы сохранить даже при большом желании нейтралитет в военном конфликте между Германией и Советским Союзом. После Зимней войны невозможной была бы и борьба против Германии на стороне СССР, поэтому начало военного конфликта между двумя государствами видится неизбежным. То, что Советский Союз начал военные действия массивной атакой, в свою очередь сыграло на руку финской правительственной пропаганде, которая вполне достоверно могла утверждать, что Финляндия не причастна к развязыванию войны. Данная ситуация имела большое значение для формирования общественных настроений.¹¹²

Главнокомандующий Маннергейм видел, что, как и в 1918–1919 годах, финский народ нуждается в воодушевляющей национальной идее, и объявил, что военные действия преследуют целью создание Великой Финляндии, то есть присоединение Восточной Карелии. В правящих политических кругах президент Рюти даже озвучивал претензии на более широкие территории, включая Кольский полуостров и области вокруг Ленинграда. Подобный ход предлагала и Германия, хотя ситуация так и не вышла на более конкретный уровень, и вопрос не был вынесен на рассмотрение ответственными за принятие подобных решений финскими политическими органами.¹¹³

¹¹⁰ Lars Westerlund. *Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa*. Helsinki, 2009. S. 414–420.

¹¹¹ Antti Kujala. *Vankisurmat*. Helsinki, 2008.

¹¹² Марк Солонин. 25 июня. Глупость или агрессия? М., 2011.

¹¹³ Ohto Manninen. *Suur-Suomen ääriiviivat*. Helsinki, 1980.

Поскольку Финляндия была демократической страной, то главнокомандующий или президент не могли самолично принимать решение о границах страны. Для этого было необходимо решение парламента и две трети численного перевеса в голосах. Заявление Маннергейма придало войне захватнический характер, а председатель самой крупной партии страны, социал-демократ Вяйнё Таннер, публично объявил об отказе партии от захватнических целей. Похожую позицию по вопросу занимала в парламенте, например, Шведская народная партия.¹¹⁴ Когда таким образом стали явными разногласия о целях войны, публичное обсуждение этой темы было запрещено.

Следует упомянуть, что занимавший во время войны пост президента директор госбанка Ристо Рюти был совершенно не настроен на немецкую линию будучи англофилом. Действительно сочувствующих немцам в руководящих кругах было совсем немного, а поддержка нацизма практически отсутствовала, не принимая каких бы то ни было форм. Сотрудничество с Германией было по своей природе вынужденным политическим шагом и ограничивалось военным и экономическим взаимодействием. Данное положение утверждалось собственной внутрисоветской пропагандой, потому что правительству было крайне необходимо найти поддержку врагов нацизма, в особенности в среде социал-демократов.¹¹⁵

Несмотря на то, что настроения в Финляндии по отношению к основной стратегической линии правительства оставались положительными в течение всей войны, линия удовлетворяла требованиям всех партий и пользовалась поддержкой большинства населения. Так происходило, в частности, благодаря тому, что многие вопросы, которые потенциально могли расколоть общество, не поднимались в военное время ни в парламенте, ни в прессе.

В любом случае, следует признать, что попытки советской пропаганды и Коминтерна организовать в Финляндии подполье практически полностью провалились. Несмотря на то, что народный фронт не был настолько сплоченным в 1941–1944 годах, как во время Зимней войны, а английская и даже американская пропаганда работала теперь против Финляндии, было предпринято всего несколько отдельных саботажей.¹¹⁶

¹¹⁴ Hentilä. S. 181–182.

¹¹⁵ Kallenautio. S. 232–234.

¹¹⁶ Martti Julkunen. Toiveiden ja todellisuuden noidankehä // Kansakunta sodassa 2. Helsinki, 1990. S. 222–246.

Занятые в результате военных действий территории были присоединены к Финляндии в контексте возвращения земель, потерянных во время Зимней войны. Многие из эвакуированных жителей вернулись в свои дома.

В Восточной Карелии финская армия все же пересекла старую границу, захватила, в том числе, Петрозаводск и перешла реку Свирь. Ситуацию объяснили как стратегическую необходимость, рассчитывая в будущем, после победы, использовать оккупированные территории в качестве «залога» на мирной конференции, где будут зафиксированы результаты мировой войны.

Действия немецкой и финской армий координировались на высоком уровне. Так, один из немецких дивизионов (163) находился в качестве резерва в подчинении финского главнокомандующего и практически не использовался. Немцы также хотели, чтобы финны приняли участие в осаде Ленинграда, но согласия с финской стороны не последовало, несмотря на сильное давление. На Карельском перешейке финны оставались более или менее в пределах старых границ, дальше которых продолжать наступление не стремились. На это были военные и политические причины. Наступление могло бы испортить отношения Финляндии и США.¹¹⁷

Конечно, финским войскам в войне против СССР пришлось принять определенное участие в блокаде Ленинграда. Продвижение финнов к реке Свирь закрыло для города один из каналов связи с внешним миром. Тем не менее финские войска не стремились продвинуться от Свири на Юг для слияния с германскими войсками, что привело бы к полному закрытию блокадного кольца вокруг Ленинграда. Финляндия также не принимала участие в бомбардировках города.

То, что финская армия не посягала на Ленинград и Мурманскую железную дорогу, можно считать чертой политической стратегии отдельной войны и в целом уникальным явлением в рамках войны тотальной, когда с жизнями гражданского населения также не считаются. Возможности маленькой финской армии привнести значительные изменения в военную ситуацию были невелики, к тому же на них влияла политическая ситуация. Финляндия не хотела портить отношения с США, которые в случае активных военных действий однозначно оказались бы под угрозой. В Финляндии существовало мнение, что США займет важное, а может быть и решающее, положение на будущем мирном конгрессе.

¹¹⁷ Kallenautio. S. 236–241.

О расхождении военных целей с Германией свидетельствует и то, что в Финляндии евреи не становились жертвами преследований, а сражались с другими солдатами на фронте, где у них даже была своя синагога.¹¹⁸

Когда после Сталинградской битвы поражение Германии стало казаться неизбежным, в Финляндии под предводительством профессора Линкомиеса в марте 1943 года было сформировано новое правительство, главной задачей которого стало стремление привести страну к миру. Германия жестко отреагировала на ситуацию, прекратив поставки зерна и оружия в Финляндию, поэтому поиски возможных путей к миру вошли в активную фазу только весной 1944 года.¹¹⁹

На весенних переговорах 1944 года Советский Союз потребовал от Финляндии капитуляции, интернирования немцев и огромных репараций. Все выдвинутые требования считались невозможными к исполнению. Ситуацию с мертвой точки не сдвинуло и то, что воздушные силы Советского Союза совершили три массированных террористических удара по Хельсинки. Несмотря на массивность задействованных сил, потери, благодаря хорошо организованной обороне, были достаточно небольшими.¹²⁰

Красная армия, военное мастерство и военные возможности которой за несколько лет значительно развились, собиралась разбить финскую армию крупным стратегическим ударом летом 1944 года.

Операция прошла сравнительно успешно, и Выборг был захвачен довольно быстро. Тем не менее попытки продвинуться в глубь Финляндии натолкнулись на упорное сопротивление находящихся рядом с Выборгом территорий Тали-Ихантала и Вуосалми на реке Вуоксе.¹²¹ Во время боев в этих районах финны получили эффективную поддержку германских воздушных сил, для усмирения которых президент Рюти написал письмо о том, что он как президент не допускает заключения отдельного мира между Финляндией и Советским Союзом. Речь идет не о соглашении, как иногда ошибочно указывают в литературе, а о личном письме президента республики.

Когда нападение Красной армии было приостановлено, а немцы были вынуждены отступить с территорий Эстонии, у Финлян-

¹¹⁸ Hannu Rautkallio. Suomen juutalaisten aseveljeys. Helsinki, 1989. S. 167–192.

¹¹⁹ Jutikkala. S. 232–237.

¹²⁰ Martti Helminen. Helsingin suurpommitukset helmikuussa 1944. Porvoo, 2004.

¹²¹ Olli Vehviläinen, Kannaksen kriisi ja suomalaisten torjuntavoitto // Kansakunta sodassa 3. S. 64–80.

дии появилась более реалистичная возможность выйти из войны. Почва была подготовлена уходом Рюти с поста президента. Его место занял Маннергейм, известный тем, что пользовался безоговорочным доверием как народа, так и армии.¹²²

Мирное соглашение, которое было заключено 4 сентября 1944 года, предусматривало разрыв отношений с Германией и интернирование находящихся на территории Финляндии германских войск. Немецкие войска, конечно, не согласились сделать это добровольно, и, таким образом, Финляндия была вынуждена вступить в войну с Германией, которая продлилась до конца апреля 1945 года, хотя основные военные действия выпали на осень 1944 года. Самой значительной стала битва в Суурсаари (Гогланд), который немцы пытались захватить. Финская армия препятствовала этому при поддержке советских воздушных сил. В Лапландии немцы уничтожали за собой практически все ценные материальные ресурсы, а также различные постройки, мосты, корабли.¹²³

Помимо вступления в войну с Германией, Финляндия согласно соглашению о перемирии должна была выплатить 300 миллионов репараций золотым стандартом доллара, что ввиду экономического положения страны было крайне внушительной суммой. Кроме того, нужно было наказать виновных в военных действиях и запретить организации, носящие фашистский характер, в том числе отряды шюцкоров. Для контроля за выполнением условий перемирия в Финляндию прибыла специальная Контрольная комиссия Союзников.¹²⁴

Тем не менее Финляндия не была оккупирована по причине того, что Красной армии так и не удалось проникнуть в глубь страны: как и во времена Зимней войны, она оставалась в значительной степени в пределах вне восточных границ 1940 года. Там же пролегла линия границы и после 1944 года. Попытки финнов заставить советское правительство вспомнить о провозглашенном в 1939 году «воссоединении финского и карельского народа» отзывались глухим эхом.

Наказание виновных в войне на практике означало, что группа ответственных за принятие правительственных решений, приведших к разжиганию военного конфликта, и центральные

¹²² Olli Vehviläinen. Presidentin vaihdoksesta välirauhansopimukseen // Kansakunta sodassa 3. S. 94–102.

¹²³ Sampo Ahto. Aseveljet vastakkain. Helsinki, 1980. S. 215–222.

¹²⁴ Kallenautio. S. 250–251.

фигуры событий того времени получили в суде срок в несколько лет. Для этой ситуации был издан специальный закон, который противоречил финской правовой системе, но которого следовало придерживаться.¹²⁵

Кроме того, были найдены и наказаны несколько десятков человек, виновных в военных преступлениях. В особенности это касалось незаконных убийств военнопленных: из 60 000 военнопленных по разным причинам было казнено около 500.¹²⁶

В качестве «носящих фашистский характер» в Финляндии было запрещено довольно большое количество организаций, а для укрепления доверия требовался новый премьер-министр, которым стал бывший посол Финляндии в Москве, представлявший также старое поколение финнов времен автономии, Юхо Кусти Паасикиви, вернувшийся в политику как «новое лицо». В парламент и в правительство также пришло большое количество деятелей, которые в военное время оставались за пределами политики. Коммунистическая партия была вновь разрешена и в 1945 году получила на выборах в парламент 49 мест из 200.¹²⁷

Удача коммунистов в выборах в парламент была неожиданной, но за ней стояли как оппортунизм, так и разочарования, тяжести и потери военного времени. В свою очередь, социал-демократы продолжали национальную линию и в ее рамках оставались в сотрудничестве с Партией национальной коалиции. Сотрудничество родилось еще в военные годы, и коммунистам не удалось разрушить его.

В Финляндии войну против Советского Союза с 1941 по 1944 год принято называть «война-продолжение». Название подчеркивает, что конфликт стал продолжением Зимней войны 1939–1940 годов, и данная позиция уже в то время подтверждалась финскими официальными лицами.

Более поздние исследования, в особенности работа Мауно Йюкиппи, представляет точку зрения, согласно которой Финляндия заранее готовилась к атаке на Советский Союз совместными с Германией усилиями, хотя военные действия и начались 25 июня 1941 года с военно-воздушного удара советской авиа-

¹²⁵ Olli Vehviläinen, Liittoutuneiden valvontakomission armoilla // Kansakunta sodassa 3. S. 220–227.

¹²⁶ Antti Kujala, Illegal Killing of Soviet Prisoners of War by Finns during the Finno-Soviet Continuation War of 1941–44 // Slavonic and East European Review 2009:3. P. 429–451.

¹²⁷ Keijo K. Kulha. Sodan perintö // Rasila, Jutikkala, Kulha. S. 297.

ции.¹²⁸ Но исследователи, как и политики, хотели подчеркнуть, что у Финляндии не было реальной возможности остаться вне военного конфликта. В ранних исторических материалах ситуацию сравнивают со «сплавным лесом, который несет бурное течение». Позднее приводится сравнение с лодкой, преодолевающей пороги: ей приходится плыть по течению, но, несмотря на это, ею управляет человек.¹²⁹

В послевоенное время стало принято подчеркивать различие стратегических целей Финляндии и Германии, а также говорить об «отдельной» финской войне. Это признавали как США, так и СССР, причем первые не объявляли войну Финляндии, сохраняя с ней дипломатические отношения вплоть до лета 1944 года, а СССР поддержал проведение отдельных переговоров и заключение соглашения. В новых финских исследованиях, тем не менее, иногда стремятся подчеркнуть, что отношения между Германией и Финляндией были настолько близкими, что право говорить о союзе было дано по крайней мере летом 1944 года.¹³⁰

Появляются также материалы, стремящиеся доказать, что Финляндия активно принимала участие в блокаде Ленинграда.¹³¹ Если говорить в целом, то следует признать, что на самом деле новые исследования представляют по сравнению с предыдущими достаточно разные точки зрения, но с документальной позиции не приносят ничего существенно нового в то, что уже было известно до этого, а также не создают причины для того, чтобы изменить ранее выявленные положения о характере войны.

Авторизованный перевод с финского Елены Вешняковой

¹²⁸ Iokipii. S. 316.

¹²⁹ Jutikkala. S. 219–225.

¹³⁰ Markku Jokisipilä. Aseveljiä vai liittolaisia? Helsinki, 2004.

¹³¹ Н. И. Барышников. Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки, 2002.

ИРИНА ТАКАЛА

ФИННЫ-ИММИГРАНТЫ В РОССИИ XX В.

Финны, живущие в России, делятся на несколько разнородных по историческим судьбам и происхождению групп. Наиболее многочисленную составляют финны-ингерманландцы — старожильческое (с XVII века) население современной Ленинградской области. Другие группы включают в себя переселенцев из Финляндии, в разное время иммигрировавших в Россию, и их потомков. В последние десятилетия появилось немало работ, посвященных российским финнам¹. Наибольшие споры

¹ Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. Inkerin ja Pietarin suomalaisten sivistys-, kulttuuri-, ja itsetuntopyrkymyksiä vuosina 1861–1917. Turku, 2000; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002; Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003; Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 2003; Engman M. Pietarinsuomalaiset. Helsinki, 2004; Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб., 2004; Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007; North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s / Edited by Irina Takala and Ilya Solomeshch. Petrozavodsk, 2008; Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Научн. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2009; Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. СПб., 2009; Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба. Петрозаводск, 2010; Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск, 2010.

в историографии вызывает деятельность так называемых красных финнов в довоенной советской России, в частности в Карелии 1920–1930-х гг. В настоящей статье нам хотелось бы в виде общего обзора представить свой взгляд на некоторые спорные проблемы.

Финны в дореволюционной России

Небольшие колонии финнов проживали на территориях современной Карелии, Кольского полуострова, Карельского перешейка издавна, что характерно для любой приграничной территории. Однако широкомасштабный характер миграция финнов на восток приобретает после присоединения Финляндии к России в 1809 году. Переселенческое движение состояло из нескольких неоднородных по величине и социальному составу эмиграционных потоков, было вызвано к жизни различными причинами и носило дискретный характер. Фактически в XIX и XX столетиях финская диаспора на территории России формировалась дважды.

Начавшаяся в первой половине XIX века массовая иммиграция финнов в Россию постоянно расширялась вплоть до конца столетия и была обусловлена, прежде всего, экономическими причинами. С середины XIX века в Финляндии нарастало аграрное перенаселение, в то время как слаборазвитая промышленность не в силах была принять тысячи свободных рук. Огромная масса бедноты не могла найти постоянную работу и вступала в конфликт с довольно жестким законодательством о бродяжничестве. Емкий русский рынок рабочей силы в этом отношении для многих был выходом из создавшегося положения. Стимулировали миграцию и частые неурожаи, вызывавшие голод и разорение широких слоев населения.

С конца 1880-х гг. приток финнов в Россию значительно уменьшился, небольшой рост наблюдался лишь во время благоприятной экономической конъюнктуры конца 1890-х гг. и в годы Первой мировой войны, во время строительства Мурманской железной дороги. Сокращение потока переселенцев было вызвано изменениями в экономике Финляндии и России, ростом российского промышленного пролетариата, наконец, осложнением политической обстановки в связи с наступлением царизма на финляндскую автономию. Эмиграция из княжества продолжалась, но на рубеже столетий она шла в основном уже в другом

направлении: большинство финнов в поисках работы уезжало в Северную Америку.

Переселенческое движение XIX века носило приграничный характер: большая часть финляндских иммигрантов расселялась в северо-западных российских губерниях — Петербургской, Олонецкой, Архангельской, и это в основном были жители Восточной Финляндии. В 1897 г., по данным первой всероссийской переписи населения, в империи насчитывалось 36 тыс. финляндских уроженцев, 98 % из них (35 тыс.) проживало в Европейской России².

Основным районом иммиграции являлся Петербург и Петербургская губерния. Свыше 80 % всех петербургских финнов было занято в промышленности и ремеслах. Наиболее характерными для них были профессии ткача, прядильщика, сапожника, портного, столяра, многие работали в металлургической промышленности. Специфически финской была профессия трубочиста, в которой финляндцы составляли более половины всех специалистов. Условия общественной жизни, небольшие расстояния благоприятствовали и иммиграции женщин из Финляндии, доля которых в общем потоке переселенцев достигала 50–60 % во второй половине столетия. Работали финки главным образом в качестве домашней прислуги (св. 60 %), а также в промышленности (преимущественно текстильной). В окрестностях столицы финны занимались извозом, торговлей, разного рода ремеслами. В 1897 г. в Петербургской губернии находилось свыше 12 тыс. финляндских уроженцев³. Для большинства переселенцев пребывание в Петербурге и губернии носило временный характер. Заработав или обучившись ремеслу, многие возвращались на родину.

² Бирин В. Н., Такала И. Р. Финны // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 370–371. Следует иметь в виду, что понятие «финляндские уроженцы» означало не фактическое место рождения, а финляндское подданство. Перепись 1897 г. дает распределение финляндских уроженцев и по родному языку, что существенно, так как среди них кроме финнов были и шведы.

³ Энгман М., Юнгар С. Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700–1917. Л., 1980. С. 116–119; Jungar S. Från Åbo till Ryssland. En studie i urban befolkningsrörlighet 1850–1890. Åbo, 1974. S. 85–89; Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 165–169. Подробнее см.: Engman M. St Petersburg och Finland: Migration och influens 1703–1917. Helsingfors, 1983; Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 2003; Engman M. Pietarinsuomalaiset. Helsinki, 2004.

Переселение финляндцев в другие регионы Европейской России было обусловлено иными факторами, что отразилось и на социальном составе мигрантов. Для финнов, уходивших в северные районы российской губернии, важным стимулом к эмиграции становились частые неурожаи. Это подтверждается отчетливыми пиками переселенчества в голодные годы и преимущественно крестьянским составом мигрантов.

В Олонецкой губернии первые финские колонисты появились в 1830-е годы, однако особенно быстро количество переселенцев растет во второй половине столетия. К концу века численность финского населения Олонецкой губернии достигла трех тысяч человек и оставалась на этом уровне вплоть до 1917 г.⁴ Доля мужчин и женщин в диаспоре была примерно равной. Основная масса переселенцев (более половины из них были уроженцами Выборгской губернии) проживала в трех уездах — Петрозаводском (35 %), Олонецком (24 %) и Вытегорском (29 %). Финны были заняты в промышленности, ремеслах, на строительных работах и лесозаготовках. Весьма распространенными являлись профессии столяра, плотника, портного, сапожника, печника. Занимались они и сплавом леса, работали в сельском хозяйстве, на речном транспорте (в том числе в качестве бурлаков). Женщины нанимались в услужение в богатые дома⁵. Переселение в Олонецкую губернию, как и в Петербургскую, было для большинства финляндцев явлением временным: в конце столетия диаспора на $\frac{9}{10}$ состояла из мигрантов первого поколения⁶. В 1917–1918 гг. около 70 % финнов вернулись на родину.

В Архангельской губернии финны концентрировались на Мурманском побережье. Первые поселения появляются здесь в голодные для Финляндии 1860-е годы (1864 г., колония Ура-Губа). Стимулом к миграции стали и правительственные постановления 1868, 1876 и 1890 гг., предоставлявшие льготы колонистам Мурманска⁷. В отличие от Петербургской и Олонецкой губерний, на Кольский полуостров финны переезжали с намерением прочно

⁴ Бирин В. Н., Такала И. Р. Финны // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 370; Бирин В. Н. Финны Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 4–5, 27–29.

⁵ Бирин В. Н. Указ. соч. С. 5–9, 15–18, 24–26.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Энгельгард А. П. Русский Север: Путевые заметки. СПб., 1897. С. 90–94; Kiseljov A. Kuolan suomalaiset // Punalippu. 1989. 11. S. 90. См. также: Максимов Н. В. Мурманский берег, его обитатели и промыслы // Русская мысль. 1893. Кн. I. С. 19–42; Кн. III. С. 24–26; Кн. IV. С. 83–100.

обосноваться на новом месте. Колонисты селились по побережью Баренцева моря (Кольский залив) и вдоль реки Тулома. К концу столетия здесь появился уже целый ряд поселений, в которых сохранялся традиционный для финской деревни уклад жизни. В Кольско-Лопарской волости финны селились хуторами на расстоянии 1,5–2 км друг от друга.

В 1897 г. численность финнов на Кольском полуострове составляла 1 276 человек (645 мужчин и 631 женщина). Лишь половина из них (650 чел.) являлась мигрантами первого поколения (83 % — уроженцы губернии Оулу). Еще ниже был процент тех, кто оставался финляндским подданным (428 чел., 33 %). Диаспора имела нормальную демографическую структуру с благоприятными перспективами развития — 50 % составляли дети и молодежь в возрасте до 20 лет⁸. Практически все переселенцы были сосредоточены в Кольском (85,5 %) и Кемском (12,6 %) уездах, и это было на 98 % сельское население. Основным занятием финнов являлись рыбный промысел и охота (55 % самостоятельного населения). В животноводстве и земледелии трудились чуть больше 16 %, 12 % занимались различными ремеслами (обработка дерева, продуктов животноводства, изготовление одежды) и строительными работами. Большинство женщин в возрасте старше 20 лет (св. 80 %) находилось на иждивении мужей, занимаясь домашним хозяйством и детьми. Следует в этой связи отметить, что на Мурмане, где в то время не было ни одной школы, дети финнов в возрасте от 10 до 19 лет на 91 % были грамотными (по-фински)⁹.

В годы Первой мировой войны численность финского населения Кольского полуострова значительно возросла в связи со строительством Мурманской железной дороги, и в 1915 г. здесь проживали 2 793 чел. (19 % от всего населения края)¹⁰. После 1917 г. большинство финских колонистов остались жить на мурманском побережье.

Следует упомянуть еще об одной, весьма специфичной, группе российских финнов, так называемых сибирских финнах. С 1826 г. из Финляндии в Сибирь начинают выселять приговоренных к смертной казни и помилованных преступников (мужчин).

⁸ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. I. Архангельская губерния. Тетрадь I. С. 42–43; Тетрадь 3. С. 2–3, 20–21, 52, 64–67.

⁹ Там же. Тетрадь 3. С. 64–67, 102.

¹⁰ Подсчитано по: V. Keynään laatima ja sovittama kansallisuuskartta, 1921. Liitenä.

В 1847 г. эта мера наказания была распространена на женщин, осужденных к смерти, а также на людей, приговоренных к тюремному заключению за бродяжничество. Положение о ссылке действовало в финляндском законодательстве до 1888 г. За это время из Финляндии в Сибирь был выслан 3 321 человек (2 859 мужчин и 462 женщины), 27 % из них составляли люди, приговоренные к смертной казни за убийство¹¹. Большинство ссыльных финляндцев направляли на поселения в Тобольскую губернию. В 1897 г. в Сибири проживали 2 182 финна (1 379 мужчин и 803 женщины), самые большие группы были сосредоточены в Тобольской — 48 % (1 057 чел.) и Енисейской — 19 % (421 чел.) губерниях, а также в Забайкальской области — 10 % (211 чел.)¹². Составляя мизерную часть населения Сибири, финны неизбежно и быстро ассимилировались.

В XIX веке финские переселенцы проживали и в других российских областях, например в Московской, Новгородской губерниях, на Дальнем Востоке. Это были совсем небольшие, разобщенные группы (всего менее 1,5 тыс. человек), которые либо постоянно мигрировали, либо быстро растворялись в массе окружавшего их русского населения.

Миграционные волны советского периода.

Годы революции внесли существенные коррективы в численность и социальный состав финского населения России. Изменились границы, Финляндия обрела независимость, в России шла гражданская война. В этих условиях большая часть финнов вернулась на родину, и в советское время диаспора формировалась фактически заново. С 1918 по 1935 гг. было три больших иммиграционных волны, вызванных к жизни целым комплексом политических и экономических причин и обусловленных изменениями, происшедшими в мире после российской революции.

По причинам миграции, времени прибытия и месту исхода финских иммигрантов советского периода можно условно разделить на три основные группы — политэмигранты (красные финны), перебежчики и североамериканские переселенцы.

¹¹ Juntunen A. Suomalaisten karkottaminen Siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa. Turku, 1983. S. 37–44, 56.

¹² Juntunen A. Op. cit. S. 193–197. Речь идет о финноязычном населении Сибири. Кроме них по различным губерниям было рассредоточено 328 финляндцев, говоривших по-шведски.

Первая большая волна эмиграции из Финляндии связана с поражением красных в гражданской войне 1918 г. Тысячи участников событий и членов их семей, спасаясь от преследований, покинули страну. Часть эмигрантов бежала в Швецию и другие государства, но большинство предпочло искать убежища в Советской России. Весной 1918 г. в Петроград прибыло 6 тыс. беженцев¹³. Политэмигранты и их семьи продолжали прибывать в Россию вплоть до начала 1930-х гг. В общей сложности численность этой группы иммигрантов, по косвенным подсчетам, могла достичь 10–12 тыс. чел.

Финские красногвардейцы сражались практически на всех фронтах гражданской войны, многие из них погибли¹⁴. После разгрома Колчака большая группа политэмигрантов (около 300 чел.) была направлена в Западную Сибирь для пропагандистской работы среди местного финского населения, основную часть которого в то время составляли уже ингерманландцы — либо сосланные, либо переселившиеся за Урал по столыпинским реформам¹⁵.

В 1920 г. в Омске была создана финская ячейка РКП (б), куда входили 254 чел. Постепенно коммунисты распространяли свою деятельность на финские поселения и за пределами Омской области. Они организовывали пропагандистские курсы, создавали политические клубы, издавали свою газету «Eteenpäin» («Вперед»). Особое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде. Церковные приходы закрывались, из школ увольнялись неблагонадежные учителя. Весной 1921 г. многие финские пасторы и преподаватели получили разрешение вернуться с семьями в Финляндию. С их отъездом преподавание на финском языке прекратилось, дети ингерманландцев и иммигрантов ходили в русские или эстонские школы. Впрочем, влияние красных финнов на жизнь финских поселений Сибири было кратковременным, вскоре основная их часть переехала в Карелию. Уже в конце 1920-го года финская ячейка РКП (б) насчитывала всего

¹³ Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 105.

¹⁴ Подробнее см.: Коронен М. М. Указ. соч. С. 104–214; Salomaa M. Punaupseerit. Juva, 1992; Harjula M. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922. Helsinki, 2006.

¹⁵ Juntunen A. Länsi-Siperian inkeriläiset siirtolat // Turun Historiallinen Arkisto. 38. Turku, 1982. S. 360–362; Колесников А. Д. О национальном составе населения Омской области // Исторический процесс формирования среднего Прииртышья в этническом и национальном отношении. Омск, 1966. С. 101.

20 членов и практически прекратила свою деятельность¹⁶. Окончательную точку в деле разрушения финских поселений Сибири поставила коллективизация. Большинство финнов попали в категорию кулаков и были либо репрессированы, либо рассредоточены по многочисленным колхозам и совхозам края.

Основная масса политэмигрантов после окончания гражданской войны была сосредоточена в Европейской России, ее северо-западном регионе, чему в немалой степени способствовала политика, проводимая руководством страны. По замыслам самих красных финнов и Кремля российский север должен был стать своего рода форпостом мировой революции, и большая роль в этом плане отводилась созданной в 1920 году Карельской Трудовой Коммуне. Карелия должна была превратиться в «образцовую социалистическую республику, способную революционизировать соседнюю Финляндию и скандинавские страны». Именно с этой целью были направлены в 1920 г. в молодую автономию видные деятели СДПФ и КПФ из числа красных финнов. 15 лет (1920–1935) республику возглавлял бывший член финляндского парламента от СДПФ Эдвард Гюлинг. На момент создания Карельской Трудовой Коммуны в ней проживало около тысячи финнов, давно обосновавшихся здесь. К 1926 г. численность диаспоры за счет иммиграции увеличилась в два с половиной раза. Основными местами расселения финнов были Петрозаводск, Петрозаводский уезд, а также крупные национальные карельские районы — Ухтинский и Олонецкий¹⁷.

Политическая активность красных финнов использовалась советским руководством и в других местах. Часть из них была направлена на работу в финские поселения Кольского полуострова, где с их помощью создавались национальные животноводческие и рыболовецкие коммуны, артели, кооперативы. В конце 1920-х годов только в Александровской волости на Западном Мурмане действовали 14 рыбацких и 4 молочных финских артели (самая знаменитая из них — животноводческая артель «Puna Karjakko» («Красная скотница») в Грязной Губе). Часть финнов Мурмана продолжала трудиться по-старому, многие хуторские хозяйства

¹⁶ Шиндин А. М. Сибирские бюро ЦК РКП (б) — организатор и руководитель движения интернационалистов в Сибири (1919–1921). Новосибирск, 1974. С. 166–173, 182; Juntunen A. Länsi-Siperian inkeriläiset siirtolat. S. 361–362.

¹⁷ Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии. 1922 год. Петрозаводск, 1923. Вып. II, ч. 1. С. 12–13; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1. М., 1928. С. 178–181.

Кольско-Лопарского района были уничтожены позже, в период коллективизации. По данным переписи 1926 г. финны проживали более чем в 50 местах Кольского полуострова, в семи из них (Сайда Губа, Торос-Остров, Грязная Губа и др.) было стопроцентное финское население. На 91 % финны Мурмана оставались сельскими жителями. В целом по губернии доля финнов составляла 7,4 % от всего населения (финнов было столько же, сколько и саамов)¹⁸.

Самая большая часть диаспоры проживала в 1920-е гг. в Ленинградской губернии — 58 % всех российских финнов. Это были и иммигранты 1918 г., и те, кто укоренился здесь с XIX столетия. В 1926 г. финны Ленинградской губернии на 42 % являлись городскими жителями. В Ленинграде и других городских поселениях они работали на промышленных предприятиях, в полиграфической отрасли, в народном образовании, культуре. Сельское финское население концентрировалось вокруг бывшей российской столицы и по побережью Финского залива, в Ленинградском, Троицком (Гатчинском) и Кингисеппском уездах (98 %). Принято считать, что красных финнов в Ленинградской губернии расселяли в основном в районах проживания ингерманландцев с целью распространения среди них революционных идей и воспитания ингерманландских крестьян в коммунистическом духе. Интересно в этой связи отметить, что, например, в Троицком уезде 85 % финнов жило в Ораниенбаумской волости, на три четверти русской. При этом в пяти волостях уезда, где сосредотачивалась четверть всех ингерманландцев губернии и они составляли около 60 % населения этих мест, не было ни одного финна. Такая же картина наблюдалась и в Кингисеппском уезде. По всей видимости, пропагандистской работой среди местного финского населения занималась лишь небольшая, наиболее активная часть политэмигрантов, остальные же просто старались селиться поближе к Ленинграду: треть всех финнов губернии проживала в трех волостях Ленинградского уезда — Куйвозовской, Парголовской и Ленинской — население которых было ингерманландским лишь на 55 %¹⁹.

Всего в Ленинградско-Карельском районе, куда входили Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Череповецкая губернии и Карелия, в 1926 г. насчитывалось 15,5 тыс. финнов (52 % из них женщины). 77 % финнов были грамотными

¹⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1. М., 1928. С. 194–195.

¹⁹ Подсчитано по: Там же. С. 182–187.

(св. 84 % на финском языке), что значительно превышало средний показатель по региону (57,5 %). Почти для 89 % финский язык оставался родным²⁰. В других областях численность финского населения была невелика. Всего в 1926 г. в России проживали 18 945 финнов²¹.

На начало 1930-х гг. приходятся две других крупных иммиграционных волны. Уже в 1920-е гг. в Россию начинают прибывать первые группы переселенцев, эмигрировавших ранее из Финляндии в США и Канаду. На стройках и промышленных предприятиях Кемерово, Нижнего Новгорода, Магнитогорска североамериканские финны появляются в первой половине 1920-х годов. Тогда же начинают работу созданные ими сельскохозяйственные коммуны «Kylväjä» («Сеятель») на Северном Кавказе, «Säde» («Луч») в Карелии, «Tuö» («Труд») в Ленинградской области, рыболовецкая артель в Кандалакшской волости. Это были очень небольшие отряды людей, приехавших своими руками строить социализм. Массовый характер иммиграция финнов из Северной Америки в Россию приобретает в начале 1930-х гг.

В 1931 г. руководство Карелии с разрешения Москвы начинает широкомасштабную вербовку квалифицированных рабочих кадров среди этнических финнов Америки. Малонаселенная и традиционно крестьянская Карелия остро нуждалась в высококвалифицированных специалистах и рабочих руках. За счет иммигрантов республиканское руководство планировало повысить производительность труда в основной отрасли — лесозаготовках и завершить процессы формирования национальных рабочих кадров. С точки зрения Москвы, вербовка финских рабочих из-за рубежа шла в русле генеральной идеи о создании на севере России форпоста мировой революции. Вербовке, которую проводили специально созданные для этого организации (Комитет технической помощи Карелии в Америке, Переселенческое управление в Петрозаводске), предшествовала широкая пропагандистская кампания, развернутая финноязычной левой прессой США и Канады. Большинство переселенцев искренне верили в возможности нового общества «освобожденного труда», а экономический кризис, захлестнувший Европу и Америку, только укреплял эту веру. Финны надеялись обрести в Карелии работу по душе и внести свою посильную лепту в дело построения социализма. Трудовой договор заключался с переселенцами

²⁰ Подсчитано по: Там же. С. 108–128.

²¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. М., 1929. С. 38.

на два года, однако многие собирались обосноваться в России навсегда. Они ехали с семьями, везли с собой технику, оборудование, валюту. Всего за 1931–1934 гг. в Карелию из США и Канады переехало свыше 6 тыс. человек (треть из них женщины и дети). Трудились североамериканские финны в лесном комплексе республики, а также в других отраслях промышленности, в сельском хозяйстве, культуре. Самые крупные американские колонии были в Петрозаводске, Кондопоге, Прионежском и Пряжинском районах²². Кроме Карелии небольшие группы переселенцев работали и в других областях России.

Еще одна крупная эмиграционная волна явилась следствием экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии. Начиная с 1930-го года большие группы людей, спасаясь от голода и безработицы, самостийно переходили финляндско-советскую границу на всем ее протяжении. Определенную роль сыграла и пропагандистская кампания, развернутая карельским руководством и финляндскими коммунистами в связи с политикой вербовки рабочих кадров. Перебежчики хотели найти работу в России, спасаясь от нужды, а порой и от политических преследований. По приблизительным подсчетам, в 1930–1934 гг. из Финляндии в Советский Союз ушло св. 12 тыс. человек. Эта категория иммигрантов сразу же попадала в карантинные лагеря ОГПУ, откуда, после проверки, людей направляли на работу в различные регионы Союза или в систему ГУЛАГа (за нелегальный переход границы тогда давали до трех лет лагерей). После 1932 г. большую часть перебежчиков оставляли работать в непограничных районах Карелии и Ленинградской области. В отличие от остальных иммигрантов, финперебежчики оказались в самых худших условиях, мало отличных от лагерных. Они жили в специальных поселках, находились под постоянным контролем ГПУ, не имели документов, не могли самостоятельно покидать место работы. Практически все, вне зависимости от профессии, использовались на тяжелых строительных, лесозаготовительных, горнорудных работах²³.

²² Подробнее см.: Kero R. Neuvosto-Karjalaa rakentamassa. Helsinki, 1983; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 33–53; North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s / Edited by Irina Takala and Ilya Solomeshch. Petrozavodsk, 2008.

²³ Подробнее см.: Kostiainen A. Loikkarit. Keuruu, 1988; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. С. 54–61; Такала И. Р. Финны-перебежчики в Советской Карелии // Нестор № 10. Финно-угорские народы России: Проблемы истории и культуры. СПб., 2007. С. 281–290.

В середине 1930-х гг. иммиграция из Финляндии и Северной Америки прекратилась, и значительно увеличился поток реэмигрантов. Уезжали из России, прежде всего, американские финны, разочарованные своим выбором и «социалистическим образом жизни». Большинство перебежчиков, несмотря на угрозу тюремного заключения, также готово было вернуться в Финляндию, однако им сделать это было сложнее. В целом, за 1932–1935 гг. Россию, легально и нелегально, покинули примерно 4,5 тыс. человек.

К 1935 г. основная масса финнов-иммигрантов была сосредоточена в северо-западном регионе, главным образом в Карелии (примерно 15 тыс. чел.) и в Ленинградской области (по косвенным подсчетам свыше 5 тыс. человек). Всего же в середине 1930-х гг. финское население России должно было составлять не менее 32–33 тыс. человек. Диаспора имела нормальную демографическую структуру и с местным населением смешивалась слабо. Сказывались компактность расселения, этническое родство с коренными финно-угорскими народами, хорошие возможности для сохранения культурных традиций и родной речи. В Карелии, Ленинградской, Мурманской областях издавались газеты на финском языке, печатались журналы, книги, работали национальные школы, клубы, театры. До 1937 г. в КАССР финский являлся вторым, после русского, государственным языком.

Красные финны и карельская автономия

Процесс формирования карельской автономии и роль красных финнов в этом процессе оцениваются в исследовательской литературе по-разному. В советской историографии образование летом 1920 года Карельской Трудовой Коммуны традиционно рассматривалось как торжество национальной политики советской власти, давшей народам России возможность самоопределения, а также как исторический выбор самого карельского народа²⁴. Примечательно, что и в современной российской исторической литературе эти тезисы порой продолжают выдвигаться с целью опровергнуть ряд положений финляндских

²⁴ Очерки истории Карелии / Отв. ред. В. И. Машезерский. Т. 2. Петрозаводск, 1964; Машезерский В. И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978.

и отечественных историков, объясняющих создание КТК, прежде всего военно-стратегическими и внешнеполитическими императивами²⁵. Наряду с преувеличением степени национального развития карел, советскими историками практически игнорировалась и роль красных финнов в становлении и развитии карельской автономии.

В последние десятилетия в отечественной исторической литературе стали уделять серьезное внимание этому феномену²⁶, причем оценки деятельности финнов в республике в 1920-е и первой половине 1930-х гг. даются самые противоречивые. Одновременно в западной историографии появился целый ряд солидных работ, в которых исследуются особенности развития автономной Карелии в первые два десятилетия советской власти²⁷ и в которых акценты также расставлены по-разному. Для одних авторов рождение карельской автономии — это, прежде всего, национальный эксперимент, поставленный самими красными финнами и первоначально поддерживаемый руководством страны, но очень быстро выявивший основные противоречия между русским центром и национальными перифериями (М. Кангаспу-ро). Другие авторы пишут об эксперименте «национально-экономическом», о Карелии, возглавляемой красными финнами, как «двойной периферии», ориентированной и на советский центр,

²⁵ См.: Шумилов М. И. Исторический выбор карелов в 1917–1920 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 6–14; История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск, 2001. С. 426.

²⁶ Левкоев А. А. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928) / Дисс... к. и. н. СПб., 1995; В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Тимо Вихавайнена и Ирины Такала. Петрозаводск, 1998; Килин Ю. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002; Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Научн. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2009; Бутвило А. И. Карельская трудовая коммуна. Петрозаводск, 2011.

²⁷ Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000; Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 309–336; Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004; Baron N. Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920–1939. London; New York, 2007.

и на Финляндию (Н. Барон); третьи во главу угла ставят политические и военно-стратегические факторы, считая создание автономной области — Карельской Трудовой Коммуны — сугубо политическим проектом Москвы (Ю. М. Килин).

Свой взгляд на означенные проблемы мы уже высказывали²⁸. Отметим лишь, что одним из решающих факторов в определении судьбы карельской автономии в сложный период начала 1920-х гг. стало совпадение предложений Эдварда Гюллинга с тогдашней национальной политикой большевиков. Создание КТК и последующее преобразование ее в автономную республику было частью процесса формирования СССР. По Сталину «советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией»²⁹. Разногласия, существовавшие в московском руководстве относительно статуса и уровня карельской автономии³⁰, не помешали, тем не менее, принять принципиальное решение о создании автономной республики. При этом была сделана ставка на внешние силы — финских политэмигрантов, членов созданной в Москве в 1918 г. Коммунистической партии Финляндии, которых большевистское руководство Советской России считало соратниками по борьбе. Местные власти — петрозаводское или архангельское руководство само не проявляло никакого интереса к карельскому вопросу, немногочисленные члены РКП (б) из южной Карелии (такие, например, как член ревкома КТК Василий Куджиев) не вызывали доверия центра, поскольку практически все относились к послереволюционному партийному набору³¹, а в среде местных карельских националистов (Временное правительство Беломорской Карелии) большевиков не было вовсе.

Привлечение красных финнов для управления новым автономным образованием позволило центру устранить и еще одну

²⁸ Takala I. Finnish Factor in the Establishment of Autonomous Karelia // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 5 (110). С. 17–26; Такала И. Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX в. Тарту, 2011. С. 125–148.

²⁹ Сталин И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России // Сочинения. Т. 4 (электронный ресурс: <http://petrograd.biz/stalin/4-56.php>).

³⁰ См.: Кауппала П. Указ. соч. С. 318; Килин Ю. М. Указ. соч. С. 77–87.

³¹ В. Куджиев, меньшевик-интернационалист, вступил в РКП (б) только в 1919 г.

важную преграду на пути к «осуществлению советской автономии» — недостаток, как выразился Сталин, «интеллигентных сил местного происхождения на окраинах»³². Многие из политэмигрантов имели солидный опыт партийной и государственной работы — среди них были депутаты финляндского Сейма, активные деятели ФКП и Центрального бюро финских организаций при ЦК РКП (б). Образовательный уровень финнов, оказавшихся в руководстве КТК, также был существенно выше, чем у местных представителей власти: около 40 % из них имели высшее образование (против 1 % среди других), еще 30 % получили среднее образование (в целом по политическому руководству КТК — 10–15 %)³³. Эдвард Гюллинг, возглавивший ревком, имел степень доктора философии.

Модель автономии для карел, предложенная Гюллингом, в том числе и сформулированные им принципы определения географических границ автономии (с учетом не только национальной, но экономической и политической целесообразности), полностью совпадала со взглядами на проблему советского руководства, что и сделало возможным осуществление задуманного. Тот факт, что в конечном итоге границы автономии, как и ее действительные возможности, оказались отличными от первоначальных замыслов, также вполне соответствовал советским реалиям, видоизменявшимся под воздействием конкурирующих императивов (поддержка нацистроительства — необходимость централизации — многоуровневый политический и внешнеполитический контексты), которые вносили коррективы и делали столь непоследовательной национальную политику большевиков.

Подчеркивая значимость усилий финских политэмигрантов для принятия Москвой решений о создании карельской автономии, следует очень осторожно относиться к объяснениям и оценкам этих усилий. Так, в современной литературе периодически возобновляются дебаты о так называемых «панфинских» амбициях красных финнов и Эдварда Гюллинга³⁴. Представляется, что мнение о Гюл-

³² Сталин И. В. Указ. соч.

³³ Бутвило А. И. «Красные финны» в составе партийно-государственной элиты Карельской Трудовой коммуны // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск, 2010. С. 46–47.

³⁴ Баданов В. Пафиннизм в Карелии // Петрозаводск. 1992. № 64. С. 10; № 65. С. 11; Соломещ И., Такала И. Еще раз о панфиннизме // Петрозаводск. 1993. № 5. С. 10; Соломещ И. Панфиннизм и Советская Карелия: была ли «Великая Финляндия» мечтой «красных финнов»? // Национальная государственность

линг как о финском националисте и апологете «Великой красной Финляндии»³⁵, базирующееся в основном на очень немногочисленных его высказываниях начала 1920-х гг. и уходящее корнями в политические дискуссии того времени и политические обвинения периода гонений на финнов, является ошибочным, никак не соотносящимся с действительными намерениями финнов, оказавшихся в Карелии. Весьма показательной в этом плане является трактовка разными исследователями известного письма Гюллинга к Юрье Си-рола³⁶. На наш взгляд, этот документ со всей очевидностью свидетельствует как раз об обратном: политическая риторика и реальное поведение Гюллинга и верхушки красных финнов в первые годы становления карельской автономии определялись не финским национализмом, являвшимся продолжением идеологии «правых финских патриотов»³⁷, а исключительно политическими императивами и коммунистической идеологией. Идея мировой социалистической революции и вера в ее близость владели тогда умами не только российских большевиков. Для Гюллинга автономная Карельская коммуна, предназначением которой являлось «подготовлять в идейном отношении почву для Финляндской революции», должна была при этом безусловно оставаться «частью Советской республики великой России не только политически, но и экономически и относительно

финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 гг.). Сыктывкар, 1996. С. 18–22; Кангаспуро М. Карелия на перекрестке панфиннизма и русификаторства в 20–30-х годах // Там же. С. 29–39; Барон Н. Региональное конструирование карельской автономии // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 279–307; Кауппала П. Указ. соч. С. 309–337; Такала И. Р. Красные финны — панфиннисты или пролетарские интернационалисты? // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции в 2 ч. Ч. 1. Москва—Архангельск, 2008. С. 277–279.

³⁵ Кангаспуро М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 132; Kangaspuuro M. *Op. cit.* S. 43–46, 94–99; Барон Н. Указ. соч. С. 281–282, 290; Килин Ю. Указ. соч. С. 85–86; Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 378–379.

³⁶ Письмо Э. Гюллинга Ю. Си-рола // Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г. Первый всекарельский съезд советов, 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 257–258. См.: Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992. С. 4–5; Килин Ю. Указ. соч. С. 41–42; Барон Н. Указ. соч. С. 280–282.

³⁷ Барон Н. Указ. соч. С. 282.

обороны»³⁸. Желание построить на границе с Финляндией образцовое общество, способное продемонстрировать рабочему классу и крестьянству соседней страны преимущества социалистического строя, красной нитью проходило сквозь всю политику финского руководства Советской Карелии. По определению председателя ЦИК АКССР Сантери Нуортева, «Свободная Карельская Республика как борец за власть рабочего класса на отдаленной северо-западной окраине Федеративной Советской Республики будет неделимо важной ступенью в великой задаче по устройству всемирного советского строя»³⁹. Таким образом, конечной целью красных финнов была мечта не о «Великой красной Финляндии», а о мировом коммунизме⁴⁰. Конструирование «Великой красной Финляндии» скорее можно приписать советскому руководству, подписавшему мирные договоры с «Финляндской социалистической рабочей республикой» в 1918 г. и с «Народным правительством финляндской демократической республики» в 1939.

Экономическая политика правительства Гюллинга

На протяжении 1920-х — первой половины 1930-х гг. финская диаспора Карелии быстро увеличивается, что явилось следствием миграционной политики правительства Гюллинга (привлечение в республику политэмигрантов из других регионов, североамериканских финнов и перебежчиков). К 1926 г. численность финнов в Карелии увеличилась до 2,5 тыс. человек, к середине 1930-х гг. — до 15 тысяч. Составляя в начале 1920-х годов менее одного процента, а в 1933 г. лишь 3,2 % от всего населения края, финны занимали видные должности в советском, партийном, государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями, работали в области культуры, образования, науки, оставив заметный след в истории своей новой родины. Бывшие финские красногвардейцы составляли костяк офицерского корпуса Отдельной Карельской Егерской

³⁸ Письмо Э. Гюллинга Ю. Сирола. С. 258.

³⁹ Конституция АКССР. Проект. Петрозаводск, 1926. С. 2.

⁴⁰ Такие же оценки можно найти и в работах других исследователей. См.: Каупала П. Указ. соч. С. 332; Левкоев А. А. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928) / Дисс... к. и. н. СПб., 1995; Соломещ И. На рубежах распадающейся империи: «карельский вопрос» конца XIX — начала XX века в геополитическом контексте // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XIX. Helsinki, 2002. С. 143–151.

бригады, являвшейся стратегической единицей Ленинградского Военного округа.

Очень пригодились знания и опыт иммигрантов в развитии экономики края. Почти десять лет (1922–1930) Карелия жила в условиях экономического эксперимента, разработанного Гюллингом и одобренного Москвой. В этом плане пример Карельской автономии 1920-х гг. уникален, а роль финского руководства, прежде всего профессионального экономиста, специалиста по крестьянскому вопросу Эдварда Гюллинга, трудно переоценить.

В начале 1920-х гг. экономика края находилась в катастрофическом состоянии, руководству КТК предстояло поднимать республику из руин. Еще в 1920 году были разработаны долгосрочные экономические планы развития промышленности, энергетики, транспорта и подготовлено их финансовое обоснование⁴¹. В апреле 1921 и 1922 гг. по настоянию Гюллинга СНК РСФСР принимает постановления о срочных работах по развитию народного хозяйства Карелии, в которых были определены первоочередные задачи подъема экономики КТК. Краеугольным камнем всей концепции было предоставление республике особых бюджетных прав, которых не имели другие автономии. Карелия получила право самостоятельно формировать свой бюджет, освобождалась от уплаты общероссийских налогов до 1924 г. и получала от государства значительные долгосрочные ссуды, в частности для строительства бумажной фабрики и электростанции в Кондопоге, развития горной промышленности, закупки продовольствия для населения. Кроме того, республиканские власти получили исключительные права распоряжаться 25 % доходов от экспорта карельского сырья для закупки за границей необходимых товаров и оборудования⁴².

Следствием этих решений было быстрое экономическое развитие края, начавшееся уже в 1922 г. В период с 1923/24 до 1928/29 хозяйственных годов доля промышленности в валовом продукте Карелии выросла с 7 до 62 %. Реальный валовой рост производства в республике в 1920-е гг. в среднем составлял более 10 % в год, что было выше финских показателей того же перио-

⁴¹ Афанасьева А. И. Начало // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 9–10.

⁴² Красная Карелия: Сборник материалов официального характера. Петрозаводск, 1925. С. 27–29, 45–46. Срок действия особых бюджетных прав Карелии не был четко установлен. Первоначально он был ограничен 1924 г., но затем на протяжении нескольких лет ежегодно продлевался по ходатайствам республиканских властей.

да⁴³. Бюджетные доходы в расчете на душу населения выросли с 34 рублей в 1924/1925 гг. до 136 рублей в 1930 г.⁴⁴

Большое значение для роста экономики и стабилизации политической ситуации в республике имела так называемая «пограничная политика» Гюллинга, суть которой заключалась в предоставлении целого ряда льгот национальным пограничным районам Карелии с целью «подтягивания» их до уровня экономического и культурного развития центральных русских районов автономии. План экономического развития пограничной полосы предусматривал целый ряд серьезных мероприятий, таких как максимальное увеличение объема лесных разработок; сооружение крупных предприятий бумажной промышленности; организация железорудных разработок и чугуноплавильного дела; сооружение железнодорожных путей; усиленная сельскохозяйственная электрификация, рост предприятий мелкой промышленности и т. д.⁴⁵ К началу 1930-х гг. в сфере действия «пограничной политики» находились все населенные карелами административные районы в полосе от Мурманской железной дороги до советско-финляндской границы с населением около 100 тыс. человек⁴⁶.

В целом суть концепции экономического развития Карелии, которую предлагали красные финны, заключалась в быстром и пропорциональном развитии всех отраслей хозяйства края на основе рационального использования ее богатых природных ресурсов, прежде всего лесных — их эксплуатация составляла фундамент всей экономики республики. На первом этапе средства для осуществления намеченных планов предполагалось получать из центра в виде ссуд, впоследствии следовало перейти на самофинансирование, используя значительные экспортные ресурсы республики. В качестве модели развития Карелии был избран пример соседней Финляндии, достигшей значительных успехов также на основе использования лесных ресурсов⁴⁷. Заимствование финляндского опыта прослеживается во многих

⁴³ Кауппала П. Указ. соч. С. 327–329.

⁴⁴ Гюллинг Э. Героическое десятилетие // Карело-Мурманский край. 1930. № 7–8. С. 4.

⁴⁵ НА РК. Ф. П-3, оп. 2, д. 393, л. 2. Отметим, что центральное руководство страны начинает инвестировать развитие приграничных областей лишь в начале 1930-х гг. При этом продолжали действовать запреты на строительство там предприятий тяжелой промышленности.

⁴⁶ НА РК. Ф. П-3, оп. 2, д. 158, л. 1.

⁴⁷ Autio S. Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Helsinki, 2002. S. 318–319.

направлениях экономического развития, в частности в планах железнодорожного строительства в пограничных районах⁴⁸, однако публично об этом не говорили⁴⁹.

Несмотря на свою малочисленность, финны-иммигранты трудились в различных отраслях промышленности. Наиболее значимым был их вклад в развитие строительной отрасли или таких крупных предприятий, как Петрозаводская лыжная фабрика, Кондопожские бумагоделательный комбинат и целлюлозный завод.

В становлении лесопромышленного комплекса республики велика роль американских финнов, 60 % которых трудились в системе Кареллеса. Новые орудия труда, привезенные иммигрантами (начиная со знаменитых лучковой пилы и канадского топора), новые технологии по рубке и вывозу древесины, умелая организация труда — все это имело большое значение для развития отрасли⁵⁰. На средства североамериканских финнов для Карелии было приобретено, по неполным подсчетам, машин, оборудования и инструментария на сумму более чем 500 тыс. долларов США, или 1 миллион рублей в золотой валюте⁵¹. Вырастают новые лесные поселки — Матросы, Вилга, Интерпоселок, Лососинное, население которых на три четверти было финским. Правда, появляются тогда в Карелии и финские лесные поселки другого рода (Керсонь, Падун, Сергиево, Железное), где на лесозаготовках в совершенно иных условиях работали под надзором органов безопасности перебежчики.

Американские финны стали в Карелии пионерами колхозного строительства. В 1922 г. в Олонецком районе ими была основана первая сельскохозяйственная коммуна «Säde». Затем, в начале

⁴⁸ НА РК. Ф. П-3, оп. 2, д. 393, л. 9.

⁴⁹ Как заявил в январе 1926 г. на закрытом заседании пленума обкома партии Иоганн Ярвисало, «говорить об этом где-либо, в особенности говорить о равнении нашего хозяйства и т. д., с политической точки зрения нельзя, так как это будет им на руку, в особенности в Финляндии» (Левкоев А. А. «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 26).

⁵⁰ Подробнее см.: Бекренев Н. Канадские лесорубы в Карелии. Петрозаводск, 1933; Тонкель И. Канадские лесорубы в Советской Карелии. Л., 1934; Kero R. Neuvosto-Karjalaa Rakentamassa. Helsinki, 1983. S. 109–137.

⁵¹ Андрияйнен А. И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 194; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. С. 36–37.

1930-х, появляются другие финские коллективные хозяйства: «Hiilisuo» (Совхоз № 2), Сунский и Ильинский совхозы⁵².

К концу 1920-х гг. КАССР по темпам экономического развития уверенно занимала первое место среди всех автономных республик РСФСР⁵³. Однако далеко не всем планам Гюллинга суждено было сбыться. Особые бюджетные права, предоставленные автономии, носили более ограниченный характер, чем планировали ее руководители. Переход на самофинансирование полностью осуществлен не был, центральные наркоматы имели право контролировать деятельность хозяйственных органов республики⁵⁴. В подчинении центральных властей осталась Мурманская железная дорога, которой вскоре была передана значительная часть территории Карелии для экономического освоения и колонизации.

Курс, взятый руководством страны на форсированную индустриализацию и плановое развитие хозяйства, предполагал усиление в экономике роли государства, что несло в себе серьезную угрозу национальному самоопределению советских республик и автономий в экономическом отношении. Подавляющее большинство наркоматов становится всесоюзными, и хозяйственное развитие окраин даже на уровне республик начинает определяться центром. Принятие первого пятилетнего плана и подчинение Карельской парторганизации Ленинградскому областному комитету ВКП (б) в 1928 г. означали фактический конец экономической автономии и постепенное исчезновение ее «типично финских характеристик»⁵⁵. Формально особые бюджетные права сохранялись за Карелией до конца 1930 г., однако на деле они были сильно ограничены включением республики во всесоюзные планы уже в рамках первой пятилетки. Карелия становится поставщиком сырья для советской промышленности. Объемы лесозаготовок в 1929–1930 гг. возросли в 8 раз по сравнению с 1922–1923 хозяйственным годом⁵⁶, при этом с конца 1925 г. по предписанию Москвы трест Кареллес — важнейший источник

⁵² Подробнее см.: Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х гг.) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. С. 107–148.

⁵³ VIII Всекарельский съезд Советов: Протоколы. Петрозаводск, 1929. С. 6.

⁵⁴ Подробнее см.: Baron N. Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920–1939. London; New York, 2007. P. 63–74.

⁵⁵ Autio S. Op. cit. S. 318.

⁵⁶ Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). С. 16.

доходов республики — начал экспорт леса по убыточным ценам⁵⁷. В сентябре 1930 г. Кареллес был присоединен к общесоюзному тресту Союзлеспром⁵⁸, и республика окончательно теряет экономическую автономию.

Начавшаяся в стране коллективизация положила конец «пограничной политике» Гюллинга — раскулачивание в пограничных районах «ввиду их близости с Финляндией» проводилась независимо от процента коллективизации. Впервые о «кулацкой опасности» в республике заговорили в 1928 г. Карельская специфика коллективизации и раскулачивания заключалась в том, что земледелие здесь носило натурально-потребительский характер и играло подсобную роль в народном хозяйстве. Колхозы явились удобной формой мобилизации рабочей силы на лесозаготовки. Большинство трудоспособных мужчин и рабочего скота были заняты в лесу и на сплаве, а в сельском хозяйстве главной рабочей силой стала женщина⁵⁹. Вынужденные выполнять установки центра, карельские власти на первых порах все же сумели несколько смягчить методы проведения коллективизации. В 1930 г. уровень коллективизации в республике был 15 %, т. е. в 4 раза ниже, чем средний по СССР и одним из самых низких среди национальных районов⁶⁰. Лишь после нажима центра и усиления репрессий Карелия стала «догонять» другие регионы.

Период с 1930 по 1935 гг. ознаменовался затяжной и в конечном итоге безуспешной борьбой карельского руководства за сохранение хотя бы части из достижений экономической автономии. Общесоюзные наркоматы не были заинтересованы в экономическом развитии периферийной республики, требовавшем повышенных капитальных затрат. Если план первой пятилетки был выполнен по крайней мере в отношении объемов заготовки леса, то вторая пятилетка потерпела крах почти во всех отношениях⁶¹, в чем правительство Гюллинга было обвинено уже в самом начале пятилетки, в мае 1933 года. В 1934–1935 гг. республиканским властям удалось несколько улучшить кризисную социаль-

⁵⁷ Кангаспуру М. Финская эпоха Советской Карелии. С. 129.

⁵⁸ Сборник важнейших постановлений за 1929 — январь 1931 гг. по Карельской АССР. Петрозаводск, 1931. С. 55.

⁵⁹ Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы). Петрозаводск, 1997. С. 116.

⁶⁰ Там же. С. 117.

⁶¹ См.: Килин Ю. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 132–139; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 508–513; Baron N. Op. cit. P. 156–163.

но-экономическую ситуацию в Карелии, явившуюся следствием «социалистического штурма» в стране⁶². Однако использование в экономическом планировании опыта соседней страны и недостаточные темпы коллективизации позволили центру обвинить республиканские власти в ориентации на Финляндию и «подсывывании» в качестве оздоровления и восстановления сельского хозяйства Карелии совершенно недопустимых «финских крупнокапиталистических кулацких принципов»⁶³. В дальнейшем обвинения красных финнов в «неспособности обеспечить хозяйственное развитие КАССР» стали одним из поводов для отстранения их от руководства республикой.

Языковая и национальная политика красных финнов

Национальная политика, проводимая советской властью в местах компактного проживания финнов, в 1920-е гг. шла в русле общегосударственной политики коренизации, принятой на XII съезде РКП (б) в 1923 г. и предусматривавшей преодоление фактического неравенства народов. Под равенством понималась не только экономическая развитость, но и управление национальных территорий коренными силами. Титульные народы каждой национальной территории должны были быть пропорционально представлены в аппаратах партии и государства, языком управления и преподавания должен был стать национальный язык и т. д.⁶⁴ Уступки в языке, культуре и кадровой политике, с одной стороны, должны были устранить последствия политики русификации и «великорусского шовинизма», проводившейся в «тюрьме народов» — царской России, с другой — предотвратить развитие националистических сил на местах, остановить распространение сепаратистских настроений и привлечь население на сторону советской власти.

В Ленинградской губернии (с 1927 г. области) в ходе коренизации был организован Куйвозовский (позднее Токсовский) финский национальный район, в котором делопроизводство и школьное

⁶² НА РК. Ф. Р-689, оп. 5, д. 26/183, л. 70.

⁶³ Там же. Ф. П-3, оп. 3, д. 1, л. 3–4.

⁶⁴ Подробнее см.: Simon G. Nationalism and Policy Towards the Nationalities in the Soviet Union. Westview Press, 1991. P. 20–70; Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП (б)/КПСС в 1920–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 15–41.

обучение велось на финском языке. К началу 1930-х гг. в области функционировало 60 финских сельских советов, работало 286 начальных и 14 средних финских школ (включая Ленинград), подготовку учителей вел финский педагогический техникум, открытый в Гатчине в 1920 г. на базе бывшей учительской семинарии. Кроме того, готовили специалистов на финском языке сельскохозяйственный и кооперативный техникумы, несколько фабрично-заводских семилеток⁶⁵. Отделения финского языка и литературы были открыты в Ленинградском государственном университете и пединституте. Финская секция Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Ю. Ю. Мархлевского вела подготовку партийных кадров для работы в стране и за рубежом. В Ленинграде и области издавались газеты и журналы на финском языке для детей и взрослых самой разной направленности: «Vapaus», «Nuori kaarti», «Kipinä», «Kommunisti», «Puna-vartio», «Neuvostonainen», «Toksovan kolhoznik» и др. Для выпуска политической, учебной, научной, художественной литературы в 1923 г. в Петрограде финскими политэмигрантами было основано издательство «Kirja». Пик финноязычных периодических изданий приходится на 1932 г., когда ежемесячно появлялись 11 журналов (включая литературно-художественные альманахи и нелитературную периодику) и три газеты. Тираж только журнальных изданий составлял не менее 30 тыс. экземпляров два раза в месяц. К 1933 г. издательством было выпущено свыше 900 наименований различных книг и брошюр на финском языке, по числу названий и общему тиражу издаваемых книг «Kirja» занимала четвертое место среди национальных издательств России⁶⁶. Число сельских и волостных изб-читален, курсов ликбеза, красных уголков, сельских библиотек исчислялось сотнями. Работали многочисленные национальные художественные коллективы, театры, было организовано радиовещание на финском языке.

⁶⁵ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisten paot ja paluumuutot idästä 1917–1939. Helsinki, 2002. S. 240–241.

⁶⁶ Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор. С. 364–365; Мусаев В. И. Финская печать в Петрограде/Ленинграде в 1920–1930-е гг. // Санкт-Петербург—Хельсинки. Хельсинки—Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 119–121; Nevalainen P. Op. cit. S. 242; Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск, 1989. С. 13–27. В 2008 г. в Финляндии вышла замечательная библиография финноязычной литературы, выходившей в СССР в 1920–30-е гг. См.: Kruhse P., Uitto A. Suomen rajan takana 1918–1944. Suomenkielisen neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia. Jyväskylä, 2008.

Финские политэмигранты возглавляли работу многих государственных, учебных, культурных учреждений в национальном районе и Ленинграде. На них была возложена миссия развития новой, «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры Ингерманландии. Широкое применение финского языка во всех сферах жизни должно было в новых условиях способствовать советизации ингерманландских крестьян. Политическая агитация усваивалась населением медленно, однако возможность продолжать широко пользоваться родным языком и обучать на нем детей воспринималась весьма позитивно. Тем более что антирелигиозная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие была направлена главным образом против православной церкви и мало затрагивала последователей других конфессий. Финские лютеранские приходы продолжали действовать в Ленинградской области до начала 1930-х гг., а церковь Св. Марии в Ленинграде была закрыта лишь в 1938 г.⁶⁷

Аналогичные процессы происходили и в других местах проживания финнов. В 1930 г. в Мурманском округе был создан Полярный финский национальный район, в котором все делопроизводство, административно-хозяйственная, педагогическая и массово-политическая работа велась на финском языке. В 1933 году в Полярном районе действовали 7 финских школ, как и до революции финны оставались самой грамотной частью населения Мурманска⁶⁸. Создавались художественные коллективы, выходила на финском языке газета «*Polarnoi kollektivisti*».

Наибольшие споры до сих пор вызывает языковая политика финского руководства Карелии в 1920-е и в первой половине 1930-х годов. Некоторые исследователи считают эту политику насильственной финнизацией, лишившей карел возможности развить свой литературный язык. Возобладавший в начале 1930-х годов метод силового решения языкового вопроса расценивается как яркий пример панфинских амбиций красных финнов⁶⁹. Отметим, однако, что все действия карельских властей в языковом вопросе шли полностью в русле национальной и языковой политики советского государства, а трехлетняя форсированная финнизация (1930–1932) была спровоцирована самим центром.

⁶⁷ Мусаев В. И. Финский лютеранский приход Св. Марии в Петербурге // История Петербурга. 2003. № 5. С. 40–42.

⁶⁸ Киселев А. Финны на Мурмане // Ленинская правда. 1989. 4 мая.

⁶⁹ Kangaspuro M. Op. Cit. S. 143–147, 238–241.

Активное внедрение финского языка в крае, населенном преимущественно русскими и карелами, оказалось возможным не только ввиду пребывания у власти красных финнов. Это обуславливалось диалектной и территориальной разобщенностью карельского языка, а также политическими, в том числе и внешнеполитическими, причинами. До революции традиционным для карел языком образования и культуры был русский, хотя в конце XIX — начале XX в. предпринимались попытки создания алфавита и издания литературы, главным образом церковных текстов, на карельских диалектах. В северных приграничных волостях Олонецкой губернии и в Беломорской Карелии (Архангельская губерния), где население говорило на собственно карельском наречии, отходнические промыслы и коробейничество способствовали распространению финской грамоты и финского языка. Однако настоятельной потребности в знании русского или финского языков у большинства карельского населения не было. При массовой неграмотности двуязычие карел было слабым и носило групповой характер: языками соседей владела лишь часть мужчин, занятых на отхожих промыслах⁷⁰.

Теоретически при выборе культурного языка для карел у руководства автономии было три перспективы: брать за основу литературный русский, литературный финский или разрабатывать литературный карельский язык. Однако, при отсутствии единого языка и наличии нескольких сильно отличающихся друг от друга диалектов, создание литературного карельского языка могло быть лишь весьма долгосрочной перспективой. В Финляндии карельские диалекты традиционно рассматривались как часть финского языка, такое представление нашло поддержку и у финского руководства Карелии. По мнению Гюллинга, двуязычие (русский и финский языки) в администрации и образовании должно было сблизить местное карельское население с советской властью и ускорить приобщение карел к грамоте и культуре⁷¹. Решение языкового вопроса и придание официального государ-

⁷⁰ Клементьев Е. И. Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 113. Сравни: Афанасьева А. И. Создание Советской Национальной Автономии и некоторые вопросы языкового строительства // Вопросы Истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 51.

⁷¹ Подробнее см.: Левков А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992 (препринт доклада); Антикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии

ственного статуса двум языкам шли в русле решений первых двух Всекарельских съездов Советов (февраль, октябрь 1921 г.), а также ЦК РКП (б), Оргбюро которого в марте 1922 г. предписало руководству Карельской Трудовой Коммуны ввести в учреждениях и школах коммуны наравне с русским языком финский⁷². При этом повсеместно предусматривалось использование, в том числе и в письменной форме, карельских диалектов. Эта особенность была зафиксирована в термине «карело-финский язык», который впервые официально был использован в декрете ВЦИК о преобразовании КТК в АКССР в 1923 г.⁷³ В развернутом виде концепция единого «карело-финского языка» излагалась в постановлении ЦИК Карелии 1924 г.: карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи⁷⁴.

Вначале финский язык применялся преимущественно среди финнов и северных карел, говорящих на собственно-карельском диалекте. Культурным языком подавляющего большинства ливвиков и людиков, карел южной части республики, оставался русский. С середины 1920-х гг. начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой коренизации. В Карелии коренизация называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты как карел, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке» большинство школ национальных районов КАСССР с середины 1920-х гг. переводилось на финский язык. В результате к 1929/1930 учебному году в республике работало 198 русских школ (44 %) и 250 национальных, из которых только в 59 шло преподавание на русском языке, а в остальных 191 — на финском. В шести приграничных национальных районах, на 80–90 % населенных карелами или вепсами, не работало в том году ни одной русскоязычной школы⁷⁵. В 1932 г.

большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.

⁷² Всекарельский съезд. С. 223–227; НА РК. Ф. Р-682, оп. 1, д. 1/5, л. 97.

⁷³ Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925: Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 59–61.

⁷⁴ Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 111–112.

⁷⁵ Подсчитано по: Ежегодник 1929 года. Выпуск IV. Петрозаводск, 1931. С. 40–41.

уже 99,6 % детей карел обучались на финском языке⁷⁶. Столь же активным было использование финского языка в работе по ликвидации неграмотности среди взрослых. В 1929 г. на нем обучался 21 % карел, а в 1932 г. — уже 70 % от всего обучавшегося в школах ликбеза взрослого карельского населения⁷⁷.

Населением подобная политика воспринималась неоднозначно⁷⁸. В южной Карелии, где различия между местными диалектами и финским литературным языком были существенны, большинство карел по-прежнему отдавало предпочтение русскому языку. Впрочем, непременным условием «карелизации» продолжало оставаться использование местных диалектов, а населению предоставлялось право выбора языка обучения. Во второй половине 1920-х гг. более чем в 50 % первых классов начальных карельских школ обучение начиналось на местном разговорном языке вне зависимости от основного учебного языка⁷⁹. И в целом, в 1920-х гг. введение финского языка не было чем-то самодовлеющим, стоящим отдельно от остальных аспектов жизнедеятельности республики. Финские эмигранты добивались создания таких условий, при которых, по словам председателя ЦИК республики Сантери Нуортева, литературный финский язык явился бы «естественным продолжением карельских диалектов»⁸⁰. Объективно приобщение восточных карел к литературному финскому языку способствовало расширению общественных функций карельских говоров.

Перемены, происходившие в стране, не могли не отразиться на национальной и языковой ситуации в приграничной республике. Концепция «карело-финского языка» претерпевает существенные изменения в 1929 г., когда ей на смену приходят жесткие установки постановления пленума Карельского обкома ВКП (б) «Очередные задачи национальной политики в АКССР». В постановлении содержался отказ от принципа свободы выбора русского или финского языков для карельского населения и утверждался

⁷⁶ Афанасьева А. И. Народное образование в Советской Карелии в 1920–1930-е годы // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 59.

⁷⁷ Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 44.

⁷⁸ Подробнее см.: Takala I. Neuvosto-Karjalan asukkaiden näkemykset suomalaisista 1920–30-luvuilla // Monikasvoinen Suomi. Helsinki, 2009. S. 273–296.

⁷⁹ Левкоев А. А. Национально-языковая политика. С. 12–14.

⁸⁰ Нуортева А. Проблема карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 4.

финский как единственный письменный и литературный язык. Он признавался не только обязательным языком народного образования, просвещения и печати для карел, но в перспективе должен был стать для них и языком бытового общения⁸¹. Однако финский период в истории Карелии подходил уже к концу, и начиная с 1933 г. требования к обязательности использования финского языка заметно ослабели, а в 1935 г., после смещения руководства республики, вновь вернулись к свободному выбору языка.

Резкому повороту в политике приобщения восточных карел к литературному финскому языку, приведшему к форсированной финнизации, во многом содействовала полемика, вспыхнувшая между центральными властями и карельским руководством относительно целесообразности разработки карельской письменности. Создание в 1930 г. письменности для тверских карел поставило под сомнение правомерность употребления финского языка в Советской Карелии. Начавшаяся в прессе т. н. «языковая война» между финскими эмигрантами и сторонниками карельского литературного языка велась вполне в духе времени, сопровождаясь взаимными политическими обвинениями. Наиболее активным и влиятельным борцом за право карел на родной язык был профессор Д. В. Бубрих. Видный ученик Н. Марра и знаток финно-угорских народов, Бубрих добивался последовательного соблюдения принципов марровской науки, согласно которым языки были явлением надстройки и, следовательно, отражали классовую сущность того общества, продуктом которого являлись. В свете новой лингвистической ортодоксии буржуазный финский язык никак не мог быть национальным языком пролетарской Карелии. Бубрих резко разграничивал финский и карельский языки и даже обвинил сторонников финского языка в том, что они поддерживают «фашистских» финских теоретиков, писавших об общем финно-угорском праязыке и тем самым обосновывают «великофинские» претензии по воссоединению всех финно-угорских соплеменников⁸². Противостояние усугубило постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 г.⁸³, обязывавшее руководство Карелии присту-

⁸¹ Материалы и постановления IV объединенного пленума Карельского областного комитета и областной контрольной комиссии ВКП (б) 10–13 августа 1929 г. Петрозаводск, 1929. С. 26–28.

⁸² См.: Бубрих Д. В. Какой язык — тверским карелам. Л., 1931; Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М., 1932.

⁸³ НА РК. Ф. П-3, оп. 2, д. 560, л. 83–107.

пить к созданию карельского литературного языка и переводу на него всей культурной работы.

И все же требование введения карельской письменности было отклонено. Осенью 1931 г. Карельский обком ВКП (б) принял постановление об «обслуживании национальных районов на финском языке и выделении таковых в особую группу районов, с вытекающими отсюда специальными мероприятиями». Продолжение употребления финского языка мотивировалось влиянием последнего на разговорную речь карел, в особенности на севере республики, значительными диалектными различиями карельского языка, результатами проведенного в 1920-е годы референдума и «революционизирующим» влиянием финноязычной Советской Карелии на рабочий класс Финляндии⁸⁴. Смелость карельского руководства объяснялась тем, что в его поддержку выступил высший партийный орган — Политбюро ЦК ВКП (б), отменивший в июне 1931 г. решение Совета Национальностей. Позднее нецелесообразность перехода на карельский язык признал также Президиум ВЦИК СССР⁸⁵. Надо полагать, что массовая подготовка в Карелии финноязычных кадров вполне отвечала стратегическим планам Москвы. Из центра следовали инструкции о необходимости «усилить темп карелизации партийного, государственного, профсоюзного и кооперативного аппарата, школ и культурных учреждений». В результате в начале 1930-х гг. происходит серьезная трансформация этой политики, которая привела к методам силового решения языкового вопроса, когда введение финского языка становилось самоцелью.

Одновременно в печати продолжалась полемика относительно того, каким должен быть советский финский язык. Идея о подчинении развития финского языка местным условиям и потребностям просуществовала недолго. Своеобразный «карело-финский» язык, представлявший собой непоследовательное смешение финского с элементами преимущественно ливвиковского наречия, культивировался, например, в газете для малограмотных «*Karjalan kultarmeijäläinen*», издававшейся в 1932–1933 годах. Некоторое расширение получило использование карельских диалектов в художественной литературе, однако реальных условий для карелизации финского языка в начале 1930-х годов не было⁸⁶. Дис-

⁸⁴ Вестник ЦИК АКСР. 1932. № 3. С. 10–11.

⁸⁵ Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. Петрозаводск, 1989 С. 48; Punainen Karjala 7. и 8.12.1931.

⁸⁶ Антикоски Э. Указ. соч. С. 213.

куссия о языке велась в основном между этническими финнами, поэтому на первый план выдвинулись идеологические противоречия проповедников его «революционного» обновления, с одной стороны, и сторонников сохранения «единства финноязычной культуры» — с другой. Так, молодой языковед, ингерманлонец Матти Хямяляйнен выступал за замену «фашистских» финских неологизмов новыми «революционными» словами, а эмигрант Хейно Раутио, наоборот, категорически отвергал наблюдавшиеся в Советском Союзе тенденции «интернационализации» и «русификации» финского языка⁸⁷. Несмотря на оживленную дискуссию, результаты намеченных обновлений оказались тогда весьма незначительными. Разработка особого «советского» варианта финского языка, отличного от языка «буржуазной Финляндии», и расширение употребления карельских диалектов возобновились после 1935 года. Перед созданной весной 1936 г. терминологической комиссией при Карельском научно-исследовательском институте была поставлена задача «большевистского обогащения и развития» финского языка при помощи включения в него интернационализмов, советизмов и карельских слов⁸⁸. При этом вытеснялись собственно финские неологизмы, ставшие символами политической неблагонадежности.

Широкое применение финского языка в Карелии 1920-х — первой половины 1930-х гг., прежде всего в образовании и при ликвидации неграмотности населения, имело весьма важные последствия. За короткий срок в республике была выстроена новая система народного образования от начальной школы до высшей. К 1933 г. в Карелии работало свыше 500 школ (половина из них — национальные), полтора десятка техникумов (кадры для финноязычных школ готовили финские педагогические техникумы в Петрозаводске и Ухте), Педагогический институт, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В 1931 г. начинает свою деятельность первое академическое учреждение — Карельский научно-исследовательский институт, одним из создателей которого был Эдвард Гюллинг.

Результаты этой работы очевидны. Если в 1920 г. грамотность среди карельского населения едва достигала 24 %, национальной интеллигенции не было вообще, то к 1933 г. уровень грамотности

⁸⁷ Hämäläinen M. Suomen kirjakielen vallankoumuksen henkeä // Punainen Karjala 12.4.1932; Rautio H. Suomen kielen runtelijoita vastaan! Petroskoi, 1932.

⁸⁸ Karjalan tieteellisen Tutkimusinstituutin Terminologisen komissin tiedotus № 1 // Punainen Karjala 11.3.1936.

сти карел возрос до 46 %, почти половина из них (48 %) владела финской грамотой или русской и финской одновременно⁸⁹. В 1926 г. в Петрозаводске была создана первая писательская организация — Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), лидирующую роль в которой играли финны: в русской секции организации было 9 членов, в финской 35⁹⁰. Члены финской секции сумели объединить вокруг себя талантливую карельскую молодежь, писавшую на финском языке. В 1920–30-е годы начинают свой творческий путь те, кто впоследствии составил гордость карельской литературы: Николай Лайне, Николай Яккола, Антти Тимонен, Яакко Ругоев. К 1933 г. в республике было 43 писателя и 6 литературных критиков, 75 % из них (37 человек) были финнами или карелами⁹¹.

Постоянно увеличивались тиражи финноязычной периодики. Уже с ноября 1920 г. в Петрозаводске начала выходить областная газета «Karjalan kommuni», переименованная после образования АКССР в «Punainen Karjala». Тираж газеты постоянно возрастал: в 1923 г. он составлял 1350 экз., в 1928 — 3 тыс. экз., в 1931 — 14,5 тыс. экз.⁹². В 1928 году в республике появился литературно-художественный журнал «Punakantele», переименованный в 1932 г. в «Rintama». Издаются также альманахи «Isku», «Lokakuu», сборники «Plinkuluksi tukkikämpässä», «Valtatielle», детский журнал «Nuoret iskurit». В 1934 г. в Петрозаводском отделении издательства «Kirja» (создано в 1927 г.) печатались две газеты и пять журналов и литературных альманахов на финском языке⁹³. В начале 1930-х гг. финноязычные газеты издаются уже в большинстве северных и северо-западных национальных районов, в южных карельских районах местная пресса имела финские страницы. О возраставшем приобщении карельского населения к финскому языку свидетельствовал постоянный рост числа добровольных рабочих и сельских корреспондентов финноязычных газет. У газеты «Punainen Karjala» в первые годы ее издания их не было вообще. В 1928 г. в редакцию регулярно писали уже

⁸⁹ От всего населения. Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922 г. Вып. II, часть I. Петрозаводск, 1923. С. 14–15; Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. I. Б. м., 1934. С. 18, 40–41.

⁹⁰ Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004. S. 152–153.

⁹¹ НА РК. Ф. П-3, оп. 3, д. 210, л. 4–7; Ylikangas M. Op. cit. S. 157.

⁹² Афанасьева А. И. Существование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии. С. 44.

⁹³ Подробнее см.: Алто Э. Л. Указ. соч.

200 добровольных помощников, в 1930 г. их число возросло до 660, ежемесячно газета получала от 210 до 540 писем и заметок от своих рабкоров и селькоров⁹⁴.

Финский язык активно использовался в деятельности культурно-просветительных учреждений. Уже в 1926 г. из 29 изб-читален, работавших в карельских волостях, в 27 просветительская работа (беседы, лекции, читки литературы и газет) велась на финском языке. В массовых библиотеках с 1921 года стали создаваться отделы финноязычной литературы, и к середине 1930-х гг. в общем библиотечном фонде республики она составляла 13 % всех фондов (в северных карельских районах — до 85 %)⁹⁵. В начале 1920-х гг. в Петрозаводске и Ухте появляются первые самодеятельные театральные коллективы, работавшие на финском языке, и в 1932 г. открылся профессиональный финский драматический театр. В репертуаре театра были пьесы драматургов Финляндии, а также финноязычных писателей Карелии и переводы советских авторов; актеры часто гастролировали по республике, что способствовало развитию драматического искусства в национальных районах. Многие для распространения финского языка и культуры делал образованный в 1931 г. в Петрозаводске Радиокomitee: в начале 1930-х гг. девяносто процентов радиовещания велось на финском языке⁹⁶.

И в целом первая половина 1930-х гг. стала временем расцвета национальной культуры Карелии. По всей республике возникали многочисленные профессиональные и любительские коллективы — театры, оркестры, хоры, художественные студии, агитбригады, фольклорные ансамбли. В 1933 г. республиканский Дом самодеятельного искусства объединял 389 самодеятельных кружков, 200 из которых работали на финском языке⁹⁷. Финская культура, не имевшая в Восточной Карелии до 1920-х гг. практически никакой базы, к середине 1930-х становится уже серьезной составляющей культурной жизни республики. С широким внедрением финского языка во все сферы жизни постепенно складывались и предпосылки для изучения и развития карельских диалектов, расширялись их общественные функции, и, что очень важно, предотвращалось

⁹⁴ Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии. С. 46.

⁹⁵ Там же. С. 45.

⁹⁶ Колосенок С. В. 30-е годы // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 267.

⁹⁷ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 202.

безудержное проникновение в лексику карельского языка русских заимствований. Объективно языковая и национальная политика красных финнов, в том числе и их усилия по экономическому подъему национальных районов, способствовала консолидации карел автономной республики в целостную этническую общность. Одновременно велась работа по освоению финского языка русским населением: с конца 1920-х гг. его обязательное изучение было введено во всех школах повышенного типа.

Расцвет национальных культур малых народов СССР длился, как известно, недолго. На рубеже 1920–1930-х гг. национальная политика советского государства претерпевает серьезные изменения, что было вызвано целым комплексом экономических, внутри- и внешнеполитических причин. По мере того как менялась национальная политика страны, сужались и сферы применения финского языка. Окончательно политика коренизации была свернута к середине 1930-х гг. После принятия новой конституции СССР, на протяжении 1937–1938 годов в стране ликвидируются национальные районы, сельские советы и культурные учреждения, которые находились вне «титальных» республик. Повсеместно были закрыты национальные диаспорные школы — немецкие, украинские, финские, еврейские и т. д., а также театры, газеты, клубы, художественные коллективы диаспорных национальностей⁹⁸. В полной мере это коснулось и российских финнов. Борьба с финским буржуазным национализмом, развернувшаяся по всей стране, провоцировалась также усилением напряженности в отношениях Советского Союза с Финляндией. Финский язык, как «буржуазный» и «фашистский», оказался под запретом. Для ленинградских и мурманских финнов эти запреты были сняты фактически лишь в конце 1980-х гг. Да и сами они вскоре оказались изгнанными из родных мест.

В Карелии гонения на финнов и финский язык начались уже с осени 1935 г., одновременно ударными темпами начинает создаваться карельский литературный язык, который в проекте новой республиканской конституции (июнь 1937 г.) был провозглашен третьим официальным языком наравне с русским и финским. К концу 1937 г. финский язык, как и по всей стране, был запрещен, издание финноязычной периодики и книг прекращено. В апреле 1938 г. Карельский обком ВКП (б) обратился с письмом к Сталину с просьбой разрешить изменить Конститу-

⁹⁸ Вихавайнен Т. Указ соч. С. 27–28.

цию, исключив финский язык из числа государственных языков КАССР⁹⁹.

Годы репрессий

Перемены по отношению к финнам в политике руководства страны начали проявляться уже в первой половине 1930-х годов в связи с изменением общеполитической обстановки.

Борьба с «национал-уклонизмом» и местным национализмом, развернувшаяся по всей стране после XVI съезда ВКП (б) (1930 г.), не могла обойти стороной и финно-угорские народы России. В 1932–1933 гг. в Удмуртии органы безопасности «вскрыли и ликвидировали» контрреволюционную националистическую буржуазную организацию СОФИН — Союз освобождения финских народностей. Организация эта якобы была создана «реакционной удмуртской интеллигенцией по заданию финских и эстонских интервенционистских кругов» и ставила своей целью «отторжения путем вооруженного восстания Удмуртской АО и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР для создания «Единой финно-угорской федерации» с демократической формой правления»¹⁰⁰.

Тогда же, в 1932–1933 гг., Особым отделом Ленинградского военного округа на территории Карелии, Мурманского округа и ингерманландских районов Ленинградской области была проведена большая акция по «ликвидации контрреволюционного заговора», получившая в следственных документах название «Заговор финского генерального штаба». Сотни людей были обвинены в контрреволюционной повстанческой деятельности и в шпионаже в пользу Финляндии. Абсолютное большинство арестованных по этому делу составляли местные уроженцы — карелы и ингерманландцы, тем не менее репрессии коснулись тогда и части финских политэмигрантов, прежде всего профессиональных военных¹⁰¹.

⁹⁹ Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 200–201.

¹⁰⁰ Попов А. Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930-е годы // Studia Slavica Finlandensia. Т. IX. Helsinki, 1992. С. 105–108.

¹⁰¹ Подробнее см.: Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Корни травы: Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 35–44; Такала И. Р. Финны в Карелии и России. С. 78–81.

Борьба с буржуазным национализмом велась по всей стране по единой схеме и являлась неотъемлемой частью общего механизма тотального террора. Вместе с тем для каждой нации определялась своя «специфика». Дело о «Заговоре финского генштаба» стало отправной точкой в репрессивной политике государства по отношению к финнам России.

В 1935 г. финское руководство Карелии было смещено и в республике разворачивается антифинская кампания. Людей увольняли с работы, исключали из партии, нарастает волна арестов среди политэмигрантов и финперебежчиков¹⁰². Такие же процессы происходили в 1935–1936 гг. и в других регионах страны. Впрочем, следует отметить, что финская диаспора Мурманска серьезно размываться стала уже с начала 1930-х годов. Это было связано не только с коллективизацией, заставлявшей людей уходить в города и леспромхозы, но и со строительством на Севере мощного военного флота, становившегося хозяином на море. Судьба Грязной Губы, Ваенги, Торос-Острова и ряда других поселений была решена уже в первой половине 1930-х: строились военно-морские базы флота, колхозы ликвидировались, финны переселялись. Сокращалось и число финских школ, к 1935 г. в основном районе проживания финнов — Полярном (бывш. Александровская волесть) — оставалось всего 4 национальные школы¹⁰³.

Борьба с буржуазным национализмом увенчалась большим террором 1937–1938 гг., поставившим финскую диаспору на грань уничтожения. Российские финны были обвинены в причастности к диверсионно-террористическим, контрреволюционным, шпионско-повстанческим организациям, работавшим по заданию финляндской разведки с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии.

Массовые репрессии в отношении финнов, как и других народов, осуществлялись по постановлениям Политбюро ЦК ВКП (б) и по так называемым национальным приказам наркома внутренних дел Н. Ежова. Основополагающими в этом плане стали знаменитый приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» (30.07.1937), а также № 00439, 00485, 00593 и т. д. о репрессировании немцев, поляков, латышей, эстонцев, иранцев и других народов, принадлежавших к нациям, имевшим свои государственные образования, граничившие с СССР. По финнам специального

¹⁰² Подробнее см.: Такала И. Р. Финны в Карелии и России. С. 84–92.

¹⁰³ Киселев А. Финны на Мурмане // Ленинская правда. 1989. 4 мая.

документа не было¹⁰⁴. Их арестовывали и расстреливали по другим национальным приказам, прежде всего польскому (№ 00485), который был положен в основу финской операции, так же как и приказ № 00693 (23.10.1937) «по репрессированию перебежчиков, — нарушителей госграницы СССР»¹⁰⁵.

Национальные операции, осуществлявшиеся III отделом НКВД СССР параллельно с главной «кулацкой» акцией, продолжались 15 месяцев, с лета 1937 по ноябрь 1938 г. Кровавым завершающим аккордом тотального террора стал приказ № 00608 (17.09.1938) об образовании Особых троек на местах для рассмотрения дел «по контрреволюционным национальным контингентам». За два месяца действия этого приказа в тюрьмах страны были расстреляны тысячи людей, арестованных в ходе национальных операций.

Истинные масштабы репрессивной политики тех лет оценить до сих пор трудно. Только в Карелии по официальным данным УНКВД КАССР с 1 января 1937 по 15 ноября 1938 г. были арестованы и осуждены 4 688 финнов. В соответствии с постановлениями «о выселении белофиннов», за пределы республики были вывезены сотни семей арестованных. Финны, чья численность в Карелии в середине 1930-х гг. едва превышала 3 % населения¹⁰⁶, составили свыше 41 % всех репрессированных (карелы 27 %, русские 25 %). Среди репрессированных по национальным приказам доля финнов была еще выше — до 73 % (карелы 16 %, русские 2 %)¹⁰⁷. В Мурманской области доля финнов составила 13 % от общего числа репрессированных в 1937–1938 гг. (474 человека)¹⁰⁸.

¹⁰⁴ По некоторым данным, проект приказа НКВД СССР о проведении финской операции существовал, причем его автор — комкор Фриновский — предлагал не ограничиваться репрессиями против финнов, а провести их («и среди карельского и вообще финно-угорского населения») (Чухин И. Жестокая статистика репрессий // Северный Курьер. 1997. 15 января).

¹⁰⁵ Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С 186–189.

¹⁰⁶ Согласно переписи населения, проведенной в Карелии в 1933 г., доля русских составляла в республике 60,2 % (224,5 тыс. чел.), карел 29,3 % (109 тыс. чел.), финнов 3,2 % (12 тыс. чел.). См.: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. I. Петрозаводск, 1934. С. 8–19.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Такала И. Р. Финны в Карелии и России. С. 108–123.

¹⁰⁸ Федоров П. В., Обрядина Т. А. Политические репрессии на Мурмане в 1937–1940 гг.: палачи и жертвы (опыт статистического анализа) // Наука и образование-2002: Материалы Всероссийской научно-технической конференции. Мурманск, 2002. С. 73–76.

И это при том, что финны составляли тогда менее 2 % населения Мурманска. Свыше тысячи финнов были репрессированы в Ленинграде и Ленинградской области, свыше семисот — в Челябинской и Свердловской областях¹⁰⁹.

И еще одна страшная цифра — до 85 % всех репрессированных в годы большого террора финнов были приговорены к расстрелу...

К 1939 г. значительная часть финской диаспоры была либо физически уничтожена, либо рассредоточена по многочисленным лагерям и спецпоселениям страны. В целом, по данным переписи 1939 г., численность финского населения России сократилась до 24 тыс. человек¹¹⁰.

Создание в 1940 г., в результате советско-финляндской войны, искусственного политического образования — Карело-Финской ССР, положение финнов не улучшило. Государственная политика по очищению приграничных районов от «неблагонадежных элементов», начатая в середине 1930-х гг., продолжала действовать. 23 июня 1940 г. нарком внутренних дел Л. Берия подписал приказ № 00 761, результатом чего стало окончательное уничтожение мурманской диаспоры. Вместе с норвежцами, шведами, литовцами, латышами и другими «инонационалами» финны Мурманска были депортированы сначала в Карело-Финскую ССР, а затем дальше, в Сибирь¹¹¹. Во время войны уже все финское население северо-запада России было эвакуировано в глубокие тыловые районы, большинство мужчин оказались в трудовых колониях НКВД. Только в Челябинском лагере в 1942–1946 гг. погибли свыше 600 финнов¹¹².

Заключение

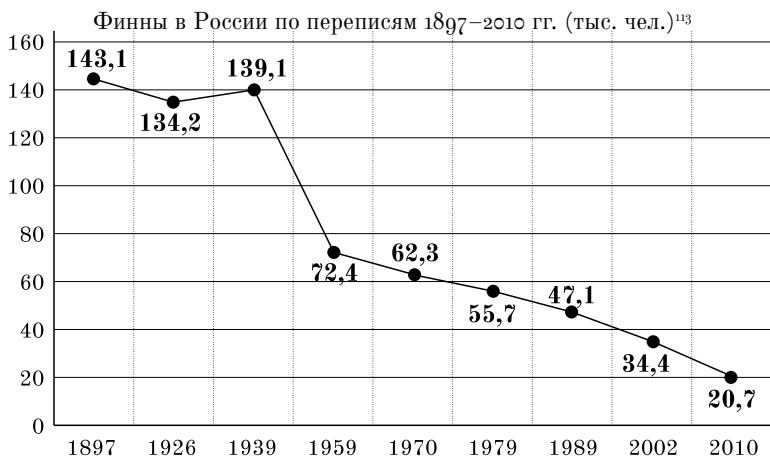
Годы репрессий, война, принудительные выселки и депортации привели к резкому уменьшению численности финского населения России. Эта тенденция, обусловленная целым комплексом различных причин, сохранялась и все послевоенные десятилетия:

¹⁰⁹ Подсчитано по: Lahti-Argutina E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainohurit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Turku, 2001.

¹¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 59, 247.

¹¹¹ Бугай Н. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4. С. 96; Киселев А. Финны на Мурмане // Ленинская правда. 1989. 4 мая.

¹¹² Lahti-Argutina E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainohurit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Turku, 2001. S. 593–612.

Послевоенная статистика не позволяет определить численность отдельных групп российских финнов, выходцев из Финляндии, Северной Америки, Ингерманландии: отдельно собственно финны и финны-ингерманландцы учитывались лишь в советской переписи 1926 года и российских 2002 и 2010 гг. И то применительно к последним вряд ли можно говорить о корректных результатах.

Согласно переписи населения 1926 г., в Российской Федерации проживали 18 945 финнов и 115 220 ингерманландцев (99,7 % из них в Ленинградской губернии). За счет иммиграции конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. численность финнов к 1935 г. выросла, как отмечалось выше, до 32–33 тыс. чел., однако в годы репрессий диаспора сократилась едва ли не вполтину.

Послевоенные советские переписи 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. дают нам, прежде всего, сведения о финнах-ингерманландцах, поскольку именно они составляли абсолютное большинство финского населения России. Население это постоянно уменьшалось, очень быстро менялась и этноязыковая ситуация. Если в 1926 г. финский язык был родным для 89 % финнов (98 % у финнов Мурмана) и для 98 % ингерманландцев, то в 1989 г. 63 % российских финнов своим родным языком назвали русский.

¹¹³ График составлен по материалам переписей. Финны и ингерманландские финны показаны вместе. 1897 г. — по Российской империи число лиц с родным финским языком (без ВКФ), остальные переписи — данные о национальности на основе самоопределения населения Российской Федерации в границах соответствующих лет.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в северо-западной России (Карелия, Ленинградская, Мурманская области) наблюдался процесс возрождения национального самосознания, прежде всего среди ингерманландцев. Одновременно с начала 1990-х годов весьма серьезные размеры приобрела эмиграция российских финнов за рубеж. Это было вызвано инициативами президента Финляндии Мауно Койвисто 1990 года (разрешение для живущих на территории Советского Союза финнов-ингерманландцев переселяться в Финляндию как репатриантам, то есть как возвращенцам на историческую родину). За последующие двадцать лет из России в Финляндию выехали свыше 20 тыс. ингерманландцев. Покинули страну в эти годы и многие потомки финнов-иммигрантов 1920–1930-х гг.

Переписи населения, проведенные в 2002 и 2010 гг., дают нам весьма приблизительные данные о финском населении России. По итогам этих переписей в России в 2002 г. насчитывалось 34 050 финнов и 314 финнов-ингерманландцев, 76,6 % из них проживали в Карелии, СПб и Ленинградской области. В Карелии финским языком владели 22 813 человек, в том числе 9 197 карел, 6 958 русских, 5 770 финнов и 880 лиц других национальностей¹¹⁴. В 2010 г. численность финнов составила 20 267 человек, ингерманландцами назвал себя 441 человек (75 % проживали в Карелии, Санкт-Петербурге и Ленинградской области)¹¹⁵.

Несмотря на серьезный отток ингерманландцев из страны, вряд ли итоги переписи отражают истинную ситуацию. Скорее всего, они свидетельствуют о серьезных переменах в этнической идентичности российских финнов.

¹¹⁴ Подсчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Электронный ресурс // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

¹¹⁵ Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Электронный ресурс // http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

АНТТИ КУЯЛА

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ
И ФИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СССР ВО ВРЕМЯ
СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ 1941–1944 гг.

Советско-финская война, начавшаяся в июне 1941 г. и завершившаяся в сентябре 1944 г., известна в Финляндии как «война-продолжение» (имеется в виду продолжение «Зимней войны» 1939–1940 гг.). Войну 1941–1944 гг. Финляндия вела как неофициальный союзник Германии. В течение войны финские войска взяли в плен около 65 тыс. советских военнослужащих, а советские войска — около 3 тыс. финских бойцов. Такое сильное различие в абсолютной численности военнопленных по обеим сторонам фронта объясняется разными методами ведения боевых действий. Такая маленькая страна, как Финляндия, не могла столь безжалостно распоряжаться своими людскими ресурсами, как это делали Советский Союз, Германия и Япония во время Второй мировой войны. Практически все советские военнопленные были захвачены финнами в 1941–1942 гг., когда Финляндия находилась на побеждающей стороне.

Согласно положениям IV конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой в 1907 г. на Гаагской международной конференции, правительство страны, захватившей военнопленных, было обязано содержать их и обеспечивать их безопасность. Конвенция запрещала убивать или ранить военнослужащих враждебной страны, сдавших в плен или сложивших оружие. Финляндия соблюдала Гаагскую конвенцию, но во время «войны-продолжения» финская главная ставка приняла решение о том, что поскольку Советский Союз не подписывал конвенцию,

то ее положения не обязательны для Финляндии. Главная ставка гарантировала советским военнопленным лишь некоторые элементарные права, однако на практике международные конвенции являлись обязательными для Финляндии, по крайней мере в рамках обычного права. Более того, некоторые послевоенные приговоры за военные преступления исходили из того, что Гагская конвенция во время войны оставалась в силе. Следует отметить, что Финляндия не ратифицировала Женевскую конвенцию 1929 г., поскольку некоторые разделы финского военно-уголовного кодекса вступали с ней в противоречие.

Фактически Советский Союз в июле 1941 г. через Швецию уведомил Германию о том, что обязуется выполнять положения IV Гагской конвенции (от 1907 г.), если это будет делать Германия. Советский Союз отказывался соблюдать Женевскую конвенцию (1929) в том, что касалось обмена информацией о военнопленных, поскольку, испытывая почти патологический страх перед шпионами, не желал допускать зарубежных инспекторов в лагеря для военнопленных. Финляндия, участвовавшая в войне на стороне Германии, не получила этого сообщения. Однако Германия отвергла осторожное предложение советской стороны, поскольку намеревалась силой уничтожить всю «еврейско-большевистскую» нацию, вследствие чего вопрос об обращении с военнопленными становился несущественным. Таким образом, возможность привести статус военнопленных на советско-финской войне в соответствие с IV Гагской конвенцией была утрачена. Тем не менее мы вправе усомниться в том, что Советский Союз соблюдал бы все положения Гагской конвенции. Как известно, в реальных обстоятельствах 1941–1944 гг. он этого не делал.

Число зарегистрированных советских военнопленных, умерших в финском плену в 1941–1944 гг., составляет 19 тыс. человек, но, помимо этого, с жизнью расстались также около 3 тыс. еще не зарегистрированных военнопленных. Всего умерла треть советских военнопленных, имевших общую численность в 65 тыс. человек — в большинстве своем от болезней, вызванных недоеданием. Голод и тяжелый физический труд представляли собой смертоносное сочетание. Во время Тихоокеанской войны 1941–1945 гг. в японском плену умерла «лишь» четверть американских и других западных военнопленных. При этом японцы прославились жестоким обращением с пленными. Тем не менее, смертность немецких военнопленных в советских лагерях и советских военнопленных в немецких лагерях была все же выше, чем в финских лагерях военнопленных. Катастрофическая си-

туация, сложившаяся в финских лагерях, была вызвана общей нехваткой продовольствия в Финляндии зимой 1941–1942 гг., неподготовленностью властей перед лицом такого большого числа пленных, и просто безразличием к их судьбе. Во время Второй мировой войны Финляндия оставалась демократической страной, несмотря на то, что гражданские и политические права здесь, как и во всех западных странах, подверглись ограничениям. Финляндия не проводила диктовавшуюся властями (то есть правительством или главной ставкой) политику уничтожения по примеру того, как поступали с советскими военнопленными в Германии. Тем не менее, с гуманитарной точки зрения, судьба советских пленных в Финляндии была ужасной. Многие финны ненавидели и презирали русских. Советским пленным пришлось отвечать за то, что их правительство развязало войну с Финляндией в 1939 г. и снова угрожало ее независимости во время «войны-продолжения». В течение этой войны финское правительство успешно скрывало тот факт, что на этот раз главным агрессором в июне 1941 г. стала Финляндия, соблюдавшая неформальный союз с Германией.

1 200 советских пленных были расстреляны финнами. Эта цифра составляет 5,5 % от общего числа умерших советских пленных, и в международном масштабе весьма высока. Большинство расстрелянных расстались с жизнью в результате незаконных наказаний. Международные конвенции допускают лишь очень мягкие санкции за дисциплинарные нарушения, совершенные пленными. Охрана некоторых лагерей имела привычку время от времени расстреливать пленных в знак предупреждения остальным. Так могли поступить с пленными, не подчинившимися приказам или пойманными при попытке побега. Затем о них сообщалось как об убитых при новой попытке побега или вследствие сопротивления, оказанного ими при задержании. Тем не менее большинство подобных случаев представляло собой незаконные наказания, в юридическом смысле являясь непредумышленными или предумышленными убийствами. Более высокие инстанции делали вид, что верят подобным ложным донесениям. Командующий одним из армейских корпусов даже приказал своим подчиненным подвергать непокорных военнопленных незаконным наказаниям и расстреливать их вне зависимости от приказов главной ставки. Наказывать за незаконное убийство военнопленных начали лишь после войны.

Даже сегодня большинство людей в Финляндии почти ничего не знает о тех ужасных условиях, в которых содержались совет-

ские пленные во время «войны-продолжения». Хорошо известен лишь самый положительный аспект их пребывания в плену. В 1943–1944 гг. тысячи дисциплинированных военнопленных были отправлены на фермы в качестве работников, и это не создало никаких серьезных проблем ни с их питанием и здоровьем, ни с безопасностью их хозяев. Если бы стране хватило смелости и понимания для того, чтобы отправить послушных пленных на фермы еще в первую военную зиму, то можно было бы избежать массовой смертности от голода и болезней в лагерях военнопленных. Финские политические и военные руководители сами оказались пленниками своего чрезвычайно негативного представления о противнике, что помешало им предотвратить едва ли не самый худший из всех возможных сценариев.

Советское законодательство и положения об обращении с вражескими пленными на словах соответствовали высочайшим международным стандартам, однако на практике дело обстояло по-иному. Обращение с финскими бойцами, попавшими в советский плен, едва ли сильно отличалось в лучшую сторону от того, что ожидало их братьев по несчастью по другую сторону фронта. Высокая смертность вследствие плохого питания и тяжелого труда была обычным делом и в русских лагерях военнопленных. Большинство финских пленных было захвачено летом 1944 г., и им удалось уцелеть лишь благодаря тому, что в плену они пробыли всего несколько месяцев, до поздней осени 1944 г. И напротив, пребывание в плену собрало суровую дань с немногих финнов, захваченных в 1941–1942 гг. Осенью 1944 г. в советских лагерях для военнопленных стремительно распространялись болезни. Соответственно, многим финским пленным, получившим разрешение вернуться в том году на родину, удалось это сделать — вероятно, в последнюю минуту. Из всех финских военнослужащих, попавших в советский плен во время «войны-продолжения», умерло не менее трети. Таким образом, доля умерших пленных была одинаково высока по обе стороны фронта. Однако в смысле абсолютных величин намного более катастрофическое положение сложилось на финской стороне, где умерли 22 тыс. советских пленных по сравнению с 1 тысячей (или чуть большим числом) умерших финских пленных. Санитарные и бытовые условия, в которых содержались военнопленные, являлись совершенно неудовлетворительными и в той, и в другой стране.

Вместо национальной ненависти финских пленных в советских лагерях ожидали насильственные допросы и политическая дискриминация в дополнение к жестокости, присущей любым

концентрационным лагерям вне зависимости от того, в какой стране они находятся и какой политической доктрины та придерживается. Советские власти пытались вести пропагандистскую обработку пленных и выявлять среди них шпионов. Все, оказавшиеся в советском плену, поступали в распоряжение Главного управления по делам военнопленных, являвшегося подразделением печально знаменитого НКВД. Некоторых финских пленных расстреливали или казнили без суда в нарушение международного права, однако в целом финнов не ожидало ничего подобного тем массовым расправам, которым подвергались пленные польские офицеры в 1940 г.

Но мы не должны забывать и о том, что в 1941 г. финские солдаты совершали некоторые убийства сдавшихся советских солдат — нередко по приказу своих офицеров. Победы немцев и финнов создавали у многих людей впечатление, что Советский Союз неминуемо ожидает полное поражение, и потому не следует особо заботиться о гуманном обращении с врагом. Тем не менее большинство простых финских бойцов считало расстрелы беззащитных пленным позором. В этом отношении настроения, преобладавшие в финской армии, разительно отличались от тех, что наблюдались в германском вермахте.

«Война-продолжение» завершилась в сентябре 1944 г. подписанием перемирия и отходом финской армии за границы 1940 г. Финская армия испытала в 1944 г. ряд поражений, но не подверглась полному разгрому. Финляндия не капитулировала и не была оккупирована. Этим объясняется небольшое число финских пленных, а также тот факт, что не только проигравшая сторона, т. е. Финляндия, но и победитель, СССР, согласился репатриировать находившихся у него пленных после окончания военных действий, вслед за репатриацией советских пленных из Финляндии. Как хорошо известно, немецкие и японские пленные содержались в СССР в течение многих лет после окончания войны. Вообще говоря, советские власти не отпустили на родину всех финских пленным осенью 1944 — весной 1945 г. Некоторые получили свободу лишь существенно позже — последние пленные вернулись в Финляндию в 1955 г. Судьба некоторых финских пленным осталась неизвестной. Они разделили участь 3 тысяч советских пленным, умерших еще до того, как были зарегистрированы финскими властями.

Бойцам Советской армии запрещалось сдаваться в плен. Репатриированные советские военнопленные отправлялись в фильтрационные лагеря, где из их рядов «выявлялись» шпионы

и трусы, подвергавшиеся наказанию в качестве «предателей родины». Военнопленные, репатриированные из Финляндии в конце 1944 г., были первыми советскими пленными, вернувшимися домой, и потому с ними обращались более сурово, чем с их собратьями по несчастью, освобожденными в Германии в 1945 г. Некоторых репатриированных из Финляндии отправляли на германский фронт в штрафные батальоны, где бывшие пленные, подвергаясь опасности, могли отчасти очиститься от обвинений в предательстве. Прочих репатриированных пленных, также обвиненных в измене, приговаривали к заключению в исправительно-трудовых лагерях. Некоторым из тех, кто сотрудничал с врагом, выносились смертные приговоры.

После войны Финляндии удалось остаться парламентской демократией с рыночной экономикой и политическими свободами, но она была обязана учитывать внешнеполитические интересы своего восточного соседа, ставшего после Второй мировой войны одной из двух мировых сверхдержав. По условиям финско-советского перемирия, заключенного в сентябре 1944 г., Финляндия — но не победитель в войне — должна была предать суду своих военнослужащих и прочих граждан, совершивших военные преступления. Их дела рассматривались военными и гражданскими судами в соответствии с финскими законами. После того, как в 1949 г. были осуждены или оправданы последние из тех, кто обвинялся в совершении военных преступлений, вопрос о финских военных преступлениях был предан забвению. Впрочем, в последнее время историки многих стран начали проявлять интерес к «злодеяниям», совершенным их собственными странами и их солдатами во время Второй мировой войны. В 2004–2008 гг. в Национальном архиве Финляндии осуществлялся исследовательский проект «Финляндия, военнопленные и переданные лица в 1939–1955 гг.».

В начале и на первых этапах «войны-продолжения» военная администрация в оккупированной советской Карелии¹ считала победу Германии и поражение Советского Союза предрешенными и вела подготовку к аннексии советской Карелии. Советским карелам и вепсам предстояло стать финнами, в то время как русские и все прочие «ненациональные элементы», оставшиеся на оккупированной территории, подлежали депортации в Россию

¹ Советскую, или российскую, Карелию не следует путать с (бывшей) финской Карелией, которая отошла к СССР в 1940 году, была завоевана финской армией в 1941 году и вновь отошла к Советскому Союзу в 1944 году.

после окончания войны. Многих из них отправляли в концентрационные лагеря, расположенные на оккупированной территории. Финские концентрационные лагеря и лагеря для интернированных отличались от аналогичных немецких лагерей. Но несмотря на то, что уничтожение заключенных не являлось их целью, созданные в них условия были во многих случаях негуманными. В целом через финские концентрационные лагеря на протяжении «войны-продолжения» прошли 25 тыс. гражданских лиц, из числа которых умерли 4 300 человек (17 %).

Также следует упомянуть, что во время «войны-продолжения» финны передали 2 900 советских пленных немцам и получили от них 2 800 советских пленных. Немцы хотели, чтобы финны передавали им этнических немцев, прибалтов и кавказцев из числа пленных (последние две категории предполагалось использовать в качестве рабочей силы на территориях, оккупированных Германией), в то время как финны интересовались пленными, являвшимися по происхождению финнами, ингерманландцами, карелами и вепсами, намереваясь селить их на оккупированных территориях или призывать в армию. Впрочем, Финляндия и Германия также обменивались пленными в целях трудового использования и разведки. Из приблизительно 400 евреев, попавших в финский плен, 54 было выдано немцам. Нетрудно догадаться, что случилось с ними (52 из них были убиты, и только двое были возвращены финнам и репатриированы в СССР осенью 1944), так же как с передававшимися немцам политработниками, комиссарами и другими политически нежелательными военнопленными (всего 520, включая 48 указанных выше евреев), вне зависимости от их национальности (328 из них были русскими и 67 украинцами). Факт состоит в том, что финская военная контрразведка передала этих 520 военнопленных немцам, чтобы они позже уничтожили их. Это произошло вне нормального обмена военнопленными между Финляндией и Германией и было чистым нарушением законодательства Финляндии и международных конвенций о военнопленных. Финская государственная полиция передала немцам всех восьмерых гражданских беженцев-евреев, оказавшихся в ее распоряжении. Это случилось в ноябре 1942 г. Однако, когда речь идет об участии Финляндии в Холокосте, не следует также забывать и о судьбе 49 пленных евреев. С другой стороны, евреи, являвшиеся финскими гражданами, во время Второй мировой войны не подвергались никакой дискриминации.

Перевод с английского Николая Эдельмана

Литература

Mirkka Danielsbacka. Vankien vartijat: Ihmlajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944 // Historiallisia tutkimuksia Helsingin yliopistosta XXXII. Helsinki, 2013.

Dmitri Frolov. Sotavankina Neuvostoliitossa: Suomalaiset NKVD:n leireissä talvi- ja jatkosodan aikana // Bibliotheca Historica 91. Helsinki, 2004.

Antti Kujala. Vankisurmat: Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki, 2008.

Antti Kujala. Illegal Killing of Soviet Prisoners of War by Finns during the Finno-Soviet Continuation War of 1941–44 // Slavonic and East European Review. 87. 2009, No. 3. Pp. 429–451.

Antti Laine. Suur-Suomen kahdet kasvot: Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944 // Joensuun korkeakoulun julkaisuja A 24. Helsinki, 1982.

Пеккаринен Ю. & Похьонен Ю. Пошады не будет: передача военнопленных и беженцев из Финляндии в СССР, 1944–1981. М., 2010.

POW Deaths and People Handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–1955: A research report by the Finnish National Archives, Lars Westerlund (ed.). Helsinki, 2008.

Oula Silvennoinen. Geheime Waffenbrüderschaft: die sicherheitspolizeiliche Zusammenarbeit zwischen Deutschland und Finnland 1933–1944 // Veröffentlichungen der Forschungsstelle Ludwigsburg der Universität Stuttgart 17. Darmstadt, 2011.

Olli Vehviläinen. Finland in the Second World War: between Germany and Russia. Basingstoke, 2002.

Lars Westerlund. Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa: Muonahuolto, tautisuus ja Punaisen Ristin toimettomuus 1939–1944 // Historiallisia Tutkimuksia 244. Helsinki, 2009.

Информация об обмене военнопленными между Финляндией и Германией, предоставленная Идой Суолахти (Ida Suolahti).

Базы данных Национального архива Финляндии (www.narc.fi) погибших советских военнопленных войн 1939–1940 и 1941–1944 годов и погибших на лагерях в Восточной Карелии советских гражданских лиц в 1941–1944 годах.

ТОЙВО ФЛИНК
ДОМОЙ В ССЫЛКУ¹

Немного истории

Территория исторической Ингерманландии была определена в 1832 году одновременно с одобрением закона о российской лютеранской церкви. К Ингерманландии относился 31 приход, включая приход Церкви Св. Марии в Петербурге. Вплоть до революционного 1917 года в приходах проживало 140 370 ингерманландских финнов-лютеран, а также относящихся к прибалтийско-финскому населению православных ижор около 20 000 и примерно 500 человек води.² В Российской империи Ингерманландия входила в состав Санкт-Петербургской губернии, а в советское являлась частью Ленинградской области. После октябрьского переворота и прихода к власти большевиков в результате сталинских репрессий ингерманландцы потеряли треть своего населения. Этот исторический период, связанный с ингерманландскими финнами, еще не исследован должным образом.

В период Второй мировой войны на оккупированной немецкими войсками Ленинградской области тысячи людей погибли от голода и в боях в прифронтовой полосе. Среди них были и люди с финскими корнями. Точное число погибших до сих пор неиз-

¹ Статья написана на базе книги автора: Kotiin karkotettavaksi. Helsinki, 2010. На русском языке книга вышла в Санкт-Петербурге под названием «Домой в ссылку» в 2011 г.

² P. Nevalainen, H. Sihvo. Inkeri: historia, kansa, kulttuuri. SKS, Helsinki, 1991. S. 410.

вестно. В 1942 году немцы переселили в Эстонию часть ингерманландцев, в общей сложности около 10 000 человек, находившихся на грани голодной смерти. Часть ингерманландцев тайно бежала в Эстонию.

По инициативе финского правительства через Эстонию с марта 1943 года по июнь 1944 в Финляндию с оккупированной немецкими войсками территории кораблями через Финский залив было эвакуировано более 60 000 ингерманландских финнов, ижорцев и вожан. Восемь из десяти были женщинами, детьми и подростками до 15 лет. В блокадном Ленинграде и области осталось около 30 000 ингерманландских финнов. Согласно приказу командования Ленинградского фронта в марте 1942 года, как только была открыта ледовая дорога через Ладогу, ингерманландских финнов переправили в глубь страны и затем железнодорожным транспортом в Красноярскую область. Количество людей, погибших в пути и после расселения по местам, точно неизвестно. Данный период ингерманландской истории также практически не изучен.

Согласно перемирию, заключенному между Финляндией и Советским Союзом, на рубеже 1944–1945 гг. около 56 000 ингерманландцев были поездами вывезены на бывшую родину. Их расселили в областях между Ленинградом и Москвой без права возвращения на прежние места проживания. В Финляндии осталось около 8 000 человек, половина из которых тайно бежала в Швецию.

Таким образом вопрос ингерманландских финнов был окончательно решен к концу 1945 года. К этому времени половина его населения погибла, а оставшиеся в живых были высланы в разные районы Советского Союза. В результате историческая территория Ингерманландии была очищена от финнов, которые более 300 лет проживали на территории, расположенной по обоим берегам реки Невы. Они переселились на эти земли преимущественно с Карельского перешейка и из финляндской провинции Саво в начале XVII века, во времена шведского правления, длившегося более ста лет.

Основой данной статьи является исследование, опубликованное в 2010 году. В нем новые российские и финские архивные материалы рассматриваются, в частности, в рамках следующих вопросов: почему руководство финского правительства стремилось в период «войны-продолжения» спасти ингерманландцев от верной гибели, хотя они являлись гражданами Советского Союза? Чем была обоснована возможность остаться в Финлян-

дии для тех, кто принял такое решение? Какой правовой статус имели те, кто вернулся в СССР, и те, кто остался в Финляндии? Почему более половины оставшихся в Финляндии вскоре бежали в Швецию?

Данные вопросы могли бы послужить введением или вступлением к докторской диссертации Сесилии Нотини Берч, посвященной проблемам, которые она затронула уже в своей магистерской работе.³ В диссертации рассматривается вопрос об отношении шведских должностных лиц к беженцам из Финляндии, прибывшим в страну в 1944–1954 годах. Исследование Сесилии Нотини Берч является ценным вкладом в раскрытие политических причин проблематики, публичное обсуждение которой долгое время замалчивалось.

Московское перемирие и его жесткие требования

Во время обсуждения пунктов перемирия представителями Финляндии и Советского Союза в Москве 27 марта 1944 года вопрос о репатриации ингерманландцев остался неразрешенным. Согласно протоколу переговоров, В. Молотов утверждал, что СССР не будет настаивать на возвращении добровольно переселенных в Финляндию советских граждан.⁴ Ситуация изменилась, когда Союзная Контрольная комиссия прибыла в Финляндию в конце сентября 1944 года.

Подписанный в Москве текст перемирия выглядит кратко и жестко. Таким он и является. Каждое его условие практически без исключений начинается со слов «Финляндия обязуется»... Содержание Соглашения не предполагало какой-либо гибкости, с чем и столкнулись финские должностные лица, работавшие с Союзной Контрольной комиссией. С точки зрения представителей Финляндии, лишь 10 статья содержала возможность интерпретации. Именно она касалась репатриации ингерманландцев. По мнению финского руководства страны, ингерманландцы не относились ни к интернированным, ни к насильно вывезенным гражданским лицам. Из их собственных ходатайств можно

³ Cecilia Notini. Magisteruppsats vid Historiska Institution. Stockholm Universitet, 2006. Säkerhetspolitisk flyktingpolitik, Ingermanländare i Sverige 1945–1947. Cecilia Notini Burch. A Cold War Pursuit. Soviet Refugees in Sweden, 1945–1954. Santérus Academic Press, Sweden, 2014.

⁴ Heikki Roiko-Jokela. Oikeutta moraalín kustannuksella. Jyväskylä, 1999. S. 14.

было сделать заключение, что в 1943–1944 годах они добровольно прибыли в Финляндию. Или, по крайней мере, на добровольных началах, если принять во внимание их переселение из районов военных действий. Руководство Союзной Контрольной комиссии было об этом иного мнения.

Генерал-полковник Андрей Жданов прибывает в Хельсинки

Председатель Союзной Контрольной комиссии, СКК, генерал-полковник Андрей Жданов прибыл в Хельсинки 5 октября 1944 года.⁵ В день его прибытия количество представителей комиссии Советского Союза составляло около 200 человек. Ожидалось прибытие еще 56 офицеров.⁶ Так как представители СКК обладали дипломатическим статусом, согласно условиям перемирия они имели возможность запрашивать у финских чиновников всю необходимую для себя информацию и беспрепятственно посещать ведомства и учреждения.⁷

На первом совещании Комиссии, проведенном Ждановым 5 октября 1944 года, он отметил, что комиссия может действовать только официально и только в рамках статей Соглашения о перемирии.⁸ В тот же день на совещании руководящего состава комиссии генерал-майор Василий Стыров⁹ уведомил, что, соглас-

⁵ Seppinen, Jukka. Vaaran vuodet? Suomen selviytymisstrategia 1944–1950. Hämeenlinna, 2008. S. 22; Androsova, Tatjana. The Allied Control Commission in Finland 1944–1947: Zig-zags in the Tactical Line // Nevakivi, Jukka. Finnish — Soviet Relations 1944–1948. Helsinki, 1994. S. 44–61; Blinnikka, Aulis. Valvontakomission aika. Porvoo, 1969. S. 9.

⁶ Исторический архив. 2002. № 1. С. 76–77.

⁷ В секретном докладе Сталину и Молотову, переданном по закрытой связи 14 февраля 1945 года, Жданов доносил, что Союзная Контрольная комиссия собрала значительный объем информации о военном и экономическом положении Финляндии. Тем не менее он добавил, что эта информация не дает исчерпывающего ответа на все интересующие Комиссию вопросы.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Стыров В. Д., генерал-майор, начальник Управления делами Союзной Контрольной комиссии. Все его подчиненные тоже были офицерами госбезопасности, как это указывается в недатированном списке личного состава СКК. Его заместителем был подполковник А. Ф. Неволин. Ответственным за возвращение советских граждан был подполковник П. М. Сергеев, инспекторами — капитан М. Г. Котов, капитан И. Е. Сергеев, капитан И. И. Баранов и старший лейтенант В. В. Стольников (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 53. Л. 11–12).

но полученным данным, в Финляндии находится около 62 000 ингерманландцев. По заявлениям финских представителей, немцы эвакуировали ингерманландцев с территории Ленинградской области в Эстонию, откуда они добровольно переселились в Финляндию. Стыров указал также на полученные Контрольной комиссией письма, в которых ингерманландцы выражали желание вернуться на родину.¹⁰ Он также доложил, что финские должностные лица обещали выяснить, кто именно из ингерманландцев хотел бы вернуться.¹¹ «Есть ли у нас самих план репатриации ингерманландцев?» — спросил Жданов. Стыров ответил, что плана пока не было.¹²

Жданов отметил, что, в целом, в свое время вся эта «компания» относилась (к советской власти. — *Т. Ф.*) крайне враждебно. По его словам, в 1941–1942 годах настроения были разные, но теперь, вероятно, большая часть этих людей боится возвращения домой. В Финляндии из ингерманландцев были сформированы отдельные батальоны («соплеменные бойцы». — *Т. Ф.*), которые служили верно и добросовестно. «Есть ли необходимость возвращать их на территорию Ленинградской области?» — размышлял Жданов. В обсуждение вступил генерал Петр Курбаткин.¹³ По его мнению, большую часть ингерманландцев не следовало возвращать на места прежнего проживания. Жданов пообещал еще подумать, но добавил, что, «вероятно, придется брать. Лишних людей у нас сейчас нет. А люди нужны».¹⁴

¹⁰ Получить запрошенные для исследования материалы из архива МИД РФ не удалось. В ответном письме на запрос сообщалось, что МИД РФ и МИД Финляндии готовят совместную публикацию материалов за 1944–1946 гг. Это издание так и не вышло в свет, хотя, по сведениям МИД Финляндии, обработка материалов длится уже несколько лет.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 39. Л. 30.

¹² Там же. Л. 29.

¹³ Залесский К. Кто есть кто в истории СССР, 1924–1953. М., 2009. С. 335–336; Исторический архив. М., 2002. № 1, стр. 84. Петр Курбаткин (1907–1950). В 1937 году окончил высшую разведшколу. В августе 1941 г. был начальником НКВД Ленинградской области. Отвечал за высылку ингерманландских финнов и немцев из Ленинградской области в Казахстан в августе–сентябре 1941 года. Эта операция осталась не выполненной из-за быстрого наступления немцев на Ленинград. В марте 1942 года Курбаткин проводил эвакуацию ингерманландских финнов и немцев из блокадного Ленинграда в Сибирь. Был начальником контрразведки Ленинградского фронта. Сразу же по окончании войны стал начальником внешней разведки. Осужден и казнен по ленинградскому делу в 1950 г. Реабилитирован в 1954 г.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 39. Л. 30.

7 октября 1944 года Жданов телеграфировал в Москву комиссару государственной безопасности Владимиру Деканозову¹⁵

¹⁵ Залесский, 2009. С. 179–180, Военно-исторический журнал. М., 1991. № 6. С. 32–40. Деканозов Владимир Георгиевич (июнь 1898, Баку — 23.12.1953, Москва), один из руководителей органов государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 3-го ранга (2.12.1938). Сын служащего. Учился на медицинских факультетах Саратовского и Бакинского университетов. В 1918 вступил в Красную армию, в мае 1920 — в РКП (б). В 1918 на подпольной работе в Баку, в 1919 работал в Министерстве здравоохранения Азербайджана, а затем в нефтяных компаниях. В июне 1921-го переведен в органы ВЧК уполномоченным отдела по борьбе с бандитизмом Азербайджанской ЧК. Здесь он сблизился с Л. П. Берией и впоследствии постоянно пользовался его покровительством. С 1921 занимал руководящие должности в Азербайджанской, Грузинской и Закавказской ЧК. В июле—октябре 1927-го ответственный инструктор ЦК КП (б) Грузии. С 28.1.1928 нач. 2-го отделения Секретного отдела полпреда ОГПУ по ЗСФСР, с 21.2.1929 нач. экономического отдела ГПУ Грузии, с 1931 — полпреда ОГПУ по ЗСФСР и ГПУ ЗСФСР. С 26.12.1931 секретарь ЦК КП (б) Грузии по транспорту и снабжению. С 27.2.1934 по окт. 1936 г. на должности зав. отделом советской торговли ЦК КП (б) Грузии. В авг. 1936-го Деканозов переведен в СНК Грузии, где стал наркомом пищевой промышленности, а 21.3.1937 одновременно еще и предс. Госплана и зам. предс. СНК Грузии. Был доверенным человеком Берии. В 1937–1950 депутат Верховного Совета СССР. После назначения Берии наркомом внутренних дел СССР в нояб. 1938 вызван им в Москву и 2.12.1938 назначен нач. 3-го (контрразведка) и 5-го (разведка) отделов Главного управления государственной безопасности ГУГБ НКВД СССР, а 17.12.1938 стал также и зам. нач. ГУГБ, ближайшим пом. Берии по чистке аппарата НКВД от выдвиненцев Н. И. Ежова. Руководил чистками в армии, и так уже ослабленной арестами НКВД 1937–1938. 4.5.1939 Деканозов покинул органы и переведен зам. наркома в Наркомат иностранных дел СССР, где в это время изменился внешнеполитический курс в пользу союза с Германией и эскалации планов захвата Прибалтики. С 1939 кандидат в члены, в 1941–1952 член ЦК ВКП (б). Летом 1940 направлен в присоединенную к СССР Литву, где развернул кампанию арестов «антисоветских элементов». В нояб. 1940, оставаясь зам. наркома, назначен на важнейший пост полпреда в Германии. Не смог оценить ситуацию и оставался в неведении о захватнических планах А. Гитлера. Оставался в стране до 22.6.1941, когда Германия начала войну с СССР. По возвращении в СССР, тем не менее, сохранил свой пост, а 14.6.1943 даже получил ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. 19.3.1947 Деканозова, наконец, убрали из Министерства иностранных дел, а 29.9.1947 назначили заместителем начальника Главного управления советского имущества за границей при Совете министров СССР. 29.9.1949 он вновь остался не у дел и лишь 24.6.1952 получил незначительный пост члена Комитета радиовещания при Совете министров СССР. После смерти И. В. Сталина и временного возвышения Берии занимал с 10.4.1953 пост наркома внутренних дел Грузинской ССР. После падения Берии 30.6.1953 арестован. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.1953 приговорен к смертной казни. Расстрелян.

о том, что за два дня (5–6.10.1944) он ознакомился с положением дел в Союзной Контрольной комиссии и кратко рапортует о переговорах 5 октября. Касаясь 10 статьи перемирия, Жданов докладывал о том, что, по мнению Министерства внутренних дел Финляндии, в стране нет насильно вывезенных граждан СССР. Несмотря на это, Контрольная комиссия обязала Финляндию предоставить в ближайшие дни план репатриации советских граждан. Жданов запрашивал у Деканозова инструкции.¹⁶

Министр иностранных дел Финляндии Карл Энкель анализировал сложившуюся ситуацию в своих дневниковых записях от 11.10.1944 по прошествии трех недель после подписания перемирия. В этой записи он суммирует свой опыт многолетней дипломатической работы:

«Специфика нашей работы заключается в том, что каждый шаг должен быть заранее тщательно спланирован. Перемирие — это не то же самое, что мир. Переход от перемирия к полноценному миру — очень щекотливый процесс. Ситуация напоминает во многих отношениях ведение опасных переговоров о заключении мира или превентивные дипломатические действия по предотвращению войны, когда даже небольшая ошибка, укрывание правды, неуместная инертность, искажение фактов или задержка в ответах, не говоря уже о бестактности, может серьезно повлиять на развитие событий.

Мы знаем об этом и делаем все возможное для лояльного перехода от перемирия к миру. Нашей конечной целью должно быть сохранение государственного суверенитета Финляндии и восстановление хороших отношений с восточным соседом».¹⁷

Анализируя вопрос возвращения ингерманландцев из Финляндии в Советский Союз, мы всегда должны помнить последние строчки упомянутой дневниковой записи Энкеля. Крайне ощутимо эти высказывания касаются прежде всего репараций Финляндии.¹⁸

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 52. Л. 24.

¹⁷ КА. Carl Enckellin henkilöarkisto, k. 112, m. 1. Muistio, päivätty 11.10.1944.

¹⁸ Ibid. Muistio, päivätty 13.12.1944. О количестве и качестве репараций стоит напомнить для их осознания. Краткое описание ситуации в Финляндии можно прочесть, в частности, в обширном докладе премьер-министра Ю. К. Паасикиви парламенту страны в ноябре 1944 года, в котором он осветил положение с репарациями. Резюме доклада Паасикиви дается также в речи в парламенте 13 декабря 1944 года.

Зыбкие сведения о репатриации

Сведения о репатриации ингерманландцев строятся на зыбкой почве, так как общедоступные данные по этому вопросу подвергались в Финляндии цензуре. По большому счету в период событий того времени этим сведениям не придавали ни общечеловеческого, ни исторического значения. Ввезенные в страну ингерманландцы прожили в ней менее двух лет. Атмосфера военного времени не способствовала знакомству и сближению переселенцев и коренного населения. Они встречались в основном на работе, а для передвижения даже по территории собственной коммуны переселенцам требовалось разрешение полицейского управления. Люди жили в основном в своем кругу.

Репатриация, проведенная крайне быстро в условиях недостаточной информированности населения, породила многочисленные пересуды. Позднее финских чиновников обвиняли как в умышленном, так и непреднамеренном содействии Контрольной комиссии в организации тотальной репатриации. Критика должностных лиц в вопросах репатриации являлась частью послевоенной внешней политики Финляндии.¹⁹ Ингерманландских переселенцев было сравнительно мало, поэтому их удаление из среды финского населения не вызвало сильных реакций. И все же возвращение ингерманландцев в СССР не было полностью забыто. Носителями памяти о них оставались осевшие в Финляндии в 1920–1930-х годах беженцы и коренные финны, сторонники соплеменной идеологии. Они же помогали эвакуировать ингерманландцев во время войны в Финляндию, а в дальнейшем бежать из Финляндии в Швецию. Многие из них, однако, молчали на протяжении десятилетий.

Большая часть финнов видела в Союзной Контрольной комиссии безликую и жестокую машину, основной задачей которой было получение военных выплат от Финляндии, т. е. техники и различных товаров. В репатриации речь шла о живых людях, а также о границах власти победителей. Такой видели ситуацию жившие в Финляндии ингерманландцы и люди, лояльные к ним. Тишина со стороны должностных лиц лишь добавляла создавшейся ситуации ее двусмысленность.²⁰

¹⁹ Nevalainen, Pekka. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940- luvulla. Keuruu, 1990. S. 255.

²⁰ Ibid. S. 254, 255.

С момента заключения Соглашения о перемирии не прошло и недели, как переселенческий отдел запросил у правительства инструкции в отношении 10-й статьи документа.²¹ В запросе говорилось о вопросах, которые стали поступать от ингерманландцев относительно организационных моментов репатриации. Согласно полученным инструкциям, отдел должен было заняться практическими сторонами дела и организовать прием заявлений от переселенцев. Процедура принятия решений лежала на Министерстве иностранных дел. Выбранная им позиция заключалась в следующем. Для добровольно прибывших в Финляндию ингерманландцев не было никаких препятствий к дальнейшему проживанию в стране. В случае, если они выражали собственное желание вернуться на родину, они имели на это полное право. Данную позицию переселенческий отдел направил 28.09.1944 для ознакомления администрациям губерний и руководителям отделов снабжения. Должностных лиц снабдили бланками-заявлениями для их заполнения потенциальными репатриантами. К 9 октября 1944 года, по прошествии двух недель, заявления заполнили 33 587 человек. Информация о количестве лиц была передана в Контрольную комиссию.²²

В то же время финские должностные лица подчеркивали своей позицией сущность 10 статьи Соглашения. Доцент Пекка Невалайнен в качестве двух основных факторов появления занимаемой позиции указывает как на самих ингерманландских переселенцев, так и на СССР.²³ Финские руководители знали о настроениях в среде ингерманландцев, о недовольстве и о высказывавшейся ими вслух симпатии по отношению к СССР.²⁴ Также было известно и о тех, кто не желал уезжать ни при каких обстоятельствах. Принцип добровольности давал им возможность остаться.²⁵

По мнению Невалайнена, финское руководство страны до конца сентября 1944 года билось над толкованием 10-й статьи, так как о деталях программы репатриации еще не было единого представления.²⁶ С точки зрения Невалайнена, суть игры заключалась в том, чтобы не будить спящего медведя.²⁷ Вопросы рас-

²¹ Ibid. S. 256.

²² Ibid.

²³ Ibid. S. 257.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. S. 258.

²⁶ Ibid. S. 257.

²⁷ Ibid. S. 258.

сма тривались и взвешивались по своему усмотрению настолько долго, насколько это было возможно. Финны не хотели отдавать Контрольной комиссии инициативу в принятии решений относительно ингерманландского вопроса для того, чтобы иметь свободу маневра.²⁸

Существовала опасность, что всем ингерманландцам пришлось бы безоговорочно вернуться. В сентябре—октябре 1944 года Контрольная комиссия рассматривала вопрос о принудительном возвращении советских граждан из Финляндии.²⁹ Согласно трактовке ситуации руководством Комиссии, ингерманландцы нарушили законы своей страны, согласившись на сотрудничество с врагом. Советское законодательство еще в 1920-х годах криминализировало статьи, касающиеся взаимодействия с иностранцами и выезда за границу без специального разрешения. Особо тяжким преступлением считался переезд в страну, находившуюся в военном противостоянии с Советским Союзом. Нарушившего закон необходимо было вернуть на родину для привлечения к ответственности.³⁰ Советник финского посольства Оссиан Соравуо, курировавший взаимодействие финских чиновников с Союзной Контрольной комиссией, в ноябре 1944 года отметил, что у офицеров комиссии имелись неофициальные инструкции в отношении ингерманландцев.³¹ Стороны процесса не были в равной степени осведомлены о принципах репатриации. Это касалось также самих ингерманландцев и региональных ведомственных лиц. Кирси Керавуори в своем магистерском исследовании проанализировала свыше 200 запросов, направленных ингерманландцами в переселенческий отдел, и пришла к выводу, что чиновники оставляли авторов полученных писем в неведении. Они помечали прочитанное красным карандашом и отправляли письма в архив.³²

В запутанной и неоднозначной для финских должностных лиц ситуации они принимали решения по своему усмотрению в зависимости от их отношения к ингерманландцам. По мнению Пекки Невалайнена, практика решения вопросов репатриации была разноречивой. В совместном исследовании Юсси Пеккаринена и Юхи Похьонена, касающегося возвращения советских гражд-

²⁸ Ibid. S. 258.

²⁹ Ibid. S. 257.

³⁰ Ibid. S. 263.

³¹ Ibid. S. 258, 259.

³² Keravuori, Kirsi. Inkeriläisten luovuttaminen Neuvostoliittoon toisen maailmansodan jälkeen. Poliittisen historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopisto. 1987. S. 81, 99–103.

дан в СССР, также отмечается как позиция офицеров Союзной Контрольной комиссии по принудительному возвращению, так и ошибочные трактовки финских должностных лиц в вопросах репатриации.³³ Согласно Невалайнену, большая часть ленсманов сообщала ингерманландцам о том, что они сами вправе решать, как им поступать. Некоторые полицейские служащие советовали остаться и убеждали, что финны ни в коем случае не выдадут переселенцев. Если же региональный муниципалитет стремился избавиться от переселенцев, то самым быстрым способом достичь этого было объявить им, что репатриация обязательна для всех. Возможно, что жесткая позиция полицейского руководства, ленсманов и чиновников переселенческого отдела исходила из требований Союзной комиссии. Она заявляла о необходимости выдачи всех советских граждан. Тем не менее официальных инструкций о принудительной репатриации не поступало ни на одном из этапов решения вопроса, а о применении силы нет бесспорных фактов.³⁴

В середине ноября 1944 года Союзная Контрольная комиссия объявила о том, что заявившие о желании вернуться, но не явившиеся к месту сбора, подлежат репатриации последующим ж/д составом и в *любом случае* последним.³⁵ Информация была подтверждена месяцем позже, что следует также из дневниковой записи руководителя репатриации Йоханнеса Виrolайнена.³⁶

В конце ноября 1944 года переселенческий отдел уведомил администрации губерний о том, что подавшие заявления на репатриацию не могут изменить своего решения. Тем не менее, если они не являлись к месту сбора, по отношению к ним не могли быть применены принудительные меры. В дальнейшем изменений в данное указание не было внесено. Ингерманландцам рекомендовали по вопросам репатриации обращаться напрямую в Контрольную комиссию.³⁷

Часть ингерманландцев изменяла свое решение о возвращении. Отказы от возвращения получали и финские чиновники, и представители Контрольной комиссии в разных частях Финляндии. Отказавшиеся от возвращения не являлись к местам

³³ Pekkarinen, Jussi; Pohjonen, Juha. Ei armoa Suomen selkänahasta. Ihmisluovutukset Neuvostoliittoon 1944–1981. Helsinki, 2005. S. 35–36.

³⁴ Nevalainen, 1990. S. 258, 261, 262.

³⁵ Ibidem. S. 260.

³⁶ KA. SM: n SAO, osastopäällikkö 22.9.44–31.12.48. Johannes Virolaisen päiväkirja.

³⁷ Nevalainen, 1990. S. 260.

сбора и исчезали из поля зрения чиновников. Бегство в Швецию рассматривалось ими как единственно возможный способ избежать насильственного возвращения. Согласно Невалайнену в рапортах государственной полиции были сведения отказников о том, что вернувшиеся в СССР не расселялись на прежних местах жительства, а вывозились в глубь России.³⁸

На первом совещании Андрея Жданова с сотрудниками штаба возникло несколько вопросов, на которые он не получил ответов. Возвращение ингерманландцев был одним из них. Его решению он посвятил следующие два месяца. На его взгляд положение выглядело следующим образом:

Во-первых, в Финляндии находилось 62 000 добровольно переехавших туда советских граждан, которых согласно заявлениям финских чиновников нельзя было отнести ни к интернированным, ни к принудительно переселенным.

Во-вторых, согласно заявлениям, полученным Союзной Контрольной комиссией, часть из них утверждала, что их доставили в Финляндию насильно, и хотела возвратиться на родину.

В-третьих, по прибытии Жданова в Хельсинки у руководства Союзной Контрольной комиссии не было программы репатриации, но и в Советском Союзе на тот момент не существовало организации, решающей вопросы возвращения советских граждан из других стран. Она была создана месяцем позже.

В-четвертых, Жданов не имел представления о том, какое количество людей выразит готовность выехать. Также не было сведений о том, где их следовало расселить. Начальник штаба Жданова генерал-майор Стыров считал, что всех переселенцев следует однозначно вернуть в СССР, но запретив их расселение на прежних местах проживания. В последнем руководителе Комиссии был полностью согласен со своим подчиненным.

В-пятых, Жданов запросил инструкции из Москвы. Даже из последних доступных документов — секретных телеграмм и их черновиков — непонятно какие именно инструкции Жданов получил по поводу возвращения ингерманландцев.³⁹ Тем не менее по развитию событий в в октябре—ноябре 1944 года можно высказать предположения о решениях, принятых в Москве. Кроме дня прибытия Жданова в вопросе репатриации есть еще три важных даты: 7.11.1944, 19.11.1944 и 30.11.1944.

³⁸ Ibidem. S. 259, 260.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 52.

Репатриация ингерманландцев — пилотный проект

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 23.10.1944 в Москве было учреждено Управление по делам репатриации советских граждан, оказавшихся за границей. Управлению подчинялись его иностранные филиалы, первое из которых находилось в Финляндии. Оно приступило к работе 3 ноября 1944. Союзное Управление было упразднено 1 марта 1953.

Репатриационное управление в Финляндии работало в тесном сотрудничестве с политическим руководством Красной армии. Оно принимало решения о деятельности советских служащих в центрах сбора репатриантов и в перевозивших их эшелонах.

По постановлению Государственного Комитета Оборона возвращение ингерманландцев, их прием, регистрация и транспортировка контролировались генерал-полковником Филиппом Голиковым. В докладе Андрея Жданова и Алексея Косыгина, подготовленном для Вячеслава Молотова, говорилось, что практическая сторона организации возвращения была согласована с исполнительными властями регионов, принимающих переселенцев, с партийным руководством и соответствующими наркоматами. Документ датирован 7 ноября 1944 года.⁴⁰

19 ноября 1944 года Государственный Комитет Оборона года принял постановление № 6973с «О возвращении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения». В соответствии с ним («в целях хозяйственного и трудового устройства») на территории Российской Федерации планировалось расселить 12 000 ингерманландских семей (около 50 000 человек), из которых 5 000 предполагалось разместить в Ярославской области, 3 000 — в Калининской области, 2 000 — в Новгородской области, 1 000 — в Псковской области и 1 000 — в Великолукской области.⁴¹ Из имеющихся в распоряжении архивных материалов невозможно сделать заключения, почему решение разместить ингерманландцев касалось именно указанных областей. Перевезти советских граждан из Финляндии в СССР предполагалось в период между 5 декабря 1944 года и 15 января 1945 года.⁴²

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 5.

О добровольности репатриации

Доктор юридических наук Эрик Кастрен работал советником Управления иностранных дел и в период зимней войны, и «войны-продолжения». Свои размышления о 10 статье перемирия он изложил в секретной докладной записке от 25 сентября 1944 года под заголовком «Трактовки некоторых положений и меры для осуществления условий Соглашения». По мнению Кастрена, «добровольно прибывшие в Финляндию ингерманландцы, эстонцы и другие народы, являются свободными, и не обязаны возвращаться, но если кто-либо из них пожелает уехать, то не следует ему в этом препятствовать».

Позиция министра иностранных дел Карла Энкеля и министра внутренних дел Каарло Хиллиля совпадала с мнением Кастрена в отзыве об условиях репатриации, датированном 15 декабря 1944 года. В нем говорилось: «Насколько мало мы можем препятствовать отъезду, настолько же мало мы можем принудительно (силами полиции) заставить кого-либо уехать».⁴³

Отвечавший за возвращение ингерманландцев Йоханнес Виrolайнен был вынужден рассматривать вопрос добровольности репатриации уже в конце сентября 1944 года. В своих мемуарах он возвращается к первым совещаниям по этому вопросу в отеле «Торни». Перед тем как отправиться в штаб-квартиру Союзной Контрольной комиссии, он встретился с министром иностранных дел Карлом Энкелем. Виrolайнен надеялся получить от Энкеля, хорошо знавшего русских, инструкции к своим действиям. Виrolайнен спросил: «Что мне следует предпринять, господин министр, если Контрольная комиссия потребует, чтобы добровольно прибывшие в Финляндию лица были насильно отправлены обратно?» Министр Энкель пригладил бороду и ответил приглушенным голосом: «Возражайте. Конечно, я так же как и Вы знаю, что ингерманландцы прибыли сюда добровольно. Но если комиссия будет сильно настаивать на том, что переселенцев необходимо вернуть, нам, в конце концов, ничего не останется сделать, как согласиться».⁴⁴

Упомянутый уже советник по иностранным делам Оссиан Соравуо, по ходу переговоров с Контрольной комиссией составлял для Министерства иностранных дел рапорты, на основании

⁴³ Nevalainen, 1990. S. 259.

⁴⁴ Virolainen, Johannes. Polun varrelta: merkintöjä ja muistikuvia ihmisistä ja tapahtumista. Helsinki, 1993. S. 202.

которых оно оценивало действия СССР.⁴⁵ Согласно рапортам Контрольная комиссия была заинтересована в возвращении лишь тех, кто прибыл в Финляндию после 1941 года. Представители Комиссии уверяли, что данная позиция не изменится. Записи Сораву вызвали в Министерстве иностранных дел подозрения, что у офицеров Союзной Контрольной комиссии есть также инструкции, которые они держат при себе. Сораву присутствовал на многих переговорах в отеле «Торни» и рапортовал об обсуждениях обеих сторон. Стремление офицеров увеличить количество репатриантов он отнес к должностному усердию.⁴⁶ Офицеры не сомневались в своих действиях, так как, конечно же, работали согласно полученным приказам и инструкциям. Необходимо также помнить, что большая часть приказов отдавалась в устной форме.

«Сдав интернированных в Выборге,⁴⁷ мы, десять человек, пятеро представителей вооруженных сил и пятеро выпускников военной академии, вернулись в Хельсинки. Нас поселили в отеле «Торни» в ту же комнату, в которой мы жили в начале октября. Нам выдали гражданскую одежду, и мы отправились показывать город новоприбывшим на правах старожилов.

Долго нам отдыхать не пришлось: вскоре нас вызвал генерал Васильев. Он поставил перед нами задачу. Мы должны были вместе с губернскими властями проверить количество проживающих на их территории советских граждан. Их необходимо было подготовить к возвращению в СССР. Стояла задача вернуть всех. Васильев раздал нам письмо, подписанное Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым. Оно было адресовано находившимся за границей советским гражданам.

⁴⁵ Nevalainen, 1990. S. 273; Roiko-Jokela, 1999; Oikeutta moraalín kustannuksella? Neuvostoliiton kansalaisten luovutukset Suomesta 1944–1955. Jyväskylä, 1999. S. 18. E. O. Soravuon muistio kokouksesta Tornissa 3.11.1944 ja 11.11.1944, UM 110 E 6, kotelo 124.

⁴⁶ Nevalainen, 1990. S. 259; Roiko-Jokela, 1999. S. 17; Soravuon muistot 3.11., 11.11.1944.

⁴⁷ Выдача военнопленных из Финляндии в СССР началась 15.10.1944 со станции Вайниккала и продолжалась до 3.11.1944, по два эшелона в день. Малыми партиями выдача происходила до седьмого ноября. Всего советским властям было передано 43 665 человек. На основании этого можно предположить, что офицеры начали работу с ингерманландскими переселенцами в начале ноября 1944 года, когда генерал-майор Васильев поставил перед подчиненными новые задачи.

В письме Калинин призывал всех вернуться на родину. Вернувшись, обещали амнистию. Как оно все обернулось на самом деле, мы, да вся страна, узнали намного позднее, после возвращения в Союз. В первых числах ноября мы вместе с подполковником И. Ф. Трениным выехали в отдаленную губернию Куопио, где не было ни тюрем, ни воинских частей».

Так лейтенант А. Н. Ефимов описывает свою работу в Союзной Контрольной комиссии в письме от 10 марта 1989 года, отправленном своему школьному другу, ингерманландскому финну, художнику Тойво Ряннелю.⁴⁸

Мероприятия в Финляндии и в Советском Союзе

Советский уполномоченный по делам репатриации генерал-полковник Голиков в докладной записке от 30 ноября 1944 года внес ясность в отношении мероприятий по Финляндии. Информация была адресована Председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР А. Н. Косыгину. В ней определенное ГКО количество переселенцев возросло на 20 %.⁴⁹

Для приема ингерманландцев и дальнейшей их транспортировки из Выборге был создан центр приема репатриантов. Его пропускная способность составляла 4 000 человек в сутки. Репатриация относилась к вопросам столь высокой важности, что для проверки готовности пункта в Выборг была отправлена группа офицеров во главе с генерал-майором. На место также должны были прибыть 40 начальников эшелонов и такое же количество их заместителей. Более того, в Выборг было командировано 45 офицеров-регистраторов.

В то же время Голиков направил своих представителей в Ярославль, Калинин, Псков, Новгород и Великие Луки. Согласно плану приема часть ингерманландцев, прибывших в Ярославскую и Калининскую области, должны были разместить в свободных домах, часть же — подселить к местным жителям «в порядке уплотнения». На территориях Новгородской, Псковской и Великолукской областей предполагалось в основном уплотненное проживание.

⁴⁸ Копия письма получена от Т. Ряннеля 28.11.2007 и опубликована с его разрешения.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–46.

В программе репатриации ГКО СССР от 19.11.1944 были распланы обязанности служб и учреждений.⁵⁰ В дневнике Йоханнеса Виролайнена от ноября 1944 года сделана запись о требованиях Союзной Контрольной комиссии к представителям Финляндии: отбывающих необходимо обеспечить одеждой, обувью и едой на время переезда. Виролайнен пишет, что никого нельзя было отправить в лохмотьях.⁵¹

Голиков сообщает о том же и в то же самое время: «Обеспечить... в местах приема продовольствием на 10 дней... предоставив сухой паек на все время пути».⁵² Из опросов репатриантов следует, что они не получили обещанную постановлением Голикова помощь на территории СССР. Более того, часть продуктов, привезенных ими из Финляндии, пропадала или изымалась в Выборге при досмотре вещей.

Третья и последняя часть постановления Голикова подводила итоги и содержала выводы. Для исследования она представляет особую ценность, так как содержит любопытную статистику. Из нее следует, что Управление по делам репатриации советских граждан и его начальник Голиков увеличили число ингерманландских репатриантов с 50 000 до 59 000 человек.⁵³ Можно предположить, что увеличение произошло по предложению Жданова. Это объясняет, почему офицеры, работавшие в провинциях от имени Союзной Контрольной комиссии, уже в начале ноября стремились сделать все возможное для того, чтобы все ингерманландцы вернулись в СССР.

Да, нет, не могу сказать

В августе—сентябре 1944 года находившиеся в Финляндии ингерманландцы начали все отчетливее разделяться на три группы. Значительная часть была готова выехать сразу, как только представится возможность. Были такие, которые не желали уезжать ни при каких обстоятельствах. Существовала также группа людей, не определившихся со своей позицией. По данным Государственной полиции, на тот момент большая часть

⁵⁰ Там же. Л. 42.

⁵¹ Siirtoväen huolto, sarja Muut toiminta-asiakirjat, mappi 219, SM SAO osastopäällikkö 22.9.44–31.12.48. Päiväkirja.

⁵² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

⁵³ Там же. Л. 31.

людей все же стремилась остаться в Финляндии, а не покинуть ее пределы. Согласно той же оценке, обрусевшие православные ижора и волье проявляли бо́льшую готовность к возвращению чем ингерманландцы-лютеране. На принятие решения влияло множество факторов: возраст, взаимоотношения переселенцев и коренного населения, семейные причины и связанные с ними потери и успехи, отношение к переселенцам со стороны местных властей, а также меры по возвращению, которые предпринимались офицерами Союзной комиссии. Люди старшего возраста, многие испытавшие в Ингерманландии, выражали наименьшее стремление к возвращению.

Имеющиеся материалы исследований и опросов свидетельствует о том, что намерений остаться было принято меньше, чем решений уехать. Несмотря на уверения многих финских чиновников о том, что ингерманландцам не следует бояться принудительного возвращения, надежных сведений не было. Местные органы власти в принятии решений брали на себя личную ответственность и действовали согласно собственным убеждениям. Они не испытывали всю силу давления Контрольной комиссии, как это происходило с представителями центральных ведомств Финляндии, к которым обращались ингерманландцы.

Переселенческий отдел получил к 8 ноября 1944 года сведения о проживавших в губерниях ингерманландцах-заявителях на репатриацию. С этого момента в официальных списках Финляндии и Контрольной комиссии ингерманландцы именовались гражданами СССР.

Новейшие опросы подтверждают выводы предыдущих исследований о том, что в среде репатриантов были широко распространены возвращенческие настроения, которые заключались в убеждении, что к тем, кто добровольно покинет Финляндию, не будут применяться такие же жесткие меры, как к тем, кто будет возвращен в принудительном порядке. Исходили из того, что искреннее и смиренное признание ошибок традиционно смягчает наказание. Гласит же русская пословица, что повинную голову меч не сечет. Вероятно, точную картину происшедших событий никогда не удастся восстановить.

Газета «Ууси Суоми» опубликовала 21 ноября 1944 года материал под заголовком «Возвращение граждан Советского Союза на Родину». Он включал выдержку из программы репатриации, подписанной генерал-полковником Ф. И. Голиковым, в которой советских граждан уверяли в том, что их ожидают широкие возможности для работы и жизни в их родных краях. Возвратив-

шись в семью, они смогут начать работать на благо своего народа и отечества. Голиков утверждал:

«Существует множество примеров того, что враждебно настроенные по отношению к Советскому Союзу лица пытаются с помощью мошенничества, провокаций и других средств отравить сознание наших граждан, чтобы заставить их поверить в страшную ложь, будто Советский Союз забыл о них, отвернулся от них и не считает больше своими гражданами. Эти лица запугивают наших соотечественников тем, что по возвращении на Родину они будут подвергнуты репрессиям. Опровергать подобные нелепости мы считаем излишним».⁵⁴

Представители Контрольной комиссии должны были быть удовлетворены результатами репатриации. Благодаря их действиям, количество вернувшихся значительно выросло. Прибавилось 15 700 новых заявителей на выезд. Складывается впечатление, что на этапе подготовки репатриации большая часть ингерманландцев была введена в заблуждение и в последний момент предана. Занавес обещанных им гарантий и посулов спал, когда через зарешеченные окна и щели в стенах вагонов, идущих из Выборга по направлению к Ленинграду, они видели родные места и понимали, что поезда, не останавливаясь, проносятся мимо.⁵⁵

Хотя финны и умели предвидеть действия Контрольной комиссии, им постоянно преподносились сюрпризы. СКК использовала имеющуюся у нее власть, чтобы показать ингерманландцам и другим советским гражданам, что комиссия заботится об их интересах. СССР пытался в этих случаях получить и экономическую выгоду.

Денежные средства, имевшиеся у ингерманландцев, переселившихся в Финляндию с весны 1943 по лето 1944 года, всего около 27 миллионов рублей, обменяли им по клирингу. В то время 1 рубль стоил 1,93 марки. Часть марок ингерманландцы получили сразу после прибытия в страну, часть — позднее. В ноябре Контрольная комиссия пришла к заключению, что подобный курс для Советского Союза слишком низок, и изменила его в одностороннем порядке. Ценность рубля была увеличена до 9,31 марки.

⁵⁴ УМ 110 Н 2 i В-osasto; Uusi Suomi, 21.11.1944.

⁵⁵ Опрос о размещении в Псковской, Новгородской, Тверской, Ярославской и Великолукской областях.

Согласно данному курсу Финляндия должна была выплатить ингерманландцам за работу, дополнительно к выплаченным им Германией 52 миллионам марок, еще 200 миллионов финских марок. Эти деньги в дальнейшем обменивались на рубли при возвращении переселенцев.

Отъезд ингерманландцев запустил процесс, в котором советская пропаганда взяла все, что смогла. Газеты «Хельсингин Саномат» и «Ууси Суоми» писали о восторге ингерманландцев по прибытии на территорию СССР. Развевались красные ткани и раздавались крики «Ура!». Кинооператоры увековечили аплодисменты прибывших на Родину. Когда состав стал приближаться к Выборгу, на передке паровоза появился портрет Сталина.

Вернем всех, пусть даже силой

В операции по возвращению переселенцев ингерманландским финнам была отведена роль проигравших. Это вписывалось в национальную политику СССР и ее карательную систему в особенности по отношению к людям, сотрудничавшим с враждебными государствами. Вооруженные выступления ингерманландцев во время гражданской войны, участие в наступлении белых на Петроград, сепаратистские устремления к культурной автономии на мирных переговорах в Тарту в 1920 году — все это прекрасно помнило высшее руководство Советского Союза и сам Сталин. На этот раз речь шла о прямом сотрудничестве с враждебным государством и о добровольном переходе под его покровительство.

Если репатрианты отправлялись на родину в полнейшую неизвестность, то и те, кто остался в Финляндии, не были уверены в своем будущем. Они оставались советскими гражданами. Да, они имели вид на жительство и разрешение на работу, выданные службой по делам переселенцев. Тем не менее они боялись, что их силой заставят вернуться в СССР, и боялись преследования советскими властями после возвращения на родину. Как отбывающие, так и остающиеся устали от бесконечной неуверенности, страданий, бесправия и бездомности. Более половины ингерманландских переселенцев были женщинами, на плечи которых ложилась забота и о духовном состоянии семьи. Они хотели, чтобы в конце концов их семьи воссоединились с мужьями и имели свою крышу над головой. О том, где были мужья,

не было сведений, но вера в будущее возможное воссоединение была сильнее страха.

Основные действия по репатриации ингерманландцев были завершены 15 января 1945 года, но деятельность Союзной Контрольной комиссии на этом не закончилась. В Национальном архиве Финляндии хранятся микрофильмы части архива Андрея Жданова, которая дает возможность увидеть, как была обработана информация, полученная председателем Комиссии от сотрудников штаба, перед отправкой его докладной записки в Москву. Этот материал дает возможность глубже понять внутреннюю деятельность Комиссии. Нас же она интересует в основном потому, что тесно соотносится с принятием решений в отношении ингерманландских финнов.

В мае—июне 1945 года Жданов составил докладные, адресованные Вячеславу Молотову.⁵⁶ В них повторялись обязательства Финляндии и подтверждалось, что советскому военному руководству на 1 июня 1945 года было передано и возвращено 42 479 советских военнопленных. В Советский Союз возвратились также 58 127 интернированных и насильно увезенных в Финляндию советских граждан. Необходимо обратить внимание на даты и на число гражданских репатриантов. В то же время следует напомнить, что руководителем Управления по вопросам репатриации советских граждан Голубевым была обозначена цель вернуть 59 000 человек. Оценка ситуации Ждановым в свете данных цифр выглядит вполне приемлемо. Задача по количеству возвращенных, 56 000, была практически достигнута, о выполнении отрапортовано, рапорт одобрен. Можно предположить, что, с точки зрения Жданова, трата сил на возвращение оставшихся того не стоила. Жданов разрешил ситуацию, сделав естественное заключение. Он сообщил в Москву о том, что в Финляндии осталось 708 человек бывших военнопленных и примерно 9 000 мирных граждан. По разным причинам они избегают возвращения в СССР:

«Принимая во внимание, что советские граждане, не вернувшиеся в СССР, главным образом принадлежат к категории лиц, преследовавшихся советскими органами, или являются пособниками немцев и финнов на временно оккупированных советских территориях, или это бывшие богачи и кулацкие элементы, которым удалось сколотить в Финляндии большие состояния, или это лица, заключившие брак с финскими гражданами, иначе говоря,

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 40. Л. 39.

те лица, которые в большинстве своем имеют причины избегать возвращения в СССР, Союзная Контрольная комиссия считает возможным:

а) потребовать от правительства Финляндии в кратчайший срок поиска всех оставшихся на ее территории советских военнопленных и возвращения их советскому военному руководству;

б) отказаться от принудительной репатриации оставшихся в стране ранее интернированных и насильно увезенных в Финляндию советских граждан».⁵⁷

Союзная Контрольная комиссия также представила в августе 1945 года решение, по которому советские граждане, не служившие в ее армии или не попавшие в плен, как, например, добровольцы из 6 отдельного батальона, подлежали задержанию и передаче Советскому Союзу.⁵⁸

Согласно российским архивным источникам, с марта 1946 года в Советский Союз в дополнение к уже возвращенным были доставлены еще 2 382 человека.⁵⁹ Союзная Контрольная комиссия продолжала кампанию по репатриации до сентября 1947 года. Покинув тогда Финляндию, Комиссия делегировала контроль за советскими гражданами сотрудникам миссии СССР.⁶⁰

Из записей Оссиана Соравуо, касающихся репатриации, становится ясно, что Союзная комиссия запросила у Финляндии помощи в регистрации оставшихся в стране советских граждан. Была поставлена задача выяснить, кто и на каких основаниях остался в Финляндии. Финны заявили, что помогут в составле-

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 66. Л. 6–7. Архив А. А. Жданова.

⁵⁸ UM Fb 110, kot. 140, kansio III/E. 10/B-osasto. Kääntäjä Pekka Inkisen yhteenveto LVK: n meri-, talous- ja sotakorvausosaston edustajien toiminnasta Porissa 16.1. — 31.7. 1945. Er. P. 6 (6 отдельный батальон). В подразделениях финских вооруженных сил во время «войны-продолжения» служили беломорские и олонечские карелы, ингерманландские финны и представители других финно-угорских народов. Часть из них, в частности ингерманландские финны, бежали из России в Финляндию после Октябрьской революции 1917 г., часть попала в финский плен как красноармейцы. Об этом см. в частности: Timo Kallioniemi. Prikaati K., Heimosoturit jatkosodassa. Oulu, 1992; Pentti Syrjä. Isänmaattomat, Heimosoturit jatkosodassa 1941–1944. Helsinki, 1991; Martti Soikkeli. Vaitelias mies. Helsinki, 2008.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 1118. Л. 100; В. И. Мусаев. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. СПб, 2004. С. 314.

⁶⁰ Там же. С. 314.

нии списков, но Комиссия должна будет сама выяснять интересующие их мотивы.⁶¹

После того, как закончился добровольный переезд репатриантов в СССР, в Финляндии оставались еще тысячи советских граждан. Министерство внутренних дел страны в своем внутреннем циркулярном письме от 25 января 1945 года призвало ведомственных лиц свести в общий реестр советских граждан, не имевших вида на жительство, а также перепись которых была ранее приостановлена. При этом ингерманландцы и восточные карелы должны были заноситься в разные списки.⁶²

Проблема советского гражданства

Министерство иностранных дел Финляндии направило в Союзную Контрольную комиссию списки советских граждан, не возвратившихся в Советский Союз после 21 октября 1946 года.⁶³ Переселенческий отдел при Министерстве внутренних дел составил список лиц, ввезенных в Финляндию после 22 июня 1941 года.⁶⁴ Он содержал более 3 000 имен. Список был составлен в алфавитном порядке и включал личные данные, а также полицейский округ текущего места проживания. Правая часть документа содержала графу для таких пометок, как, например, «жена — гражданка Финляндии».⁶⁵ Список был составлен на финском языке, хотя в некоторых местах имелся написанный от руки русский перевод.⁶⁶

МИД Финляндии в отношении от 23 октября 1947 года, адресованном МВД страны, указывает, что советские граждане,

⁶¹ UM, 110 E 6, kotelo 124.

⁶² KA. SMA, kotelo 27. Ulkomaalaisten luettelot. Sisäasiainministeriön yleiskirje 25.1.1945.

⁶³ UM, Fb 110 E 6, kotelo 43 (1941–1950).

⁶⁴ Списки содержат 57 листов формата А3. По моим подсчетам, в них были внесены имена 3 250 человек.

⁶⁵ В списках было 99 взрослых и 51 ребенок, родившийся в этих семьях по 1946 г. включительно.

⁶⁶ UM, Fb 110 E 6, kotelo 125 (1941–1950) Vertaa: UM, Fb 110 E 6, kotelo 43 (1941–1950), Памятная записка, составленная Соини Палласто 20.1.1955 года по поводу запроса Советского посольства о списках граждан СССР в Финляндии. Список людей, оставшихся в Финляндии, на 1946 год содержал всего 6 899 имен. Преимущественно это были ингерманландские финны, а кроме того — карелы, эстонцы, украинцы, русские и пр.

находящиеся в Финляндии и желающие вернуться на родину, должны в обычном порядке обращаться в советскую миссию или в консульские отделения. Министерство иностранных дел также констатировало, что финское правительство более не обязано обеспечивать дорожные расходы репатриантов.⁶⁷

Постановлением департамента полиции Министерства внутренних дел от 23 декабря 1948 года в рамках административного разделения обязанностей было создано Бюро по делам иностранцев. В его задачи входили вопросы, связанные с общим руководством эмиграционными делами, контроль разрешений на пребывание в стране и на работу, и связанных с этими процессами деталей, выдача иностранных паспортов и деятельность, связанная с паспортным контролем в целом, а также надзор за деятельностью иностранных объединений. После расформирования Государственной полиции ВАЛПО вопросы особого контроля иностранных граждан перешли под юрисдикцию Полиции государственной безопасности СУПО.⁶⁸

В 1949 году картотека бывших жителей Ингерманландии и Восточной Карелии, которую вел переселенческий отдел Министерства внутренних дел, передали в распоряжение Бюро по делам иностранцев. «Временные удостоверения личности», выданные ингерманландцам и восточным карелам государственной полицией во время войны, оставались в силе и не требовали замены.

Эти документы давали его обладателю право проживания и передвижения по стране. Начальникам местных полицейских участков не требовалось впредь выдавать разрешения на поездки и доносить об этом в Бюро по делам иностранцев Министерства внутренних дел. В то же время, в связи с репатриацией и с пребыванием в стране лиц, не относящихся к коренному финскому населению, т. е. русских, украинцев, поляков и эстонцев, им выдавались обычные виды на жительство и разрешения на работу, предписанные иностранцам.

Заместитель министра иностранных дел СССР Андрей Громыко направил в канун нового 1949 года ноту правительству Финляндии. В ней финское правительство обвинялось в нарушении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1948 года в связи с тем, что Финляндия не передала СССР 300 лиц советских граждан, считавшихся совершившими пре-

⁶⁷ KA. SM, SAO, VP 3726, KD 45, saapunut 14.6.1948, 1.

⁶⁸ KA. SM, amp. XXII E 11, Sisäasianministeriön yleiskirje, Ulkomaalaistoisisto, 12.5.1950.

ступление.⁶⁹ Нота Громыко и охлаждение отношений между странами пробудили беспокойство и страх среди проживавших в Финляндии ингерманландцев. Они стали обращаться в СУПО с просьбами о разъяснении сути ноты СССР.⁷⁰

По сведениям Бюро по делам иностранцев, в 1950 году в Финляндии проживало менее 5 000 советских граждан. Согласно подсчетам взрослые составляли около 3 500 человек, остальные были детьми и подростками до 15 лет.⁷¹ Своей деятельностью советские дипломаты подтверждали, что миссии СССР была вменена задача Союзной Контрольной комиссии по возвращению ингерманландцев и других советских граждан. СКК покинула страну в сентябре 1947. По сведениям СУПО, визиты советских дипломатов в региональные муниципалитеты порождали у оставшихся в стране общую обеспокоенность и страх возможного принудительного возвращения. Тайная полиция получала от своих агентов сведения о том, что многие ингерманландские семьи бежали в Швецию, что также увеличивало отрицательное отношение финского общества к деятельности советских дипломатов.⁷²

Мирный договор, заключенный Финляндией и СССР в 1947 году, не содержал требований по обязательной репатриации советских граждан, подобных условию 10 статьи перемирия от 1944 года. Исходя из этого Финляндия не считала своей обязанностью выдавать советским дипломатам сведения о проживавших в стране перемещенных лицах. Местные власти традиционно оказывали содействие только в отдельных случаях, касавшихся частных лиц.⁷³ В конце февраля 1952 года в Комиссии по иностранным делам Государственного совета обсуждался тот факт, что миссия СССР вновь начала активно добиваться возвращения граждан

⁶⁹ Широко и обстоятельно о ноте Громыко и ее внутри- и внешнеполитических последствиях см. в исследовании: Heikki Roiko-Jokela. Oikeutta moraalin kustannuksella. S. 119–139.

⁷⁰ Suojelupoliisin arkisto, amp. XXV A6, Suojelupoliisin raportti Kotkasta 20.1.1950.

⁷¹ Roiko-Jokela, 1999. S. 142.

⁷² Suojelupoliisin arkisto, amp XV U/b, ilmoitus 662, 7.4.1952, Tampere; amp XV U/b, ilmoitus 1518, 26.8.1952; amp XV U/b, ilmoitus 1573, 12.9.1952; amp XV U/b ilmoitus 1633, 23.9.1952, Mikkeli; amp XV U/b ilmoitus 1674, 2.10.1952, Kuopio; amp XV U/b ilmoitus 1737, 13.10.1952, Turku; amp XV U/b ilmoitus 1933, 7.11.1952, Helsinki; amp XXV E 7a, ilmoitus 15.12.1952, Rauma.

⁷³ Roiko-Jokela 1999. S. 142.

на бывшую родину. По этому вопросу не было принято никакого решения. Правительство заняло выжидательную позицию.⁷⁴

8 августа 1952 года миссия СССР обратилось в МИД Финляндии с вербальной нотой о проверке списков проживающих в Финляндии советских граждан. В ноте ссылались на список граждан, предоставленный финским Министерством иностранных дел Союзной Контрольной комиссии 21 октября 1946 года и касавшийся лиц, еще не вернувшихся на тот момент в СССР. Миссия также просила отметить в списке лиц, которые в период с 1946 по 1952 год покинули Финляндию, и указать, куда они выехали.

Исполняющий обязанности начальника политического отдела МИДа Ниило Орасмаа составил докладную записку по поводу ноты советского руководства. Он рассматривал в ней действия советских дипломатов.⁷⁵ Орасмаа проанализировал просьбу о передаче списка, а также возможности отказа. По его мнению, для отказа не было оснований, так как подобный список ранее уже был передан Союзной Контрольной комиссии. Также невозможно было утверждать, что в МИДе нет регистра иностранных граждан. Подобный документ есть в любой стране мира. Резкий отрицательный ответ лишь нанес бы вред Финляндии и спровоцировал обвинения в недружелюбии. Орасмаа пришел к выводу, что требуемый список необходимо подготовить. МИД Финляндии известил 19 августа 1952 года миссию СССР о том, что просьба о передаче списка направлена для уточнения в соответствующие инстанции.⁷⁶

Активисты, занимавшиеся вопросом ингерманландцев, направили датированное 2 ноября 1952 года обращение министру внутренних дел Йоханнесу Сукселейнену, в котором они возвращались к вопросу о финском гражданстве для ингерманландцев. В обращении активисты напоминали, что ингерманландцы, переселенные в Финляндию во время «войны-продолжения», вполне адаптировались в ней. По мнению составителей обращения, таким образом имелись предпосылки для получения финского гражданства, но правовое положение ингерманландцев во многих отношениях оставалось неупорядоченным.

В обращении указывалось, что их права на владение недвижимостью, получение работы и предпринимательство были либо

⁷⁴ Ibidem. S. 141.

⁷⁵ Muistio on päivätty 13. elokuuta 1952.

⁷⁶ UM 110 E 6, kotelo 43. Ulkoasiainministeriön vastaus SNL–Liiton lähetystölle 19.8.1952.

ограничены, либо они были полностью лишены этих прав. Им сложно было получать гранты и стипендии, которые государство и муниципалитеты выдавали учащимся профессиональных учебных заведений. Переселенцы не могли участвовать в жизни приходов. Некоторые пасторы отказывались включать их в число прихожан, ссылаясь на то, что они числились в списке иностранцев. Указывалось еще на одно важное обстоятельство: переселенцы имели право свободного выезда только в СССР. Советские чиновники не выдавали им заграничных паспортов. Помощь оказывалась только едущим через восточную границу. Правовое положение переселенцев в Финляндии становилось еще более проблематичным, когда речь шла о браках с гражданами Финляндии и положении родившихся в таких семьях детей. Они не получали финского гражданства, если отцом был ингерманландец с советским гражданством, пока он не получал финского гражданства.

Неясности и проблемы в отношении ингерманландских переселенцев накапливались год от года. В 1953 году должно было исполниться 10 лет с момента, как они прибыли в Финляндию. Во многих странах данный срок считается достаточным для получения иностранцем гражданства. По мнению активистов, у финских должностных лиц имелось полное право без промедления заявить СССР об освобождении от советского гражданства лиц, не покинувших Финляндию в 1944 году.

Обстоятельства правового положения советских граждан в стране всплыли на поверхность в правительстве Финляндии в январе 1953 года, когда оно рассматривало вопрос о натурализации советских граждан. Согласно дневниковым записям Й. К. Паасикиви, в обсуждении вопроса принимали участие также министры Урхо Кекконен и Ральф Тёрнгрэн. По мнению Кекконена, Финляндия не была более связана обязательствами выдавать советских граждан. Паасикиви считал важным выявить прочность правового положения страны и, основываясь на нем окончательно определиться с линией поведения правительства. Паасикиви считал, что «было бы лучше всего, если бы ингерманландцы потихоньку покинули страну».⁷⁷

Согласно сведениям Министерства иностранных дел, к концу 1953 года миссии СССР удалось вернуть еще около 30 человек, в основном пожилых женщин и их детей. Запрошенный 8 августа 1952 года миссией список советских граждан на тот момент еще

⁷⁷ Paasikivi, Juho Kusti. Paasikiven linja. Juva, Porvoo, Helsinki, 1986. S. 324.

не был представлен Финляндией.⁷⁸ Тем не менее алфавитный список был составлен на русском языке по губерниям и коммуна́м. По нашим подсчетам список содержит 6 518 имен, причем 389 из них уже имели финское гражданство.⁷⁹

С 1954 посольство СССР вновь запросило список в январе 1955 года.⁸⁰ У Комиссии по иностранным делам Соссовета его запрашивали трижды, однако выдача списка всякий раз откладывалась, пока посольство СССР не делало новый запрос.⁸¹

Отсутствие у ингерманландских финнов финского или шведского гражданства делало их положение в 1950-х годах все более досадным. С возрастом и улучшением материального положения родственники и друзья, жившие по разные стороны границы, хотели встречаться все чаще. Переписка начальных лет разлуки уже не приносила удовлетворения. Шведские ингерманландцы, конечно, получали у финляндского консульства разрешение на поездку через залив, но, по словам шведских властей, ингерманландцы отправлялись в путешествие под собственную ответственность.⁸² У проживавших в Финляндии ингерманландцев не было даже такой возможности.

Правовое положение ингерманландцев

На наш взгляд, можно выделить несколько причин, по которым ингерманландские финны-переселенцы остались в Финляндии. Вопрос заключается в их правовом статусе как в Финляндии, так и в СССР, в стране, гражданами которой они являлись. В Финляндии им были предоставлены настолько широкие права, насколько это было возможно по законам военного времени. В то же время они понимали, что страна, гражданами которой

⁷⁸ UM, Fb 110 E 6, kotelo 43 (1941–1950). Neuvostoliiton kansalaisten kotiuttaminen Suomesta. 23.11.1953, Paavo Pulkkinen.

⁷⁹ UM, Fb 110 E 6.

⁸⁰ UM, Fb 110 E 6, kotelo 43. Перевод ноты посольства Советского Союза МИДу Финляндии от 18 января 1955 года, см.: Промемория «По поводу запроса Советского посольства о списке советских граждан. 24 января 1955 года». Составила Соини Палласто.

⁸¹ UM Cb Valtioneuvoston ulkoasiainvaliokunnan päiväkirjat 1950–1955. Neuvostoliiton suurlähetystön pyytämä luettelo Suomessa olevista Neuvostoliiton kansalaisista. 3.5.1955. R. R. Seppälä.

⁸² Ibidem. Antti Juvosen kirje Örebrosta Juho Tirraselle 19.11.1953.

они являлись и куда предполагали вернуться, никогда не принимала в расчет права личности. Для страха были основания.

Первый нормативный документ Министерства юстиции СССР от 1924 года определял меры понятия лишения свободы, наказания и применения законов. За основной принцип принималось, что лишение свободы всегда сопровождалось принудительным трудом, хотя к принудительному труду приговаривались и без лишения свободы. В том же 1924 году стал применяться и принцип обратной силы закона. На практике это означало возможность наказывать людей, служивших в Российской империи на высоких государственных постах, за их действия, направленные против рабочего класса и революции.⁸³

Понятие «преступлений против революции» перенесли в обновленный Уголовный кодекс. Издание кодекса с изменениями и дополнениями от 10 февраля 1928 года можно найти и на финском языке. Оно выпущено в Ленинграде в 1929 году, и в нем, согласно статье 84, выезд из СССР или въезд в СССР без определенного законом паспорта или без разрешения соответствующих должностных лиц было наказуемо одним годом колонии строгого режима или штрафом в размере 500 рублей.⁸⁴

В 1934 году Уголовный кодекс был дополнен определением понятия о государственной измене. В статье 58 пункт 3 говорится, что деяния человека, имевшего сношения с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствовавшего каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или вторгающемуся в дела советского государства, влекли за собой высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда.⁸⁵ Уголовный кодекс РФ с официальными изменениями от 1 августа 1948 года, в приложении раздела с материалами и пояснениями, не предполагал смягчения наказания по приведенным выше статьям. Скорее наоборот. Исполнительный комитет Советского Союза ужесточил уголовную ответственность в случае таких

⁸³ Ibidem. S. 102–104, 105–106.

⁸⁴ Suomenkielinen Venäjän Sosialistisen Federatiivisen Neuvostotasavallan Rikoslakien kokoelma muutoksineen ja lisäyksineen 10: een p: ään helmikuuta 1928, sivu 49.

⁸⁵ Ibidem.

особо опасных преступлений, как шпионаж и диверсия, усилив наказание от 10 до 25 лет.

Когда война настигла оставшихся на территории Ингерманландии финнов, они на собственном опыте познали «блага» советской власти за десятилетия в промежутке между революцией и немецкой оккупацией. Незащищенность жизни в СССР и страх потери близких дополнился войной, голодом и страхом гибели. От страха невозможно было скрыться. Поколение, родившееся в СССР в 1920-е и 1930-е годы, выросло в тени страха. Эта атмосфера так называемого мирного, а затем и военного времени не могла не отразиться на душевном состоянии людей и их семей.

Переселение ингерманландцев в Финляндию спасло жизнь десяткам тысяч людей. Тем не менее оно не смогло спасти их от глубоко укоренившегося в них страха. После заключения перемирия страхи ингерманландских переселенцев явно дали о себе знать. Это подтверждается и тем, что более половины прибывших в Финляндию сразу же заявили о готовности вернуться в СССР. В изданном в 2010 году исследовании почти все опрошенные назвали страх одной из главных причин их выезда из Финляндии. Они боялись того, что если не поедут добровольно, то их заставят уехать силой. С другой стороны, причиной остаться в Финляндии можно опять-таки обоснованно назвать страх. Он сделал людей тихими и покорными. И этот же страх заставил каждого второго, оставшегося в Финляндии, затем бежать в Швецию и даже дальше.

В упомянутых выше опросах участвовали люди, бывшие на момент репатриации детьми или подростками. Пожилых людей военного периода, которые принимали непосредственные решения, уже не застать в живых. Они унесли с собой свои знания и опыт.

Авторизованный перевод с финского Елены Вешняковой

АНТТИ КУЯЛА

СОСЕДСТВО ФИНЛЯНДИИ С СОВЕТСКИМ
СОЮЗОМ В 1944–1991 ГОДАХ

Послевоенный перелом и начало холодной войны
1944–1956 годов

Репарации, предусмотренные договором о перемирии, изначально было необходимо выплатить за шесть лет, но затем Советский Союз продлил срок выплаты до восьми лет, то есть до 1952 года. СССР согласился снизить итоговую сумму в 300 млн долларов, но, с другой стороны, советские власти вели подсчет, основываясь на уровне цен 1938 года в золотых долларах, что на деле увеличивало сумму до 500 млн, то есть со всеми дополнительными компенсациями, по меньшей мере, до 600 млн. Таким образом, Советский Союз добился той цели, которую изначально перед собой ставил. Действительный объем репараций был определен в соответствии с приблизительными представлениями советской власти о том, сколько можно было по большей мере «выжать» из экономики Финляндии. СССР нуждался в репарациях, чтобы поднять из руин собственную экономику.

В самый тяжелый период, то есть вскоре после окончания войны, на репарации уходило по меньшей мере 15 процентов от всех доходов государства. В то время репарации распространялись на продукцию лесной промышленности и финские суда, уже к тому времени находившиеся в распоряжении финнов. Других товаров, подходивших для выплат, не было. Советский Союз, тем не менее, требовал, чтобы три четверти репараций

были выплачены различными машинами, агрегатами и кораблями. Лишь оставшаяся четверть приходилась на продукцию лесной промышленности. Экспорт в послевоенные годы наполовину зависел лишь от продукции бумажной промышленности и на 90 процентов — от заготовки леса. Из-за потери территорий в результате заключенного перемирия Финляндия также потеряла четверть предприятий целлюлозной промышленности, рассталась с 11 процентами деревообрабатывающих шлифовальных цехов и заводов по производству картона и с 5 процентами бумажного производства. Более медленное по сравнению с металлургическим производством развитие бумажной промышленности происходило не только из-за потери территорий и выплаты репараций, но и из-за спроса за рубежом (в особенности из-за регулирования потребления бумажной продукции в экспортных странах) и из-за того, что четверть объема энергии, вырабатываемой электростанциями в Финляндии, оказалась теперь за пределами Финляндии. Экспорт товаров лесной промышленности и направление ресурсов на быстрое развитие металлургической промышленности как на главное производство для выплат репараций оказались довольно выигрышным решением, которое постепенно смогло вывести Финляндию из бедственного положения, создавшегося в стране в результате войны и необходимости выплат репараций. В то же время аграрная Финляндия стала двигаться в сторону индустриального общества. Из работоспособного населения в сельском хозяйстве и лесоводстве в 1950 году было занято еще 46 процентов (в Швеции 21 процент), а в 1960 — 35 процентов (в Швеции 14 процентов). Доля занятости, приходившаяся на промышленность, в 1950 году составляла в Финляндии 27 процентов, а в 1960 — 31 процент (в Швеции в те же годы 41 и 46 процентов соответственно). Сельское хозяйство уступило свои позиции главного «работодателя» лишь в 1960–1970-х годах, когда общество Финляндии достигло того же уровня развития в промышленной области и сфере услуг, как и большинство стран Западной Европы, еще раньше приобретших подобный статус.

Военные расходы и репарации обременили государство долгами, поэтому оно было вынуждено ужесточить налогообложение. Государственная экономика увела доходы населения от потребления и перевела их в русло инвестирования. С уменьшением репарационных выплат налоговые накопления пошли на социальные нужды. По политическим причинам (из-за несогласия СССР) Финляндия не могла принять помощи, которую США по плану Маршалла оказывали Европе, но на развитие промышленности,

в том числе бумажного производства, были получены иностранные займы. Но в любом случае, возрождая экономику Западной Европы, план Маршалла также увеличивал шансы Финляндии на экспорт.

Условия перемирия предполагали, что финны должны были обезоружить немецкие войска, находившиеся в Северной Финляндии. Советский Союз хотел, чтобы между финскими и немецкими войсками развязалась борьба и финны наконец разорвали все связи с Германией. Если бы немцам позволили в своем темпе передислоцироваться из Северной Финляндии в Норвегию, они бы не сожгли дотла лапландские населенные пункты и деревни. СССР требовал от финнов активных военных действий и в результате получил желаемое. Это лишь укрепило уверенность страны-победителя в том, что Финляндия действительно намеревалась осуществить условия перемирия. В так называемой Лапландской войне до конца 1944 года немцы были изгнаны из всех областей Финляндии, кроме «рукава» Кясиварси на северо-западе Лапландии, северную область которого немцы покинули в апреле 1945 года. В разорениях и многочисленных человеческих потерях, вызванных Лапландской войной, напрасно обвинять лишь Советский Союз, который торопил финнов, так как Финляндия сама открыла немцам дорогу в Лапландию.

Во время Лапландской войны Советский Союз отправлял свои войска в некоторые военные точки Лапландии, и также всеобъемлющее наступление оказывалось близко к осуществлению. Если бы так произошло, это еще больше осложнило бы установление послевоенных мирных отношений между Финляндией и СССР.

Осенью 1944 года СССР и Великобритания направили Контрольную комиссию союзников в Финляндию, где она должна была следить за осуществлением условий перемирия. Формально она не обладала правом отдавать приказы властям Финляндии, но на практике ее распоряжения должны были исполняться. Соединенные Штаты не объявляли Финляндии войну, следовательно, не имели своих представителей в Комиссии. Роль представителей от Великобритании была лишь формальной. Британцы оставили Финляндию на произвол судьбы, чтобы страна справлялась с Советским Союзом своими собственными силами. Британия считала, что в результате Финляндия войдет в советский лагерь. Контрольной комиссией руководил ее председатель Андрей Жданов, который получал инструкции от самого Сталина. Уже по истечении 1944 года Финляндия и СССР обменялись большей частью военнопленных.

По требованию страны-победителя правая оборонная организация шюцкору, крайние правые организации и Союз братьев по оружию Финляндии, который поддерживал единый военный дух среди буржуазных кругов и рабочего класса, были упразднены, а коммунисты, напротив, смогли организовать свою партию, пользовавшуюся правом законной деятельности на территории Финляндии. В среде ориентированных на крайних левых некоторые рядовые члены надеялись, что Советский Союз при помощи военного давления осуществит переворот. Наибольшей значимостью и поддержкой обладало движение, которое, следуя раннему примеру 1940 года, влилось в общество «Финляндия — Советский Союз». Существовала надежда, что все действительные левые вплоть до социал-демократов объединятся в совместное социалистическое движение, которое сможет осуществить тотальный общественный переворот. Предводители коммунистов, освобожденные из тюремного заключения, все же организовали менее многочисленную по сравнению с обществом «Финляндия — Советский Союз» кадровую организацию — Коммунистическую партию Финляндии (КПФ), подчеркивавшую чистоту марксистско-ленинской теории, и приложили все свои усилия, чтобы получить контроль над двумя ранее упоминавшимися политическими течениями. В конце 1944 года был основан Демократический союз народа Финляндии, который не мог иметь социалистических намерений, так как КПФ хотела монополизировать право на владение социалистическим учением, и, кроме того, было необходимо заручиться поддержкой крестьян и заполучить их в ряды Демократического союза. Большая часть финнов считала Демократический союз всего лишь завуалированной организацией коммунистов, каковой она и являлась до середины 1960-х годов. Образец организаций крайних левых отвечал пожеланиям Советского Союза. Страна-победительница хотела, чтобы Финляндия организованно отошла от войны и начала добросовестно выполнять свои обязательства по выплате репараций. О той социальной тревоге, которую общество «Финляндия — Советский Союз» 1940 года сознательно или невольно поддерживало, речи не шло. Так один из путей развития для крайних левых оказался закрыт.

Маннергейм, избранный президентом Финляндии летом 1944 года, пользовался большим общественным доверием. Его лицо гарантировало, что страна отойдет от войны организованно. Состоявший членом в проправой Коалиционной партии (Национальной коалиции), но не являвшийся представителем какой-либо партии Юхо Кусти Паасикиви в ноябре 1944 года

сформировал правительство, куда наряду с беспартийными министрами, членами Аграрного союза, членами Национальной прогрессивной партии и социал-демократами вошел представитель Демократического союза, коммунист Юрьё Лейно. В правительство помимо всего прочего входили Урхо Кекконен (Аграрный союз), Эро Вуори (Социал-демократическая партия — СДП), Рейнольд Свенто (СДП) и Мауно Пеккала (СДП). Все четверо уловили новые веяния и устремились к тесным связям с советскими разведчиками. Внешняя разведка СССР сразу же причислила их к агентам, которыми они на самом деле не были. Что Вуори, что Кекконен в конце советско-финской войны 1941–1944 годов поддерживали оппозицию, ратовавшую за заключение мира, но до этого они скорее принадлежали к противостоявшему ей лагерю. Речь не шла только об отступничестве, так как, содействуя хорошим отношениям с соседями и благодаря этому способствуя собственному карьерному росту, они в то же время защищали интересы своей страны и партий от государства-победителя, которое в своем желании отдавать приказы заходило порой слишком далеко. Они хотели, чтобы Финляндия, приспособившись к соседству с Советским Союзом, сохранила достаточную свободу действий. Точно так же Финляндия вела себя по отношению к Германии во время советско-финской войны 1941–1944 годов.

В ноябре 1944 года СДП провела партийный съезд, на котором социалисты из Союза братьев по оружию и другие сторонники Вейно Таннера, министра и руководителя СДП во время войны, одержали верх над партийной оппозицией. Оппозиция поддерживала совместную работу с коммунистами, а их соперники пытались прекратить осуждение политики военного времени и относились настороженно к коммунистам и Советскому Союзу. Имя К.-А. Фагерхольма было самым заметным в среде партийной оппозиции.

Стремление к новой политике в Финляндии предполагало, что на выборах в эдускунту (парламент) нужно учитывать волю народа. Паасикиви публично выразил надежду на избрание свежих лиц в финский парламент. Политики, чьи имена были неразрывно связаны с войной, должны были уступить место другим. Совместная деятельность с Советским Союзом и Контрольной комиссией союзников, находившейся в Хельсинки, предполагала именно это. На выборах, состоявшихся в марте 1945 года, Аграрный союз и Демократический союз народа Финляндии получили оба по 49 мест в эдускунте, а 50 заняла СДП (всего в эдускунте 200 депутатов).

После выборов три упомянутые партии заключили «договор трех больших партий о совместной работе», на основе которого Паасикиви сформировал правительство. В СДП и Аграрном союзе этот договор, по большому счету, считали неизбежным злом и «первомайской декларацией». Главной задачей было выиграть время и пожертвовать несущественным, для того чтобы сохранить значимое. Паасикиви был того же мнения. Четыре упомянутых компаньона русских входили в состав правительства, из них Свенто и Пеккала перешли из СДП в Демократический союз народа Финляндии. Часть оппозиции СДП, как ее руководители, так и различные группировки, действовала в 1945 году таким образом. Администрацию страны незначительно очистили и внедрили в нее коммунистов и народных демократов. Они не только заняли должности министров, но и благодаря министру внутренних дел Лейно получили руководство над полицией государственной безопасности Валпо. В Советском Союзе бытовало мнение, что для управления обществом достаточно держать под контролем тайную полицию, но в обществе, подобном народу Финляндии, это представление оказалось неверным.

Сразу после заключения перемирия некоторые из офицеров главной ставки организовали тайные склады оружия по всей Финляндии на случай возможной советской оккупации. Этого не произошло, и массовое сокрытие оружия разоблачили. Участникам заговора было вынесено около 1500 приговоров о тюремном заключении. Согласно договору о перемирии, Финляндия в содействии с союзническими странами была обязана наказывать в судебном порядке тех, кто был уличен в военных преступлениях. На этом основании Советский Союз обязал Финляндию приговаривать к тюремному заключению тех политиков, которые несли ответственность за вступление Финляндии наряду с Германией в советско-финскую войну в 1941 году. Наказание им было назначено на основании обратной силы закона, хотя ретроактивность законов была запрещена финляндской конституцией. Действие, которое на момент его совершения вписывалось в рамки закона, то есть не имело состава преступления, не могло быть позднее объявлено уголовно наказуемым.

Так называемые военные преступники были выбраны с политической точки зрения не случайно. За заключение неофициального союза с Германией и вступление в войну в 1941 году большую ответственность нес тогдашний главнокомандующий, занимавший пост президента в 1944–1946 годах К. Г. Э. Маннергейм, которого Советский Союз не желал видеть на скамье подсудимых.

Его авторитет был необходим для укрепления послевоенного положения в стране и ничуть не меньше для того, чтобы Советский Союз получил-таки долгожданные репарации с Финляндии.

Самыми значительными личностями среди приговоренных к наказанию за военные преступления были Ристо Рюти, занимавший пост президента во время советско-финской войны 1941–1944 годов, а также «великий старец» финской социал-демократии Вяйно Таннер. Он играл лишь второстепенную роль в процессе, приведшем страну к войне, так как министром он стал уже после того, как началась война. Ранней осенью 1941 года Таннер придерживался того мнения, что финские войска должны были удовлетвориться возвращением потерянных в Зимней войне территорий и им не стоило пересекать старую линию границ, чтобы оккупировать Советскую Карелию. Тем не менее Таннер придерживал большую часть рабочих Финляндии в пределах единого национального фронта. Попытки коммунистов создать движение сопротивления не достигли в Финляндии больших результатов. Сталин ненавидел Таннера и, наложив на него печать военного преступника, таким образом стремился получить поддержку коммунистов от финских рабочих. Если Советский Союз и хотел уличить виновных в войне, то, несмотря на причастность к делу всех руководителей Финляндии, являвшихся таковыми в 1941 году, главным виновным стоило признать самого генералиссимуса, который, издав приказ о вторжении 30.11.1939, фактически начал Зимнюю войну и своим политическим давлением бросил Финляндию в объятия Германии во время перемирия 1940–1941 годов.

Первые послевоенные годы были для рабочего движения Финляндии эпохой такого же подъема, который наблюдался в 1905 и 1917 году. Политически аномальное и недемократическое положение было господствующим до конца войны 1941–1944 годов, когда почти пятая часть населения, поддерживавшая крайних левых, не имела права организовывать собственные партийные организации; сторонники коммунистов все же имели право голоса. Конечный исход войны и особое отношение Финляндии к восточной империи способствовали массовой поддержке коммунизма в послевоенные годы. Свою роль сыграло и воспоминание о кровавом подавлении красного бунта в 1918 году, и ужасное отношение финской правящей верхушки к крайним левым в 1920–1930-х годах и во время войны. Если перефразировать библейскую поговорку, после войны пожали то, что ранее посеяли. К тому же поддержка коммунизма основывалась на бедности населения и общественной неустроенности. Подъем рабочего

движения не единственный коснулся левого движения. В профсоюзы вошло большое количество новых членов, и работодателям пришлось отказаться от своего негативного отношения, которое они питали к рабочим организациям до этого, и начать заключать с профсоюзами коллективные трудовые договоры.

На выборах представителей в съезд Центральной организации профсоюзов Финляндии в 1946 году коммунисты завоевали большую долю мест, но, когда на выборах в нескольких отдельных случаях были допущены неточности и даже совершены подлоги, социал-демократы потребовали распустить съезд и устроить выборы позже. Опасаясь того, что социал-демократы выйдут из Центральной организации профсоюзов, коммунисты в конце концов согласились подчиниться их требованию. Коммунисты держали под контролем и Организацию профсоюзов, и само движение профессиональных объединений, но, тем не менее, позволили беспрецедентной в истории победе ускользнуть из своих рук. Податливость коммунистов было трудно объяснить, но можем предположить, что рано или поздно они в любом случае надеялись на победу благодаря поддержке большинства из рабочего класса. Частью коммунистической идеологии было закономерное развитие исторического процесса в сторону социализма и коммунизма, что привело их к уверенности в неизбежности собственной победы, которая, как оказалось вскоре, была ошибочна. К тому же коммунисты считали непреложность совместной деятельности с другой рабочей партией настолько важной с точки зрения своих планов на будущее, что не осмелились подвергнуть ее опасности из-за спорного исхода выборов в Организацию профсоюзов.

Победа на выборах в съезд представителей Центральной организации профсоюзов в 1947 году досталась социал-демократам. Партия успела оправиться от послевоенного кризиса и создала организацию рабочих мест, альтернативную коммунистической. Прошедшие войну Братья по оружию были гораздо более предприимчивыми, чем отсидевшие свои сроки в тюрьме вожди коммунистов. У коммунистов не было оружия, чтобы противостоять намекающей на насильственные намерения коммунистов кампании социал-демократов. Большая часть населения Финляндии, кто безропотно, а кто с жалобами, поддерживала военные действия. Поражение в войне сразу после ее окончания подорвало в особенности представления рабочего населения, так что многие из них начали рассматривать военные события не как оборонительную, а скорее как завоевательную войну, направленную против финского народа. Теперь маятник начал двигаться

в противоположном направлении. Антикоммунистические и антисоветские взгляды не были побеждены, а были только серьезно поколеблены, и теперь на их основе было легко организовать политическую кампанию.

Заключенный между союзниками и Финляндией в 1947 году мирный договор утвердил все аннексии финских территорий (финская Карелия и часть Лапландии), осуществленные Советским Союзом по договору о перемирии 1944 года. Великобритания хотела удержать на низком уровне вооружение Балканских стран, находившихся в сфере влияния Советского Союза. Из этого следовало, что уровень вооружения финской армии оказался также ограничен. После вступления в силу мирного договора Контрольная комиссия покинула Финляндию, но вскоре были найдены новые способы, чтобы защитить интересы национальной безопасности Советского Союза в направлении Финляндии и осуществить контроль над северо-западным соседом.

Во введении к Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенному между Советским Союзом и Финляндией в 1948 году, было провозглашено «стремление Финляндии оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав» так же, как и то, что договаривающиеся стороны обязуются в двустороннем порядке уважать государственный суверенитет и не вмешиваться во внутренние дела другого государства. Первая и вторая статьи договора провозгласили, что если Финляндия или Советский Союз через финские территории подвергнутся нападению со стороны Германии или ее союзников, то Финляндия обязуется защищать любыми средствами неприкосновенность своих территорий, в случае необходимости при помощи Советского Союза или вместе с ним. О предоставлении необходимой помощи стороны должны были договориться между собой в отдельном порядке. Они также брали на себя обязанность договариваться между собой в случае, если будет констатирована угроза военного нападения.

Возможность консультаций, военного сотрудничества и «оказания помощи» Советским Союзом касалась лишь угрозы, направленной против Финляндии или против Советского Союза через территории северного соседа. Однако в ту пору, когда отношения между НАТО и Организацией Варшавского договора были кризисными и охватывали, в том числе, Европу, этот кризис при желании можно было расценивать как дело, входящее в круг обязательств, предусмотренных Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Главной задачей

военных статей Договора было защитить северо-западную границу СССР. Возможность оказывать Финляндии военную поддержку или заниматься консультированием, подразумевающим констатацию военной угрозы, предоставляло Советскому Союзу отличный способ оказывать давление на Финляндию. Принцип невмешательства в дела другого государства на деле оказался лишь пустыми словами. Финляндия же в свою очередь подчеркивала стремление сохранять нейтралитет в спорах между великими державами и таким образом, согласно собственному представлению, оставаться вне чьего-либо политического лагеря или партии. Согласно Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, Финляндии, несмотря на парламентскую демократию и капиталистический строй, предстояло войти в сферу влияния Советского Союза, хоть и на менее жестких основаниях, чем социалистическим странам Восточной Европы. Военные статьи Договора поддерживали интересы безопасности Советского Союза в отношении Финляндии. Финляндия, если бы только была возможность, без сомнения, с большей охотой сохранила бы полный нейтралитет в этом деле.

Соединенные Штаты, один из силовых центров в двухполюсной холодной войне, поддерживали независимость Финляндии и, тем не менее, не считали достаточным основанием для вступления в войну с СССР то, что Финляндия в результате подверглась советской оккупации. Фактически США признали, что Финляндия входит в сферу влияния ее главного противника.

Коммунисты и Демократический союз народа Финляндии потерпели поражение на выборах в эдускунту в июле 1948 года. Благодаря перебежчикам число депутатов от Демократического союза увеличилось в старой эдускунте с 49 до 51; в новой эдускунте было 38 депутатов от Союза. Аграрный союз и СДП сумели добиться дополнительных мест, так что у них было 56 и 54 парламентских мест соответственно. Доля голосов, приходившаяся на СДП, была все же больше доли Аграрного союза — 26,3 процента, тогда как у Демократического союза было всего лишь 20 процентов. Демократический союз мог бы попасть в новое правительство, если бы согласился на требование тогдашнего президента Паасикиви (на должности в 1946–1956) и представителей других партий большинства, чтобы на пост министра внутренних дел или на любую другую ключевую должность не попал коммунист, иными словами, чтобы коммунистам подрезали крылья. КПФ совершенно напрасно полагала, что у других партий не найдется средств, чтобы оставить ее в оппозиции. Коммунисты

потребовали даже большее количество министерских постов, чем можно было предоставить более крупным партиям: Аграрному союзу и СДП. Укоренившаяся в партийных теориях и идеологии мысль о том, что будущее неизбежно принадлежит партии, снова ввело коммунистов в заблуждение. Таким образом, президент Паасикиви назначил социал-демократическое правительство меньшинства под руководством Карла-Августа Фагерхольма. По мнению президента, СДП занимала ключевую позицию в деле пресечения попытки коммунистов прийти к власти. К тому же коммунисты потеряли всякую возможность контролировать политику государственной безопасности.

Подъем рабочего движения в Финляндии в конце концов разразился началом холодной войны. Две ветви рабочего движения Финляндии находились по разные стороны баррикад и занимали передовой фронт в этой политической битве. Государственная власть, до которой коммунисты не сумели добраться, работодатели и буржуазное общество находились на стороне социал-демократов. Остальная часть общества подозревала, что коммунисты попытаются установить в стране диктатуру, подобную той, что господствовала в СССР. Волнообразная политика коммунистов, движения политических забастовок и чуждый сознанию финнов культ личности Сталина лишь усиливали подозрения 80 процентов населения в отношении Коммунистической партии. Более опытные противники коммунистов оттеснили их к парламентской оппозиции и к бессильному меньшинству профсоюзного движения. Социал-демократы начали получать материальную помощь для противостояния коммунистам не только от братских партий Скандинавии, но и от Великобритании и Соединенных Штатов. Советский Союз, в свою очередь, финансировал коммунистов.

На послевоенных встречах с финскими политиками Сталин прославлял действия финской армии во время войны. У главы СССР были полномочия разговаривать не только на идеологически правильные, но и на более отстраненные темы. Из уст советского посла вряд ли можно было услышать что-нибудь подобное. В послевоенные десятилетия финны часто удивлялись странной манере советских деятелей говорить совсем противоположное тому, о чем свидетельствовали факты. Они не понимали, что такое поведение было, по крайней мере, разумным с точки зрения политики.

Финны, тем не менее, считали, что Сталин уважал обороноспособность Финляндии в большей степени, чем делал это на самом деле. После Второй мировой войны в Чехословакии не было

советских войск; и все-таки там была установлена «народная демократия», а в Финляндии — нет. Решающей, с точки зрения Сталина, была никак не осторожность, вызванная сокрытием оружия или опытом советско-финских войн 1939–1944 годов. Лично я склоняюсь к мнению, что в 1949 году Советский Союз вполне мог с помощью беззастенчивого политического давления заставить Паасикиви и Фагерхольма подчиниться своей воле. Если вооруженные силы Германии ничего не должны были Красной армии, то почему тогда Сталину стоило бояться гораздо более ничтожной по численности и оснащенности финской армии, которая по окончании войны была к тому же большей частью разоружена?

Советский Союз так и не воспользовался стачечным движением коммунистов в своих интересах летом 1949 года, так как подчинение Финляндии, по всей видимости, заставило бы Швецию отказаться от беспартийности и войти наряду с двумя другими скандинавскими государствами — Норвегией и Данией — в западный военно-политический блок НАТО.¹ Несмотря на различные решения в политике безопасности четыре скандинавских государства сформировали единство, расшатывание которого вряд ли входило в круг интересов какого-либо политического лагеря великих держав. На пути советизации Финляндии перед Советским Союзом возникало больше помех, чем выгод. Финские коммунисты так и не получили от СССР той решающей помощи в организации переворота, на которую они надеялись все то время, пока партия оставалась просталинской, то есть вплоть до середины 1960-х годов.

В 1949–1956 годах в правительстве заседали в основном социал-демократы и Аграрный союз, представлявший фермерскую прослойку населения, или у власти находилось правительство меньшинства от той или другой партии. Обе эти крупнейшие партии приготовились занять освободившуюся в 1956 году должность президента. Фактический руководитель Аграрного союза Урхо Кекконен считал это своей личной целью. В Союзе состояло намного больше членов, чем в какой-либо другой партии. Ее ор-

¹ Будучи членами НАТО, Норвегия и Дания имели известные ограничения в военном вооружении, которые они могли бы отменить, если бы в положении Финляндии произошли неблагоприятные изменения. Не стоит все же забывать, что оборона Швеции, прикрывавшаяся ширмой нейтралитета, во многих отношениях была связана с НАТО. Mikael Holmström. Den dolda alliansen: Sveriges hemliga NATO-förbindelser. Stockholm, 2011.

ганизация была такой же крепкой, как и база Коммунистической партии СССР. Секретарь партии социал-демократов, бывший член Союза братьев по оружию и убежденный антикоммунист Вяйно Лескинен собирался на корню зарубить попытки Кекконена занять президентский «престол».

После смерти Сталина советское правительство наконец освободилось от изолированности, которая царила в СССР в последние годы жизни генералиссимуса, и попыталась завязать отношения с некоммунистическими силами, в том числе в Финляндии. Будучи премьер-министром, Кекконен подчинялся внешнеполитическим целям СССР. Командная игра Кекконена с восточной державой протекала в прежнем режиме. Напротив, попытка Советского Союза сблизиться с Лескиневым провалилась, частично из-за того, что в руководстве СДП царил несогласие и противники Лескинена использовали его связи с СССР против него самого. СССР понял, что у него появилась отличная возможность углубить внутренние разногласия партии социал-демократов, что и сделал в результате. Тот факт, что соперники пришли на его территории, привел Кекконена в ужас.²

Кекконен побеждает противников и укрепляет свою верховную власть, 1956–1966

В феврале 1956 года в результате голосования на президентских выборах³ Финляндии Кекконен обыграл кандидата от СДП Фагерхольма с минимальным отрывом: 151 голос выборщиков

² Roy Allison. Finland's Relations with the Soviet Union, 1944–84. London & Basingstoke, 1985. Pp. 1–42, 127–137; Tuomo Polvinen et al. J. K. Paasikivi: Valtiomiehen elämäntyö. 4–5. 1944–1948 & 1948–1956. Helsinki, 1999 & 2003; Osmo Jussila. Suomen tie 1944–1948: Miksi siitä ei tullut kansandemokratiaa. Porvoo — Helsinki — Juva, 1990; Hermann Beyer-Thoma. Kommunisten und Sozialdemokraten in Finnland 1944–1948 / Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München, Reihe Geschichte. Bd. 57. Wiesbaden, 1990; Kimmo Rentola. Niin kylmää että polttaa: Kommunistit, Kekkonen ja Kremlin 1947–1958. Helsinki, 1997. S. 1–349; Antti Kujala. Paperiliiton historia 1906–2005: Paperiteollisuuden työmarkkinasuhteet ja suomalainen yhteiskunta. Vammala, 2006. S. 135–215.

³ Еще во времена президентства Кекконена главу республики назначали таким образом, что народ избирал 300 выборщиков, которые осуществляли непосредственный выбор президента. Теперь же действует принцип прямого народного голосования и почти вся внутриполитическая власть президента передана правительству.

к 149. Советское руководство долгое время поддерживало переизбрание Паасикиви, но вставший во главе страны Никита Хрущев в последний момент решил сделать ставку на Кекконена. На втором туре выборщикам Демократического союза народа Финляндии было предписано разделить свои голоса между Кекконеном и Фагерхольмом, благодаря чему Паасикиви выбыл из решающего третьего тура. В этом туре Кекконен получил голоса Аграрного союза и Демократического союза, а также часть голосов, отданных выборщиками небольшим национальным партиям. СДП и проправая Национальная коалиция и другие немногочисленные партии оказались на стороне проигравших.

Летом 1955 года СССР решил отказаться от взятой в аренду базы Порккала-Удд, которая в военном плане была бесполезной и нарушала своим присутствием требования СССР о сносе военных баз, находящихся на территории других (то есть западных) государств. Отказываясь от базы Порккала-Удд, Советский Союз поддержал президентские кампании Паасикиви и Кекконена — Паасикиви тоже вел ее, хотя и тайно, не «засвечиваясь». Благодаря отказу от Порккалы, СССР добился того, что Паасикиви и Кекконен согласились продлить Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи на целых 20 лет. На прошедших в Москве осенью 1955 года переговорах стало ясно, что Советский Союз не был готов обсуждать вопрос о возвращении (бывшей финской) Карелии. Несмотря на это, газета Аграрного союза *Maakansa* пробудила в карелах надежду на возвращение домой, разместив на своих страницах одетого героем Калевалы Вяйнямйненем Кекконена, который нескладными рифмами под аккомпанемент кантеле вымолил для Финляндии Порккалу и, возможно, Карелию. Дело было чрезвычайно важным для Кекконена, но в то же время он зарабатывал политические бонусы в виде уважения и престижа. Он умел талантливо совмещать национальные интересы и собственную политическую выгоду.

Некоторые личные разногласия в руководстве СДП обострились в середине 1950-х годов. На партийном съезде весной 1957 года СДП раскололась на две части. Проигранные выборы президента и отношение к Кекконену и Аграрному союзу стали причиной жаркого спора между социал-демократами. Председателем партии был избран Вяйно Таннер, чья фигура для Советского Союза была подобна красной тряпке для быка. Он попросил некой компенсации за незаслуженно перенесенное наказание, неоправданно назначенное за военные преступления. В начале 1930-х годов Таннер успешно отбил попытку крайних

правых подавить социал-демократическое движение. В слегка мелодраматическом ключе он считал своей задачей возрождение демократии и свержение Кекконена, но эта цель оказалась ему не по силам. Таннер был уже пожилым человеком и, по большому счету, всего лишь подставным лицом, с помощью которого Лескинен управлял партией. Таннер мог бы объединить ряды партии, но Лескинен со своими приспешниками разрушил изначальные планы примирения. Если бы противники Лескинена вернулись в руководство партии, он бы потерял лидирующую позицию.

Таннер и Лескинен критиковали Кекконена за развал СДП и манеру правления, основывавшуюся на раздоре и разногласиях, с помощью которой он укреплял свое положение. Кроме того, президент слишком сильно стремился подстроиться под Советский Союз. Мнение Таннера и Лескинена касательно Советского Союза было в общем более схоже с видением холодной войны западными странами. Так как у Финляндии были особые отношения с СССР, было понятно, что такие смелые высказывания приведут к проблемам во взаимопонимании с восточной державой. Например, стоявший во главе шведской социал-демократии премьер-министр Таге Эрландер придерживался той точки зрения, что руководителям братской партии Финляндии стоило бы быть немного более дипломатичными. Таннер и Лескинен считали, что в компаньоны СДП стоит взять скорее Национальную коалицию, чем Аграрный союз.

Меньшинство партийного съезда вышло из зала и отказалось от предоставленных ему верхушкой партии мест. Руководители социал-демократов были сами виновны в расколе партии, но такая ситуация была вполне выгодной для Кекконена и Советского Союза. Партийная оппозиция получила материальную помощь от СССР и, очевидно, от линии «К» Аграрного союза, то есть от поддерживавшего Кекконена крыла. В 1959 году оппозиция объединилась в собственную партию — Социал-демократический союз, для обозначения которой в советских документах часто использовалась аббревиатура СДС. Новую партию на выборах поддерживали значительно менее охотно, чем СДП. Движение профсоюзов также разделилось надвое. Время от времени Советский Союз материально поддерживал Центральную организацию профсоюзов. С начала 1960-х годов Лескинен получал от Западной Германии деньги, источником которых была отнюдь не братская западногерманская партия СПД. Кто, как не ЦРУ, мог в действительности финансировать это дело?

Политическое руководство Финляндии, начиная с конца 1930-х годов, основывалось на системе, стержень которой образовывали СДП и Аграрный союз. В 1957 году подобная правительственная база изжила себя в связи с распадом СДП и из-за разногласий, возникших между партией и Аграрным союзом (то есть Кекконеном). Остальные финские партии в общем не были заинтересованы в том, чтобы заседать в одном правительстве с коммунистами, так как их руководство и партийная линия были совсем сталинистскими и не вызывали доверия. Так вплоть до выборов в эдускунту летом 1958 года Финляндией управляло либо аполитичное правительство чиновников, либо правительство меньшинства, основу которого образовывал Аграрный союз. В зависимости от разных способов подсчета за один насыщенный год три или четыре правительства! Ничто, тем не менее, так не усугубляло политических противоречий, как то, что в руководимое Аграрным союзом правительство, минуя руководство СДП и ее парламентскую фракцию, набирались министры из социал-демократической оппозиции.

После выборов в эдускунту летом 1958 года в Финляндии было сформировано возглавляемое Фагерхольмом правительство большинства, за пределами которого оказались Демократический союз народа Финляндии и социал-демократическая оппозиция. Избранный на должность минимально возможным количеством голосов Кекконен не смог воспрепятствовать осуществлению воли обширного парламентского большинства, а, напротив, был вынужден против своего желания назначить правительство. Лескинен был назначен одним из министров. Советский Союз пытался оказать на Финляндию давление, отозвав на родину своего посла и заморозив торговые отношения со своим соседом. Кекконен способствовал этому давлению полным бездействием. Было довольно странно, что президент обсуждал с представителями иностранного государства возможность оказания давления на национальное правительство. У Кекконена и Советского Союза был общий интерес предотвратить образование силового средоточия, способного угрожать продолжению президентской власти.

Кекконен должен был знать, что в период «ночных заморозков», то есть во время кризиса в отношениях между Финляндией и СССР, Союз способствовал частично и его успеху, хотя, с другой стороны, существовала опасность того, что Хрущев подчинит Кекконена и включит Финляндию в сферу своего влияния, чем снизит доверие к нему, как к президенту Финляндской республики, на Западе. Той осенью «ночных заморозков» Кекконен

плохо спал и сильно похудел. Вряд ли подобные симптомы проявились бы, если бы с русскими были заранее оговорены все условия «командной игры». Одной из главных или даже первейшей причиной крайнего беспокойства президента было ослабление его внутривнутриполитического положения. В начале кризиса «ночных заморозков» советская сторона особенно ярко уверяла, что они не дойдут до открытого разрыва отношений. На это обещание, конечно, нельзя было полностью полагаться. И в любом случае в период «ночных заморозков» русские преподали Кекконену хороший урок: ему следовало заранее подумать о том, какое правительство назначить.

По вполне реалистичной, а точнее сказать, по неприукрашенной оценке Кекконена, Финляндия входила в сферу влияния СССР. Если страна сама этого не понимала, то Советский Союз указывал соседу на рамки дозволенного. Президент соблюдал эти условия, так как не видел иного пути. Хотя он и рационализировал свою деятельность в дневниках и публичных заявлениях, его одновременное подчинение Советскому Союзу и помощь, оказываемая им же, должны были вызывать глубокое чувство досады, если и не унижения вовсе.

Правительство Фагерхольма периода «ночных заморозков» было распущено в начале декабря 1958 года. С помощью этого кризиса Советский Союз обеспечил право вето для созыва финского правительства. У социал-демократов, сторонников Лескинена — Таннера, не было вопросов к правительству. Об одновременном присутствии в правительстве социал-демократов и Национальной коалиции не могло быть и речи, а также невозможна была правительственная база, включавшая все другие партии, кроме коммунистов. Как советские дипломаты-разведчики истолковали, это могло бы дискриминировать Демократический союз народа Финляндии и противоречило бы мирному договору. Страх Таннера, связанный с тем, что иностранная держава станет распоряжаться финляндским правительством, сбывся. В своих мемуарах Фагерхольм писал, что стыдится неспособности народа Финляндии и эдускунты распоряжаться своим правительством.

Кекконен и Хрущев относились вполне дружественно друг к другу на межличностном уровне. Оба руководителя любили смелые шутки. Хорошее отношение Кекконена к Хрущеву и политика, подчеркивавшая добрососедские отношения президента к Советскому Союзу, все же не были способны вернуть назад Карелию или хотя бы Выборг, как Кекконен предполагал. Порккала была сдана в аренду СССР всего на 50 лет. Управление военной

базой, находившейся на территории иностранного государства, с точки зрения государства, обвинявшего в колониализме западные страны, было неудобным. Если бы Москва согласилась пересмотреть границы с Финляндией, это могло бы стать прецедентом, на основе которого Западная Германия или Япония могли бы, например, потребовать изменения границ, утвержденных в результате исхода Второй мировой войны. Кекконен выполнил и без того полезную с точки зрения Советского Союза политику. Почему из-за его синих глаз нужно было создавать себе напрасные затруднения вокруг обширных советских границ? Возвращение Выборга сузилось до сдачи в аренду Сайменского канала. Финляндия отремонтировала старый канал, чтобы он стал пригодным для современного судоходства. Арендваемая Финляндией территория включала 30 метров, а в области шлюзов — 200 метров по обе стороны канала.

После кризиса «ночных заморозков» Финляндией в течение полутора лет управляло правительство меньшинства во главе с Аграрным союзом. Кекконен добился, чтобы Хрущев дал свое согласие на то, что в 1961 году Финляндия заключила договор о свободной торговле с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ). Советскому Союзу необходимо было предоставить прежний преференциальный статус в сфере тарифов. Финляндия пообещала восточному соседу те же условия, что и странам-членам ЕАСТ. Кекконен полагал, что благодаря заключению договора с ЕАСТ правые и предприниматели поддержат его переизбрание. Тем не менее СДП, Национальная коалиция и отдельные менее крупные группировки избрали общим кандидатом в президенты канцлера юстиции Олави Хонку. Когда на приеме в советском посольстве канцлер пытался поговорить с послом, тот так часто поворачивался к финскому политику спиной, что Хонка в конце концов убедился, что представитель СССР не настроен ни на какое сотрудничество с ним. Советские газеты обвинили «блок Хонка» в попытке разрушить добрососедские отношения Финляндии и СССР.

Пока Кекконен находился с правительственным визитом в самой отдаленной части США на Гавайских островах, 30.10.1961 СССР направил Финляндии ноту, в которой он, согласно Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, предложил проведение консультаций по охране границ обоих государств и их защите от угрозы военного вторжения со стороны Германии и ее союзников. В ноте Советский Союз осудил финские круги, которые поддерживали мероприятия НАТО по военной подготовке

и высказывали идеи, противоречащие Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Из-за ноты в Финляндии зародился всеобщий страх того, что СССР оккупирует страну-соседа.

В ноябре Кекконен поехал в Новосибирск, где встретился с Хрущевым. Эта встреча разрядила кризисную ситуацию в советско-финских отношениях. Возможность консультаций не была полностью упразднена, но их было решено перенести чуть дальше. Перед финским руководством была поставлена задача следить за положением в Северной Европе и на Балтийском море и в случае необходимости выдвигать СССР предложения по принятию мер. Советский Союз объявил о том, что поддерживает политику нейтралитета Финляндии. Это, так же как и то, что не нужно было стремиться установить наличие военной угрозы или консультироваться с СССР, не говоря уже о мероприятиях по признанию ГДР, стало для Кекконена победой, но, с другой стороны, «нотный кризис» еще более утвердил господствовавшее в западных странах представление о зависимости Финляндии и ее президента от Советского Союза. За Финляндией закрепилось звание советской «сторожевой собаки». Москва к тому же хотела создать видимость того, что Финляндия входит в сферу ее влияния, и ограничить стремления Кекконена добиться понимания от западных государств. Зависимость и подчеркнутое представление, должно быть, унижали Кекконена, хотя он и не мог открыто заявить о своих ощущениях.

Ко времени переговоров в Новосибирске Хонка отказался от выдвижения своей кандидатуры на пост президента, и поддерживавший его партийный союз распался. В основе ноты Советского Союза лежал Берлинский кризис 1961 года, но его действительной задачей было запугать финнов и показать им, что только Кекконен смог обеспечить соблюдение интересов страны. Очевидно, и без ноты он обыграл бы на выборах Хонку, у которого не было ни человеческой харизмы, ни политического опыта. Целью было тем не менее заполучить для поддержки Кекконена явное большинство мест в эдускунте, чтобы его второй президентский срок прошел лучше и для самого руководителя, и для восточного соседа. Уже в предыдущем году Кекконен признался советскому послу, что собирался досрочно распустить эдускунту и организовать новые выборы в парламент почти одновременно с выбором президента страны.

В качестве предупреждения Москва использовала такой большой «молот», что в исходе дела не могло быть сомнений. Для Советского Союза время проведения парламентских выбо-

ров было делом второстепенным, но он не хотел, чтобы кризис продолжался до соответствующего избирательному законодательству времени проведения выборов в эдускунту, то есть вплоть до следующего лета (1962 года), которое эффект запугивания ноты вряд ли достигнет. Решение поэтому было найдено в обещанной Кекконеном одновременной организации выборов. На совещаниях и в Сибири (Новосибирск по случайности не был выбран местом встречи) финнов хотели с помощью запугивания склонить к голосованию таким образом, чтобы подтвердилось продолжение нынешней внешнеполитической линии. Витавшая в воздухе угроза и образ Кекконена, спасителя родины, оказали должный эффект. Страх того, что советская броня «накроет» и Хельсинки, оказался очень действенным, хотя оставался и другой вопрос, были ли у СССР желания для осуществления таких радикальных мер. Едва ли так было на самом деле. Вступление Швеции в НАТО было тем фактором, который в течение всей холодной войны эффективно сдерживал агрессивную советскую политику.

Некоторые финны верили в то, что нота поступила из Москвы по просьбе Кекконена. По прошествии 50 лет трудно подтвердить или опровергнуть эту догадку, но сам я склоняюсь к тому мнению, что Кекконен не просил направить ноту, хотя почти наверняка предполагал, что какая-то манифестация в его поддержку поступит из Москвы. Зачем просить о том, что, как ты знаешь, само приплывет в твои руки? К тому же нота принесла Кекконену и некое разочарование, навредив на Западе его репутации, которую он с большим трудом пытался восстановить, и показав ему, насколько короток поводок, удерживающей его на советской «привязи».

На выборах в эдускунту противостоявшим Кекконену партиям предстояло соревноваться друг с другом. Напуганная нотой Национальная коалиция и небольшие буржуазные народные партии более или менее открыто перешли на сторону Кекконена. Аграрный союз и другие поддерживавшие Кекконена силы добились две трети выборщиков. Левые партии, каждая из которых выдвинула своего кандидата, получили оставшуюся треть выборщиков. Это означало переизбрание Кекконена в феврале 1962 года. На выборах в эдускунту парламент, в котором преобладали левые, стал парламентом буржуазного большинства. Главный противник Кекконена СДП потерпел разгромное поражение в тех выборах. Стоит упомянуть также, что Советский Союз оказывал Кекконену на президентских выборах финансовую поддержку.

Следующее правительство, кабинет министров Ахти Карьялайнена (Аграрный союз), было сформировано на основе буржуазных партий. Так как Советский Союз считал проправую Национальную коалицию своим врагом и сторонился ее, Кекконен должен был смягчить настроение правительственных коалиций, набрав туда представителей Центральной организации профсоюзов, у которых на руках были членские книжки СДС. Уверенная победа на выборах укрепила позицию президента и относительно Советского Союза, так что теперь он уже не был настолько сильно озабочен неодобрением прихода Национальной коалиции в правительство со стороны советского посольства. Нынче речь уже не шла о правительстве, в котором одновременно присутствовали социал-демократы и члены Национальной коалиции; эксперимент правительства «ночных заморозков» исключил такую возможность. У Кекконена даже нашлись силы назначить в 1964 году буржуазное правительство Йоханнеса Виролайнена (Аграрный союз) без представителей Центральной организации профсоюзов.⁴

Правительственная база из трех крупных партий облегчает внутреннюю и внешнюю политику Кекконена

Победившая в марте 1966 года на выборах в эдускунту СДП стала самой крупной партией, и снова большинство в финском парламенте составили левые. Следующим премьер-министром стал председатель СДП Рафаэль Паасио. В 1963 году он стал председателем партии вместо Таннера. Партия под руководством

⁴ Juhani Suomi. *Kriisien aika: Urho Kekkonen 1956–1962*. Helsinki, 1992; книга того же автора *Presidentti: Urho Kekkonen 1962–1968*. Helsinki, 1994. S. 1–342; Rentola. *Op. cit.* S. 350–502; Allison, *Op. cit.* Jukka Tarkka. *Karhun kainalossa: Suomen kylmä sota 1947–1990*. В обеих книгах части, касающиеся 1956–1966 годов; Antti Kujala. *Neukkujen taskussa?: Kekkonen, suomalaiset puolueet ja Neuvostoliitto 1956–1971*. Helsinki, 2013; КПСС и советско-финляндские отношения 1953–1962: Документы и материалы / Под. ред. Х. Рауткаллио и др. Тампере, 2001. Биографии Кекконена авторства Юхани Суоми относятся к высококлассным историческим исследованиям, которые не должен обходить вниманием ни один ученый, но в некоторых случаях автор защищает и даже приукрашивает деятельность президента. О Кекконене также написано много книг, в которых его правление, напротив, представлено в слишком мрачном свете. Не будем их упоминать. Моя книга основана в том числе на архиве Урхо Кекконена и материалах международного отдела ЦК КПСС (прежде всего на отчетах советского посольства) из РГАНИ.

Паасио стала поддерживать внешнюю политику Кекконена. В 1968 году СДП завязала партийные отношения с КПСС.

Лескинен, которого СССР считал своим главным врагом, на рубеже 1965–1966 годов совершил кардинальный поворот и объявил, что раскаивается в своей прежней политической линии. Кекконен и СССР одобрили его предложение о сотрудничестве при условии, что он поддержит политическую базу из трех партий и переизбрание Кекконена в 1968 году. СДП вряд ли вошла бы в правительство, если бы предварительно не одобрила этих условий. Так Кекконену удалось приручить прежде враждебную СДП. Правительственная база, составленная из членов СДП, Партии центра (новое название Аграрного союза) и Демократического союза народа Финляндии, обеспечила парламентское большинство, что помогло правительству Паасио и заменившему его в 1968 году правительству Мауно Койвисто (СДП) осуществить реформы, превратившие Финляндию в государство высокого благосостояния. С точки зрения Кекконена, было также важно, что правительство трех крупных партий было автоматически одобрено Советским Союзом и для его формирования не требовалось добиваться разрешения СССР, как это делалось ранее. Это усилило независимость Кекконена от советского правительства.

Принимая коммунистов в правительство, Кекконен стремился уменьшить их зависимость от Москвы и одновременно интегрировать их в финское общество. Речь шла не столько об «укротении» коммунистов, а скорее Кекконен искренне надеялся, что они внесут собственный вклад в развитие общества на тех же самых правах, что и другие партии. Подобное отношение было совершенно противоположно той изоляции, в которой коммунисты прежде пребывали. Будучи настоящим политиком, Кекконен уже в 1950-х годах отдал приказ полиции государственной безопасности Супо тщательно следить за коммунистами. Благодаря этому он был в курсе, в том числе, и намерений Советского Союза.

В отношениях с СССР Кекконен стремился как можно лучше приспособлять внешнеполитические и другие инициативы Москвы к финской действительности и находить подходящий момент, когда обе стороны могли прийти к компромиссному решению. Тот факт, что стороны были заранее информированы, исключал возможность появления неприятных сюрпризов. Кекконен избегал всяческих конфронтаций, так как в подобной ситуации Финляндия неизбежно оказывалась слабейшей стороной.

На выборах президента в 1968 году Кекконен был выдвинут кандидатом от СДП, Демократического союза народа Финляндии и Партии центра, что гарантировало ему переизбрание на третий президентский срок 1968–1974. Его соперники от Национальной коалиции и Сельской партии, тем не менее, получили оставшуюся треть выборщиков. Помимо весьма жесткой критики со стороны соперников Кекконена, также раздражало то, что он не ощущал себя президентом всего финского народа. Президент ожидал от финнов совершенно невозможного для западной демократии единодушия.

Начиная с 1968 года, стремление Финляндии к нейтралитету, сторонником которого когда-то выступал Хрущев, перестало поддерживаться Москвой. После введения войск в Чехословакию СССР начал усиливать вмешательство в свою сферу влияния. Финский нейтралитет был опасным примером, которому социалистические государства на востоке Центральной Европы не должны были последовать. Поэтому СССР попытался избежать нейтральных оценок в принятых совместно с Финляндией коммюнике. Во время визита Кекконена в Москву в 1970 году Кремль одобрил коммюнике, касавшуюся стремления Финляндии к нейтралитету, только под угрозой президента уйти с должности. Во время этого визита Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был продлен на 20 лет. Отношения Кекконена с Леонидом Брежневым оставались официальными и холоднотостраненными. Межличностная химия не работала. К тому же генсек считал Финляндию слишком слишком незначительной страной, чтобы «брататься» с ее президентом. Кекконен, однако, подружился с Алексеем Косыгиным, но в 1980 году Брежнев отстранил того от дел.

Весной 1970 года на выборах в эдускунту Национальная коалиция и популистская Сельская партия за счет проигрыша партий правительства заработали дополнительные места в парламенте. Эдускунта стала парламентом буржуазного большинства, но у бывших правительственных партий все же оставалось значительное большинство мест. Кекконен препятствовал тому, чтобы правые партии сформировали правительство меньшинства. Летом, после преодоления некоторых трудностей, на основе трех крупных партий удалось создать правительство, премьер-министром которого стал начавший свою карьеру в качестве ученика Кекконена Ахти Карьялайнен (Партия центра), а пост министра иностранных дел занял Вайно Лескинен (СДП).

В 1966 году Коммунистическая партия Финляндии сменила просталинского председателя, занимавшего пост с 1944 года, на человека, более молодого и настроенного на государственное реформирование. Руководство Коммунистической партии начало стремиться к социализму, следуя мирному пути и уважая результаты выборов. Это создало почву для того, чтобы КПФ и Демократический союз народа Финляндии вступили в выгодное «левое» сотрудничество с СДП, а совместная работа в правительстве с Партией центра также имела доверительный характер.

В КПФ, тем не менее, оставались элементы, придерживавшиеся прежней политики партии и полагавшие, что сотрудничество с «вероломными» социал-демократами и присутствие коммунистов в правительстве мешает подъему общественного движения и отчуждает их от классовой борьбы. Коммунисты находились в оппозиции в течение долгих 18 лет, прежде чем в 1966 году было сформировано правительство Паасио. Их влияние оказалось скромнее, чем можно было бы предположить при наличии пятой, а в лучшем случае (1958–1962) даже четвертой части мест в финляндском парламенте. Общественные движения коммунистов были в своей совокупности весьма слабыми. Теперь, когда у партии появилась возможность добиться целей своих приспешников вместе с другими левыми и Центром, радикальное крыло партии затосковало по «чистой» марксистско-ленинской политике классовой борьбы, то есть по бесплодному пребыванию «за бортом» общества, в левой оппозиции. КПСС настояла на том, чтобы КПФ официально оставалась единой партией, но на практике ратовавшее за реформы большинство и «правоверное» меньшинство были двумя отдельными организациями, которые боролись между собой за право власти. Если бы КПФ развалилась на две части, путь Демократического союза в правительстве Финляндии закончился бы и влияние СССР в Финляндии уменьшилось.

Присутствие коммунистов в правительстве Финляндии было крайне желанным для Советского Союза, так как Москва надеялась, что во Франции или Италии последуют примеру Финляндии. Это способствовало бы распространению интернационального коммунистического движения и посеяло бы семена разлада в западном военном блоке НАТО.

Многие полагали, что третий президентский срок 1968–1974 станет для Кекконена последним. Сам же он хотел уйти на пенсию и часто намекал о возможности покинуть должность. О тайных помыслах Кекконена мы, конечно, можем лишь догадываться,

но совершенно ясно, что он больше не хотел бы пережить те же ощущения, которые испытал во время жестокой предвыборной схватки 1968 года, будучи кандидатом в президенты.

В СССР были сделаны весьма драматические выводы о победе правых на выборах весной 1970 года. Кекконену не удалось создать прочной и долговременной базы правительства трех партий. Финляндии и ее отношениям с СССР угрожали правые (что было чистой воды преувеличением). Ратование Кекконена за сохранение нейтралитета Финляндии и публичное заявление о намерении заключить договор о свободной торговле с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) раздражали Москву. Когда в начале осени 1960 года Кекконену исполнилось 60 лет, Хрущев лично приехал поздравить его. Десятью годами позднее Брежнев отправил с поздравлениями в честь юбилея уже своего представителя, выделявшегося среди других, но занимавшего демонстративно низкую должность. Советские дипломаты перестали уговаривать Кекконена продолжить политическую деятельность в качестве президента. Стоит отметить, что Кекконен чаще всего держал связь с Кремлем через хельсинкского резидента КГБ, а не через посла СССР в Финляндии. У резидента был дипломатический статус в посольстве, но на практике в советском представительстве он зачастую имел больший вес, чем его начальник — официальный посол.

После выборов 1970 года Советский Союз направил в Финляндию в качестве посла Алексея Белякова, который не был профессиональным дипломатом, а происходил из аппарата КПСС. За этим назначением стояли Михаил Сулов и Борис Пономарев, которые, будучи его начальниками, состояли в верхушке того же аппарата. Понятно, что назначение Белякова было одобрено Брежневым.

Одной из своих главных задач Беляков считал объединение КПФ при помощи усиления классово-борьбы и общественных движений. До этого разговоры об укреплении общественных движений в Финляндии скорее оборачивались пустыми словами, чем действиями. Теперь ситуация кардинальным образом изменилась. Советский посол подстрекал коммунистов к забастовочным движениям, то есть призывал действовать против экономической стабилизации, которой правительство страны и Кекконен при его поддержке способствовали. Речи Белякова были полны воинственных точек зрения и революционной романтики, в первую очередь, когда он потягивал напитки из бара в советском посольстве. Все это дошло до ушей Кекконена. Беляков предложил ЦК

КПСС принудить Финляндию к длительному и углубленному экономическому сотрудничеству вместо того, чтобы та заключила договор о свободной торговле с ЕЭС. Отношения в рамках Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи стоило также развивать, а консультационные совещания между странами проводить на постоянной основе. Целью Белякова было постепенно подтолкнуть Финляндию к революционному пути. Отношения между двумя странами сложились бы таким образом, что Финляндия оказалась бы связана с Советским Союзом сильнее, чем до сих пор. Это подготовило бы почву для человека, который в ближайшие годы перенял президентские бразды у Кекконена.

Замыслом Белякова было в то же время сохранить коммунистов в правительстве и задействовать их в борьбе против правительственной экономической политики. Он и его начальники полагали, что вполне возможно убить двух зайцев, к тому же Кекконен был готов уступить. Однако обе эти мысли были ошибочны. Президент нашел способ стабилизации экономического положения, предполагавший, в том числе, и повышение зарплат. Этот вопрос не входил в круг полномочий президента, но ситуация была исключительной. Кекконен также заметил, что местный резидент КГБ Виктор Владимиров не одобрял методов работы Белякова, которые создавали помехи в отношениях с Кекконеном и противоречили интересам СССР. Противостоя Белякову, резидент, конечно, в первую очередь защищал свои личные интересы и интересы КГБ. С помощью резидента Кекконен организовал высылку надоедливого посла обратно в СССР. Дело было улажено таким образом, что советская держава не уронила своего авторитета.

В марте 1971 года дело так затянулось, что коммунистам надо было спешно решить, проголосуют ли они против предлагаемого правительством повышения цен и покинут правительство или согласятся следовать линии власти, выполнения которой неукоснительно требовали состоявшие в правительстве СДП и Партия центра. Беляков уже покинул Финляндию, и советский механизм принятия решений в отношении Финляндии временно простаивал. Правая рука не знала о том, что делает левая. Поэтому принятие решения было возложено на финских коммунистов. Ни советских дипломатов, ни Сулова нельзя было поэтому ставить под удар и возлагать на них ответственность за неудачу попыток сохранить коммунистов в правительстве. Руководство большинства Компартии не было согласно на то, чтобы меньшинство заработало очки в свою пользу, проголосовав в единоличном порядке против повышения цен. Если бы левое меньшинство

придерживалось этой линии, то и большинство проголосовало бы против правительства. Именно этот вариант воплотился в жизнь, и министры из Демократического союза народа Финляндии были вынуждены попросить об отставке. Так намерение Советского Союза удержать коммунистов в правительстве обернулось полным крахом. Правительство Карьялайнена продолжило свою деятельность в обновленном составе уже без коммунистов. Руководство большинства КПФ, рассматривая ситуацию с точки зрения общественного реформирования и сотрудничества с социал-демократами, сочло исход дела большой ошибкой, принесшей огромный вред, на что руководство большинства надеялось указать КПСС и открыть им глаза на то, к чему привела поддержка меньшинства партии финских коммунистов. Большинство Компартии Финляндии не отваживалось выступить против КПСС и выпасть из интернационального коммунистического движения, а также потерять финансовую поддержку со стороны СССР.

После неудачного опыта Белякова Советский Союз вернулся к своей прежней линии и стал влиять на политику Финляндии в союзе с Кекконеном, а не против него. Президент и его внешняя политика значили для Москвы больше, чем КПФ и хлопоты, связанные с постепенной революцией. Так было на протяжении всего президентского правления Кекконена, за исключением эпохи посла Белякова. Кекконена стали вновь уговаривать продолжить политическую деятельность в качестве президента. Часть экономической среды Финляндии, полагавшая, что только Кекконен может воплотить в жизнь чрезвычайно важное для экспорта Финляндии решение о свободной торговле с ЕЭС, оказывала влияние на президента в том же направлении.

Карьялайнен, Лескинен, Койвисто и председатель Партии центра Йоханнес Виролайнен совершенно открыто стремились занять пост президента. Когда Кекконен заметил, что Карьялайнен развернул собственную кампанию летом 1971 года, президент решил, в конце концов, остаться на новый срок. Он считал себя незаменимым и не хотел отказываться от возможности быть «первой скрипкой» в оркестре. При поддержке секретаря СДП Калевы Сорса Кекконен сделал так, что правительство Карьялайнена погрязло в экономических распрях между социал-демократами и Партией центра. Так соревнующиеся кандидаты Карьялайнен и Лескинен потеряли свои выигрышные позиции, которые предполагали занимаемые ими должности премьер-министра и министра иностранных дел. Карьялайнена Кекконен уже никогда больше не назначил премьер-министром, как и Лескинена — ми-

нистром, так как умер тот всего лишь по прошествии полугода после потери должности министра иностранных дел. Начиная с этого времени, вместо Лескинена Кекконен имел в своем распоряжении Сорса, который, как и прежний министр иностранных дел, был полиглотом и имел богатый международный опыт.⁵

Десятилетие застоя 1972–1981

На рубеже 1960–1970-х годов в Западной Германии и, в более широком понимании, в западном мире начали говорить об опасности «финляндизации», которая могла угрожать странам Западной Европы, если они наподобие Финляндии позволят Советскому Союзу ограничить свободу слова и действий и подвергнутся самоцензуре и даже возможной советизации. С помощью термина «финляндизация» в Западной Германии критиковали стремление правительства социал-демократа Вили Брандта нормализовать отношения своей страны и Западной Европы с социалистическими странами. Термин оскорблял финнов, хотя в нем и была доля правды. Руководители финских партий, например, заучили и постоянно повторяли «песню» о доверительных отношениях между Финляндией и СССР и о «благословенности» Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, забывая о том, что для всех окружающих была очевидна односторонность этих отношений, и совсем не критиковали партийную диктатуру или отсутствие человеческих свобод в стране-соседке.

В понятие финляндизации также входила возможность для советского правительства получать любые данные и влиять на принятие политических решений в Финляндии. Западные теоретики финляндизации, тем не менее, недооценивали способность Финляндии осуществлять выгодную для себя политику, несмотря

⁵ Suomi. Presidentti. Часть, касающаяся 1966–1968 годов; тот же автор: Tais-telu puoluettomuudesta: Urho Kekkonen 1968–1972. Helsinki, 1996; Kimmo Rentola. Vallankumouksen aave: Vasemmisto, Beljakov ja Kekkonen 1970. Helsinki, 2005; Ulrich Wagner. Finnlands Kommunisten: Volksfrontexperiment und Parteispaltung 1966–1970. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1971; Allison. Op. cit. и Tarkka. Op. cit. В обеих книгах части, касающиеся 1966–1971 годов; Kujala. Neukkujen taskussa? Меморандум Белякова «Финляндия и “общий рынок”» 29.10.1970: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 602. Л. 151–196. Об окончании пребывания КПФ и Демократического союза в правительстве также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 598. Л. 245–247; Ф. 89. Оп. 37. Д. 20. Л. 1–2; РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 269. Д. 1/1. Л. 153–161 и Д. 17/2. Л. 121.

на давление со стороны Советского Союза. С другой стороны, довольно большая часть финской политической, экономической и научной элиты бывала в длительных поездках в США, связанных с грантами или осуществляемых в связи с официальным приглашением. Из 13 министров, заседавших в правительстве при Карьялайнене в 1970–1971 годах, шестеро были бывшими стипендиатами АСЛА (американская стипендия, выдаваемая финским ученым). В области популярной культуры Финляндия полностью находилась под влиянием Соединенных Штатов и Великобритании. Страна подвергалась влиянию не только со стороны Советского Союза, но и с Запада.

Правление Кекконена достигло своего апогея в 1970-х годах. Властью в кабинете министров пользовались либо правительства меньшинства одной партии (СДП или Партии центра), либо крупные коалиции, стержнем которых были две упомянутые партии. Демократический союз народа Финляндии то и дело попадал в правительство. Кекконен в своевольной манере выбирал министров и низвергал их с «пьедестала». Он особенно заботился о том, чтобы Карьялайнен, которого считали его соперником, не занял слишком заметного положения. И все-таки нестабильность внутренней политики Финляндии происходила прежде всего из-за самих партий.

Весной 1972 года Кекконен объявил о том, что согласен стать президентом еще на четыре года. Партиям было поручено сделать так, чтобы замысел этот осуществился. Кекконен не хотел становиться кандидатом на обычных президентских выборах. Договор о свободной торговле между Финляндией и ЕЭС был просто необходим для финского экспорта, чтобы из-за более высоких таможенных пошлин Финляндия не оказалась в менее выгодном положении по сравнению со своими конкурентами. Переговоры об упомянутом соглашении были окончены летом 1972 года, но из-за сопротивления СССР его подписание было отложено. Кекконен организовал сложную внутренне- и внешнеполитическую операцию, которая привела к тому, что в октябре 1973 года Финляндия смогла со своей стороны подписать договор с ЕЭС, и он наконец вступил в силу. В январе 1973 года эдускунта приняла чрезвычайный закон, благодаря которому срок правления Кекконена был продлен на четыре года, начиная с 1974 года. И снова Кекконену удалось умело совместить собственную выгоду с общенациональными интересами. Он гарантировал Кремлю, что внешнеполитическая линия Финляндии, несмотря на договор с ЕЭС, останется прежней. Обращение

к чрезвычайному законодательству вызвало в политической жизни Финляндии серьезные разногласия.

Летом 1975 года в Хельсинки было организовано Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, позднее Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ. — *Прим. переводчика*). Это был один из кульминационных моментов в карьере Кекконена. СБСЕ должно было подтвердить позицию нейтралитета Финляндии, но связанный в прошлом с КГБ (резидент в Хельсинки, 1964–1970) советский посол Владимир Степанов после совещания развернул кампанию против финляндского нейтралитета. Поэтому вплоть до 1978 года Кекконен не позволял никому, кроме самого себя, использовать это слово в речи, да и из его уст его можно было услышать довольно редко. Угрожая сложить с себя президентские полномочия, Кекконен все-таки убедил Советский Союз признать нейтралитет Финляндии в коммюнике о визите в Москву 1977 года.

Степанов хвастался перед назначенным в 1977 году министром иностранных дел Пааво Вяюрюненем (Партия центра): «Я посол огромной страны, а ты всего лишь министр иностранных дел в стране крохотной». Из-за нескольких случаев шпионажа, раскрытых финнами, Степанов, согласно дневниковым записям Кекконена, вел себя агрессивно и угрожал политическими последствиями. «Степанов был ужасно груб. Неприятный разговор. Может привести к тому, что не буду выставлять свою кандидатуру в 1978». Из дневника становится заметно, что поведение советского посла сбилось 76-летнего старика с толку.

Кекконен состарился и физически, и душевно, хотя на публике притворялся совсем другим человеком. Он давал понять, что моложе своего истинного возраста на несколько десятков лет. Подобное поведение было трудно истолковать неверно. В 1975 году СДП под руководством Сорса взяла бразды правления в свои руки и попросила Кекконена стать кандидатом на выборах президента 1978 года. Так СДП отвергла стремление Ахти Карьялайнена стать президентом на следующих выборах. Кекконен также выставил свою кандидатуру от Партии центра, Национальной коалиции и Демократического союза народа Финляндии и буквально разгромил своих ничтожных соперников с первой попытки. Подобное единодушие никоим образом нельзя было назвать торжеством демократии. Так можно сказать, несмотря на то что Кекконен и его внешняя политика пользовались широкой популярностью в то время. Стоит упомянуть, что Национальная коалиция с подачи председателя Харри Холкери завязала гораздо более теплые

отношения с Кекконеном и представителями СССР в Хельсинки. Коалиция также поддерживала внешнюю политику Кекконена.

В 1976–1977 годах Степанов выражал свое недовольство Кеййо Корхоненом (Партия центра) в качестве министра иностранных дел так, чтобы при следующей смене правительства президент не осмелился снова назначить его на высокую должность. Неудовлетворенность посла деятельностью Корхонена была следствием того, что он был чиновником из Министерства иностранных дел и являлся передовым защитником международного нейтралитета Финляндии. По мнению СССР, разговорами о нейтралитете пытались уничтожить Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и его военные статьи, которые Советский Союз приравнивал к военно-политическому союзу.

Летом 1978 года министр обороны СССР Дмитрий Устинов приехал с визитом в Финляндию и предложил Кекконену и военному руководству страны провести совместные учения для вооруженных сил двух государств. Это вплотную подвело бы Финляндию к Организации Варшавского договора или даже ввело бы страну в ее члены, и все речи о финляндском нейтралитете пришлось бы тут же прекратить. Кекконен сделал вид, что не услышал предложения Устинова. Он лишь дал понять, что такой путь ему совершенно не подходит. Немного позднее, уже после того как Устинов вернулся из Финляндии «несолоно хлебавши», ситуация оказалась близка к тому, чтобы Кекконен не ухватился за его предложение. Позжилый президент терял последнюю способность сопротивляться. Хотя предложение имело более широкую общеполитическую базу, действительным инициатором этой идеи был советский посол Степанов, который хотел благодаря своей инициативности добиться личной выгоды. Позднее выяснилось, что не только Министерство иностранных дел СССР не поддерживало предложения Устинова, но и все в Кремле не одобряли этого начинания.

На выборах в эдускунту весной 1979 года Национальная коалиция добилась 12 дополнительных мест и стала второй после СДП крупнейшей партией парламента. После выборов было, тем не менее, сформировано правительство Партии центра, СДП и Демократического союза народа Финляндии, премьер-министром которого стал Мауно Койвисто (СДП). Председатель эдускунты Йоханнес Виролайнен заявил в интервью, что «общие причины» (то есть сопротивление СССР) препятствовали тому, чтобы Национальная коалиция вошла в состав правительства. Кекконен пришел в безудержную ярость от этого заявления, которое, по его мнению, поставило под сомнение целесообразность

финляндской внешней политики, хотя Виролайнен лишь озвучил то, как на самом деле обстояли дела. Неприглядной истины стоило избегать. Правда, стоит сказать, сопротивление остальных крупных партий также отбросило Коалицию в оппозиционный лагерь весной 1979 года. Неловкое высказывание стоило Виролайнену места председателя Партии центра. На эту должность партийный съезд избрал фаворита Кекконена, Пааво Вяюрюнена. Победа Национальной коалиции на выборах еще больше ослабила позицию Степанова в глазах его руководителей, по какой причине он и был отозван из Финляндии.

Когда Кекконен приезжал в Москву с последним визитом в конце 1980 года, встреча с Брежневым оказалась для него менее удачной, чем для советского генсека, душевное состояние которого, как правило, было менее устойчивым по сравнению с настроениями финского президента. Присутствовавший в делегации Кекконена Карьялайнен, напротив, вовсе налегал на спиртные напитки во время застолья, как, впрочем, и всегда.

Состояние здоровья Кекконена ухудшилось в первой половине 1981 года и следующим летом. Руководство Партии центра, поддерживавшее Кекконена, и прежде всего министр иностранных дел Вяюрюнен пытались любыми средствами сместить Койвисто с должности премьер-министра и назначить на его место собственного кандидата в президенты Ахти Карьялайнена, так как круг приближенных Кекконена понимал, что президент скорее всего не сможет выполнять президентских обязанностей до конца своего срока, то есть до 1984 года. Калеви Сорса из СДП, лелеявший надежду на собственное президентство, также относился критически к Койвисто в качестве премьер-министра. Койвисто в свою очередь пытался сохранить правительство в целостности и уничтожить препятствия, возникшие на его пути. Он явственно видел себя кандидатом в президенты, который помимо всего прочего пользовался большой популярностью среди народа.

В сентябре 1981 года Кекконен из-за развившегося в результате артериосклероза слабоумия был отправлен на больничный, а затем в октябре и вовсе вынужден был попросить об отставке от должности. Резидент КГБ Виктор Владимиров со скрипом продвигал Карьялайнена на должность президента Финляндии. К тому же некоторые представители экономической сферы, в особенности так называемые красные горные советники (горный советник — высокое почетное звание, присваиваемое президентом Финляндии выдающимся промышленным и торговым деятелям. — *Прим. переводчика*), хотели видеть Карьялайнена президентом, чтобы при

его поддержке получать выгодные заказы от Советского Союза. Не имело никакого значения то, что Карьялайнен в 1981 году был уже глубоко спившимся человеком, хотя и был временно приведен в трезвое состояние благодаря осуществленному в Швейцарии курсу лечения. Его избрание было для Финляндии достаточно рискованным. Несмотря на всевозможную внутреннюю и внешнюю поддержку, Карьялайнен не был избран даже кандидатом в президенты от Партии центра, а вместо него большинство голосов на партийном съезде собрал Йоханнес Виролайнен. В 1981 году большинство финнов считали, что пора было избавиться от застойности эпохи Кекконена и сопутствующих его длительному правлению явлений, таких как, например, образовавшегося с согласия президента или без его участия чванливого «двора». Ситуация изменилась, и теперь вместо Карьялайнена, продвигаемого по линии «К», популярностью пользовался Виролайнен, которого Кекконен критиковал, хотя наибольшую благосклонность публика проявляла к кампании Койвисто.

Койвисто завоевал на голосовании выборщиков 145 голосов, то есть ему не хватило всего 6 голосов до 151 — до того минимума, который был необходим для формирования большинства выборщиков. Таким образом, он выиграл выборы у более слабых соперников Виролайнена и Харри Холкери из Национальной коалиции. В решающем голосовании выборщиков коммунистическое большинство отдало свои голоса за Койвисто, и он достиг необходимого для избрания большинства.⁶ До 1982 года в Финляндии никогда не было пролевого государственного правителя. Следующий президент не из социал-демократов, нынешний глава республики Саули Ниинистё из Национальной коалиции, был избран на пост в начале 2012 года. До него на должности президента успели побывать Мартти Ахтисаари (1994–2000) и Тарья Халонен (2000–2012).

С начала президентства Мауно Койвисто до развала СССР, 1982–1991

⁶ Juhani Suomi. Liennytyksen akanvirrassa: Urho Kekkonen 1972–1976. Helsinki, 1998 и книга того же автора *Umpetuva latu: Urho Kekkonen 1976–1981*. Helsinki, 2000; Allison. Op. cit. и Tarkka. Op. cit. Из обеих книг части, касающиеся 1972–1981 годов; Martti Häikiö. *Presidentin valinta*. Porvoo — Helsinki — Juva, 1993. Беседа Кекконена со Степановым: Urho Kekkonen päiväkirjat. toim. J. Suomi. 4. 1975–1981. Helsinki, 2004. S. 159 (4.11.1976).

Вступив на должность, Койвисто объявил, что будет продолжать ту линию внешней политики, которую осуществлял его предшественник. Внутренними государственными делами Койвисто, как это делал Кекконен, управлять не пытался. Он хотел уйти от «перегибов» в поведении Кекконена и соблюдать принципы парламентаризма. Отчасти его поведение было продиктовано особенностями его характера. Койвисто не был таким же страстным и неутомимым политиком, какими были Кекконен или Лескинен, чья энергия никогда не иссякала. У Койвисто не было своего «двора». «Придворные» Кекконена пользовались своей властью, утверждая при этом, что знают о мыслях президента или Советского Союза по тому или иному поводу. В начале президентского правления Койвисто премьер-министром был председатель СДП Калеви Сорса, и управление внутренними политическими делами долгое время находилось в его руках. Когда Койвисто стал президентом, костяк правительства составляли СДП и Партия центра.

Койвисто не разгонял эдускунту раньше времени и не организовывал новые выборы сообразно сиюминутной политической необходимости, как это неоднократно делал Кекконен. Финляндские кабинеты министров, начиная с президентства Койвисто, в основном занимали свои посты в течение времени между выборами в эдускунту, которые осуществлялись с интервалом в четыре года.

На выборах в эдускунту 1979 и 1983 году Демократический союз народа Финляндии потерял значительную часть депутатских мест. Разногласия в КПФ и искусственно поддерживаемое партийное единство, а также движение Солидарности в Польше и вторжение в Афганистан сократили очки Демократического союза народа Финляндии в глазах народа. С начала 1980-х годов и до настоящего времени тремя крупнейшими партиями эдускунты являются СДП, Национальная коалиция и Партия центра, но никак не крайние левые. На выборах 2011 года четвертой крупнейшей партией, тем не менее, стала популистская партия Истинных финнов.

Внутренние противоречия в КПФ продолжали беспокоить крайних левых и в конце 1982 года вынудили министров от Демократического союза народа Финляндии уйти с постов. Их место заняли социал-демократы, а правительство Сорса просуществовало до парламентских выборов, состоявшихся следующей весной. Коммунистическая партия продала некоторую недвижимость в центре Хельсинки и дом на том же земельном участке. После прибыльной сделки с недвижимостью более

многочисленному крылу Компартии Финляндии уже не нужно было прислушиваться к советам КПСС, которым раньше следовали из страха лишиться поддержки. Веря в свои силы, крыло большинства КПФ на партийном съезде в 1984 году исключило из состава руководящий орган меньшинства. Большинство устало от «братских» советов КПСС и от того, что меньшинство тормозило партию, и захотело беспрепятственно осуществлять ту политику общественного реформирования, которую меньшинство считало изменой. Коммунистическое и народно-демократическое движение закономерно разделилось надвое. Большинство КПФ начало делать вложения и до конца десятилетия потеряло все вложенные деньги. В 1992 году партия достигла банкротства. В 1990 году на руинах старой радикальной партии был основан Левый союз.

После выборов в эдускунту 1983 года СДП призвала в правительство вместо Демократического союза народа Финляндии популистскую Сельскую партию, бывшую предшественницей Истинных финнов. Во времена правления Кекконена Сельская партия никогда не входила в правительство, так как ее председатель и Кекконен были непримиримыми врагами. Отсутствие альтернативной правительственной базы в течение двадцати лет удерживало социал-демократов и Партию центра в одной «упряжке», что постоянно рождало новые причины для спора. Обе партии стремились установить свою гегемонию. К тому же председатели партий Сорса и Вяюрюнен с трудом терпели друг друга. Из-за событий 1981 года отношения между президентом и министром иностранных дел Вяюрюненом также накалились. Так по мере приближения парламентских выборов весной 1987 года исчезли всякие предпосылки к сохранению старой правительственной базы. Вяюрюнен вместе с председателями Национальной коалиции и Шведской народной партии заключили тайный договор, в соответствии с которым необходимо было создать правительство большинства во главе с Партией центра, а на деле — буржуазное правительство. Если какая-либо из договорившихся сторон не вошла бы в новое правительство, две другие партии также брали на себя обязательство оставаться за пределами кабинета министров. Ради видимости путь в правительство был также открыт для СДП, но было ясно, что в государственный совет, задуманный Вяюрюненом, социал-демократы не хотели войти. Премьер-министром, конечно, должен был стать сам Вяюрюнен. Многочисленная группа промышленных директоров взяла на се-

бя обязательство щедро финансировать предвыборную кампанию договорившихся партий.

Заключившие между собой тайный договор партии действительно победили на парламентских выборах, но в их рядах, несмотря на договор, царил хаос, особенно среди членов Национальной коалиции. Вяюрюнен все продумал заранее, но позабыл о больших властных полномочиях, связанных с назначением правительства и находившихся тогда в руках президента. Вяюрюнен представлял, что станет премьер-министром и таким образом на президентских выборах в начале следующего года сможет противодействовать Койвисто. Подобное намерение было далеко от реального положения дел во внутренней политике, но Койвисто, естественно, не мог согласиться с тем, чтобы по тайному сговору, в который партии вошли еще до народного голосования, была определена правительственная база, а он сам был исключен из переговоров о формировании кабинета министров. Президент сформировал правительство на основе СДП и Национальной коалиции (а также Шведской народной партии и Сельской партии), а премьер-министром назначил бывшего председателя Национальной коалиции Харри Холкери. Властные методы Койвисто мало чем отличались от жестких методов Кекконена.

Койвисто отправил через канал КГБ в посольстве, доставшийся ему по наследству от Кекконена, информацию о своих намерениях в Москву. Представители СССР еще до выборов выражали свою благосклонность в адрес Национальной коалиции, так что новость от Койвисто не могла вызвать особого переполоха в Кремле. Во времена правления Кекконена подобная правительственная база, основываясь на опыте правительства «ночных заморозков», вызывала неодобрение в Москве, так же как и сама Национальная коалиция, но времена изменились. Советский Союз возглавлял Михаил Горбачев.

Победа Койвисто на президентских выборах 1988 года была почти такой же головокружительной, как шестью годами ранее. Недостающие голоса поступили от Национальной коалиции, большинство выборщиков от которой проголосовали именно за Койвисто. Было ясно, что между формированием правительства Холкери и президентскими выборами существовала некая связь. Отвергнув кандидатуру Вяюрюнена в качестве премьер-министра, Койвисто обеспечил себе переизбрание в качестве президента.

В правительстве Холкери СДП играла определяющую роль в растратах, осуществленных Национальной коалиции. Представители экономической сферы порицали правительство, в осо-

бенности премьер-министра Холкери, в том числе и за способ, которым осуществлялось реформирование трудовой жизни. Действительно, Национальная коалиция заигрывала с прослойкой наемных работников (в их среде было намного больше избирателей, чем среди руководства предприятий). Тем не менее было ясно, что критика во многом была вызвана провалившимся планом создания буржуазного правительства.

Койвисто в качестве президента крепко держался за свои внешнеполитические полномочия. По сравнению с Кекконеном его внешняя политика была менее активной. Забота об отношениях с Советским Союзом продолжала носить обязательный характер. Финляндия все еще осторожничала в тех случаях, когда ей приходилось принимать ту или иную позицию в вопросах, затрагивавших внешнеполитические или военно-политические интересы СССР. Койвисто не обладал таким же большим, способным заглушить критические возгласы авторитетом, каким обладал его предшественник, и в его взаимодействии с прессой и учеными наблюдались серьезные помехи.

В 1983 году Финляндия и СССР продлили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи на 20 лет. Сорса активно участвовал в Социалистическом Интернационале, созданном западными социал-демократическими партиями, и его проектах по разоружению. Так он завязал хорошие отношения с советским руководством. Было очевидно, что Сорса метил в президенты после Койвисто. В 1985 году Финляндия стала полноправным членом ЕАСТ. Койвисто сообщил об этом намерении в Москву заранее. Никаких комментариев, однако, не поступило, так как генеральный секретарь КПСС Константин Черненко был тогда смертельно болен.

В конце 1980-х годов Койвисто считал устремления балтийских стран к суверенитету нереалистичными и не поддерживал их. Он опасался, что они создадут проблемы как в отношениях между Востоком и Западом, так и в положении Финляндии. Финляндия не могла дать Прибалтике обещаний, которых не смогла бы выполнить. Койвисто поддерживал перестройку Горбачева. В конце 1989 года вера Койвисто в успех перестройки начала расшатываться, когда в Советском Союзе был обнародован отчет о реальном экономическом положении в стране. Распад СССР он, однако, не мог предсказать, так же как и никто другой на Западе. Койвисто состоял в переписке с Джорджем Бушем-старшим и подначивал его поддержать Горбачева в тогдашнем нестабильном положении и неудачном развитии перестройки.

В 1990 году Койвисто в одностороннем порядке аннулировал предусмотренные мирным договором 1947 года предписания, которые касались ограничения вооруженных сил Финляндии и перевооружения Германии. Согласно официальному заявлению президента, ссылка в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи на роль Германии как главного агрессора потеряла всякую актуальность. Объединение Германии и новые международные обязательства продемонстрировали, что подобное представление устарело. Аннулированные части мирного договора ограничивали полномочное положение Финляндии как члена ООН и страны-участницы ОБСЕ. Финляндия не провела предварительных совещаний о своем решении со странами-союзниками, но заранее проинформировала о нем Советский Союз и Великобританию. Так военные статьи Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также консультативные совещания с СССР, создававшие угрозу для Финляндии, и совместные оборонные обязанности канули в Лету. После распада СССР в 1991 году то же самое произошло и с самим Договором.

Находясь в 1989 году с визитом в Хельсинки, Горбачев безоговорочно признал нейтралитет Финляндии, но пока держался за Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Президент России Борис Ельцин пошел еще дальше: в 1992 году он заявил, что Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был абсолютно несправедливым по отношению к Финляндии и попросил прощения за вмешательство СССР в политику Финляндии.

В 1988–1989 годах в экономике Финляндии наблюдалась высокая конъюнктура. Некоторые даже хвастливо заявляли, что финны повелевают всей Европой. В следующем году высокая конъюнктура ухудшилась. Цены на акции и недвижимость в господствовавшей тогда экономике «казино» рухнули. В 1991 году их снижение и высокий уровень реальных рент (процентов) привели страну в состояние кризиса. Одновременное ослабление советской экономики только усилило этот процесс. Экспорт на Запад также не пользовался успехом, так как президент Койвисто (бывший долговременный генеральный директор Банка Финляндии) и правительство завышали стоимость финской марки относительно других валют.

На организованных в марте 1991 года выборах СДП и Национальная коалиция проиграла, а Партия центра поднялась с третьего места на первое, сместив с него бывшую крупнейшую партию социал-демократов. Койвисто назначил государственное

буржуазное правительство под руководством председателя Партии центра Эско Ахо. Таким образом, подобная правительственная база была принята в оборот впервые после 1964–1966 годов. Койвисто нашел общий язык с премьер-министром Ахо, поэтому активно поддерживал правительство. Неприязнь по отношению к министру иностранных дел Вяюрюнену еще больше сблизила президента и премьер-министра.

В ноябре 1991 года не оставалось другого выхода, кроме как позволить марке расшататься и осуществить девальвацию.⁷ Бывшая властительницей Европы Финляндия стала «банановой державой». Значительное снижение стоимости марки и подъем электронной промышленности (Nokia) постепенно вытаскивали Финляндию из экономического кризиса.

Историю отношений между Финляндией и Россией с 1992 года и по настоящее время описывать еще слишком рано.

Многие в Финляндии считали послевоенные десятилетия, в особенности конец 1940-х и 1970-е, «годами угрозы», но можно с полным основанием сомневаться в том, являлись ли они в конце концов таковыми. В качестве обобщающего вывода можно сказать, что несмотря на заметное давление, которое периодически происходило, послевоенная система отношений с Финляндией выглядела для Советского Союза вполне приемлемой, и он не стремился всерьез изменить ее, опасаясь неблагоприятных военно-политических перемен в Скандинавских странах. В 1991 году в Финляндии царил те же экономическое (капиталистическое) устройство и парламентская демократия, что и сразу по окончании войны. Негативные влияния проявились скорее в виде ограниченной свободы слова и «задавленной» парламентской демократии, а также поставили под удар чувство национального самосознания. Несмотря на все это, также совершенно ясно, что западные теоретики финляндизации недооценили способность финских политиков защищать интересы своего государства.

Перевод с финского Елены Вешняковой

⁷ Lauri Haataja. Suomen historia: Koiviston aika. Vantaa, 1992; Allison. Op. cit. и Tarkka. Op. cit. В обеих книгах части, касающиеся эпохи правления Койвисто; трилогия о Койвисто Juhani Suomi: Pysähtyneisyyden vuodet: Mauno Koiviston aika 1981–1984, Epävarmuuden vuodet: Mauno Koiviston aika 1984–1986 и Kohti sinipunaa: Mauno Koiviston aika 1986–1987. Helsinki, 2005, 2006, 2008. К сожалению, трилогия Юхани Суоми в некоторой степени пристрастна. Он упрекает Койвисто за то, что тот считает Кекконена спасителем Отечества или рассматривает его действия как правильные.

МАРККУ КУИСМА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ (1700–2000 гг.)

Из Стокгольма в Петербург

Изменения в геополитической расстановке сил в регионе Балтийского моря всегда очень сильно отражались на экономике Финляндии. Основание Санкт-Петербурга стало одним из наиболее важных изменений, поворотным моментом в истории Финляндии на много лет вперед.

Возведение Петербурга ознаменовало собой крушение великодержавия Швеции и свидетельствовало о расширении России в сторону Запада. В свою очередь, оба данных направления в развитии страны изменили сеть государственных взаимоотношений на всей территории Балтийского моря и способствовали экономической интеграции.

С финской точки зрения, новая геополитическая расстановка сил начала 1700-х годов означала снижение статуса Стокгольма и укрепление на его месте Санкт-Петербурга как ведущей власти, культурной и экономической метрополии. Процесс изменений происходил, в целом, медленно, но включал и явления, имевшие быстрый эффект. Например, бесспорным следствием новой геополитической ситуации стал кризис рынка смол на территории Восточной Финляндии, входившей в состав Швеции, после того как Выборг, единственный природный экспортный порт смол, присоединили к России по Ништадскому мирному договору (1721 год).

Смоляной кризис на территории Восточной Финляндии является хорошим примером, отражающим более широкие изменения, происходившие с международной торговлей, а также с рыночными отношениями. Ведущие морские державы, Британия и Нидерланды, способствовали рождению новых производственных центров в России и в Северной Америке, ослабив рыночные позиции финско-шведской смолы в Европе. Цены на смолы упали, когда новые российские и американские производители вторглись на западноевропейские рынки.

Соответственно, Швеция потеряла свои рыночные позиции, а шведская Восточная Финляндия полностью вышла из игры.¹

Похожим путем в 1700-годах двигалось и развитие металлургической промышленности. Шведская (и частично финская) металлургическая промышленность была вынуждена уступить свои позиции в связи с прорывом российского производства, который Британия и Голландия лоббировали из соображений конкуренции. К тому же Россия и Швеция конкурировали по вопросам экспорта лесо- и пиломатериалов, который в 1700-годах стал основным бизнесом торговцев-судовладельцев из прибрежных городов Финского залива.

Снижение торгового оборота между Россией и Швецией (включая Финляндию), который в 1700-х годах составил всего несколько процентов от общего объема внешней торговли обеих стран, — удивительное явление ввиду их географической близости. Тем не менее объяснение ситуации лежит на поверхности и вытекает из уже описанных положений, связанных с конкуренцией. Швеция (Финляндия) не нуждалась в железе своего главного соперника, России, так же как не нуждалась в ее смоле и лесоматериалах. Россия, стремившаяся стать крупным международным производителем тех же самых товаров, не испытывала

¹ S.-E. Åström. From Tar to Timber. Studies in Northeast European Forest Exploitation and Foreign Trade 1660–1860 / Societas scientiarum Fennica. Helsinki, 1988. P. 12–20, 42–43, 111–116; Y. Kaukiainen. Foreign Trade and Transport // The Road to Prosperity. An Economic History of Finland (Ed. J. Ojala & J. Eloranta & J. Jalava) / SKS Finnish Literature Society. Helsinki, 2006. P. 127–138; D. Kirby. Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772. Longman, London — New York, 1990. P. 318–320, 358–369; M. Kuisma. Green Gold and Capitalism: Finland, Forests and the World Economy // Historical Journal / Historiallinen Aikakauskirja 1997:2. P. 144–152; M. Kuisma. Metsäteollisuuden maa: Suomi, metsät ja kansainvälinen järjestelmä 1620–1920 / SKS Finnish Literature Society. Helsinki, 2006. S. 44–46, 145–184.

необходимости в шведском железе или в шведско-финской смоле, экспорт которой составлял практически 80 % от общего объема всего экспорта с финских территорий Швеции.

Отделение от Швеции Прибалтийских территорий в 1721 году расширило в определенном смысле торговлю с Россией, потому что в неурожайные годы надежды на старые зернохранилища превратились в шведско-финском представлении в надежды на внешнюю торговлю. Непрерывный интерес представляла также пенька и некоторые другие необходимые для судостроения материалы, которые поставляла Россия и в которых нуждалась Швеция. Но в целом торговля между странами-соседями оставалась на незначительном уровне.²

Данную общую картину не изменила даже относительно активная финско-российская пограничная торговля, которая на самом деле представляла собой по большей части торговый обмен между финнами, оказавшимися по разные стороны новых границ. Среди занятых в сельском хозяйстве жителей мало населенных территорий Восточной Финляндии взаимодействие со странствующими торговцами, приграничная торговля и контрабанда, на самом деле, не были такими частыми явлениями, как это могло казаться ввиду периодического политического внимания. Во второй половине 1700-х годов в оживленной приграничной торговле начали просматриваться признаки финского сепаратизма: стремление выйти из-под патронажа Стокгольма, в связи с постоянно возникавшими сомнениями в способности шведов защитить Финляндию.

Сомнения и предрасположенность к сепаратизму принесли России победы в войнах и укрепили положение Санкт-Петербурга. Казалось, что метрополия с 250 000 жителей провоцирует в Финляндии миграцию и оживление торговых отношений таким образом, что вся Восточная Финляндия, игнорируя государственные границы и политику Швеции, поворачивалась «лицом» в сторону Петербурга.

«Санкт-Петербург притянет Финляндию к себе. Мне не придется это увидеть, но, вероятно, придется вам, молодым», — писал в конце 1700-х годов профессор Академии Турку (Або) Хенрик Габриель Портан своему другу. Опасения Портана оправдались, и в качестве побочного результата войны с Наполеоном Россия присоединила завоеванные в Финской войне

² A. Kan. Sverige och Ryssland. Ett 1200-årigt förhållande. Almqvist & Wiksell, Stockholm, 1996. S. 152–159.

(1808–1809) земли, как Великое княжество Финляндское к Российской империи.

Новообразованное Великое княжество Финляндское в первые десятилетия своего существования прошло через глубокий адаптационный кризис. Одной из причин экономического кризиса стал перелом в государственном устройстве. Соединив свои морские пути через Ладогу и Финский залив с Петербургом, Восточная Финляндия укрепила свое положение. Западная Финляндия, напротив, оказавшись в удалении от нового центра власти, страдала от переустройства, несмотря на то, что российско-шведское мирное соглашение специально предусматривало защиту Финляндии посредством сохранения тесных коммерческих взаимоотношений со Швецией в течение нескольких десятилетий переходного периода.

В основных сферах деятельности сельского хозяйства возник длительный структурный кризис. Государственные изменения принесли вместе с собой в Финляндию более выгодное с точки зрения цены российское зерно, с которым отечественное финское зерновое производство, осуществлявшееся в скудных условиях северной природы, было не в состоянии конкурировать. Сельскохозяйственный кризис означал для аграрной страны возникновение также и социального кризиса, усугубившегося в связи с зашедшим в Восточной Финляндии в тупик подсечным земледелием из-за сокращения лесных площадей, пригодных для подсечно-огневой системы. В свою очередь, коммерческая и промышленная сферы, а также маленькие города, не были способны предложить пути решения для покинувших сельскохозяйственную область и оставшихся без работы групп людей.

Слабеющая общемировая конъюнктура омрачила адаптационный кризис и структурный кризис начала 1800-х годов. Стратегия Наполеона, направленная на изоляцию британского материка, была реализована за счет вторжения российских военных сил в Финляндию и Швецию и заблокировала ранее активный экспорт финских пиломатериалов и смол на Запад. Когда в 1812 году Россия изменила позицию в великой европейской войне, то связи между Финляндией и Великобританией были восстановлены, но они не возродили экспорт. Лондон резко повысил таможенные пошлины на ввоз древесины для того, чтобы улучшить положение Канады, находившейся в составе империи, и обезопасить себя от торговой блокады, в том числе и в будущем.

Более того, Наполеоновские войны стали причиной общего европейского экономического спада, который уменьшил международный

спрос на основные продукты финского экспорта. Несколько периодов подъема в 1820-х и в 1830-х годах продлились недолго и не привнесли стабильного улучшения в ситуацию. За кратким периодом оживления последовал резкий спад, перешедший в затяжной этап.

Перемены государственного характера внесли дополнительные затруднения в систему торгового судоходства. Ходившие под шведским флагом финские торговые суда экспортировали шпатель и смолы вплоть до Средиземного моря, но и этот рынок оказался закрыт из-за систематического пиратства варварских государств Северной Африки. По этой причине Средиземное море пришлось снять со счетов до того момента, Франция в 1830-х годах не провела операции по установлению мирной ситуации.

Общее влияние указанных факторов практически закрыло для Финляндии западные моря и рынки. Смещение государственного центра с Запада на Восток одновременно с уже перечисленными аспектами еще больше ослабило торговые связи с Западной Европой. Данное положение, правда, не означало также и того, что Россия автоматически становилась важнейшим торговым партнером Финляндии, своей новой метрополии. В связи с потерей ресурсов Средиземного, Атлантического и Северного морей приходилось довольствоваться Балтийским морем, а ослабление торговли с Западной Европой было частично компенсировано бывшей метрополией Швецией, в столицу которой Западная Финляндия по-прежнему доставляла сельскохозяйственную продукцию, бревна, доски и смолы. Железодельательная промышленность на юго-западе Финляндии также продолжила свое взаимодействие со Швецией, будучи зависимой от поставок сырья.

Политическая цена торговой зависимости от Швеции заключалась для Финляндии в ее постоянном колебании между двумя метрополиями, Стокгольмом и Петербургом, в качестве буферной зоны вплоть до 1840-х годов. Очевидно, что регион не мог постоянно находиться в данном положении. Сразу, как только сложились благоприятные условия, Петербург и Сенат, локальное финское правительство, принялись разрывать экономические связи Финляндии со Швецией. Импорт шведского железа в Финляндию был сокращен, и постепенное возведение таможенных границ в 1820–1830-х годах, согласно русско-финско-шведскому торговому соглашению, завершилось в 1840-х годах занятием Швецией особого положения на внешнем рынке Финляндии.

Второй этап политики разграничения вышел за границы России. Великое княжество Финляндское образовало собственную таможенную территорию, которая действовала также

и по отношению к России. Но торговые отношения между Россией и Финляндией облегчались снижением таможенных пошлин и договоренностями о квотах на беспошлинный ввоз и вывоз товаров. Более того, финским торговым судам в 1831 году был присужден статус, уравнивающий их с российскими судами, который действовал во всех портах Российской империи, в том числе и на Черном море. Российская доля участия во внешнем рынке Финляндии выросла в середине столетия на 40–50 %, в разные времена неурожая и роста она достигала даже 60 %. С российской точки зрения, Финляндия занимала существенное положение только по отношению к Санкт-Петербургу, который пользовался продукцией продовольственного экспорта, а также топливной древесиной.

Петербург и другие регионы России также начали привлекать на свои рынки новую текстильную промышленность и продукцию машиностроительной промышленности, которая начала активно развиваться в Великом княжестве Финляндском с 1840–1850-х годов. Затрагивая вопрос экономической интеграции, принято говорить, что во многих случаях новая промышленность зарождалась силами переселившихся из Петербурга или из других регионов России предпринимателей. На самом деле участие иностранных предпринимателей, большинство которых прибыли из стран Скандинавии, Германии и России, в финской промышленности составило лишь чуть более одной десятой части.³

Третья по счету политическая попытка отдалить Швецию от Финляндии была направлена на западные рынки. После ошутимого политического ослабления связей со Стокгольмом, финны были вынуждены укрепить старинные морские торговые пути через Атлантический океан и Средиземное море, обходящие берега Швеции. Данная, подходящая Петербургу, стратегия, также преследовала две других важных цели: оживление страдающей от спада финской экономики и укрепление торгово-экономической роли Финляндии как части России. Большие надежды возлагались, например, на способность финнов как нации, исконно связанной с мореплаванием, пошатнуть ведущие позиции Британии на российском рынке торговых перевозок.

Концепция финско-российского судоходства в той форме, в какой она изначально задумывалась, реализована не была, но для

³ P. Schybergson. Ensimmäiset teollisuuskapitalistit // Talous, valta, valtio (Ed. P. Naapala). Vastapaino, Helsinki, 1990. S. 67–85; Kuisma. Metsäteollisuuden maa. S. 170–178.

Финляндии торговое судоходство в начале 1800-х годов стало, безусловно, самой значительной коммерческой сферой деятельности. В прибрежных городах ведущие буржуазные торговые дома принадлежали судовладельцам, а также зачастую экспортерам смол и владельцам лесопильных заводов, которые в рамках своей коммерческой деятельности интегрировались в Западную Европу через Средиземное море и Атлантический океан. Сгенерированный этой деятельностью экспорт на Запад составлял в начале 1800-х годов половину объема внешнего рынка.⁴

Петербург, который активно снабжал те же западные рынки, например, пиломатериалами с берегов карельской Ладоги, был для финских поставщиков древесины все же скорее конкурентом, чем рынком. Вторая половина внешнего рынка Великого княжества Финляндского была представлена Россией, но основными поставщиками уже были не судовладельцы и работавшие в западном направлении владельцы лесопильных заводов. Петербург, в первую очередь, притягивал на свои рынки восточные регионы Финляндии и потреблял продукцию современной текстильной промышленности и металлообрабатывающей промышленности, которые совершали в то время настоящий прорыв.

Реформы и развитие под защитой Pax Russica (1850–1890)

Лесопильная промышленность была самой быстрорастущей промышленной областью Финляндии второй половины 1800-х годов. Финские пиломатериалы составляли на рубеже 1900-х годов почти половину экспортных доходов страны.

Существенным фактором экспортного подъема стало то, что Британия открыла свои рынки после протекционистской фазы, продолжавшейся не одно десятилетие. В Лондоне новый торгово-политический либерализм распространился также на лесоматериалы, импорт которых был освобожден от протекционных

⁴ Åström. *From Tar to Timber*. P. 167–187; K. E. Joustela, *Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809–1865*. SHS, Helsinki, 1963. S. 31–84 ff; Y. Kaukiainen. *A History of Finnish Shipping*. Routledge, London — New York, 1993. Pp. 38–49, 69–72, 88–90; M. Kuisma. *When Country Dwellers became Staple Town Burghers. The establishment of the first export sawmill in eastern Finnish hinterland and the granting of privileges to the export sawmill industry of Savo in the 1760's and 1770's* // *Scandinavian Journal of History* 1982. P. 233–254.

таможенных пошлин, введенных во времена Наполеоновских войн. Либерализация позволила лесоматериалам из Финляндии и других Северных стран вернуться после длительного и тяжелого перерыва на те рынки, которые всегда были для них центральными. Последние таможенные преграды для импортной продукции были сняты в 1860 году.

Зеленый свет для реализации развития в данном направлении был также дан в столице Российской империи, Санкт-Петербурге. В Петербурге продолжали уже некоторое время после Крымской войны политику либеральных реформ. В 1861 году император Александр II утвердил законопроект финского Сената, освобождавший лесопильную промышленность от жестких квот, которые в течение нескольких столетий регулировали производство по лесоторговым политическим причинам. Ранее, в 1857 году, было выдано разрешение на строительство в Финляндии паровых лесопильных заводов.⁵

Снятие политических ограничений в финской лесной промышленности, как в Лондоне, так и в Санкт-Петербурге, стало причиной существенного прорыва в области. Но политические и законопроектные изменения так бы и остались мертвыми буквами на бумаге, если бы не мировой мегатренд в области промышленности: расширение мирового рынка, рост промышленного населения Западной Европы, технологические инновации и революция в сфере систем коммуникаций, которая увеличила скорость связи и грузового сообщения, а также снизила расходы.

Принятое в 1844 году решение о строительстве Сайменского канала, который был призван соединить внутренние территории Восточной Финляндии с морем, стало показателем стремления построить систему коммуникаций, способствующих торгово-промышленному прорыву. В данном ключе чертежи проекта канала были одобрены финским Сенатом. Тем не менее без благословения Петербурга заверченный в 1856 году крупный проект все же не смог бы состояться. Генерал-губернатор Александр Меншиков и император Николай I понимали выгодные стороны проекта: Сайменский канал сближал Финляндию с Россией, усиливая промышленную интеграцию с Петербургом и, соответственно, отдалял все территории Финляндии от влияния Швеции.

⁵ M. Kuisma. Les facteurs de l'industrialisation en Finlande et dans les pays nordiques au XIXe siècle // Revue d'histoire nordique 2005:1 (Nordic Historical Review). P. 54–71; M. Kuisma. Saha Tarina. Suomen modernisaatiosta ja ihmisistä jotka sen tekivät. Siltala, Helsinki, 2011. S. 100–119.

Те же самые базовые политические мотивы повлияли на актуализацию в 1850-х годах железнодорожного вопроса. Правда, на тот момент они не были связаны с интеграцией с Россией и укреплением ее положения настолько же сильно, как это было в случае с решением о строительстве Сайменского канала. Первый участок железнодорожной линии была проложен в 1862 году и соединил Хельсинки с Хямеенлинной без какого-либо влияния на проект стратегических устремлений со стороны России. И только тогда, когда во второй половине столетия широкая сеть российских железных дорог стала устойчиво восприниматься как ресурс, служащий, в первую очередь, военно-стратегическим потребностям, и только во вторую очередь — основным экономическим целям, железнодорожные проекты Великого княжества Финляндского столкнулись с давлением метрополии в рамках описанной позиции.

Позиция отразилась уже на планировании второй линии финляндской железной дороги. Запущенное в 1870 году направление Риихимяки—Санкт-Петербург преследовало не только экономические цели, но и стратегические интересы империи. Тем не менее экономический эффект незамедлительно последовал за открытием ветки в форме прорыва в области бумажной промышленности, который был ярко заметен на территориях юго-восточной Финляндии. Причиной прорыва стали спрос и покупательная способность в регионе Санкт-Петербурга. Новые крупные текстильные фабрики, машиностроительные заводы и верфи, стремившиеся занять места рецессирующих железоделательных заводов, наряду с бумажными комбинатами нашли свой основной рынок на территории России.⁶

В целом, состав финской экспортируемой продукции стал менее разнообразным вследствие расширения современной лесной промышленности. Доля лесной промышленности выросла с 40 % 1860-х годов до 70–80 % к началу 1910-х годов. Если не считать бумажной промышленности, то продукция лесной промышленности все же находила своего основного потребителя в странах Западной Европы. Как следствие, структурные преобразования, сделавшие экспорт менее разнообразным, отразились на долевом участии торговых партнеров на внешнем рынке.

⁶ M. Kuisma. Europe's Wood Basket Transformed — Finnish Economic History in a Long Perspective // T. M. S. Lehtonen (Ed.). Europe's Northern Frontier. Perspectives on Finland's Western Identity. PS-Kustannus, Porvoo, 1999. P. 50–85; Kuisma. Metsäteollisuuden maa. S. 237–245.

Россия, Великобритания и Германия, стремившаяся занять положение ведущей индустриальной державы Центральной Европы, доминировали на протяжении всей второй половины 1800-х годов и в начале 1900-х, составляя в общей сложности около 80 % растущего торгового оборота Финляндии. Наиболее очевидным изменением было то, что ранее крайне высокое значение России в торговом обороте Финляндии существенно снизилось, с 50–60 % в 1850–1860 годах до одной трети в 1890-х. В то же время на внешнем рынке России доля участия Финляндии удвоилась до 4–5 процентов.

Снижение доли участия России во внешнем рынке и выдвигание на первый план Германии и Британии не было прямым показателем нежелания Финляндии двигаться в восточном направлении. Тем не менее генерал-губернатор Николай Бобриков и ему подобные «пожиратели Финляндии» обвиняли финских предпринимателей, искавших покупателей для своей продукции на Западе, в сепаратистских настроениях по отношению к России. На самом деле вопрос во многом затрагивал ускорившееся развитие региона, самой значительной чертой которого стало заметное расширение внешнего рынка Финляндии. Ценность внешнего рынка Финляндии чуть не вдвое увеличилась в период 1880–1900 годов и более чем утроилась с 1880-х годов к началу 1910-х.

Один из факторов снижения торговли с Россией крайне прост и уже имеет примеры в истории. Богатая на леса Россия не нуждалась в главной статье финского экспорта — пиломатериалах. Уже один этот факт ослаблял значение России в финском торговом обороте. С другой стороны, Россия сама оттолкнула Финляндию, усилив протекционизм. Россия, которая выстраивала и защищала собственную промышленность, больше не хотела предоставлять финской промышленной продукции неограниченный доступ на свои рынки. Открытие дверей западному капиталу и технологиям подстегнуло также прогрессирование российской промышленности, ставшей конкурентом финских предприятий.⁷

Обе страны находились в конце 1800-х годов лишь на начальном этапе промышленного развития. Данный аспект также являлся одной из причин того, что они не могли предложить друг другу подходящих товаров, как это делали немцы или британцы. Финляндия в плане развития промышленности все же была не-

⁷ Kuisma. Metsäteollisuuden maa. S. 335–347.

много впереди, и этот разрыв выгодно отличал структуру финской продукции в товарообороте. Экспорт усовершенствованной промышленной продукции из Финляндии в Россию постепенно увеличивался, и если в 1860-м году он составил около 60 %, то на рубеже столетия — около 80 %. Импорт из России в Финляндию состоял практически в равных пропорциях из сельскохозяйственных культур, другой продовольственной продукции и сырьевого материала. Для торговли с Россией Финляндия производила излишки, но транспортировки, выплаты за располагавшихся в Финляндии российских военных, а также в дальнейшем денежные потоки с русских усадеб на Карельском перешейке уравнивали счета обменного баланса.

В отношении трех крупных торговых партнеров к Финляндии также была политическая сторона. Торговое продвижение объединенной Германии в сторону принадлежавшего России Великого княжества не осталось незамеченным в Санкт-Петербурге. На смене столетий Германия успела занять первое место в импорте в Финляндию, достигнув 40 % участия. Особенно тревожным было вторжение немецкого зерна на финские рынки, крайне зависимые от импорта продовольственной продукции.

Укрепление торговых отношений с Германией выглядело опасным, так как могло послужить причиной для ослабления отношений между Великим княжеством и метрополией именно в момент усиления напряженности между Россией и Германией. В данной ситуации значение южного побережья Финляндии для Санкт-Петербурга со стратегической точки зрения выросло. Более того, в 1890-х годах Финляндия начала экспортировать в Британию больше, чем в Россию, которая прежде была главным получателем (главной страной назначения) финского экспорта.

Ситуация осложнялась противоречащими друг другу государственными и экономическими интересами. Для России по стратегическим причинам было крайне важно с точки зрения защиты Санкт-Петербурга приблизить к себе соседнюю страну в общегосударственном контексте. Этому стремлению препятствовали укрепляющиеся культурные и экономические отношения между Финляндией и Германией, а также между Финляндией и Британией. Для достижения поставленной цели была ликвидирована финская таможенная автономия, а также заменена собственная денежная единица Финляндии, марка, словно бы случайно бывшей в 1862–1865 годах в обороте, на общегосударственный рубль.

Слабое положение рубля, а также, вероятно, влияние международных финансовых кругов спасли марку. В то же время российская промышленность удерживала на месте тарифные барьеры. Собственная промышленность России во весь голос требовала защиты своих интересов от финских конкурентов, что привело к ужесточению таможенных и других торговых преград между Великим княжеством и российской метрополией. Стремление России приблизить к себе Великое княжество на общегосударственном уровне разбилось, скорее всего, об успешное преследование российской промышленностью собственных интересов, чем о финское сопротивление, направленное на защиту автономии.

Конечным таможенно-политическим результатом стал слабый компромисс, по которому Россия продолжила защиту собственной промышленности от конкуренции с Финляндией. Тем не менее для финских ввозимых товаров были назначены более низкие таможенные пошлины, чем для других поставщиков за пределами государственных границ империи. Этой маргинальной выгоды по сравнению с третьими странами было достаточно для некоторых областей промышленности Финляндии, но не для всех. Ранее укрепившаяся в основном за счет спроса на российском рынке текстильная, металлургическая и другая фабрично-заводская промышленность была вынуждена постепенно покинуть свои основные рынки.

Единственным понятным исключением была бумажная промышленность, которая продолжила свой победный путь по России. Исключение объяснялось частично таможенными послаблениями, которых не было у шведских и немецких конкурентов, а также совместной работой экспортных картелей при финских предприятиях и дополнительной поддержкой в российских газетах со стороны торговой дипломатии. Многие газеты, клейменные как «пожиратели Финляндии», не боялись жестко критиковать особое положение страны, но тем не менее в рамках таможенной политики они принимали сторону Финляндии и защищали финскую бумажную промышленность от проводимых в интересах российской промышленности протекционистских мер. Причина была очевидной. Издательские дома не хотели оказаться во власти отечественных производителей и стремились поддержать пребывание на российском рынке надежных, конкурентоспособных бумажных предприятий Великого княжества. И хотя пошлины на импорт бумажной продукции все же были увеличены, степень увеличения была в целом приемлемой, и финские произ-

водители оставались конкурентоспособными как по отношению к российским, так и зарубежным производителям.⁸

С точки зрения Финляндии, в центре внимания оказывался очень важный вопрос. Бумажная промышленность была наиболее быстро растущей промышленной областью в стране; в период с 1890 по 1913 год производство бумаги увеличилось в десять раз, а производство целлюлозы — в тридцать. Рост произошел благодаря спросу со стороны России: на тот момент 80–95 % бумажной продукции продавалось в Россию. Бурный победный марш финской бумаги по российской территории был действительно впечатляющим: в 1910 году рыночная доля финской бумаги от всего импорта бумаги в Россию составила около 95 %. В рамках поставок некоторых определенных сортов бумаги финская доля участия приняла прямой господствующий характер. Например, в начале 1900-х годов 40–50 % бумаги, использовавшейся для печати, было поставлено в Россию финскими заводами.

Оживление финской экономической жизни под эгидой лесной промышленности проходило достаточно быстрыми темпами. Экономика страны росла быстрее, чем, например, средние европейские показатели, также росли реальные доходы и уровень жизни. Еще в 1860 году Финляндия была одной из самых бедных европейских стран, а к 1900 году она достигла среднего европейского уровня. Существенным становилось и то, что Великое княжество выражало еще большую обособленность от России, которая (с точки зрения уровня доходов) лишь три десятилетия спустя (1890) достигла той же стадии, которую Финляндия преодолела уже в 1860 году.⁹

По этим причинам финские экономические связи с Россией структурно в определенной степени напоминали связи крупных промышленных стран Западной Европы с Российской империей. Финляндия импортировала из России сырье и экспортировала в Россию товары промышленного производства. Крупные

⁸ J. Ahvenainen. The paper industry in Finland — and in Russia 1885–1913 // *Scandinavian Economic History Review* 1979. P. 47–66; Kaukiainen. *Foreign Trade*. P. 138–147; Kuisma. *Metsäteollisuuden maa*. S. 340–346; E. Pihkala. *Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917*. Suomen Tiedeseura, Helsinki, 1970. S. 42–44, 136–138; E. Pihkala. *Suomen Venäjän-kaupan puitteet autonomian ajan jälkipuoliskolla / Historiallinen Arkisto* 65. SHS, Helsinki, 1971. S. 5–85.

⁹ R. Hjerpe & J. Jalava. *Economic Growth and Structural Change — A Century and a Half of Catching-up // The Road to Prosperity*. SKS, Helsinki, 2006. P. 33–64.

российские рынки подготовили почву для экспансии финской промышленности с одним-единственным, но большим исключением — лесопильной промышленностью.

Недостатком было усиление зависимости от импорта зерна, которая стала результатом сверхконкуренции с русским зерном. Другая оборотная сторона заключалась в необходимости спасения с помощью нововведений финского сельского хозяйства, пребывавшего в кризисе, и в поиске новых источников дохода в животноводстве и молочном хозяйстве, призванных заменить земледелие.

Интеграция и сепаратизм (1890–1914)

Финляндия, находясь в составе Российской империи, имела возможность наслаждаться долгим периодом мира. Период, обозначенный как *Pax Russica*, был во многом положительным периодом для Великого княжества, особенно это касается середины 1800-х годов — времени начала волны реформ. В Финляндии в рамках государственного устройства уже в 1809 году было образовано собственное центральное управление, было разрешено сохранить шведские законы и особые права.

В 1860-х годах вновь был создан парламент, а собственная денежная единица, таможенные и почтовые учреждения, так же как и независимое финансовое управление, железные дороги и успех современной тяжелой промышленности усиливали, каждый фактор со своей стороны, обособленное развитие финской нации. Перечисленные выше аспекты, а также широкая волна национализма в тот период способствовали тому, что финское государство и нация стали сознательно рассматривать идею отделения.

С приближением 1900-х годов в политической жизни Финляндии, находившейся в благоприятной ситуации, начали ощущаться тревожные настроения. Ввиду обособленности развития финского государства, столкновения финской нации с поднявшейся в конце 1800-х годов волной российского национализма было практически невозможно избежать.

Возможно, что даже больше, чем указанные события, на ухудшение отношений повлияло усиливающееся стремление России модернизировать и рационализировать фрагментированное управление громадной многонациональной империей, унифицировать различные подходы к праву и закону, а также избавиться

от внутренних пошлин. Другие крупные государства Европы уже прошли по этому пути или же проходили его, как, например, Германия. Россия не могла оставаться в стороне от международных тенденций и смотреть, как другие крупные державы, а также страны, которые стремились ими стать, придают обтекаемую форму своим действиям, укрепляют свои позиции в различных сферах влияния в ситуации ускоряющейся империалистической конкуренции, а также за счет колоний и расширения своих промышленных рынков и источников сырья.¹⁰

В подобную картину совсем не укладывалось упорное стремление отдельных небольших единиц к независимым действиям. Вольные финские трактовки законов конституции и государства плохо соотносились с основной линией государственных реформ. К тому же Финляндия с точки зрения правящих кругов России была лишь одним из многих регионов, в которых центральной власти следовало укрепить свои позиции, чтобы сохранить единство империи.

Идея о сепаратизме приграничных стран не была просто безумной националистической иллюзией великороссов. Финляндия выступала обособленной страной не только в представлении самого финского народа и его государственной верхушки. В России, а также в других странах тоже ощущали ее обособленность и определенную степень расхождения с государственным центром. Проблема заключалась не только в том, что у русских путешественников могла вызвать раздражение независимая стабильная ситуация в денежной сфере Великого княжества при нестабильном рубле, который не котируется на территории Финляндии. И даже не сложные лишь в определенном смысле ограничения, которые возникали на пути русских предпринимателей и должностных лиц, мечтавших сделать карьеру в Финляндии.

Ситуация была более глубокой, чем та, которую назначенный в 1898 году на должность генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобриков описал в рапорте по следам впечатлений от своей первой инспекционной поездки. По мнению генерала, все указывало на то, что у Финляндии нет ничего единого с империей: во время поездки по стране складывалось впечатление, что путешествие проходит за границей. А ведь тем не менее, подчеркивал Бобриков, данный регион расположен ближе остальных к столице империи и играет важную приграничную стратегическую роль.

¹⁰ Kuisma. Metsäteollisuuden maa. S. 334–340.

В этой связи следует упомянуть, что у торговых отношений России и Финляндии была своя противоречивая роль в данной ситуации. Результатом столкновения империалистических и стратегических стремлений России, с одной стороны, и интересов российской промышленности, с другой стороны, стало такое решение финского таможенного вопроса, которое не отвечало запросам ни правящих российских кругов, ни самой промышленности. Российское правительство не решилось сломать таможенную преграду на границах двух стран, потому что влиятельные промышленные организации требовали ее сохранения. Но царское правительство также не считало возможным удовлетворить радикальное желание промышленников усложнить таможенные процедуры для Финляндии. Представители российской промышленности словно стремились подчеркнуть обособленное положение Финляндии по отношению к империи.

Принято считать, что, по сути, российская бумажная промышленность спасла Финляндию от переноса восточной границы в западном направлении с целью увеличения расстояния до Санкт-Петербурга. Попытки 1911 года присоединить Выборгскую губернию к России также, вероятно, оказались неудачными отчасти благодаря возражениям представителей российской бумажной промышленности.

Половина финских бумагоделательных предприятий располагалась в Выборгской губернии, российские промышленники видели в них серьезных конкурентов и не хотели устранения таможенных преград и присоединения региона. Но государственные интересы все же имели больший вес: Антти Куяла отмечает, что в 1914 году было все же принято решение присоединить Выборгскую губернию к России. Мировая война и революция помешали осуществлению этого плана.¹¹

В лесопильной промышленности отчуждающим фактором между финскими и российскими предприятиями стала усилившаяся конкуренция. В отличие от ориентированной на отечественный российский рынок бумажной промышленности, лесопильные предприятия боролись за заказчиков в Западной Европе. Российская лесная промышленность совершила прорыв на западные рынки в начале 1900-х годов за счет большого объема продук-

¹¹ Kuisma. *Metsäteollisuuden maa*. S. 438–448; A. Kujala. *The Policy of the Russian Government Toward Finland, 1905–1917 // Emerging Democracy in Late Imperial Russia* (Ed. M. S. Conroy). University Press of Colorado, Niwot, 1998. P. 179–180.

ции, что ослабило положение на тех же рынках скандинавских и финских предприятий. Ситуация определенным образом повторила положение экспорта смол северо-европейскими странами в 1600-х годах и экспорта железа в 1700-х годах в том отношении, что западно-европейские капиталисты и предприниматели оказались в определенной степени причастны к увеличению крупносерийного производства на Севере России, поддерживая его в том числе для того, чтобы подорвать рыночное господство северных стран.

Именно по этим причинам не удалось наладить картельное сотрудничество с российскими производителями. Ситуацию с точки зрения финской лесопильной промышленности омрачал тот факт, что российская лесопильная промышленность опиралась на те же конкурентные преимущества, с помощью которых сами финны ранее стали одними из самых крупных экспортеров в Европу, наряду со Швецией и Норвегией. Финляндия еще не прошла этап низкой стоимости древесного сырья и дешевой рабочей силы, если сравнивать ее со Скандинавскими странами, но если проводить сравнение с Россией, то этот этап остался далеко позади.

Второй проблемой основного промышленного экспорта Финляндии было отсутствие независимой национальной торговой политики. В данном контексте была ощутима разница положений со Швецией и Норвегией, которая в 1905 году, в частности из-за споров о торговой политике, отделилась от Швеции.

Положение Финляндии, находившейся под защитой Российской империи, было, конечно, в определенной степени выгодным с точки зрения европейской мировой структуры рубежа веков, в которой свободная торговля шаг за шагом уходила от политики соглашений, освобождая путь для национально-государственной протекционистской политики. В то же время было очевидно, что финские торговые интересы подчинены российским интересам. Финляндия оказывалась связана таможенными обязательствами, о которых Россия вела переговоры в рамках торговых соглашений с иностранными державами, не учитывая их влияния на финскую промышленность.

С точки зрения внешнего наблюдателя, Россия и Великое княжество Финляндское вместе сформировали на мировом рынке мощный блок производителей лесоматериалов: более чем 50 % представленных в начале 1910-х годов на международном рынке европейских пиломатериалов поставлялось российскими и финскими лесопильными предприятиями. В этом ключе было уместно

говорить о совместной финско-российской ценовой и торговой политике в рамках лесопильной промышленности. Тем не менее, с точки зрения Финляндии и финских компаний, в укреплении сотрудничества играли роль и сомнительные факторы.

Различия в степени конкурентоспособности, социальных положениях и во всей рабочей среде оказались настолько большими, что поиски единой линии были очень сложными. Кроме того, торгово-политические интересы лесопильной промышленности не были для России столь же важны, как для Финляндии. Финляндия получала большую часть своей экспортной прибыли за счет поставок древесины в Западную Европу. Таким образом, вставал вопрос, правильно ли рассматривать финскую и российскую лесопильные промышленности как подчиненные одному государству, единой центральной власти и торговой политике?¹²

Особенно опасным для будущего Финляндии выглядело ухудшение международной ситуации. Однако подготовка к масштабным военным действиям освободила финскую промышленность от протекционистских претензий империи. Например, металлургическая промышленность начала в 1913 году получать из России государственные заказы, от которых ранее финские предприятия были изолированы как «иностранные» исполнители. С другой стороны, ожидание войны подчеркнуло значение Финляндии для политически-стратегического планирования, особенно в связи с германской угрозой, которая могла быть реализована со стороны Финляндии.

Одним из показателей ухудшения отношений стало решение правительства России в начале 1914 года о новых таможенных пошлинах на зерно, которое коснулось Финляндии и было ратифицировано без учета правовых форм Великого княжества, игнорируя возникшие протесты.¹³ Новые ограничения в отношении зерновых культур были, в первую очередь, направлены на регуляцию ожидаемой таможенной войны и стали своего рода регулятором торговых переговоров с Германией, преследуя также такие более широкие цели, как ослабление пограничных отношений между странами и препятствие интеграции Финляндии в Германию. Таможенная война, несмотря ни на что, в конце

¹² E. Pihkala. Suomen Venäjän-kaupan puitteet. S. 21–76; J. Ahvenainen. Jorma, Suomen sahateollisuuden historia. WSOY, Porvoo, 1984. S. 282–283, 309–311, 320–333; Kuisma. Metsäteollisuuden maa. S. 366–368.

¹³ V. Rasila. Vuoden 1914 viljatulliasetus / Historiallinen Arkisto 60. SHS, Helsinki, 1966. S. 276–402.

лета 1914 года переросла в масштабную европейскую войну, которая в результате перевернула все устои старого мира.

Период мировых войн (1914–1950)

Влияние мировой войны было ощутимо, в первую очередь, в экономической жизни Финляндии. Коммуникации с Центральной и Западной Европой, проходившие через Балтийское море, оказались блокированы. Крупнейший торговый партнер Финляндии, Германия, стал врагом России, а соответственно и самой Финляндии. Британский экспортный рынок, занятый сверхусилиями финских компаний, оказался частично блокирован из-за того, что немцы закрыли Датский пролив.

Закрытие пролива привело, конечно, к прекращению импорта техники, оборудования, химических веществ и угля в Финляндию. Прекращение торговли с Германией вынудило Финляндию закупать необходимую часть импортируемого зерна в других странах. Немецкие инженеры и специалисты, занятые в промышленных областях, были вынуждены покинуть страну, а многие компании по этой же причине потеряли своих агентов по продажам, работавших в том числе и в России.

Прекращение торговли с Западом было тяжелым ударом для Финляндии. Только британский, немецкий и французский рынки в последний мирный 1913 год составили более 40 % финского экспорта. Эти же страны сформировали более половины импортного рынка Великого княжества. Потеряв возможности экспорта в другие регионы, Россия попыталась в начале войны заполнить место Германии продовольственной сферой Финляндии. Кроме того, возросшие военные потребности России создали новые производственные запросы также для финской промышленности. Но Россия не смогла восполнить роль западных стран и Германии как поставщиков технологий и закупщиков лесоматериалов, а поездки через западные берега Финляндии сквозь Швецию в западные моря, организованные с помощью военных чиновников, смогли привести в сложную ситуацию лишь небольшое облегчение.

Тесные торговые отношения между Финляндией и Германией были прерваны во время войны, но в стратегических сценариях угроза в отношении Петербурга, затрагивавшая территории Финляндии, оставалась. Финляндия по-прежнему казалась главным военным плацдармом в случае нападения на Санкт-Петер-

бург. В целях предотвращения опасности Россия после начала войны переместила в Великое княжество значительное количество военных частей и запустила в Южной Финляндии крупное строительство военных укреплений. Объявление войны дало генерал-губернатору еще большую прежней власть и возможность провести политику объединения, в рамках которой ужесточилась цензура и укрепилась власть жандармерии. Поворот экономического фронта в сторону Востока политически еще сильнее укрепил положение Финляндии как региона империи, принимающего участие в войне.

Вместо кризиса война принесла в Финляндию поток денег. Российское государство платило стране за службу военных частей, за работы по возведению военных укреплений и за полученные финской промышленностью заказы. Финские коммерческие банки сдержанно отреагировали на рубль, но под давлением со стороны России Банк Финляндии обменивал рубль по нереально высокому принудительно установленному курсу. Более того, Банк Финляндии был вынужден выдавать российскому государству значительные валютные займы. Таким образом, марка, отделившаяся от золотого стандарта, по примеру других европейских валют в 1915 году, оказалась прикована к быстро уходящему в инфляцию рублю.

Принудительно завышенный курс рубля стал причиной валютных спекуляций и роста номинальной прибыли финской экспортной промышленности. Соответственно, значение импорта из России в Финляндию увеличилось. Особенно выросли цены на продовольствие. Инфляция, однако, все еще рассматривалась в 1915–1916 годах как благоприятная экономическая военная тенденция, которая наполняла заказами промышленность, составляла прибыль биржевых спекулянтов и даже заработную плату рабочих. Кроме того, бытовала уверенность, что понижение стоимости рубля и марки будет представлять собой краткосрочное явление. Прибыль, составленную промышленностью на российском рынке, зачастую оставляли в российских банках на валютных счетах в ожидании подъема курса. Те финские компании, которые считали более вероятным продолжение инфляции, чем подъем курса, инвестировали свои рублевые доходы, в частности, в недвижимость Петербурга, связанную со строительством каменных домов.

Еще в 1916 году казалось, что все идет сравнительно хорошо. Особенно для бумажной промышленности военный период оказался урожайным временем. Большая часть российских бу-

мажных комбинатов в западных регионах империи была теперь под германской оккупацией, остальные же заводы испытывали не меньший дефицит материала, чем финские предприятия. Немецкая конкуренция, конечно, отсутствовала, а импорт других западных производителей бумаги остановился в связи с немецкой блокадой. В то же время газеты, писавшие о военных событиях, увеличивали количество страниц, а внушительные чиновники и военный аппарат империи производили гораздо большее количество документов, чем раньше. В рамках подобного повышенного спроса финская бумажная промышленность била производственные рекорды и рекорды продаж, а также приносила щедрые дивиденды своим владельцам.

Исключительная ситуация, сложившаяся в рамках мировой войны, перевернула финскую экономическую жизнь с ног на голову. Экспорт в Россию, который в 1913 году составлял меньше трети от общего объема экспорта Финляндии, вырос с 1916 по 1917 год примерно на 95 %. Доля бумажной промышленности в общем объеме экспорта Великого княжества достигла 50 % (экспорт в Россию увеличился соответственно), а ведь еще в последний мирный год доля этой области в общем экспортном объеме не превышала пятой части. Получавшая заказы на вооружение металлообрабатывающая промышленность, которая до войны в основном работала на нужды отечественного рынка, в течение 1915–1917 годов поставила в Россию 75–85 % продукции. Однако, доля экспорта металлообрабатывающей промышленности в официальной торговой статистике составляла лишь около 10 %, экспорт сельскохозяйственной продукции, в основном в Санкт-Петербург, согласно статистике общего экспорта составил примерно 15 %, экспорт лесоматериалов (топливная древесина и т. д.) — чуть большее количество, а экспорт продукции текстильной промышленности — всего лишь около 5 %.¹⁴

На самом деле, взлет металлообрабатывающей, текстильной и кожевенной промышленности на крыльях военной конъюнктуры был гораздо более сильным, чем это отражала статистика. Судя по всему, военные заказы российского государства не были в ней зафиксированы. Милитаризация экономики, показателем которой стали заказы для финских машинных производств и корабельных верфей, была отражена яснее всего в статистике роста производства и занятости в металлообрабатывающей промыш-

¹⁴ Kaukiainen. Foreign Trade. P. 144–148; Kuisma. Metsäteollisuuden maa. S. 569–580.

ленности. В этой сфере прирост рабочих в 1914–1916 годах увеличился более чем на 10 000 человек, приблизившись затем к цифре 25 000. В то же время количество занятых в очень успешной области бумажной промышленности увеличилось лишь на одну тысячу рабочих, достигнув 12 000 человек.

Пострадавшая от войны лесная промышленность, которая после обвала экспорта была вынуждена остановить производства, в свою очередь сократила больше рабочих, чем их прибавилось в сфере металлообрабатывающей промышленности. Безработица, застывшие рынки лесоматериалов и остановка производств ввели в депрессию все общество. И все же, несмотря на эти факторы, промышленное производство Финляндии и занятость в целом оставались до 1917 года примерно на том же уровне, что и в 1913-ом. Бумажная и металлообрабатывающая промышленности сохраняли свою деятельность за счет взаимодействия с Россией. Потоки доходов от экспорта и от строительства военных укреплений, в свою очередь, поддерживали спрос на отечественном промышленном рынке, положение которого укрепилось также за счет иссякнувшей конкуренции.

Импорт из Швеции и через нее, который значительно увеличился в 1915 году, а к 1917 едва не сравнялся по объемам с Россией, стал своеобразным, очень важным для финнов связующим звеном с Западом. Впрочем, Россия, доля которой в импорте в Финляндию составляла в наилучший период (1917 год) около 70 %, все крепче притягивала Финляндию к себе. В этом отношении самым печальным был факт, что империя с начала 1917 года стала приближаться к хаосу. Железнодорожное сообщение частично находилось в кризисном состоянии, как и дорожные коммуникации. Вагоны поездов ломались, грузы пропадали, складские помещения обкрадывались, а железнодорожное управление было не в состоянии нести ответственность за доставку грузов по назначению. Товары пересылались только по предоплате и даже в этом случае — под ответственность покупателя.

Самой серьезной практической проблемой финской экспортной промышленности стал экономический и политический хаос империи, который начал быстро отражаться на Великом княжестве. Кризис продовольствия в России вместе с беспорядками в железнодорожных структурах блокировал структуру, за счет которой питалась вся Финляндия. Импорт зерна, который еще в 1915 году удовлетворял нужды практически половины Финляндии, дал сбой летом 1917 года, а уже осенью был полностью прекращен. Весенняя революция 1917 года в России не положи-

ла конец войне, хаосу и голоду, не прекратила процесс развала Российской империи. Вместо этого она прекратила прибыльные для Финляндии строительства военных укреплений и оставила тысячи людей безработными.

Российское Временное правительство из-за экономических сложностей также перестало делать военные заказы, которые, по совершенным в начале 1917 года подсчетам, дали работу 40 000 занятых в финской промышленности рабочих. Поезда с зерном прекратили ходить в Финляндию, а экспорт в Россию стал окончательно невозможен осенью 1917-го. Ценность российского рубля по-прежнему падала, и финской экспортной промышленности в целях спасения того, что еще можно было спасти, пришлось тайно вывозить свои рублевые вложения. Весной 1917 года после революции марка была отделена от принудительного рублевого курса, но это уже не могло спасти ее от витка инфляции.

Голод, безработица, безрассудный рост цен и разлад в социальных структурах были общими проблемами для Финляндии и России осенью 1917 года. В частности, поэтому окрепли голоса, требовавшие разорвать как можно скорее эти связи. Опасность погружения в кровавый процесс распада Российской империи была очевидной, и экономические факторы больше не сдерживали стремление порвать старые государственные связи. Из России, погрязшей в беспорядках, не было даже краткосрочных заказов на финскую продукцию, так же как и поставщиков продовольствия в Финляндию, которая остро в нем нуждалась. Эти реалии также способствовали тому, что руководители успешно с экономической точки зрения восточного рынка начали пересматривать свои взгляды относительно положения Финляндии по отношению к России.

Еще до начала мировой войны внутри страны ощущалось негативное отношение к тому, что финские промышленные и коммерческие предприятия адаптируются к России. Критика была основана на страхе растворения Финляндии в России. Связи финских коммерческих делегаций с такими государственными органами империи, как Российская экспортная палата и Петербургский комитет, по бумаге означали в понимании многих неадекватную ситуацию молчаливого согласия, ведущую обходными путями к развитию взаимосвязей с «великорусским» государством.

Захват в Петербурге власти Лениным и большевиками быстро заставил финскую экономическую жизнь обрести независимость.

Декларация о независимости, опубликованная парламентом в декабре 1917 года, получила от финских коммерческих структур безраздельную поддержку. Крупная промышленность и банки также поддержали выдвинутого Сенатом на пост главнокомандующего войсками генерала Маннергейма, еще недавно служившего в распавшейся императорской армии, которому была поставлена задача разоружения российских военных, забывших о дисциплине, и восстановления порядка в стране. Отношения с Германией, которая по собственным стратегическим причинам отправила свои войска для поддержки белой Финляндии, были более противоречивыми. Маннергейм выступал против принятия помощи от Германии, а в экономических кругах Германию подозревали в попытке покушения на финские лесные ресурсы, гидроэнергетику и лучшие предприятия.¹⁵

Благодаря исходу мировой войны опасность немецкого экономического господства не была реализована. Это было удачей для Финляндии, так же как и тот факт, что Западная Европа, возрождавшаяся из руин, нуждалась в наиболее важной для Финляндии экспортной продукции: пиломатериалах, целлюлозе и бумаге. Таким образом, лесная промышленность получила достаточно заказов, к выполнению которых финские компании приступили весной 1919 года в рамках стабилизовавшейся международной ситуации.

Ситуация в России, замкнувшейся на организованном большевиками хаосе, стала особенным потрясением для бумажной, кожевенной и металлообрабатывающей промышленности, которые потеряли свои самые важные рынки за одну секунду. Другие промышленные отрасли отреагировали на катастрофу, повернувшись в сторону внутреннего рынка, но бумажная промышленность не могла выжить за счет крайне скудного для нее финского рынка. Когда стало понятно, что главные российские рынки не вернуть, производителям бумаги пришлось задуматься о том, как заменить их, отвоевав для себя новые рынки в Западной Европе и за океаном.

Цель была достигнута, когда летом 1918 года финские компании объединили свои скромные силы в ассоциации экспортеров напо-

¹⁵ S. Heikkinen. Paper for the World. The Finnish Paper Mills' Association Finn-pap 1918–1996. Otava, Helsinki, 1996. P. 12–40; Kuisma. Metsäteollisuuden maa. S. 568–595; также см.: M. Kuisma. Sodasta syntynyt: Itsenäisen Suomen synty Sarajevon laukauksista Tarton rauhaan 1914–1920. WSOY, Helsinki, 2010. S. 108–134.

добие картелей. В свою очередь, лесопильная промышленность попробовала обратиться к восстановлению традиционных торговых связей с Западом, отправляя в 1919 году в период военной морской блокады суда с лесоматериалами по отличным ценам для восстановления Европы. Девальвация марки и более низкая себестоимость материалов и зарплат, чем в Швеции, стали решающими для прорыва бумажной промышленности, а также для возвращения на западные рынки лесопильной промышленности.¹⁶

В конце 1920 года в Тарту был подписан мирный договор с Советской Россией, который давал небольшую надежду на восстановление торговли с Востоком. Особенно производители бумаги полагали, что установление мирных отношений может содействовать развитию торговли с Россией. В связи с надеждами на начало экспорта финские компании даже стали менее активно требовать удовлетворения старых претензий и возвращения оставшейся в России собственности.

Мир, однако, не вернул Петербургу прежнюю роль центра, влияющего на развитие Финляндии. Появившаяся на международной арене в качестве независимой республики страна выстроила структуры, способствующие обеспечению безопасности, быстрому росту экономики и развитию политической системы, опирающейся на западные державы, в первую очередь на Великобританию. Интеграция с Западом была отчетливо видна в экономике: после заключения в 1920 году Тартуского мирного соглашения 90 % финского внешнеторгового оборота составила Западная Европа, 50 % которых были достигнуты исключительно благодаря взаимодействию с Англией. Из общего объема экспорта 80–90 % составляла продукция лесной промышленности. Таким образом, стали понятны изменения, спровоцированные революцией и Первой мировой войной: структура экспорта Финляндии стала односторонней, направленной на британский рынок и на победы лесной промышленности.

С помощью подобной односторонней структуры страна смогла удовлетворить растущий международный спрос на древесину и бумагу. В Финляндии самый тяжелый этап послевоенного кризиса начал подходить к концу во второй половине 1920-х годов. Восстановление золотого стандарта в 1925 году стабилизировало

¹⁶ J. Ahvenainen. The competitive position of the Finnish paper industry in the interwar years // *Scandinavian Economic History Review* 1974. P. 1–21; J. Ahvenainen. The competitive position of the Finnish sawmill industry in the 1920's and 1930's // *Scandinavian Economic History Review* 1985. P. 173–197.

беспокойное денежно-кредитное положение, оживилось строительство, а экспортная промышленность стала приносить хорошую прибыль. Лесная промышленность продвигалась на Запад, занимая оставленные Советской Россией рынки. Целлюлозно-бумажная промышленность следовала за лесопильной, частично способствуя укреплению господствовавшей на внешнем рынке ориентации на западные страны, а также развитию мощи лесной промышленности.¹⁷

Обвал финского восточного рынка был в основном связан с государственными переворотами: с началом хаоса в России, а затем с длительной гражданской войной, то есть с такими факторами, на которые Финляндия была не в силах повлиять. После того, как финская бумажная промышленность вынужденно совершила успешный прорыв на западный и другие отдаленные рынки, необходимость вернуться на российский рынок сократилась, а вскоре исчезла полностью. Зерно, которое раньше Финляндия активно импортировала, стало дефицитом и в самой Советской России, так что даже эта область не могла оживить торговлю. В свою очередь, продукция финской металлургической промышленности оказалась не подходящей для московской импортной программы, а Финляндия не стремилась закупать на Востоке лесоматериалы, потому что сама являлась их крупным европейским экспортером. Небольшое увеличение торгового оборота произошло на рубеже 1920–1930-х годов, но даже тогда ситуация главным образом подразумевала поставку сырья для лесопильных и целлюлозных заводов, расположенных в Восточной Финляндии.

Несмотря на все перечисленные факторы, Советский Союз все же оказывал определенное влияние на финскую экономику, но опосредованно, через конкуренцию на международном рынке. Крах фондового рынка Уолл-стрит в октябре 1929 года запустил процессы глубокого мирового экономического кризиса, который пришел в Финляндию через экспортную промышленность. Ситуацию усугубил Советский Союз, осуществивший мощное возвращение на западные экспортные рынки пиломатериалов с целью вернуть отобранные у России рыночные доли. Пред-

¹⁷ Heikkinen. Op. cit. S. 58–75; Ahvenainen. Suomen sahatollisuuden historia. S. 320–388; Kaukiainen. Foreign Trade. P. 148–150, 155; M. Kuisma. Cooperation in Competition: Finland, an Example of Successful Development, 1918–1938 // Jean Batou & Thomas David (Ed.). Uneven Development in Europe 1918–1939. The Obstructed Growth of the Agricultural Countries / Le développement inégal de l'Europe. L'essor contraire des pays agricoles. Droz, Genève, 1998. P. 409–445.

ставители финской лесопильной промышленности и дипломаты безуспешно пытались ограничить большевистскую демпинговую торговлю, апеллируя к советской практике использования труда заключенных концлагерей, то есть рабского труда, в лесной промышленности. Но несмотря на то, что сообщения о данной ситуации дошли до Запада и вопрос яростно обсуждался в британской прессе, а также в парламенте, деньги разрешили ситуацию: древесина и лесоматериалы советской России продолжили, благодаря низким ценам, победный путь по западным рынкам, нанося урон поставщикам из Северных стран. Финляндия, вслед за лесопильной промышленностью страны, погрузилась в глубокий кризис.

После кризиса финская экономика развивалась благоприятно, следуя в рамках проверенной стратегии за лесной и другой экспортной промышленностью. Британия в конце 1930-х годов была, безусловно, самым крупным экспортным рынком, Германия, в свою очередь, время от времени занимала позицию самой крупной страны-импортера, как в 1800-х годах. Но, в отличие от прошлого века, Россия / Советский Союз имел существенное влияние лишь в одном важном контексте. Под руководством трех крупнейших экспортеров лесоматериалов, Финляндии, Швеции и Советского Союза, после длившегося годы трудного процесса переговоров был заключен договор о стабилизации европейского рынка лесной промышленности. Результата удалось достичь с помощью составленной в 1935 году конвенции ЕТЕС (Конвенция европейских экспортеров леса), которая была особенно важна для расширения финской лесопильной промышленности и для создания эффекта мультипликации в промышленных отраслях.¹⁸

Конвенция ЕТЕС, принятая под эгидой Лиги Наций, показала, что сотрудничество с Советским Союзом возможно. Если данный аспект увеличил надежды, то приход к власти Гитлера и подъем Германии, повлиявший на международную ситуацию, уничтожил их. С точки зрения Финляндии, опасавшейся Советского Союза, ситуация еще сильнее ухудшилась, когда Советский Союз и Германия в августе 1939 года заключили пакт Молотова—Риббентропа, определившего сферы влияния и позволившего Германии начать молниеносное вторжение в Польшу.

¹⁸ J. Ahvenainen. Jorma, Suomen sahateollisuuden historia. WSOY, Porvoo, 1984. S. 353–356; J. Ahvenainen. The competitive position of the Finnish sawmill industry in the 1920's and 1930's // Scandinavian Economic History Review 1985. P. 173–192; Kaukiainen. Foreign Trade. P. 148–150.

шу. Разразилась Вторая мировая война. Советский Союз также вошел на территорию Польши, а затем и стран Прибалтики. В конце 1939 года СССР напал на Финляндию с целью заставить уступить приграничные территории. Советский Союз преследовал знакомые стратегии свергнутого царского режима, стремясь занять такие позиции, при которых все подходы к Петербургу-Ленинграду были бы закрыты. Новая граница, согласно мирному соглашению, подписанному весной 1940 года после окончания Зимней войны, была проложена в общих чертах в рамках границ, зафиксированных Петром Великим мирным соглашением от 1721 года. Финляндия потеряла Карелию и была вынуждена сдать в аренду Красной армии в качестве военного укрепления Ханко, расположенный на северном берегу Финского залива, прямо напротив Таллина.

И все же ситуация с точки зрения Финляндии продолжала вызывать опасения. Страна была в определенной степени изолирована своим расположением в удаленной части Балтийского моря, а сильное давление со стороны Советского Союза вызывало опасение того, что страна может подвергнуться советизации, а нация — уничтожению. Демократические западные державы, которых Финляндия хотела бы видеть своими союзниками, располагались слишком далеко и не были в состоянии поддержать страну.

Единственной выступившей против Советского Союза державой оказалась Германия. Она располагалась достаточно близко для того, чтобы сформировать силу, противостоящую Советскому Союзу в Северной Европе, но и в то же время достаточно далеко, чтобы стать опасной для самой Финляндии.

Оставшиеся еще со старых времен культурные и экономические связи с Германией упрощали решение, хотя именно представители экспортной промышленности, имевшие определенное влияние на власть, относились к Германии с подозрением и скептицизмом.

Зараженным «английской болезнью», как в Берлине называли финских англофилов, был также хорошо знакомый с лесной промышленностью руководитель Банка Финляндии Ристо Рюти, которого в конце 1940 года избрали президентом республики. Рюти, а также главнокомандующий армией Маннергейм, едва выносили Гитлера — все по той же неприятной, но соответствующей реальности, причине: существование Финляндии зависело от Германии.¹⁹

¹⁹ M. Kuisma. Kahlittu raha, kansallinen kapitalismi. Kansallis-Osake-Pankki 1940–1995. SKS, Helsinki, 2004. S. 19–40.

Неважно, что Финляндия сама выбрала Германию. Важно, что для крупных военных действий на Востоке, а также для осуществления операции «Барбаросса», планирование которой началось летом 1940 года. Гитлер, желая поразить Советский Союз, выбрал Финляндию в качестве северной тыловой территории. Помимо военно-стратегической географии, своя роль была отведена Петсамо (Печенга) и Оутокумпу, где располагались месторождения никеля и меди, которыми Германия хотела дополнить добываемое в Швеции железо, чтобы еще сильнее укрепить свою оборонную промышленность.

Первые военные вторжения Германии на Востоке были успешными. Финская армия также летом 1941 пересекла прежние границы и продвинулась далеко внутрь территорий Восточной (Советской) Карелии, которую многие представители правительства и также студенты-активисты Карельского Академического союза, захваченные «племенной идеологией», воодушевленные богатством лесов и минералов, планировали присоединить к новой Великой Финляндии. Военная экспансия, которая задумывалась как быстрая операция, затянулась, настроения начали меняться, отношение к Германии ожесточилось. За кулисами военной дружбы братьев по оружию между правительствами и предприятиями с задержкой развернулась экономическая борьба за месторождения меди в Оутокумпу и никеля в Петсамо, а также против стремления сконцентрировать северную бумажную промышленность под властью немецких картелей. Кроме того, стало очевидно, что в рамках широкого планирования европейской экономики Германией Финляндии отводилась скромная роль поставщика сырья. Подобный поворот событий никого не устраивал, как не устраивало и возможное будущее в сталинском ГУЛАГе.²⁰

В 1943 году исход Второй мировой войны стал более или менее очевиден. Начали звучать голоса, призывавшие вывести Финляндию из войны, но возможность сделать это появилась лишь в конце лета — начале осени 1944 года, когда массивное наступление СССР было остановлено благодаря масштабным оборонительным действиям. По договору о перемирии, заключенному осенью 1944 года, Финляндия должна была вывести из страны немецкие войска, разоружить собственную наземную армию и выплатить Советскому Союзу военные контрибуции, которые, по мнению всех экспертов, превышали экономические возможности страны. Победителям также отходил Петсамо с его

²⁰ Kuisma. Kahlittu raha. S. 48–56.

никелевыми месторождениями и портами в Северном Ледовитом океане и (Финская) Карелия, то есть в общей сложности страна потеряла около одной десятой части своей площади, причем самой лучшей части полей. Четвертая часть всех возведенных гидроэлектростанций, пятая часть железных дорог, более чем десятая часть промышленного производства и богатые лесные ресурсы должны были остаться на восточной стороне новой границы. Переселение потерявших свои дома финнов из Карелии и из других районов, отошедших к Советскому Союзу, в обделенную Финляндию стало отдельным огромным проектом. Четыремстам тысячам человек, десятой части всего населения Финляндии, было необходимо быстро найти новые пространства, жилье и обеспечить их приемлемым будущим.

По отношению к численности населения требования по поставкам продукции, выдвинутые Советским Союзом, были гораздо более суровыми, чем выдвинутые в свое время Германией после Первой мировой войны, к тому же контрибуции превышали возможности страны. Для выплаты самой крупной части контрибуции (1945–1948) было необходимо потратить шестую часть государственного бюджета и четвертую часть добавленной стоимости на продукцию металлургической промышленности. Была съедена десятая часть всей добавленной промышленной стоимости судов, локомотивов, оборудования, кабелей и лесоматериалов.

Поставки контрибуционной продукции были связаны с обязательствами, при которых катастрофически не хватало сырья, техники, транспортного оборудования и энергии во всей разрушенной послевоенной Европе. Необходимость совершать закупки за рубежом сталкивалась с затруднениями, которые объяснялись снижением уверенности в способностях Финляндии поддерживать собственную государственную независимость и нести материальную ответственность. С началом холодной войны желание западных стран продавать Финляндии материалы и оборудование, необходимые для выплаты военных контрибуций, снизилось еще больше: страны не хотели поддерживать даже косвенно Советский Союз, превратившийся из союзника во врага.²¹

У военных контрибуций была и обратная сторона, которая способствовала росту и обновлению финской промышленности.

²¹ H. Heikkilä. Credits of Export-Import Bank to Finland, 1945–48 // *Scandinavian Economic History Review* 1982. P. 207–225; H. Heikkilä. The United States and the Question of Export Licenses to Finland 1947–1948 // *Scandinavian Journal of History* 1983. P. 247–259.

Контрибуции были очень дорогостоящими для налогоплательщиков и государства, но они обеспечивали предприятия долгосрочными контрактами и равномерным стабильным доходом. К 1948 году компании вышли на уровень производства 1930-х годов, а в 1950-х годах были поставлены новые рекорды. Советский Союз также требовал качества и своевременности в поставках, вынуждая промышленные предприятия учиться, совершенствовать технологии работы. Когда выплаты контрибуций были завершены в 1952 году, стало ясно, что расширение производственных мощностей, несмотря на опасения Финляндии, не прошло впустую. Сталин обещал взволнованным финским промышленникам, что Советский Союз купит все, что только Финляндия может произвести, так же, как это делала до революции царская Россия.

Бартерная торговля в период холодной войны (1951–1991)

Вторая мировая война перевернула международное положение Финляндии. С молчаливого согласия победителей в мировой войне страна оказалась в советской сфере влияния. Структура изменений повлияла на расстановку сил в кругу крупных держав Балтийского региона. Настал черед окрепшей России / Советского Союза вырвать знакомые по царским временам ближайшие финские территории из сферы влияния проигравшей войну Германии.

Изменение мировой ситуации по сравнению с межвоенным периодом было настолько велико, что поднимавшуюся после войны Финляндию даже называли второй республикой. Для первой республики, Финляндии межвоенного времени, была характерна буржуазная гегемония, которой оказывали поддержку шюцкоры, мощная политическая и экономическая ориентация на Запад и прохладно-отрицательные отношения с Советским Союзом. В свою очередь, для второй республики на первое место вышла ориентация политики на Восток, а также большее влияние рабочего движения.

В последующие после мировой войны десятилетия Финляндия пережила настоящее экономическое чудо. В период 1950–1974 годов экономика росла быстрее, чем когда-либо прежде. Рост был несколько ниже среднеевропейского, но, несмотря на этот факт, Финляндия поднялась на одну ступень с благосостоятельными странами. Если же измерять благосостояние стоимостью внутреннего продукта на душу населения, то даже прежнего экономического лидера, Великобританию, удалось обойти в 1970-х годах.

Зависимая от внешнего рынка Финляндия черпала силы для своего развития в растущей мировой экономике. Финляндия получала свою долю в основном за счет лесной промышленности. Древесина, целлюлоза и бумага продолжали приносить большую часть экспортных доходов, составив в 1950 году 85 %. Финский экспорт в Западные страны в значительной степени оставался в пределах тех же четырех пятых. Второй крупной сферой деятельности стала металлургическая промышленность, продукцию которой — корабли, машины, оборудование — продавали по большей части в Советский Союз.²²

Новый подъем восточного рынка после Второй мировой войны был своего рода возвращением в ситуацию, знакомую по царским временам. *Rex Sovietica* вылился, в частности, в то, что Финляндия стала стремиться разнообразить экспортную структуру и уйти от односторонней стратегии 1920–1930-х годов, заточенной на лесную промышленность и Запад. Торговому обороту также способствовали более сильные, чем прежде, политические усилия обеих сторон. Занимавший пост президента вплоть до 1956-го года Ю. К. Паасикиви в целом отдавал должное восточному рынку, но считал, что его доля не должна превышать 20 % от общей доли внешнего рынка во избежание излишней зависимости. Стратегии Паасикиви придерживался и избранный следующим президентом Урхо Кекконен (1956–1981). Сам Кекконен все же стремился к большему росту торговли с Москвой для склонения Советов к поддержанию исключительно миролюбивой политики в отношении Финляндии.

Первое пятилетнее торговое соглашение между Советским Союзом и Финляндией было подписано в 1951 году, стратегия подписания подобных соглашений продолжала действовать до конца 1980-х годов. В то же время финская внешнеторговая политика начала расходиться с соответствующими западноевропейскими стратегиями. К Финляндии применялось давление в рамках процессов западной экономической интеграции, в связи с тем что страна вела торговлю с Востоком и учитывала интересы СССР. Ситуация нашла свое отражение при вступлении Финляндии в качестве неполноправного члена в Европейскую ассоциацию свободной торговли в 1961 году, а затем в связи с заключением соглашения о свободной торговле с Европейским экономическим сообществом в 1973 году. Из-за антипатии Советов Финляндия была вынуждена воздерживаться от дальнейшей интеграции, ко-

²² Kaukiainen. *Foreign Trade*. P. 150–155.

торая была бы естественным решением при расширении экспорта на Запад. Западный рынок составлял 80–85 % товарооборота внешнего рынка Финляндии и в самые жаркие годы холодной войны. Финляндия не стремилась стать полноправным членом ЕЭС/ЕС, пока Советский Союз не прекратил свое существование в 1991 году.

Финляндия и Советский Союз практиковали билатеральную клиринговую торговлю, то есть прямой торговый обмен. В обеих странах импорт и экспорт в целом находились на одинаково высоком уровне, и прибыль, полученная от экспорта, всегда пускалась на финансовую поддержку импорта. Рамки товарообмена согласовывались государствами сроком на пять лет, но о ценах и об условиях реальных сделок предприятия и другие коммерческие организации договаривались между собой каждый год. Краткосрочными дисбалансами в рамках торговых балансов занимался, в том числе, Банк Финляндии, выдавая временные кредиты, но в более долгосрочных сделках счета выравнивались.

В организации доминирующее положение было, конечно, у органов государственной власти. Тенденцию к развитию усиливали с помощью государственного руководства также и в финской экономике, которой было необходимо приспособиться к централизованной плановой экономике победоносного соседа, сверхдержавы Советского Союза, несколько чуждой для децентрализованной рыночной экономики. Более крупные, чем средние западноевропейские, государственные компании, относительно более важная роль больших корпораций предприятий, а также важная роль картелей в Финляндии — являются, по крайней мере частично, результатами указанного процесса адаптации.²³

Паасикиви был не единственным, кого волновало слишком активное политическое следование Советскому Союзу. В период холодной войны ведущие западные державы считали, что Финляндия совершает очень рискованное плавание рядом с коммунистической империей как ее экономический сателлит и что это плавание может

²³ T. Paavonen. *Suomalaisen protektionismin viimeinen vaihe. Suomen ulkomaankauppa- ja integraatiopolitiikka 1945–1961*. SHS, Helsinki, 1998; также про торговлю с Востоком: J. Laurila. *Finnish-Soviet Clearing Trade and Payment System: History and Lesson / Bank of Finland Studies A: 94*. Helsinki, 1995; P. Sutela & J. Kero. *Russian trade policies with the west: 1992 and beyond // Sutela, Pekka (Ed.). The Russian Economy in Crisis and Transition / Sarja A 86*. Suomen Pankki, Helsinki, 1993; P. Sutela. *Finnish trade with USSR: Why was it different? // BOFIT Online 7/2005*.

привести к тому, что страна политически пойдет по московским стопам. Металлургическая промышленность, расширенная за счет контрибуционного производства и прогрессирующая на гребне волны восточного экспорта, была особым предметом печали. Сокращение отечественного финского рынка, а также отсутствие конкурентности на западном экспортном рынке, с одной стороны, с другой — экономические искушения восточного рынка, наряду с политическим давлением Москвы, сформировали структуры, которые финским судостроительным предприятиям и машиностроительным заводам было трудно сломить.

Другим предметом печали холодной войны было укрепление зависимости Финляндии от нефти СССР. Нефть заменила зерно — самый важный экспортный продукт Российской империи. В 1950-х годах Финляндия вышла в Европе на первое место по потреблению советской нефти. Зависимость как от нефти, так и от металлургической промышленности была стратегическим достижением для советской программы вооружения и для финских международных позиций.²⁴

В отношении последнего пункта существенным было то, что экономическая зависимость Финляндии от Советского Союза, без сомнения, оказывалась политическим козырем для Москвы. Западным государствам казалось бы удивительным, что Москва не использовала его с целью загнать Финляндию еще сильнее в свой кильватер. Подобная оценка ситуации рождала в Вашингтоне и Лондоне желание укрепить экономическую интеграцию Финляндии с Западом, с одной стороны, а с другой — провоцировала осторожность в отношениях с Финляндией.

С западной точки зрения, финскую промышленную и экономическую производительность необходимо было поддерживать, чтобы уменьшить влияние Москвы. Однако странам НАТО трудно было согласовать общий подход к ситуации и продолжать торговое эмбарго. Был создан Координационный комитет по экспортному контролю (КоКом), который пытался контролировать экспорт в Советский Союз военно-стратегической продукции и технологий. Поразительно, что соответственно ослаблению странами КоКом, участвовавшими в блокаде торговли с восточным блоком, торговля Финляндии с восточным регионом выросла. Фактически Финляндия к 1952 году и в по-

²⁴ О советско-финском нефтяном рынке времен холодной войны см.: M. Kuisma. *Kylmä sota, kuuma öljy: Neste, Suomi ja kaksi Eurooppaa 1948–1979*. WSOY, Helsinki, 1997. S. 21–41, 249–265, passim.

следующие годы достигла статуса крупнейшего западного торгового партнера СССР, обогнав резко ограничившие торговлю США, а также Британию, Францию и Италию, которые медленнее реагировали на ситуацию.

Корабли, машины и кабели, которые Финляндия поставляла в Советский Союз, не всегда были так безобидны, как финны, возможно, себе представляли. В них с трудом можно было найти стратегически горячие технологии или непосредственно связанные с военной техникой секретные материалы. Но финские верфи, заточенные на поставки на Восток, освобождали собственный потенциал Советского Союза для реализации других задач. Сама Финляндия подчеркивала, что занимает нейтральную позицию, но КоКом классифицировал ее, а также и Австрию, расположенную у самого подножия железного занавеса, как «зависимые» страны, у которых из-за давления Москвы не было возможности принимать полноценное участие в общей западной антикоммунистической торговой войне. По тем же причинам подозревалось, что обе страны были перевалочными пунктами товаров, находившихся в запрещенном для поставок списке.²⁵

С другой стороны, было понятно, что отказ Финляндии от западных технологий и западного капитала еще больше подтолкнул бы страну в сторону Москвы. К такому повороту событий никто не стремился, и Западу не оставалось ничего другого, как обезопасить себя двусторонней позицией. Финляндия получала доступ к закупкам жизненно важного сырья и к западным технологиям, но должна была тихо и без шума присоединиться к блокаде КоКом. К тому же западные государства вселили в Финляндию уверенность в возможности западного экспорта, а также в целом в возможности экономической и культурной ориентации на Запад.

Многие признаки указывали на то, что Советский Союз стратегически выигрывал в важной нефтяной гонке за Финляндию. Хронический дефицит доллара и западной валюты, который после Второй мировой войны заставил большинство стран Западной Европы искать новые модели решений вопросов энергоснабжения, наряду с расширением торговли с Востоком, дал «красной нефти» возможность занять ведущие позиции

²⁵ N. Jensen-Eriksen, «CoCom and neutrality: Western export control policies, Finland and the Cold War, 1949–1958», in *Reassessing Cold War Europe* (ed. S. Autio-Sarasma. & K. Miklyssy), Routledge, London — New York 2011, 49–65.

в Финляндии. Особенно сложно было принять такое положение дел международным нефтяным предприятиям, которые господствовали на рынках до мировой войны. Они, поняв затруднения с Финляндией, с самого начала покорились ситуации и решили дожидаться лучших времен.

Битва за нефть разразилась во второй половине 1950-х годов в связи с проектом нефтезавода государственного предприятия Neste, которое самостоятельно спроектировало НПЗ с применением лучших на тот момент американских, а также частично западных технологий, и с использованием советского нефтяного сырья.

Советский Союз хотел продавать финскому НПЗ все необходимое ему сырье и, одновременно, поставлять технологии обработки. Точно так же Советский Союз в 1960-х годах хотел выступать застройщиком и основным поставщиком технологий сталелитейной компании Rautaruukki, а в 1970-х годах занимать те же позиции в связи со строительством первой в Финляндии атомной станции.²⁶

В случае с НПЗ интерес, проявленный СССР, и отрицательная позиция США по этому поводу повернулись положительно для Neste. Когда стало окончательно очевидно, что финны не отступят от своего плана, несмотря на возражения западных нефтяных гигантов, и что Финляндия не в состоянии снизить свою зависимость от торговли с восточным блоком, Вашингтон применил лучшее решение, которого западные державы смогли достичь. Оно означало строительство финского нефтяного завода по американским технологиям, оборудованной техникой западных поставщиков, а также возведенного за счет западного финансирования и, насколько это возможно, работающего с применением западного нефтяного сырья.

Согласно данной концепции, НПЗ Neste был запущен в 1957 году. Тем не менее расстановка сил изменилась в тече-

²⁶ M. Kuisma, «A Child of the Cold War: Soviet Grude, American Technology and National Interests in the Making of Finnish Oil Refining», *Historical Journal/Historiallinen Aikakauskirja* 1998:2, 136–142; N. Jensen-Eriksen & M. Kuisma, «British Government, Anglo-American Oil Companies & the Case of the Finnish Oil Market During the Cold War (1950–1970)», in Hubert Bonin et al. (eds), *Transnational Companies (19th–20th Centuries)*, European Business History Association (Éditions P. L. A. G. E Collection Ecoclio), Paris 2002, 281–286; N. Jensen-Eriksen, *Hitting Them Hard. Promoting British Export Interests in Finland, 1957–1972*, The Finnish Society of Sciences and Letters, Helsinki 2006, 142–171.

ние нескольких лет таким образом, что Советский Союз стал для Neste крупнейшим поставщиком сырой нефти. В то же время структура товарообмена между связанными странами стабилизировалась с участием Neste на три ближайших десятилетия вперед. СССР платил за финские импортируемые товары большей частью поставками Neste сырой нефти, цена которой на мировом рынке и объемы, потребляемые Финляндией, соответствовали экспорту в СССР товаров из областей кораблестроения, машиностроения, текстильной и пищевой промышленности.

Нефтяной кризис 1970-х годов не изменил общую картину. Советский Союз, конечно, воспользовался резким увеличением цен на нефть и попробовал запросить у западных соседей еще больших, чем прежде, поставок кораблей, техники, строительных проектов, одежды, обуви, а также сырья и продуктов питания. Двусторонняя торговля процветала. Финляндия была обеспечена поставками нефти, благодаря долгосрочным соглашениям, а финские компании, охваченные кризисом западных рынков, смогли накопить заказы на годы вперед.

В Финляндии данная система вызывала критику из-за слишком высоких цен на восточную нефть. Аналогичное недовольство испытывал СССР по отношению к финской промышленной продукции. Но выгоду извлекали обе страны. Долгосрочные серии восточного экспорта и хорошие экономические результаты, безусловно, способствовали уровню занятости финского населения и были выгодны для предприятий, вступивших в сотрудничество. Недостатком системы была структурная жесткость и недостаточная конкурентоспособность на международном рынке в связи с исключительной сосредоточенностью компаний на торговле с восточным регионом. Очевидно, что система также содействовала постепенному развитию коррупции со стороны бизнес-общества в отношениях с государственными структурами при принятии решений по заказам.²⁷

Статус и государственный характер товарообмена породили в Финляндии такие структуры политической власти, которые иначе вряд ли бы возникли. Долгое время занимавший пост президента Финляндии Урхо Кекконен играл ведущую роль в патронаже восточных отношений, поддерживая в то же время западную

²⁷ Kuisma, *Kylmä sota*, 97–105; P. Sutela, «Finnish trade with USSR: Why was it different?», *BOFIT Online* 7/2005; P. Sutela, «The folklore of Finland's Eastern Trade», *Europa-Asia Studies*, vol 59, 1/2007.

интеграцию. Он выступал как ключевая фигура, оказывающая влияние на шаги крупных бизнес-сообществ в рамках торговли с Востоком. За это время к Кекконену приблизилось несколько активных на восточном рынке руководителей компаний из области металлообрабатывающей и строительной промышленности. Было очевидно, что к формировавшемуся вокруг президента лагерю тяжелой промышленности относились наиболее важные крупные государственные предприятия во главе с нефтяной компанией Neste, которая за счет активного рынка нефтяного сырья являлась движущей силой товарообмена.

Многие строительные и машиностроительные компании, воодушевленные советским рынком, начали искать возможности экспортных проектов в других богатых нефтедолларами странах, в особенности на Ближнем Востоке. Никелевый комбинат в сибирском городе Норильске, а также предприятия бумажной промышленности, сконцентрированные в Светогорске, и карельская Костомукша, город железных рудников, были в 1970-е годы показателями финских ноу-хау, на которые, как полагали, будет спрос и в других странах.

Считалось, что дорогая нефть пробудила в лесной промышленности, работавшей в рамках конкуренции в западных промышленных кругах, жесткое противостояние государственному нефтеперерабатывающему заводу Neste. Тем не менее лесопромышленная борьба, развернувшаяся вокруг монополизировавшего нефтяной рынок Neste, не представляла угрозу ведущему положению национальной нефтяной компании ни в 1970-х, ни в начале 1980-х годов, в том числе потому, что предприятие выполняло роль основного инструмента президента Кекконена в восточной политике. Критика отражает укрепление в западных странах либерального направления, стремящегося к свободной конкуренции и избавления от государственного регулирования, длившегося более половины столетия.

Торговля с Востоком продолжалась, как и раньше, несмотря на критику. Тем не менее руководители крупных фирм, работавших с восточным рынком, опасались сложностей, связанных с уходом Кекконена (1981) и потому на пост следующего президента республики выдвинули бывшего помощника Кекконена, руководителя Банка Финляндии, Ахти Карьялайнена. Карьялайнен был опытным торговым политиком, который рождает уверенность, что заслужит доверие Москвы. Более широкой поддержки со стороны финнов Карьялайнен, тем не менее, не полу-

чил. Президентом был избран социал-демократ Мауно Койвисто, который продолжил восточную линию Кекконена, но на гораздо более низком уровне.²⁸

В итоге значительные изменения, поразившие торговый процесс, пришли не со стороны Финляндии. Решающим стало падение СССР и окончание холодной войны победой американско-европейского капитализма.

Особое положение Финляндии как торгового партнера Советского Союза начало разрушаться еще в 1980-х годах, более или менее в том же темпе, в каком продвигалась политика реформ Горбачева и снижались цены на нефть. Тот факт, что нефтяной кризис привел к избыточному предложению и снижению цен на нефть, был самой очевидной причиной проблем с торговым балансом и кризиса в финско-советской торговле. Инициатива к изменению ситуации поступила из Москвы: советские чиновники, занимавшиеся вопросами внешнего рынка, планировали выход из узкой клиринговой торговли в русло свободной торговли и рыночных отношений. Клиринговая система была реформирована в новом духе в 1988 году, а в следующем году было также подписано новое рамочное соглашение, основанное на клиринговой системе. И, тем не менее, уверенность в его будущем была вскоре потеряна. Система была закрыта в последующем году. А в следующем, 1991 году, СССР распался.²⁹

Двусторонняя торговля, порождение холодной войны, закончилась для Финляндии шоком. Неполная пятая часть экспорта и, вероятно, большая часть экспортного дохода исчезли за одну ночь без следа. Со стороны СССР на счетах клирингового рынка остался значительный долг, сроки выплаты которого оставались для Финляндии покрыты мраком (реализованы в 2006 году). Тотальное крушение восточного рынка частично ухудшило глубокий в Финляндии кризис 1990-х годов точно так же, как падение Российской империи в 1917 году привело к крушению основной части международного финского рынка и стало причиной глубокого кризиса в стране, а также резких структурных изменений.

²⁸ M. Kuisma, Suomen poliittinen taloushistoria, Siltala, Helsinki 2009, 218–222.

²⁹ P. Sutela (ed.), The Russian Economy in Crisis and Transition, Suomen Pankki, Sarja A 86, Helsinki 1993; S. Matala, Idänkaupan loppu — Suomen ja Neuvostoliiton välinen erityinen kauppasuhte ja Suomen kauppapolitiikan odotushorisontti sen purkautuessa 1988–1991, Helsingin yliopisto: poliittisen historian pro gradu-tutkielma, 2011.

Возвращение в мир рыночного капитализма

В государственном управлении Финляндии с опаской следили за усугубляющимися проблемами СССР. В экономических кругах многие еще в начале 1990-х годов верили и надеялись, что увядающий восточный рынок быстро восстановится. Возвращения, тем не менее, не произошло, и жизненный цикл политического творения закончился вместе с исчезновением СССР с карты мира.

Финляндия, окончательно убедившись в коллапсе гигантской державы, быстро отреагировала на изменившуюся ситуацию. Летом 1992 года, вскоре после падения Советского Союза, Финляндия подала заявку о предоставлении ей членства в Европейском экономическом сообществе, то есть двинулась по тропе западной интеграции, которая ввиду особых отношений с СССР была до этого момента частично заблокирована. В целом финская международная стратегия продвигалась быстрыми темпами. Членство в Европейском Союзе вступило в силу в 1995 году, одновременно со Швецией и Австрией.³⁰

Крушение СССР подорвало также последние связи с коммунизмом как с силой, противостоящей капитализму. Исторический мировой переворот в то же время ослабил все возможные формы поддержки политики государственного регулирования. Денежные рынки были либерализованы, международная торговля избавлена от барьеров, а регулирование прекращено в пользу конкуренции и свободной торговли во всем мире. Одним из результатов международной тенденции в Финляндии было освобождение импорта нефти и окончание монополии Neste. С исчезновением билатерального рыночного обмена больше не возникало необходимости в инструментах, которые следовало искать в структурах государственного управления, за счет которых непрерывность финского восточного рынка была обеспечена нефтяными закупками, сосредоточенными в руках государственного предприятия. В общей сложности, закупки сырой нефти компанией Neste в СССР покрывали большую часть финского восточного импорта, за счет чего финский восточный экспорт развивался быстрыми темпами.³¹

Нефтяной рынок между двумя странами не был, конечно, лишь политической структурой. В его основе лежали благоприятные

³⁰ T. Paavonen, *Vapaakauppaintegraation kausi. Suomen suhde Länsi-Euroopan integraatioon FINN-EFTAsta EC-vapaakauppaan*, SKS, Helsinki 2008.

³¹ Kaukiainen, *Foreign Trade*, 156–163.

экономико-географические причины. Они являлись показателями силы Финляндии и новой России в рамках рыночной торговли. Поставки сырой нефти в Финляндию (в том числе на НПЗ Neste) были сильным ядром этого рынка также и после 1990-х годов.

Экономическая география повлияла также и на следующие моменты: Санкт-Петербург снова занял место центральной метрополии по отношению к Финляндии, приграничный рынок сильно вырос особенно после выхода России из экономического кризиса 1998 года. Россия также вновь заняла место одного из крупнейших торговых партнеров Финляндии, став третьей (2011) экспортной точкой Финляндии, впереди оказались лишь Германия и Швеция с примерно одинаковой долей участия (9–13 %), и крупнейшим импортером Финляндии (18 %, в то время как у Германии 13 %, а у Швеции — 10 %). Структура экспорта изменилась с советских времен, и от кораблей, бумагоделательных машин, а также других инвестиционных активов ушла в сторону расходных материалов.

Долгий срок, в течение которого происходили изменения, был для Финляндии временем стабилизации внешнего рынка и смещения однонаправленности. Не существовало какой-то одной промышленной отрасли, которая составила бы львиную долю всего общего экспортного объема, как, например, это было в финской лесной промышленности до середины 1900-х годов. Также не было такого торгового партнера, участие которого в общем торговом обороте составило бы половину и более, как в случае с царской Россией, или даже четвертую часть, как в определенных моменты сотрудничества с СССР. С точки зрения Финляндии, существенным изменением по сравнению с царскими временами, а также с советской эпохой, стало сокращение политической драматичности и напряжения в торговых взаимоотношениях крупной державы и ее небольшой страны-соседки.

Авторизованный перевод с финского Елены Вешняковой

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ТОМА

Ви́хавайнен Тимо (Timo Vihavainen) — доктор философии, профессор по изучению России, Институт мировой культуры, Университет Хельсинки (Финляндия).

Вольке Ларс Эриксон (Lars Ericson Wolke) — доктор философии, профессор военной истории Шведского Колледжа национальной обороны (Стокгольм) и доцент Академии Або (Турку, Финляндия).

Дубровская Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доцент исторического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Куисма Маркку (Markku Kuisma) — доктор философии, профессор истории Финляндии и Северных стран, Университет Хельсинки (Финляндия).

Куяла Антти (Antti Kujala) — доктор философии, доцент истории Финляндии и России Университета Хельсинки (Финляндия).

Неземанн Франк (Frank Neseemann) — доктор истории (Гейдельбергский университет) (Шпейер, Германия).

Пааскоски Юрки (Jyrki Paaskoski) — доктор философии, доцент истории Финляндии и России Университета Хельсинки и Университета Восточной Финляндии (Финляндия).

Такала Ирина Рейевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Флинк Тойво (Toivo Flink) — доцент, исследователь, Институт миграции (Турку, Финляндия).

Швайцер Роберт (Robert Schweitzer) — доктор философии, бывший заместитель директора городской библиотеки в Любеке (Германия), научный директор Фонда Ауэ, Хельсинки (Финляндия).

РУССКИЙ СБОРНИК

Том XVII

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ

Ответственный составитель тома Антти Куяла (Хельсинки)
Перевод с финского, шведского, немецкого, английского

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 02.02.2015. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,0. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97